

Джон Кампфнер

СВОБОДА НА ПРОДАЖУ

Как мы разбогатели —
и лишились независимости

CoRpus

Маркс был неправ... "Опиум народа" — это не религия, а капитализм. Предоставьте людям возможность вволю делать покупки, и они забудут о свободе, равенстве и братстве, перестанут задумываться о том, кто и как ими правит.

THE SUNDAY TIMES

Джон Кампфнер
Свобода на продаж

John Kampfner

Freedom for sale

How we made money
and lost our liberty

Джон Кампфнер

Свобода на продажу

Как мы разбогатели —
и лишились независимости

Перевод с английского
Станислава Львовского

издательство **астрель**

УДК 327
ББК 66.4(©)

This edition is published by arrangement with *David Higham Associates Ltd.* and *Synopsis Literary Agency*

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Кампфнер, Дж.

К18 Свобода на продажу: как мы разбогатели — и лишились независимости / ДЖОН КАМПФНЕР; пер. с англ. СТАНИСЛАВА ЛЬВОВСКОГО. — М.: Астрель: CORPUS, 2012. — 414, [2] с.

ISBN 978-5-271-44693-1 (ООО “Издательство Астрель”)

“Демократия перед теми, кто к ней относится серьезно, ставит почти неразрешимые проблемы, а тем, кто ее ненавидит, открывает почти неограниченные возможности”, — отмечал Вацлав Гавел. Почему столь многие из нас готовы поступиться “громкими правами” в обмен на процветание и безопасность, часто иллюзорные? И возможен ли свободный рынок без демократии, а демократия — без свободы? Над этими и другими трудными вопросами предлагает задуматься известный английский журналист Джон Кампфнер, изучивший политический опыт Сингапура, Китая, России, Объединенных Арабских Эмиратов, Индии, Италии, Великобритании и США.

УДК 327
ББК 66.4(©)

ISBN 978-5-271-44693-1 (ООО “Издательство Астрель”)

- © John Kampfner, 2009
 - © С. Львовский, перевод на русский язык, 2012
 - © А. Бондаренко, оформление, 2012
 - © ООО “Издательство Астрель”, 2012
- Издательство CORPUS ®

Оглавление

<i>Введение</i>	9
Глава 1. Сингапур: удобная модель.....	27
Глава 2. Китай: осторожный игрок.....	63
Глава 3. Россия: рассерженный капиталист.....	117
Глава 4. Объединенные Арабские Эмираты: легкие деньги.....	166
Глава 5. Индия: густонаселенный вариант.....	199
Глава 6. Италия: театр одного актера.....	236
Глава 7. Великобритания: под колпаком.....	272
Глава 8. США: утраченные иллюзии.....	319
<i>Заключение. Народные приоритеты</i>	362
<i>Библиография</i>	374
<i>Слова признательности</i>	382
<i>Предметно-именной указатель</i>	386

Посвящается Констанс, Алексу и Люси

Введение

Почему так многие в мире готовы поступиться свободой в обмен на безопасность или преуспевание? Этим вопросом люди задаются на протяжении многих поколений — от Джона Стюарта Милля до Иеремии Бентама, от Зигмунда Фрейда до Франклина Рузвельта. Нам неизменно объявляют, что выбор здесь очевиден либо ложен. “Те, кто поступается свободой в обмен на толику преходящей безопасности, не заслуживает ни свободы, ни безопасности”, — писал Бенджамин Франклин в 1755 году.

Если бы все было так просто! Первая часть моей журналистской карьеры пришлось на 80-е годы, которые я провел в бывшем СССР и других странах, называемых диктатурами. Свобода самовыражения, свобода передвижения и свобода ассоциаций жестко ограничивались. Ограничения эти сказывались на всех аспектах человеческой жизни, различаясь, однако, от страны к стране, от режима к режиму. Недостаток свободы в частной жизни был так же очевиден, как и политически мотивированные ограничения, наложенные на прессу и политическую жизнь. Граждане не имели ни возможности,

ни права решать, где им жить, что им покупать, а в некоторых случаях не имели возможности даже выбирать, в какие отношения им вступать. Отличия от Запада, от демократий, вне зависимости от того, насколько последние были совершенны, просматривались очень четко.

Я был очевидцем падения Берлинской стены и распада СССР. Я помню вечер 25 декабря 1991 года, когда над Кремлем был спущен советский флаг и поднят триколор новой России. Я провел тот вечер в компании скульптора Льва Кербеля, лауреата и орденосца. Кербель родился в 1917 году, в день, когда произошла большевистская революция. Он сделал карьеру, создавая гигантские монументы Ленина и Маркса, установленные повсюду — от Праги до Пхеньяна. Впервые я встретил его осенью 1985 года, в момент торжественного открытия его последнего великого творения, созданного для москвичей — памятника Ленину из мрамора и гранита на Октябрьской площади. Его мастерская была уставлена Лениными и Марксами. Здесь же лежал Сталин, стояли итальянские коммунисты, башкирские поэты, композиторы, солдаты, колхозницы в косынках, символизирующие целеустремленную юность. Стена кухни Кербеля превратилась в книгу посетителей. Вернувшись туда много лет спустя, я увидел, что рядом с моим автографом Борис Ельцин оставил свой.

За чаем и коньяком мы смотрели в небольшой мерцающий экран: по телевизору шел репортаж об этой знаменательной декабрьской ночи, а Кербель вспоминал о системе ограничений, внутри которой существовали он и миллионы советских людей. Он боялся будущего, но в последующие месяцы сравнительно легко вписался в новый мир рынка. Он освоил науку заключения коммерческих контрактов и начал создавать скульптуры для нового поколения олигархов, ваяя

их самих либо их жен и любовниц. Его дочери начали работать на американском телевидении, а отдыхать он теперь ездил на Канарские острова.

Идеологическое противостояние, длившееся с эпохи Просвещения, окончилось. Битва между либерализмом и авторитаризмом, расколовшая Европу в XX столетии, была выиграна. Окончание холодной войны и крах коммунизма, согласно предсказанию Фрэнсиса Фукуямы, должны были привести к “концу истории” и к “универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления”. Доводы Фукуямы сложнее, чем об этом принято говорить, однако более чем на десятилетие дискуссии о демократии и демократизации оказались сведены к этой простой схеме. В течение этого периода считалось, что политическая и личная свобода, как и гражданские права, тесно связаны с демократией, а демократия, в свою очередь, со свободным рынком. Их соединение является условием не только взаимного процветания, но и просто функционирования.

“Победа” Запада в холодной войне, казалось, подтвердила превосходство его идеологической и бизнес-модели. Маргарет Тэтчер однажды пообещала: не важно, начнете вы с политической или экономической свободы, все равно рано или поздно вы получите и то, и другое. Тэтчер принадлежала к богатой традиции англосаксонской мысли, рассматривавшей свободные рынки и либеральную демократию как взаимодополняющие явления. Капитализм “совместим только с демократией”, писал американский христианский социолог-теоретик Майкл Новак в 1982 году в книге “Дух демократического капитализма”: “Хотя кажется, что побочные формы капитализма способны какое-то время обходиться без демократии, естественная логика капитализма приводит к демократии”. При коммунистической форме правления

ни Советский Союз, ни Китай, ни их союзники не представляли для Запада экономическую угрозу, — лишь идеологическую, пусть и серьезную. Предполагалось, что посткоммунистические Россия и Китай с радостью упадут в объятия Запада — и в политическом, и в экономическом смысле.

Число стран, воспринявших многопартийные выборы и другие аспекты демократии, уже начало увеличиваться. Ко времени так называемой “третьей волны” демократизации, начавшейся в 1974 году в Португалии, едва ли четверть государств мира отвечала минимальному требованию: обеспечить народу возможность на основе всеобщего избирательного права выбирать и менять руководителей в результате регулярных, свободных и честных выборов. В течение следующих двух десятилетий диктатуры уступили место свободно избранным правительствам в Южной Европе, Латинской Америке, а затем в Восточной Азии. Наконец, в начале 90-х годов, освободилась Восточная Европа. Демократия распространилась от Москвы до Претории. Этот сдвиг совпал со временем беспрецедентного военного, экономического и культурного превосходства США. Вполне возможно, этот тренд достиг своего пика в июне 2000 года в Варшаве, на первой конференции стран, звучно поименованных “Сообществом демократий”. По инициативе клинтоновской администрации такие разные государства, как Чили, Чехия, Индия, Мали, Португалия и Южная Корея, обязались “уважать и поддерживать базовые демократические принципы и практики”: свободные и честные выборы, свободу слова и выражения, равный доступ к образованию, верховенство права и свободу мирных собраний.

Представительная демократия быстро распространялась. К 2000 году 120 из 192 государств-членов ООН могли считаться демократическими. Впервые в истории демократиче-

ские страны составили большинство. Однако, как указывает писатель Пол Гинзбург, в тот самый момент, когда либеральная демократия оказалась доминирующим на планете политическим режимом, она вступила в фазу глубокого кризиса. По мнению Гинзбурга,

это не количественный кризис, совсем наоборот. Это скорее качественный кризис. Хотя формально выборная демократия с огромной скоростью распространялась по всему миру, в традиционных центрах демократии нарастало разочарование. Оно выражалось в различных формах — в снижении явки избирателей и политического участия (больше людей предпочитали входить в состав групп гражданского действия, например, в “Гринпис”, а не в традиционные партии), в потере доверия к демократическим институтам и к политическому классу в целом.

К 1994 году в словари вошло немецкое слово *Politikverdrossenheit*, означающее разочарование в политике. То же чувство нашло выражение и в других, более эффектных формах, — в частности, речь идет об антиглобалистских протестах в Сиэтле и Генуе. Характерно, что реакция элит на расширение пропасти между теми, кто правит, и теми, кем правят, оказалась довольно вялой. Политики произносили речи о дефиците демократии, но, казалось, их вполне устраивало положение вещей, обеспечивающее им номинальную конституционную легитимность или, как в случае избрания Джорджа У. Буша в 2000 году, — сомнительную юридическую легитимность.

В начале XXI века возникли новые, требующие немедленной реакции вызовы, — подъем Китая и возрождение России. Капитализм вышел за пределы Запада и с успехом

приспособился к решению новых задач. Он оказался весьма гибким средством достижения изобилия. Авторитарный капитализм превратился в серьезного соперника. Рынок был отделен от демократии. Более того, капитализм с готовностью восприняли те самые элиты, которые Запад считал поверженными. Глобализация, снятие ограничений на перемещение материальных ценностей и активов только усилило гордыню новых и старых капиталистов.

Террористические атаки 11 сентября 2001 года разрушили удобные конвенции о соотношении безопасности и свободы. Возрождающиеся автократии черпают силу из двух взаимосвязанных источников — из слабостей, присущих демократическим системам, и из действий западных правительств в войне против терроризма. Они пользуются несоответствием риторики администрации Буша, которой сопровождается “демократизация” по всему миру, бездарным действиям этой администрации. Здесь и манипуляция доказательствами, которая привела к иракской войне, и унижение узников “Абу-Грейб”, и систематическое применение пыток в секретных тюрьмах по всему свету, и незаконные рейсы “чрезвычайной выдачи”, и заключение сотен подозреваемых в терроризме в “экстерриториальной” тюрьме в Гуантанамо.

В этих условиях “морального вакуума” новые авторитарные правительства обеспечивают себе успех, заключая с населением пакт. Его условия различаются от страны к стране, но “рамочное соглашение” выглядит примерно

* Речь идет о практике ареста или захвата подозреваемых в терроризме с последующей их переправкой в ту или иную секретную тюрьму, находящуюся в третьей стране. Формально действие американского законодательства на такие тюрьмы не распространяется, что позволяет устанавливать в них жесткий режим содержания и использовать неприемлемые в США методы допроса. — *Прим. пер.*

одинаково. Репрессии избирательны и распространяются только на тех, кто открыто посягает на статус-кво. Людей, попадающих в эту категорию, в действительности немного: это журналисты, критикующие государство или публикующие информацию, которая выставляет сильных мира сего в невыгодном свете; адвокаты, защищающие этих подстрекателей; политики и прочие, которые выходят за рамки дозволенного и “создают проблемы”. Остальное население может наслаждаться свободой передвижения, жить более или менее в соответствии со своими желаниями, зарабатывать и тратить деньги. В этом заключается разница между гражданскими свободами и частными, “приватизированными”. Это предложение многим показалось привлекательным. В конце концов, много ли членов общества, ведущих обычную жизнь, хотят бросить вызов властным структурам? Если задуматься, мы довольно легко (легче, чем кажется) даем себя уговорить, что достаточно свободны.

В качестве модели описываемого явления можно рассматривать Сингапур — государство, в котором я родился и которое озадачивало меня. Я всегда удивлялся количеству граждан этой страны — много путешествующих, подолгу стажирующихся в западных университетах, — которые готовы защищать систему, требующую от них почти полностью отказаться от свободы выражения в обмен на очень высокий уровень жизни. Именно так выглядит Пакт, о котором шла речь выше. В каждой стране он другой, и граждане отказываются от различных свобод в зависимости от местных обычаев и приоритетов. Иногда это свобода прессы, иногда — право менять правительство в ходе выборов, где-то — независимость судопроизводства, еще где-то — возможность жить без слежки. Во многих случаях речь идет о тех или иных комбинациях перечисленного.

Ключевым фактором миропорядка последних двух десятилетий был союз политической элиты, бизнеса и среднего класса. Для таких обществ было значимым то, что число людей, получавших выгоду от указанных договоренностей, постепенно росло и что государство оставалось достаточно гибким, чтобы обеспечивать потребности этих людей. Потребности эти вкратце таковы: права собственности, свобода договора, защита окружающей среды, свобода выбирать образ жизни, свобода передвижения, право зарабатывать деньги и оставлять их себе. Люди, важные для этой системы договоренностей — богатые и богатеющие, — должны были быть защищены от государственного произвола. Однако можно ли обеспечить такую защиту без инструментария традиционной демократии, например без свободных выборов и свободных СМИ? С такой головоломкой столкнулись капиталисты в условиях авторитарных режимов.

Наиболее очевидными примерами оказались страны вроде Китая и России, критическая масса населения которых (возможно, и меньшинство, но значительное) верила в то, что избыток свобод может повредить экономическому росту, политической стабильности или социальной гармонии. Государство, если ему хватало ума, обеспечивало ограниченные, но заметные зоны свободы (скажем, искусство или газеты, выходящие небольшим тиражом), одновременно контролируя массовую аудиторию. Его основной задачей оказалось включение в систему заинтересованных групп, в основном бизнеса, национального и международного. Вспоминая опыт своего пребывания на посту губернатора Гонконга, Крис Паттен отмечает, что наиболее настойчиво его попытки привнести элементы демократии в колонию перед ее передачей Китаю

критиковали региональные руководители американских и британских компаний. “Зачем раскачивать лодку?” — спрашивали они.

Я помню голоса противников расширения демократии в России — они говорили почти то же. Я потерял счет западным банкирам, и не только банкирам, презрительно реагировавшим на демократические реформы 90-х годов. С какой стати, интересовались они, нужно рисковать потенциально прибыльными контрактами ради эксперимента, никак не соотносящегося с прошлым России?

Западный бизнес нашел общий язык с новым поколением партнеров в России и Китае, получивших западное образование. Многие утверждали, что авторитарный режим, будучи стабильным, обеспечивает условия для обогащения. Корпоративная элита поддерживала политическую элиту. Таким, в частности, был Пакт, заключенный Дэн Сяопином с пост-тяньаньмэньским поколением. Обсуждение политической реформы в 80-х годах сделало правящую Коммунистическую партию более доступной для критики и подотчетной, не “дестабилизировав” при этом политическую структуру, обеспечившую три десятилетия интенсивного экономического роста.

Пакт был заключен не только в государствах с переходной экономикой. Эта практика распространилась и в так называемых демократических странах. Мы все его заключили. И он все еще действует. Каждый из нас выбирает свободы, которыми готов поступиться. Граждане в обеих системах вступили в сговор, но на Западе — в наивысшей степени. Они имели возможность требовать большего от своих правительств, требовать изменения баланса свободы, безопасности и благополучия, но, пока дела шли хорошо, они предпочитали этого не делать.

Ситуация изменилась в 2008 году, когда завершился многолетний период устойчивого роста. Крах банков не только привел к экономическому кризису. Он поставил под вопрос будущее правительств, легитимность которых проистекала из способности обеспечить благосостояние своих народов. Хотя до разрыва Пакта было еще далеко, глобальный финансовый крах расширил его рамки. Западные страны, ранее отвергавшие идею государства как привилегированного субъекта экономики, были вынуждены к этой идее вернуться. В отсутствие безопасности, когда государство время от времени вмешивается там, где считает необходимым, возникли благоприятные условия для распространения контроля с экономики на другие аспекты повседневной жизни. Настойчивые требования обеспечить безопасность, зазвучавшие после террористических атак 2001 года, послужили предлогом для “чрезвычайщины”.

Эта книга — не о тираниях, в которых правят страх и насилие, в которых дети и родители доносят друг на друга, государство является однозначным злом, а об общественном согласии и говорить не приходится. Эта книга — не о Зимбабве, Северной Корее или Мьянме. В этих странах не существует Пакта между правительством и народом, а есть только инстинкт выживания. Я не рассматриваю подробно и страны с особыми условиями — Израиль, Венесуэлу при Чавесе, ЮАР после апартеида.

Вместо этого в ходе своего годичного путешествия я сосредоточился на странах, которые, независимо от политического режима, приняли условия глобализации. В итоге их приоритеты начали складываться в цельную картину. Я беседовал с интеллектуалами, журналистами, юристами, деятелями культуры, политиками и простыми людьми, с ко-

торыми случайно сталкивался. Я задавал им один и тот же вопрос, сформулированный в начале этого раздела: почему оказалось так легко поступиться свободой в обмен на безопасность и процветание?

Я начинаю свой рассказ с Сингапура, со знаменитого социально-экономического эксперимента Ли Гуанъяо (Ли Куан Ю). Сингапур нередко воспринимается как одномерный потребительский рай. Отчасти он, возможно, им и является, однако это вызывает фундаментальные вопросы о наших приоритетах. Только что получивший независимость от Великобритании Сингапур имел такой же показатель ВВП на душу населения, как Гана. За последние сорок лет он превратился в один из самых известных примеров экономического чуда, стал островом стабильности в неустойчивом регионе. Я наблюдаю за злобной практикой диффамации, преследования сингапурскими властями местных жителей и иностранцев даже за незначительную критику. Я оцениваю избирательную систему, где избирательные округа произвольно перекраиваются, а оппозиционеров регулярно сажают в тюрьму. Тем не менее достижения Сингапура поразительны. Ранее враждовавшие между собой этнические группы (китайцы, составляющие большинство, а также малайцы и индийцы) живут в относительном согласии. Благодаря замечательным программам в области социального жилья и других общественных услуг население живет в хороших условиях. Опорой государства является средний класс, который, за небольшими исключениями, неплохо чувствует себя в рамках Пакта, согласно которому

частная жизнь людей ничем не ограничена, если, разумеется, они не вмешиваются в жизнь общественную.

В Китае период владычества иностранцев, официально называемый “веком унижения”, сменился маоистской эрой единообразия и изоляции. Последние 30 лет отмечены заметным прогрессом, причем прогресс идет в рамках системы, интерпретирующей теорию демократии в соответствии с собственными нуждами. Коррупция, нарушения прав человека и деградация окружающей среды оказались спутниками однопартийной системы, способность которой удерживаться у власти зависит от экономического роста. Тем не менее во время своих поездок я обратил внимание на то, что условия Пакта не такие уж жесткие. Свобода слова, формально ограниченная в Китае (особенно это касается интернета), все же процветает, пусть и в частных беседах. Правительство пытается контролировать ее с помощью техники, передовых манипулятивных пиар-технологий и грубой силы. Однако представители среднего класса не заинтересованы в предоставлении права голоса сотням миллионов более бедных людей с другими политическими приоритетами. Отсутствие демократии, по крайней мере в данный момент, является частью сделки. Правительство знает, что залог его успеха — это обеспечение комфортной частной жизни.

Далее я перехожу к России, где регулярно бывал 30 лет. Я рассказываю о людях, с которыми познакомился еще в те времена, когда “достать” что-либо было важнее, чем “купить”, и когда выезжать за границу разрешалось только в составе официальных групп. Эти мои друзья с радостью приветствовали провал путча 1991 года и крушение авторитаризма. Они открыли для себя новые свободы и пользовались ими, покуда Борис Ельцин не консолидировал власть путем электоральных манипуляций с молчаливого одобрения Запада.

Демократия стала ассоциироваться с хаосом и коррупцией. Восхождение Владимира Путина в 2000 году совпало с реалиями времени: ужесточение мер безопасности сопровождалось ростом благосостояния благодаря мировым ценам на нефть и газ. По мере того как Россия богатела и приобретала уверенность в себе, мои друзья полюбили высказывание: для “новых русских” имеют значение только три вещи — клуб “Челси”, Куршавель и “Картье”. В то время как отважные журналисты и правозащитники продолжали задавать властям неудобные вопросы, подавляющее большинство россиян приняло условия Пакта. Эти завсегдатаи модных курортов продолжали бояться, что могут в любой момент лишиться богатства, и поэтому переводили свои деньги за рубеж. При этом они пользовались личными свободами, оставив силовикам — вставшим у руля государства выходцам из спецслужб — дела управления.

В следующей главе я рассматриваю наиболее любопытный символ Всемирного Пакта — Объединенные Арабские Эмираты, в частности бесстыдный аляповатый Дубай и более сдержанный Абу-Даби. Поговорка, популярная у финансистов во времена промышленного подъема, гласила: “Шанхай, Мумбаи, Дубай или *дубай*”. Всем, от молодых британских биржевых маклеров до российских “братков” и знаменитостей второго эшелона, шейхи предлагали надежные материальные блага в диапазоне от имущественных сделок до необлагаемых налогами зарплат, лишь бы гости не создавали проблем. В Дубае правительство было даже более гостеприимным. Оно не настаивало на соблюдении иностранцами религиозных запретов и позволяло им жить так, как те привыкли, преследуя за сексуальные скандалы и пьяные выходки только в крайних случаях. Повсюду монументами вульгарному шику вырастали отели и жилые кварталы, один

роскошнее другого. Шейхи полагали, что их модель устойчива к западному экономическому кризису. Однако основным его удар пришелся, в частности, на Дубай. Что станет с Пактом, построенным исключительно на деньгах?

Вторая часть книги посвящена странам, которые декларируют свою приверженность демократии. Я начинаю с Индии, которая гордится тем, что является самой населенной страной с многопартийной системой. Когда китайская экономика устремилась вперед, некоторые группы индийской корпоративной элиты задумались, не является ли имеющаяся форма правления препятствием для процветания. Индийские богачи предложили собственный вариант Пакта: они обеспечат себе основные услуги, которые государство не может предоставить, а взамен потребуют не мешать зарабатывать и удерживать бедняков подальше от их дверей. На это соглашение в меньшей степени повлиял глобальный экономический кризис и в большей — теракты в Мумбаи в ноябре 2008 года. Впервые состоятельные классы были в массе своей встревожены насилием, которым Индия в целом поражена уже давно. Богачи потребовали у государства защиты.

Почему из всех стран мира я выбрал Италию? Дело, конечно, не в ее геополитическом значении, а в том, что она является примером фиктивной демократии. В отношении институтов Италия провалилась по всем пунктам. Изучение состояния парламента, СМИ и судебной системы показывает, что их независимость и авторитет разрушены. Коррупция процветает. И тем не менее избиратели трижды проголосовали за Сильвио Берлускони, известного своими финансовыми нарушениями, симпатией к авторитарическим лидерам вроде Путина и вульгарностью. Он переиграл оппонентов с непревзойденной легкостью. Он добивается расширения

своих полномочий. Легко отправить в отставку фигляра Берлускони. Но то, что он до сих пор популярен у множества итальянцев, демонстрирует, как далеко отодвинута граница, до которой фиктивные демократии могут разрастаться и даже попадать в зависимость от таких же проявлений политического произвола, за которые критикуют авторитарные государства.

В 1997 году приход к власти в Великобритании левоцентристского правительства, гордившегося своей приверженностью защите свобод, казался вдохновляющим. Тем не менее за десять лет Великобритания довольно далеко продвинулась по пути ликвидации этих свобод. Сейчас страна находится на пятом месте в мире по числу камер слежения. В Великобритании действует несколько наиболее жестких законов о клевете, а недавно под предлогом борьбы с терроризмом был принят закон, позволяющий арестовать любого, кто фотографирует полицейских или солдат. Правительство, которое добивается одного из самых длинных сроков предварительного заключения для подозреваемых в терроризме, гордится своими авторитарными достижениями, утверждая, что общество в целом их хорошо принимает. Во многих случаях это так и есть, особенно если не присматриваться. Передо мной правительство, которое спутало благую роль государства в формировании более устойчивого и справедливого общества с пагубной ролью государства, добивающегося подавления общественных свобод. Я очень хочу понять, как получилось, что британское общество проявило готовность к уступкам по части этих свобод, — пока не станет слишком поздно.

Моя последняя цель — Соединенные Штаты, где Пакт принял наиболее осязаемую форму. В главе описывается,

как события 11 сентября, иракская война и злоупотребления в ходе “войны с терроризмом” повлияли на американское общество и мир. Неоконсервативная миссия Буша была основана на смеси гордыни и разочарования. Элиминация Саддама Хусейна должна была стать катализатором свержения диктаторов на Ближнем и Среднем Востоке и за их пределами. Этого не произошло — не только из-за двойных стандартов, но и ввиду серьезной неразберихи с “содействием распространению демократии”. Было ли установление демократии самоцелью? Или же демократия была средством достижения некоей цели? Следует ли [Западу] настаивать на проведении многопартийных выборов в странах, в которых они могут породить режимы, враждебные Западу и либеральной демократии, либо привести к межэтнической вражде или политической нестабильности? Внутри страны Буш был за ужесточение мер безопасности, которое редко оспаривалось политическим мейнстримом или обществом. Американские СМИ задрали лапки, продемонстрировав свою неспособность предоставлять обществу информацию по множеству важных тем.

В какой степени приход Барака Обамы может обратить вспять процесс разрушения демократии в стране и потерю Америкой доверия по части приверженности демократии за рубежом? Конечно, обстоятельства его победы на выборах во многом обеспечили американской конституционной демократии необходимое упрочение легитимности. Однако надежды на перезагрузку оказались несостоятельными из-за сокрушительного спада в США и на мировых финансовых рынках. Жестокая ирония заключалась в том, что новая администрация, на которую многие в мире возлагали надежды, присту-

пила к работе именно тогда, когда американская мощь была подорвана.

Освальд Шпенглер предсказал, что “эра индивидуализма, либерализма и демократии, гуманности и свободы приближается к концу”. “Закат Европы” был написан примерно 90 лет тому назад, под впечатлением от потрясения, вызванного Первой мировой войной, от унижений Версальского договора и начала Великой депрессии. “Массы, — писал Шпенглер, — с покорностью примут победу Цезарей, сильных людей, и будут повиноваться им”. Сейчас, когда мировые рынки снова падают, а старые каноны разрушены, тревожит ли нас вновь призрак шпенглеровского пророчества? На этот раз проблема труднее различима и более сложна: мир не разделен между ожесточенно соперничающими системами. Двадцать лет в рамках “Вашингтонского консенсуса” проповедовалось соединение поддерживающих друг друга кредо: свободного рынка и либеральной демократии. Подъем авторитарного капитализма разрушил эту связь. Затем, в середине 2007 года, оказалось, что крах англосаксонской неолиберальной экономической школы стал причиной кризиса не только экономики, но и политической системы Запада.

События последнего десятилетия, несомненно, опровергли утверждение о том, что обогащение страны или рост среднего класса дает импульс расширению свободы. Предположения Мура^{*} о том, что “нет буржуазии, нет и демокра-

* Мур, Баррингтон (1913-2005) — американский социолог и политолог, автор знаменитого труда “Социальное происхождение диктатуры и демократии” (1966). — *Прим. пер.*

тии”, безусловно, были опровергнуты последними 20 годами погони за материальным благополучием. За эти годы люди во всех странах нашли способ комфортно жить, перестав одновременно быть участниками политического процесса. Консюмеризм оказался прекрасной мозговой “заморозкой”. Но что происходит, когда богатство тает, а “заморозка” перестает действовать?

Совершенные мною открытия неприятны. Однако всегда полезнее понимать, чем осуждать. Инстинкт политика состоял и состоит в том, чтобы добиться власти и удержать ее, честными или бесчестными средствами. Менее понятно, почему так многие в авторитарных и демократических странах сдаются и почему лишь немногие задаются вопросом о причинах этого. При каком бы режиме мы ни жили, наши приоритеты схожи в большей степени, чем мы готовы признать.

Глава 1

Сингапур: удобная модель

Свободу делает возможной понимание того,
где лежат ее границы.

ЧУА БЭНХУА

— Просто Сингапур — это самое успешное в истории человечества общество.

Я чешу в затылке и делаю большой глоток холодной воды. Я сижу в кабинете профессора Кишора Мабубани, одного из самых известных публичных интеллектуалов Сингапура. Он путешествует по миру, объясняя сомневающимся, что страны могут быть гармоничными и преуспевающими и без западной либеральной демократии. Мабубани, декан Школы публичной политики им. Ли Гуанъяо при Национальном университете — как раз тот человек, которого имеет смысл посетить в целях замера политической температуры. Он принимает посетителей со всего мира. Передо мной прошла китайская делегация. После меня придет посол Швейцарии. Все они хотят раскрыть секрет успеха островного государства, являющего собою

одновременно экономическое чудо и испытательный полигон социальных реформ.

Я поражаюсь самоуверенности хозяина кабинета, однако опасаясь попасть в ловушку “западной ментальности” (этот термин используется для “нейтрализации” критиков-иностранцев). Для меня это больше, чем праздное любопытство. Я родился в Сингапуре. И хотя я уехал отсюда молодым, мои родители прожили в этом городе-государстве пятнадцать лет. Каждый раз, приезжая сюда, я покупаю новую карту: сносятся целые улицы, уступая место еще более высоким монументам деньгам и очередной версии прогресса. Тоска по прошлому — один из немногих видов роскоши, которую здешние жители не могут себе позволить. Я поддерживаю связь с сыновьями и дочерьми некоторых друзей моих родителей. Некоторые из них индийцы, другие — малайцы, большинство — китайцы. Это состоявшиеся врачи, адвокаты, финансисты, музыканты. Они уехали учиться в Великобританию, США, Австралию, и большинство их вернулось сюда. Они относятся к сверкающему сингапурскому аэропорту Чанги как к автобусной остановке и, не особенно задумываясь, “вскакивают на подножку” отправляющихся рейсов или “соскакивают с подножки” прибывающих. В повседневной жизни они могут делать что захотят. Они пользуются личной свободой, но свободу слова и политическую активность оставляют для зарубежных поездок. Помню, как студентом ходил в Лондоне на демонстрацию с несколькими друзьями. Дома они закрывали рот на замок. Они говорили, что можно либо свалить, либо принять все как есть. У них был выбор.

Термин “Пакт”, собственно, и был предложен для Сингапура. Это государство обеспечивает один из самых высоких в мире ВВП на душу населения, сопоставимый с показа-

телями наиболее развитых стран Запада. Граждане, в свою очередь, стараются не доставлять ему неприятностей. Город-государство превратился в памятник обогащению. Он одновременно соблазняет и тревожит. Все замечательно работает. Богатые исключительно богаты. Бедные исключительно благополучны. Сингапурский эксперимент проводился Ли Гуанъяо, бессменным на протяжении 30 лет премьер-министром, который до сих пор формально остается высшим руководителем государства. Несмотря на то, что Ли был центральной фигурой, сингапурский Пакт обязан своим существованием не одному человеку. Для этого потребовалось добровольное содействие большинства — и оно было оказано.

Когда видишь очертания Сингапура, сверкающие офисные здания, изумительные больницы и эффективные программы строительства социального жилья, легко забыть о том, что все могло сложиться совсем иначе. Когда Стэмфорд Раффлз, британский коммерсант, искавший место для нового опорного пункта Ост-Индской компании на маршруте торговли пряностями, в 1819 году основал Сингапур, здесь был захолустный болотистый остров, населенный немногочисленными рыбаками. По мере того как свободный порт Сингапур развивался, туда начали перебираться со всего региона купцы, привозившие с собой кули. За первые пять лет в Сингапур приехало около 10 тысяч человек, и он стал “плавильным котлом” для китайцев, малайцев, индийцев, армян, европейцев и вообще всех, кто хотел делать деньги. Британское правление завершилось в 1942 году, когда остров оккупировали японцы. В следующие три года около 50 тысяч китайцев было убито в ходе операций под лозунгом “очищение через чистку”.

Опыт японской оккупации, во время которой молодой Ли работал служащим, сильно повлиял на него, как и на других представителей его поколения. После войны он поехал в Кембридж изучать право. Здесь он получил лицензию на занятия юридической практикой. Во время пребывания в Англии Ли серьезно увлекся антиколониальной политикой и фабианским социализмом* Лейбористской партии. Он изучал фабианские теории об организующей и обслуживающей роли государства. Он поверил в “обобществление” земли. После своего возвращения в 1949 году в Сингапур Ли принял участие в деятельности нарождающихся движений за независимость, охвативших Юго-Восточную Азию. В Малайе** антиколониальная борьба приняла форму вооруженного сопротивления. Британцы объявили чрезвычайное положение и следующие 12 лет были вынуждены вести войну в джунглях. Ли, хоть и считал себя левым, полагал, что большего можно добиться переговорами. В 1954 году он основал Партию народного действия (ПНД), платформа которой сочетала в себе элементы демократического социализма и национализма.

Тремя годами позднее Сингапур добился от Великобритании полного самоуправления, и в 1959 году Ли стал первым премьер-министром страны. В 1963 году Сингапур присоединился к Малайской Федерации, чтобы обеспечить себе безопасность и справиться с экономическими трудностями. Однако этот союз практически сразу же оказался

* Левое философско-экономическое течение, появившееся в Великобритании в конце XIX века. Фабианцы пропагандировали переход к социалистическому способу производства, но категорически отвергали революцию, полагая, что переход этот должен совершиться эволюционным путем, в результате постепенных институциональных реформ. — *Прим. пер.*

** Имеется в виду Британская Малайя, в состав которой в то время входил на правах штата Сингапур. — *Прим. пер.*

под угрозой из-за идеологических разногласий и этнической напряженности. Год спустя 23 человека были убиты, сотни ранены во время беспорядков на почве межрасовой ненависти. Ли поспешно вывел свой крошечный город-государство из состава федерации и пошел собственным путем. Задача перед ним стояла не из легких. Обладающий минимумом ресурсов, находящийся в центре нестабильного региона Сингапур столкнулся с острой безработицей, дефицитом жилья, с потенциальной угрозой межобщинных столкновений даже более существенных, чем в предыдущий период. Один журнал в это время описывал город как “убогую деградирующую клоаку”. Большинство сингапурцев жило в кампонгах (по-малайски — деревня), в деревянных хижинах. Страна не имела никаких преимуществ, кроме географического расположения порта и предприимчивости населения.

Ли добивался образования новой нации как географической и культурной общности. В то время как его соседи по Юго-Восточной Азии бросались из одной крайности в другую, то устанавливая диктатуру, то заигрывая с демократией (и не добиваясь успеха ни там, ни здесь), Ли создавал нечто среднее. Он считал ключом к успеху восстановление страны за государственный счет и предлагал законопроекты, согласно которым большие участки земли реквизировались под социальное жилье и другие инфраструктурные проекты — дороги, школы, больницы. В момент получения независимости более половины работающих не имело образования. К 1990 году две трети имели законченное среднее образование. В 1965–1995 годах экономика ежегодно росла на заметные 9 %, то есть в три раза быстрее, чем экономика США. Доход на душу населения рос в среднем на 7 % в год, удваиваясь примерно каждые десять лет. Валовой

национальный доход вырос с 1 миллиарда до 86 миллиардов долларов. Открытие новых школ и колледжей быстро принесло удивительные плоды. Система здравоохранения стала предметом зависти азиатских соседей. Ли нравилось называть свою маленькую страну “оазисом ‘первого мира’ в регионе ‘третьего мира’”.

В течение полувека Ли вручную управлял государством, вникая во все мельчайшие детали. Он лично проверял пригодность претендентов на брак с правительственными служащими (обычно на основе коэффициента интеллекта) и определял, сколько детей у них должно быть. С помощью пропагандистских кампаний он призывал граждан вести себя в соответствии с введенными им ограничениями. Были подготовлены инструкции по всем вопросам, от гигиены до этикета. В 70-х годах кампания “Остановитесь на двоих”, нацеленная на снижение рождаемости, оказалась настолько успешной, что вслед за ней пришлось начать кампанию “Заводите трех и больше, если можете себе позволить”.

Мне довелось пожить во многих диктаторских странах или посещать их. Я заглядывал под стол (нет ли там подслушивающего устройства?) и предполагал, что вон тот мужчина в зеркальных темных очках на углу улицы следит за мной. В Сингапуре надзор менее очевиден, но это система, в которой люди редко задумываются о необходимости что-нибудь изменить. Легко понять почему: три четверти работающих не платят подоходный налог. Вообще никто не платит налог выше 20 %. Иностранные компании продолжают приходить на местный рынок, из-за чего спрос на недвижимость так высок, что многие люди соглашаются на снос своих домов, чтобы получить квартиры в более высоком здании, что построят на месте старого, и получить прибыль. От старого Сингапура почти ничего не осталось.

Последняя деревня, Буанкок, — 28 домов на дальнем севере острова — находится в процессе поглощения.

Ничто не должно мешать обогащению (это главный долг патриота). Шопинг стал основным занятием нации. Каждый раз, когда я брожу по Орчард-роуд, главной торговой улице, я вижу счастливых покупателей и счастливых едоков. Сингапур — рай для гурманов, в котором кулинарные изыски, сплав национальных кухонь, соседствуют с уличными лотками, предлагающими простую, но высококачественную еду. Как-то за одну неделю я оценил сычуаньскую кухню, различные варианты японской, южноиндийскую (я ел руками, с бананового листа) и североиндийскую. Я захожу в фудкорты (дешево и сердито). Меня приглашают на официальные “британские” встречи (в Сингапурском крикетном клубе, разумеется). Я нахожу здесь даже немецкие сосиски и запиваю их рислингом. А еще есть теннисные клубы, бассейны и питейные заведения в искусственных “развлекательных зонах” Кларк-Ки и Робинсон-Ки. Но люди, особенно по видавшие мир, так просто на это не купятся, правда?

Чтобы узнать другой Сингапур, не такой благополучный, нужно посетить любой из многоэтажных жилых кварталов Совета по жилищному строительству и развитию. С 60-х годов более 90 % населения переселилось в безупречно чистые квартиры в построенных правительством жилых массивах. Совету по жилищному строительству и развитию были предоставлены широкие полномочия по принудительному выкупу жилья и расселению. Одной из его задач было дробление этнически однородных общин китайцев, малайцев и индийцев. В дивном новом мире этнический состав жильцов каждого дома должен был отражать состав населения страны. Людей различных национальностей научили пользоваться одними и теми же лестничными клетками, общественны-

ми центрами, плавательными бассейнами и автобусными остановками. Учитывая межобщинные раздоры 60-х годов, принуждение к гармонии привело к поистине выдающимся результатам. Различия между общинами просто запретили.

Законодателю есть дело до всего. Граждане получают приоритет, если ищут жилье в радиусе одной мили от места жительства родителей: это облегчает уход за престарелыми. Люди могут делать покупки на первичном рынке по ценам ниже рыночных и с легкостью получать беспроцентный кредит, — но только если они женаты. Купленную квартиру нельзя продать в течение десяти лет, чтобы исключить возможность спекуляции. После этого ее можно продать по рыночной цене кому угодно. Жилой комплекс Тоа-Пайох — второй старейший эксперимент. С высоты 40 этажей я любуюсь панорамой города: небоскребы повсюду, куда хватает взгляд. У лифта в одном из зданий (никаких граффити и запаха мочи) я замечаю доску объявлений. Одно из них напоминает жильцам, что они могут присоединиться к организованной групповой прогулке в ближнем китайском садике. Второе извещает о конкурсе певчих птиц (их разведение настолько популярно, что местный житель может потратить на птиц свое месячное жалование). Еще одно — уведомление для “волонтеров”, участников системы наблюдения за соседями, поощряющей разоблачение антисоциального поведения. Комплекс гордится превосходными спортивными сооружениями, включающими стадион, спортзал и лучший в стране плавательный бассейн, где проходят национальные соревнования.

В вестибюле я вижу группу пожилых мужчин — китайцев, малайцев и индийцев, с азартом играющих в шашки. Сейчас пятница, близится вечер, и, я подозреваю, они уже выпили по паре стаканчиков виски. Они приглашают

меня присоединиться к ним. Мы болтаем. Я силюсь разобрать их синглиш (удивительную смесь английского языка с китайским), на котором чаще всего говорят в Сингапуре. Я расспрашиваю их о жизни, о мечтах. Они говорят, что жаловаться не на что. Из-за мирового кризиса экономическая ситуация уже не та, но это дело поправимое. В любом случае они предпочли бы жить здесь, а не в любой другой точке Азии. Осмысленных социологических опросов здесь не проводят. Люди доверяют только своим друзьям. Поэтому очень трудно определить, следят ли люди за словами, зная, что из-за критики у них будут проблемы, или они и вправду всем довольны. Я подозреваю, что в данном случае справедливы оба допущения.

Чем дольше Ли оставался на своем посту, тем больше он убеждался в том, что нашел азиатскую модель прогресса. Считая открытую критику помехой с первых дней своего правления, он поставил СМИ под контроль двух госкомпаний: “Сингапур пресс холдингс” управляет газетами, а “Медиакорп” руководит ТВ и радио. Выборы происходят каждые пять лет, и оппозиционные партии теоретически могут в них участвовать. Однако любой политик или журналист, который сделает спорное заявление о властях предрежащих, может быть арестован и обвинен в клевете. Когда такой человек потратит все деньги на судебные издержки и штрафы, его объявят банкротом и могут посадить в тюрьму.

Даже минимальные демократические процедуры были “модифицированы” в интересах партии Ли. Округа, в которых значительная часть избирателей голосует за оппозиционных кандидатов, к следующим выборам обычно прекраивают так, чтобы они относились к уже занятым местам в парламенте. Когда избиратели отдают голоса за “неправильного” кандидата, им различными способами напоминают

о том, что они совершили ошибку. Неподалеку от лояльного Тоа-Пайох расположен район Потонг-Пасир, где не работает станция метро (случай необычайный). Станция существует, но ее не открывают по “техническим причинам”. Впрочем, настоящая причина жителям известна: район давно голосует за оппозицию в однопартийном по преимуществу Сингапуре, а инакомыслие здесь не поощряется. Бывший член Демократической партии Чжань Шичжун представлял этот округ с 1984 года, победив кандидатов от ПНД на шести выборах подряд. Никакие приманки или угрозы не удержали местных избирателей от того, чтобы подразнить власть имущих. По понятным соображениям местные жители неохотно сообщают о причинах своей поддержки Чжаня, но представляется, что это в основном вопрос давней лояльности. Чем сильнее правительство пытается (то кнутом, то пряником) заставить их изменить свое отношение к Чжаню, тем сильнее они упорствуют. Этот небольшой эпизод сводит на нет все претензии Сингапура на то, чтобы называться демократией. То есть демократии как правило нет, но изредка она есть.

Партия народного действия находится у власти с 1959 года. В настоящее время она занимает 82 из 84 мест в парламенте, несмотря на то, что на последних выборах, прошедших в мае 2006 года, она получила всего 67 % голосов*. Другими словами, представительная демократия не должна казаться высокообразованному электорату недостижимой. Голосуя за оппозицию, люди выражают свое недовольство. Правда, они сознают, что голосование совершенно ничего

* На выборах 7 мая 2011 года Партия народного действия получила 81 из 87 депутатских мандатов, набрав 60,14 % голосов (это самый низкий ее результат с момента обретения Сингапуром независимости). Оставшиеся места в парламенте заняли представители Рабочей партии. — *Прим. ред.*

не изменит, и их, кажется, это не очень беспокоит. Все ли изображают гражданскую активность ради демократии?

Те, кто фактически представляет оппозицию, знают, что с ними случится. Си Шуньцюаня и Дж. Б. Джеяретнама преследовали годами. Джеяретнам стал первым оппозиционным членом парламента от Рабочей партии и пробыл им два пятилетних срока. Каждый раз его обвиняли во множестве нарушений, от клеветы до нецелевого использования фондов. После своей второй победы в 1997 году Джеяретнаму пришлось 11 раз участвовать в тяжбах по обвинению в диффамации (это в конце концов довело его до банкротства). В последние годы жизни он, некогда состоятельный, яркий, высокого уровня юрист, стал торговать своими книгами о сингапурской политике на перекрестках или у метро: ни один книжный магазин не взял бы их. Он говорил, что потерял счет искам о клевете. Джеяретнам умер в сентябре 2008 года в возрасте 92 лет. Правительство прислало семье вежливое сухое соболезнование. В блогосфере прозвучало несколько сочувственных оценок его деятельности. Все прочие быстро перешли к следующим пунктам повестки. В мировых СМИ это событие было едва упомянуто. Несмотря на все свои усилия, сингапурская оппозиция была практически полностью проигнорирована западными правительствами. Они предпочитают обвинять китайцев или русских за то, как они обращаются с критиками режима, но в Сингапуре слишком много денег, чтобы беспокоиться о таких вещах.

Узником совести, отбывшим самый большой срок, был Се Тайбао. Он провел в тюрьме почти 23 года. Таким образом его срок заключения — второй по длительности после Нельсона Манделы. Се, прозванный “кротким революционером”, был арестован в 1966 году в соответствии с законом

“О внутренней безопасности” и провел почти два десятилетия в одиночном заключении, без предъявления обвинений. Большую часть этого времени правительство не давало объяснений по поводу его заточения, но в конце концов обвинило его в призывах к насильственному свержению власти. После своего освобождения в 1989 году Се был отправлен в ссылку на остров Сентоса — популярное место отдыха и развлечений к югу от Сингапура. Закон “О внутренней безопасности”, который дает спецслужбам право производить аресты без ордера, — один из репрессивных законов, унаследованных Сингапуром от британцев. Другие были разработаны позднее. Все они носят колоритные названия в оруэлловском духе. Уголовный кодекс позволяет заключать в тюрьму диссидентов, закон “О нежелательных публикациях” направлен против свободы слова, а закон “Об общественных зрелищах и митингах” запрещает несанкционированные собрания, в которых участвует более четырех человек. Мало что оставлено на волю случая. В 2007 году оппозиционной Рабочей партии, которой прежде руководил Джаяретнам, власти запретили праздновать ее пятидесятилетнюю годовщину велосипедным праздником в городском парке.

Данные о применении смертной казни засекречены. По информации “Эмнести интернэйшенал”, в 1991–2005 годах в Сингапуре было повешено 420 человек — главным образом за убийство и незаконный оборот наркотиков. Это обеспечивает Сингапuru самый высокий в мире показатель смертных приговоров на душу населения. В 2007 году более 6 тысяч осужденных были приговорены к наказанию палками. Уголовный кодекс предусматривает такую меру наказания более чем за 30 составов преступления, в том числе за грабеж, вандализм и участие в массовых беспорядках. В обязательном порядке в тюрьму заключают насильников,

торговцев наркотиками и иностранцев, просрочивших визу. Документы, регламентирующие исполнение наказаний, публикуются — скорее всего, для устрашения. Оговаривается, что палка должна быть сделана из ротанга. Перед экзекуцией ее вымачивают в воде, чтобы сделать гибкой и чтобы она не расщепилась при соприкосновении с ягодицами преступника. Перед использованием палку обрабатывают антисептиком. Для малолетних правонарушителей используют палки полегче.

Информация о происходящем в Сингапуре становится достоянием общественности не только благодаря правозащитным группам. Государственный департамент США сообщает, среди прочего, о случаях превентивного содержания под стражей, о давлении исполнительной власти на судебную систему, о нарушениях неприкосновенности частной жизни граждан, об ограничении свободы слова и прессы, а также о самоцензуре в журналистике. Ежегодные отчеты Госдепа публикуются, они доступны всем, однако в Сингапуре их публично не обсуждают и они не афишируются американской администрацией, которая давно рассматривает город-государство как надежного стратегического партнера. В ежегодном отчете британского правительства о соблюдении прав человека бывшая колония обычно не упоминается. Как и прежде, *Realpolitik* ограничивает западную критику состояния демократии и гражданских свобод в других странах.

Полдень. Я стою на лужайке у здания городского совета. Установленный в 2001 году знак гласит, что это “уголок ораторов”. Его учреждение стало ответом властей на утверждения, что Сингапур представляет собой диктатуру. Правительство настаивает на том, что люди имеют возможность говорить, что они хотят, при этом оставаясь в рамках закона. Это непросто. Правила перечислены в инструкции

на указателе: необходимо зарегистрироваться в полицейском участке (он за углом), заполнить соответствующие бланки и дождаться разрешения. Если вы получили его, выступление записывают и хранят шесть лет. Этот текст может быть использован против вас при обвинении в клевете или в судебном разбирательстве по любому другому поводу. Запрещено затрагивать любые религиозные или этнические темы и оскорблять представителей власти. На тот случай, если кому-нибудь захочется испытать судьбу, здесь же заботливо перечислены положения законов, которые может нарушить оратор. Я заглянул в полицейский участок, чтобы узнать, когда следует ждать появления следующего оратора. “Вряд ли скоро”, — ответил полицейский. Он не смог припомнить никого, кто обращался за разрешением.

Взгляды большинства моих сингапурских знакомых варьируются от умеренного недовольства положением дел до чуть более сильного. При этом открыто люди о своих взглядах не говорят. Наиболее рискованный образ действий для них — это, видимо, рассылка электронных писем без комментариев со ссылками на оппозиционные сайты. Отсутствие открытой информационной среды и политических дискуссий дает обильную пищу сарафанному радио. Зарегистрированные в Сингапуре сайты вполне живые. Там часто появляются видео- и аудиоматериалы о разогнанных небольших сходках, другие критические материалы о режиме. Популярными темами в интернете таковы: Чем именно занимаются военнослужащие США на огромной военноморской базе Чанги? Есть ли там ядерные подводные лодки? Что случилось с индонезийским террористом, который исчез из тюрьмы строгого режима? Насколько тесны финансовые связи Сингапура с военной хунтой Мьянмы? Правда ли то, что Сингапур поставляет оборудование связи мьянманской

армии, а Тан Шве, престарелый глава хунты, тайно лечился от рака в сингапурской правительственной больнице? Многие ли члены хунты перекачивают деньги через Сингапур? На сайтах Рабочей партии и образовавшейся позднее Социал-демократической партии, а также на некоторых форумах идет достаточно оживленное обсуждение этих вопросов.

Власти тщательно прочесывают интернет в поисках потенциальных возмутителей, однако закрывают сайты-нарушители с неохотой. Некоторые из них, в том числе сайт Социал-демократической партии, поместили у себя сорокаминутный видеосюжет о подавлении свободы и диктатуре. Авторы фильма “Одна нация под Ли”^{*} нарушили целый ряд табу и обвинили Ли в nepoтизме. По данным оппозиции, видео удостоилось более 40 тысяч просмотров на видеохостинге “Ю-Тьюб” и, кроме того, демонстрировалось на фестивалях, в том числе в соседней Малайзии. В Сингапуре фильм был впервые показан в отеле “Эксельсиор”. Хотя просмотр был частным и туда были допущены только специально приглашенные люди, чиновники из Управления по развитию медиа все же проникли в отель и потребовали отдать им запись фильма и проектор. Их действия были также зафиксированы на видео и выложены в Сеть. Фильм представляет собой учебное пособие для молодых оппозиционеров, несколько наивное, но очень ясное по тону. В качестве образца гражданского неповиновения фигурирует находившаяся тогда под домашним арестом Аун Сан Су Чжи, лидер мьянманской оппозиции. Авторы фильма говорят, что правительство Сингапура постоянно напоминает о “хаосе и катастрофе”, к ко-

^{*} Намек на клятву верности флагу США: “Я клянусь в верности флагу Соединенных Штатов Америки и республике, которую он символизирует, одной нации под Богом, неделимой, со свободой и справедливостью для всех”. — *Прим. пер.*

торым может привести протест, и убеждает зрителей в том, что голоса инакомыслящих, пусть и робкие, могут привести к переменам. Затем авторы переходят к сути: “Единственный вопрос в том, хотим ли мы перемен?”

Сегодня этот вопрос кажется риторическим. Демонстрации очень редки, они собирают небольшую стайку протестующих (обычно менее десятка). Они не оказывают сопротивления, когда их быстро растаскивают по полицейским фургонам. Шэ Чанне, много чего повидавший политический комментатор, фиксирует политический протест (или его отсутствие) в своем блоге. Вот как он отозвался, например, о недавнем малочисленном митинге в поддержку демократического движения в Мьянме: “Не в состоянии представить себе 2 тысячи студентов с сумками от Армани и ‘айподами’, идущих маршем по Орчард-роуд и швыряющих бутылки с коктейлем Молотова”.

В газетах, тем более на ТВ, ни одна из этих тем не звучит. Пресса, безусловно, обсуждает некоторые социальные и экономические проблемы. Кризисные ситуации в зарубежных странах обсуждаются сравнительно открыто. Медиа призывают общины и отдельных граждан вести себя лучше, но признаваемым импульсом могут служить только стремление к самосовершенствованию или патриотизм. Хорошо помню правительственное сообщение, опубликованное несколько лет назад в наиболее влиятельной сингапурской газете “Стрейтс таймс”. Граждан тогда предупредили о взысканиях, если они к определенному сроку не поменяют старые кондиционеры на новые с зачетом части их стоимости. К критике правительства отношение неодобрительное, особенно если критика звучит из уст иностранцев. Зарубежные газеты, критикующие Ли или его подчиненных, преследуются в судебном порядке. Согласно новым правилам, ино-

странные медиа, желающие работать в Сингапуре, должны внести большой залог и назначить местного представителя, которому можно вчинить иск. Перечень международных изданий, навлекших на себя гнев властей, включает, в частности, “Фар-Истерн экономик ревю”, “Уолл-стрит джорнал” и “Файнэншл таймс”. В разное время они вынуждены были принести извинения за критику Сингапура. С точки зрения бизнеса сопротивление было неприемлемым.

Аналитический центр “Тинк сентер” (*Think Center*), учрежденная в октябре 2001 года независимая неправительственная организация, официально признан властями. По крайней мере, власти до сих пор его терпят. Глава центра Синапан Самидорай так формулирует основные правила:

Можно говорить о политике правительства, можно критиковать связанные с правительством компании за их непрозрачность или неподотчетность, но если вы говорите о ком-то персонально и утверждаете, что он берет на работу членов своей семьи, если вы называете его имя, — то рискуете быть привлеченным к суду за клевету.

Иногда скандалы становятся достоянием гласности. В 2005 году парламент одобрил план легализации игорного бизнеса, открыв тем самым дорогу многомиллиардному проекту возведения двух роскошных гостиниц в Марина-Бэй (это центр города) и на острове Сентоса. Множество людей пришло в ярость, они стали говорить, что не хотят превращения Сингапура в миниатюрный Лас-Вегас или конкурента Макао*. Они боялись, что вместе с игорным бизне-

* Благополучие этой бывшей португальской колонии, ныне специального административного района КНР, почти целиком зависит от игорного бизнеса. — *Прим. ред.*

сом в город придут и пороки. Какое-то время шли дебаты, пока не поступило указание их прекратить. Во время одного из своих посещений я решил взглянуть на стройку собственными глазами. Мы с фотографом прошли мимо бетоноемшалок и месящих грязь тяжелых самосвалов. Как только мы начали съемку, нас “пригласили” в контору для объяснений. Не назвавший себя шотландец поинтересовался, есть ли у нас разрешение. После нас вежливо выпроводили.

Время от времени случаются скандалы, которые не удастся скрыть. В 2004 году стало известно, что одна из ведущих благотворительных организаций, Национальный фонд здоровья почек (*National Kidney Foundation*), оплачивает своему гендиректору перелеты первым классом, техобслуживание его “Мерседеса” и покупку золоченой фурнитуры для его личной ванной комнаты в офисе. (Это не считая ежегодной зарплаты почти 200 тысяч ф. ст.) Покровителем этой благотворительной организации оказалась супруга бывшего премьер-министра. Она заявила, что не понимает, из-за чего столько шума, и назвала зарплату гендиректора “грошовой”. После того как история была раскручена обыкновенно осторожными журналистами из “Стрейтс таймс”, фонд, разумеется, начал преследование газеты за клевету. Однако дело развалилось: общественное возмущение было на редкость сильным. Гендиректор и совет попечителей ушли в отставку. Сингапурский вариант пакта требует, чтобы нарушения, допущенные руководством, не афишировались. Правило это было нарушено, и тут уж следовало продемонстрировать, что виновные наказаны. Тем не менее власти предпочли бы, чтобы все это не вышло наружу.

Сингапур гордится тем, сколько платит чиновникам высшего ранга. По последним подсчетам премьер-министр ежегодно зарабатывает 2,6 миллиона долларов США, самый

низкооплачиваемый член кабинета — “всего” 1,3 миллиона. Чтобы привлечь на государственную службу лучших, правительство платит им на уровне частного сектора. В апреле 2007 года глава госслужбы получал 1,5 миллиона долларов в год: это больше, чем суммарное жалование президента США и премьер-министра Великобритании. Небольшая, как мне объяснили, плата за то, что страна хочет развиваться. Идея в том, чтобы обеспечить поступление на государственную службу самых одаренных или хотя бы сотрудничество с ними.

Поиск талантов — официальная политика. Государство стремится любой ценой привлечь в Сингапур новых людей, если это позволит восполнить нехватку квалифицированных кадров. Госслужащих командировывают в небольшие городки Малайзии и Индии. Все чаще они прочесывают и Китай. Правительство Сингапура видит в сохранении межнационального согласия одну из главных целей своей деятельности. Любое потенциально расистское высказывание немедленно осуждается — и в то же самое время негласно поддерживается доминирование китайцев над многочисленными малайским и индийским меньшинствами. Недавнее прибытие тысяч новых людей из континентального Китая, многие из которых не знают английского, остающегося сингапурским лингва-франка, дает о себе знать.

Есть и другая причина столь трепетного отношения к государственным служащим. Это попытка предотвратить коррупцию на всех уровнях: предполагается, что при таких высоких зарплатах выгоды от возможности набить карман не перевешивают риск. Однако при существующих ограничениях на журналистские расследования утверждения об отсутствии в Сингапуре крупномасштабной коррупции можно только принимать на веру. Что же касается nepotиз-

ма, то на него смотрят косо только в случае, если речь идет о человеке, заведомо непригодном для той или иной работы. Так, например, назначение в 2004 году премьер-министром страны Ли Сяньлуна, старшего сына Ли Гуанъяо, изображалось как соответствующее конфуцианским ценностям. “Семейственность” (*guan xi*), китайское понятие для обозначения личных взаимоотношений или связей, — по мнению властей не то же самое, что кумовство.

В 2008 году Сингапур стал первым государством в регионе, официально вступившим в полосу рецессии. Зависимость от экспорта сделала его экономику особенно уязвимой. Однако во время дебатов с моим участием в Национальном университете и других местах я почти не увидел признаков того, что экономический спад затронул соглашение, лежащее в основе социального порядка. Мабубани идет дальше, утверждая, что Азия в сравнении с Западом находится в лучшем экономическом и политическом положении с точки зрения возможности быстрого восстановления после кризиса. Азия, по его словам, успешно идет к своей конечной цели: созданию более гармоничного, чем на Западе, демократического устройства. Потребности индивида подчинены интересам коллектива, но тем не менее индивид свободен в большинстве аспектов жизни. Любой талантливый в чем-либо человек вписывается в систему:

Почему бразильцы — лучшие футболисты? Потому что они ищут по микрорайонам талантливых шестилеток. Мы делаем то же самое с государством. Мы выбираем лучших... Если вы полагаете, что можете управлять чем-нибудь лучше других, мы даем вам шанс это доказать. Мы принимаем инакомыслие. Подавлять его — вот верх глупости. Нет мозгов, которые нельзя не использовать. Наши отцы-основатели были в политическом

смысле исключительно компетентны. Я почти нигде в мире такого не видел.

Тезис этот, приведенный Мабубани в недавней книге, хорошо подходит для Азии, хуже — для Европы и Америки. И это не удивляет его:

Запад становится проблемой. Вы не хотите уступать место. Вы также демонстрируете растущую несостоятельность в области госуправления... Сингапур — наиболее успешная страна, какой бы показатель мы ни рассматривали. Дело не только в том, что мы создали богатое общество; дело в том, как мы заботимся о людях, живущих в основании основания пирамиды.

Один из наиболее интересных аспектов авторитарного коктейля от Ли — это пыл, с которым сингапурский лидер защищает его повсюду, где бы ни оказался (особенно в лекционных турне). Во время дебатов с Лоренсом Саммерсом* в Гарварде в 2006 году Ли заявил, что свою цель он видит не в том, чтобы его партия, ПНД, оставалась у власти, а в обеспечении стабильности в широком смысле после того, как он отойдет от дел: “В конечном счете мы предлагаем нашим гражданам то, что хочет каждый — хорошую жизнь, безопасность, хорошее образование и будущее для детей. Это хорошее управление государством”. Во время визита в Австралию в том же году он противопоставил сингапурский путь австралийскому. Хотя политика в Австралии и представляется более захватывающим делом, “бесконечные дебаты редко позволяют достичь лучшего результата и способствуют только увеличению политического капитала

* Американский экономист, директор Национального экономического совета США. — *Прим. пер.*

игроков”. Он сказал австралийскому премьер-министру, что тот-де “тратит все свое время на партийную политику. В результате на заботу о далеком будущем остается совсем немного времени”.

Ответственность правительства, таким образом, оказывается технической — обеспечивать хорошую жизнь в обмен на поддержку электората. Выборы — это, по сути, табель успеваемости: я обещаю, я выполняю, вы голосуете за меня. Демократия используется в целях формальной легитимации этой формулы. Демократия безо всякого смущения отходит от либеральных презумпций. Она превращается из представительства в опекунство, от прав личности поворачиваясь в сторону коллективного благоденствия. Вот к чему все сводится.

Сингапурцы защищают свой вариант демократии, противопоставляя и сравнивая его с тем, что есть у соседей. Некоторые страны региона теоретически имеют более либеральную систему, но в большинстве областей жизни, от экономики до безопасности, дела их обстоят хуже. Возьмем, например, Филиппины, — говорят они, — в политическом смысле одну из самых свободных стран региона. И что же? Оружие там легкодоступно, терроризм — обычное явление. Экономика, в 50-х годах одна из самых перспективных в регионе, сейчас находится в состоянии разрухи. В Юго-Восточной Азии по-прежнему нет ни одной исправно работающей либеральной демократии. Трагическая история Бирмы (Мьянмы) хорошо известна. Вьетнам, Камбоджа и Лаос только начинают восстанавливаться после десятилетий, в течение которых всевозможные коммунисты сеяли при поддержке Китая и СССР хаос во всем Индокитае. Вьетнам и Лаос по-прежнему номинально управляются коммунистами, а премьер-министр Камбоджи — бывший

“красный кхмер”*. Таиланд долгие годы колеблется между демократическими экспериментами и военными переворотами в рамках монархической системы, в которой власть короля абсолютна и где спросить с последнего ничего нельзя благодаря тому, что в стране действуют репрессивные законы *lèse-majesté*** . Ригидность политической системы Малайзии недавно стала очевидной по реакции правящей коалиции на впервые возникшую перспективу утраты власти: на фоне политического кризиса Анвар Ибрагим, лидер оппозиции, был ложно обвинен в сексуальных домогательствах. В Индонезии, предположительно перешедшей к демократии после утраты власти генералом Сухарто, выборы настолько дискредитированы коррупцией и фальсификациями при подсчете голосов, что называть их свободными и честными можно разве что в шутку.

Правительства от Индонезии до Малайзии, от Казахстана до России и ОАЭ стремятся научиться у Сингапура. Лучший ученик — Китай. Прогресс в сочетании с порядком и ограниченной свободой стал максимумом для всех, кто правил страной после Мао. Современный источник такого подхода — Сингапур. Страх перед хаосом (*luan*) побуждает руководителей Китая изучать сингапурский подход и восхищаться им. Первым пунктом назначения на их маршруте, конечно, стал факультет Мабубани — центр сингапурской общественной дипломатии. Партийный босс провинции

* “Красные кхмеры” представляли собой крайне левое течение в коммунистическом движении маоистского толка в Камбодже, где находились у власти в 1975–1979 годах. За это время было убито от 1 до 3 миллионов человек (точные данные неизвестны, погибло около трети населения страны). По отношению числа уничтоженных к общей численности населения режим “красных кхмеров” — один из самых жестоких в истории. — *Прим. пер.*

** Об оскорблении величества. — *Прим. пер.*

Цзянсу послал туда всех своих партийных секретарей, около 70 человек, на двухнедельную экскурсию.

Ли настаивает на том, что сингапурская модель не предназначена для экспорта, что она применима только к малым странам или городам-государствам. Он, конечно, прав: никакую политическую систему нельзя заказать “под ключ”. Однако Ли противоречит себе, рассуждая об “азиатских ценностях”. Эта концепция была модной в 90-х годах и до сих пор пользуется популярностью в определенных кругах. Концепция эта ставит общее благосостояние выше индивидуализма, социальную гармонию предпочитает инакомыслию, а социально-экономический прогресс — правам человека. Ли, выступая в Токио в 1992 году, так сформулировал свое мнение по этому поводу:

Демократия не обеспечила развивающимся странам, за редким исключением, хорошее управление. Что ценно для азиатов, то совсем не обязательно столь же важно для американцев или европейцев. На Западе ценят свободы и права личности. Я — азиат, выросший в китайской культурной среде, — ценю в правительстве честность, эффективность и практичность.

Противоположную точку зрения наиболее красноречиво выразил экономист и философ Амартия Сен*. Он утверждал, что разговоры об “азиатских ценностях” призваны оправдать авторитаризм, в котором нет ничего специфически азиатского. Сен писал в 1997 году:

* Индийский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1998 года (присуждена “за вклад в экономическую теорию благосостояния”). — *Прим. пер.*

Защиту азиатских ценностей часто ассоциируют с необходимостью противостоять гегемонии Запада. Эти две вещи в последние годы все чаще связывают в целях использования политического потенциала антиколониализма для того, чтобы теоретически обосновать наступление на гражданские и политические права в постколониальной Азии. Связь эта искусственная, однако в качестве риторического приема может быть весьма эффективной.

Что если модель материалистического авторитаризма не является результатом постколониальной реакции? Что если она — не сугубо азиатская и применима повсеместно? Однажды я наткнулся на убедительное наблюдение, принадлежащее молодому израильскому ученому и активисту антиглобалистского движения Ури Гордону. Он увидел сходство между “азиатскими ценностями” Ли и макиавеллевским *virtù**:

Точно так же, как Макиавелли противопоставляет римское *virtù* современной ему христианской морали, так и Ли выбирает азиатские ценности для Сингапура в качестве альтернативы западной либеральной демократии. Ли и его помощников, навязывающих населению самоцензуру как условие благополучия, можно считать верными последователями Флорентийца.

Вместо того чтобы способствовать освобождению и самопознанию, Сингапур показал пример того, как сделать, чтобы средний класс самоустранился из общественной жизни. Зачем создавать проблемы, когда тебе есть что терять?

* *Virtù* — особое качество идеального правителя. *Virtù* (доблесть, воля, талант или энергия) позволяет правителю сочетать природу “человека и зверя”, а также качества характера — “льва” и “лисы”. — *Прим. пер.*

Желая обсудить это с другими профессорами факультета Мабубани, я попросил профессора Вана Гунъю, главу Института Восточной Азии, рассказать о философском фундаменте сингапурского эксперимента. Ван считает, что в его основе лежит “общественный договор”. По мысли Томаса Гоббса, не ограниченная ничем свобода порождает “войну всех против всех”. Мы нуждаемся в ограничениях, желаем их установления, чтобы спастись от собственных темных инстинктов. “Люди в Сингапуре овладели рядом навыков, в том числе контролем и свободой”, — объясняет профессор Ван. По его словам, китайские чиновники поражены: “Они хотят, чтобы их города функционировали как этот. Они очень боятся массового мятежа, который легко может начаться в Китае”.

Я обратился к социологу. “В Сингапуре теории демократизации и политические активисты сталкиваются со своим заклятым врагом, — полагает профессор Чуа Бэнхуа. — Сингапuru не удалось бы достичь всего этого без некоторых ограничений свободы слова. Это не сработало бы с системой состоящих институтов”. Он не соглашается с моей гипотезой о сознательном вступлении в Пакт. По его мнению, область свободы личности “расширяется по мере преодоления бедности. Поэтому у вас не возникает ощущения, что вы заключаете сделку”. Партия Ли, по мнению профессора Чуа, пыталась внедрить “политический культурализм” в качестве политической

* Культурализм — концепция, утверждающая, что человеческая личность полностью определяется культурой, к которой человек принадлежит. Предполагается, что культура формирует личность как закрытую систему и что человек не в состоянии выйти за пределы этой системы. Культурализм также утверждает, что культуры могут выступать субъектом востребования специфических прав и средств защиты, — даже если удовлетворение таких требований нарушает права личности. — *Прим. пер.*

идеологии, что помогает формированию “культурально-го” гражданина в противоположность “либеральному” гражданину демократии. Таким образом, партия ПНД переосмыслила структуру политического представительства и участия. На кону стоит не менее чем определение границ и самого смысла политики. Чуа Бэнхуа, сердечный и очень ясно мыслящий человек, оставляет меня пора-мыслить о следующем:

Свободу делает возможной понимание того, где лежат ее границы. Улучшение жизни невозможно без некоторого ограничения индивидуализма. Слабость либерализма заключается в нежелании платить членские взносы.

Возможно, все зависит от того, о каких свободах и ограничениях идет речь. Сингапурский Пакт наиболее уязвим в сфере социального, там, где традиции сталкиваются с современностью. Ли потратил годы на воплощение задуманного им государства. Нет впечатления, что общество потребления нуждается в серьезных политических переменах. Давление приобретает другую форму. Совершенно уступая правительству сферу общественного, граждане стремятся к полному контролю над сферой частной жизни. Обещанный социальный либерализм состоялся фрагментарно. Именно здесь рамки наиболее активно испытывают на прочность. Очень консервативные взгляды Ли на брак, секс и прочие вещи другие члены правительства не разделяют. Здесь имеются подлинные разногласия, главным образом поколенческие, и утаить их трудно. Было забавно слышать, что границы свободы выражения описываются как “вне или внутри маркера”^{*}.

* Маркер (в гольфе) — кружок, отмечающий положение мяча на участке с самой короткой травой непосредственно вокруг лунки. — *Прим. пер.*

Одержимость гольфом, теннисом и другими развлечениями, еще более безобидными, производит сильное впечатление.

После ухода Ли “на пенсию” в 1990 году (его нынешняя должность называется так — министр-наставник) некоторые из одиозных ограничений были смягчены. Старые законы (например, тот, что регламентировал длину мужской прически) были отменены, хотя другие, наказывающие за плевки на улице и не слитую в туалете воду, остались в силе. Закон, запрещающий “оборот” жевательной резинки, в 2004 году был “смягчен”: правительство позволило жевать “лечебную” резинку, чтобы выполнить требования соглашения о свободной торговле с США. Культурная жизнь также стала немного свободнее. Был учрежден Фонд развития аудитории — с целью “воспитания” общественных вкусов и поощрения художников к риску (в определенных рамках). Дизайн, особенно индустрия моды, процветает. В колледже искусств “Ласаль”, размещающемся в сооружении из стекла и стали в “Маленькой Индии”, группа студентов репетирует пьесу на путунхуа, сидя в главном холле на искусственном травяном покрытии. Грейс, режиссер, говорит мне, что им позволили выбрать пьесу из списка. Это короткая история о том, как в автобусе встречаются разные люди. По мнению Грейс, это — метафора жизни. На одном из актеров — футболка с надписью “Мы делаем деньги, а не искусство”. Он интересуется, нравится ли мне эта шутка.

Иногда можно беседовать откровенно, обычно с людьми, которые не заботятся о карьере в частном или государственном секторе. Я обсуждаю с писателем по имени Джерри Лим непотизм, коррупцию, секретность и секс. Раньше Лим жил в Лос-Анджелесе, писал книги об искусстве и сексе. Он рассказывает мне о синдроме “Разворота нет” (*No U-Turn Syndrome*): в отличие от водителей в других

странах, сингапурцы не разворачиваются на перекрестках, если там нет разрешающего знака. Они полагают нечто запрещенным, если противоположное однозначно не разрешено. Когда Джерри Лим предоставил свою последнюю книгу (о секс-индустрии) в Управление по развитию медиа, цензор не отвечал ему в течение месяца. Лим долго не понимал, на каком он свете, но в конце концов получил разрешение: “Я никогда не сталкивался с неприкрытым давлением, но всегда есть ощущение, что сейчас тебе позвонят. Люди всегда спрашивают, как я справляюсь с этим. Полагаю, что я безобиден”.

С течением времени “маркеры” в сфере морали стали менее заметными. После выхода в 1998 году американского телесериала “Секс в большом городе” в Сингапуре он попал под запрет. В 2008 году, когда вышла полнометражная версия фильма, изображения бойкого квартета, марширующего по Манхэттену, украсили рекламные щиты на сингапурских торговых улицах. В 2005 году в Сингапуре состоялась ярмарка “Секспо”^{*}. Власти разрешили ее проведение, объяснив это тем, что семейным парам полезно разнообразить половую жизнь. Однако неразборчивость в связях власти не поощряют. Существуют довольно жесткие ограничения. Не позволялось, в частности, выставлять что бы то ни было, “имеющее сходство с гениталиями”. Запрещено было все, касающееся орального или анального секса: и то, и другое в Сингапуре вне закона.

В октябре 2007 года парламент отказался отменить закон, запрещающий сексуальные контакты по взаимному согласию между мужчинами. Хотя случаи судебного пре-

* “Секспо” (англ. *Sexpo*) — австралийская “Выставка здоровья, сексуальности и стиля”. Имеет не только коммерческое, но и образовательное значение. — Прим. пер.

следования редки, лица, уличенные в нарушении закона, могут быть подвергнуты тюремному заключению до двух лет по обвинению в “грубой непристойности”. Упоминания о гомосексуальности на телевидении запрещены. Один из телеканалов был оштрафован за то, что в программе о дизайне интерьеров показал в одной спальне двух одетых мужчин. В то же время цензоры разрешили прокат кинофильма “Горбатая гора”. “Многие из моих коллег в парламенте хорошо осведомлены о том, что у Сингапура репутация ‘государства-няньки’, и готовы ослабить ограничения”, — рассказала мне женщина-депутат. — Но они осторожны из опасения вызвать недовольство простых людей, вроде тех, с которыми я беседовал в Тоа-Пайох. Она полагает, что это показательный случай “совещательной демократии” в действии.

Ли Гуанъяо сейчас далеко за восемьдесят, и сингапурцам трудно представить себе жизнь без человека, который вел их за собой с момента обретения независимости. Подавляющее большинство его подданных, включая людей, которые, как мне известно, обладают достаточной информацией для сравнения, приняли его довод о том, что только следование выбранным с самого начала путем позволило Сингапуру стать настолько хорошо организованным и преуспевающим государством. Ориентация на потребительский комфорт выражена настолько ясно, что предыдущие экономические спады — азиатский финансовый кризис 1997 года и эпидемия атипичной пневмонии в 2003 году — вызвали глубокий шок. Если они и имели какие-либо последствия, то разве что усиление жажды политической стабильности. Многие заявляют о желании иметь более свободную прессу и менее авторитарных политиков, но в то же время не желают пожертвовать ни одним из аспектов благосостояния —

ни бесконечным шопингом, ни избытком превосходных ресторанов и баров, ни теннисными и плавательными клубами, ни “Мерседесами” и БМВ.

Правительство оказалось в затруднительном положении. Оно обеспокоено тем, что множество студентов, получивших образование на Западе, предпочитают после окончания учебы подолгу жить за границей. Их отсутствие постоянно восполняется за счет выпускников китайских и других университетов, однако желание привлечь своих граждан обратно на родину очень велико. Правительству известно, что либерализация общественной жизни могла бы помочь. В то же самое время есть существенные опасения выпустить джинна из бутылки, так что правительство стремится ограничить либерализацию отдельными областями экономики и культуры. Никакого намерения ослабить контроль над политикой и общественной сферой не наблюдается.

Количество судебных исков по обвинению в клевете в последние годы увеличилось. Сингапур постоянно стремится к международному признанию своих институтов. Поэтому когда Международная ассоциация юристов (МАЮ) была приглашена провести в октябре 2007 года в Сингапуре свою ежегодную конференцию, это было воспринято как знак доброй воли. Спустя несколько месяцев Институт прав человека МАЮ выпустил доклад, критикующий использование правящей партией закона о клевете для затыкания ртов оппозиции и прессе. В докладе также выражалось сомнение в независимости и беспристрастности сингапурских судей. Вместо того чтобы вникнуть в детали, власти страны ответили обычными правовыми санкциями и агрессивной риторикой. Ли Гуанъяо обвинил правозащитные организации в “заговоре с целью разделаться с нами”. Запад, по его

мнению, понял, что Россия и Китай учатся на примере Сингапура, и все сильнее боится этого.

Дебаты о сингапурской модели часто сводятся к процессу легкого зарабатывания очков обеими сторонами. Многие авторы фокусируются на чрезмерном государстве и чрезмерном потреблении, больше ничего не замечая. “Диснейленд со смертной казнью” — характеристика Сингапура, данная Уильямом Гибсоном в 1993 году, вызвала шок. Недоброжелатели Сингапура цитируют ее в качестве емкого определения для положения дел с правами человека, поклонники — как пример высокомерия, свойственного иностранцам. Гибсон высказался четко и остроумно. Но реальность куда сложнее.

Приведет ли уход Ли к послаблениям в частной и общественной сферах? Или правительство сильнее закрутит гайки? Один из аргументов в пользу послаблений — экономический. Исполнительный директор Всемирного банка Хуан Хосе Дабуб, один из немногих иностранцев, критикующих положение дел в стране, заявил в 2008 году, что если режим не либерализуется, то Сингапур может пострадать экономически:

Одной из таких проблем является сложная задача обеспечения баланса между желанием сохранить общественный порядок и стабильность, долгие годы определявших качество роста, и необходимостью расширения инновационной и творческой сфер, что необходимо для производства ценных товаров и услуг в конкурентной глобальной экономике... Инновации и творчество по определению не планируются и не регламентируются. Поскольку Сингапур рассчитывает в будущем на развитие и процветание, обеспечение правильного баланса потребует опытного разумного руководства и, возможно, риска.

Поскольку сингапурская экономика “проседает” (в первой четверти 2009 года темпы прироста снизились на 20 % — это максимальный спад, когда-либо здесь зарегистрированный), некоторые начали еще более страстно доказывать, что сама природа авторитаризма будет препятствовать выходу из кризиса. На основании экспертной информации, исходящей, в частности, от Дабуба, утверждалось, что управляемая государством сингапурская экономика уязвимее, чем признают власти, и что отсутствие открытой дискуссии усугубляет проблему. Находящиеся под строгим контролем СМИ не смогли проследить за “Темасек” и Джай-си, двумя основными государственными инвестфондами, понесшими миллиардные убытки из-за приобретения “плохих” активов.

Шансы на то, что кризис приведет к большей открытости, сейчас иллюзорны. Вскоре после возвращения из очередной поездки в Сингапур я завел для “Гардиан” блог, чтобы обсуждать идею Пакта, и назвал его “Новый авторитаризм”. Я привел некоторые примеры из тех, которые рассматриваются в этой книге. Говоря, однако, о Сингапуре, я тогда был очень краток. Я рассказывал о людях, которых знаю, добавляя, что “они хорошо разбираются в международной политике, но совершенно удовлетворены ситуацией дома. Обычно я успокаивал себя, что эта модель не применима к разнородным государствам большого размера. Сейчас мне так не кажется”. Далее я продолжил обсуждение растущей угрозы гражданским свободам в различных странах, от России до Италии и Великобритании, а затем перешел к выводам:

Зарождается современная форма авторитаризма, совершенно отличная от советского коммунизма, маоизма или фашизма.

Она обеспечивает толику благополучной, спокойной жизни, а это лучшая заморозка для мозга.

На следующий день мне позвонили из “Гардиан”: сингапурское правительство потребовало права на ответ, угрожая в случае отказа иском о клевете. Я не имел ничего против ответа на мою статью (в конце концов комментарии для этого и существуют), однако, хоть убей, не мог догадаться, что именно вызвало такую ярость. На самом деле, сдавая статью, я беспокоился о том, что сейчас на меня накинутся блогеры за то, что я слишком снисходителен к стране, в которой родился.

Ответная статья, подписанная верховным комиссаром Сингапура в Великобритании* Майклом Тео, не заставила себя ждать. Текст, излагавший сингапурскую политическую философию, заканчивался так:

Каждому обществу приходится находить собственный баланс между индивидуальными свободами и общественным благом. Некоторые на Западе, подобно Джону Кампфнеру, ощущают призвание идти и обращать язычников к исповеданию ценностей западной либеральной демократии. Но истинный критерий выбора — пригодность модели к работе в реальном мире, в реальных обществах. Преклонение перед западной моделью как перед единственной, отказ от всех других решений как от авторитарных и недемократических — вот, несомненно, лучшая заморозка для мозга.

На следующий день газета “Стрейтс таймс” опубликовала статью Тео целиком, под увлекательным заголовком “Сингапур разделяет под орех британского писателя”.

* Представитель одной из стран Содружества наций в другой стране Содружества. — *Прим. пер.*

Эта перебранка вызвала у меня противоречивые чувства. Во-первых, страх: не откажут ли мне во въезде в страну? Не арестуют ли меня на въезде? Во-вторых, беспокойство за моих сингапурских друзей. Некоторые из них отправляли мне ссылки на различные блоги, обычно без комментариев. Кроме того, было удивление: меня-то беспокоило, что статью могут счесть слишком мягкой по отношению к Сингапуру. Я был раздосадован. Я удивлялся, почему Сингапур не идет на диалог. Спустя полгода я с некоторым трепетом снова приземлился в аэропорту Чанги, прибыв на научную конференцию. На паспортном контроле я поймал мимолетную улыбку сотрудника иммиграционной службы. Все, кого я встречал — политики, преподаватели, журналисты и финансисты, — с некоторой неловкостью упоминали, что прочитали мою статью. Все мы шутили по этому поводу. Я публично разъяснял свои взгляды на Пакт, и это вызывало оживленные, но дружеские споры. В баре “Раффлз” я провел приятный вечер с одним из высокопоставленных сотрудников газеты. Он также, испытывая некоторую неловкость, упомянул о статье, но заверил меня, что в том, как со мной обошлись, нет ничего особенного. Такое случается постоянно. В утешение он предположил, что в МИД случился “обычный приступ ‘группового мышления’”, в ходе которого приказы поступают сверху и выполняются беспрекословно. Что можно сказать об устойчивости режима, если он приходит в ярость по поводу записи в блоге? Режимы на грани падения, сталкиваясь с критикой, часто впадают в крайность, так что, может быть, перемены не за горами. Может быть. Но судя по тому, что я видел, перемены ограничатся частной, а не публичной сферой. Кажется, именно этого хочет большинство людей, с которыми я общался.

Я спросил собутыльника, видит ли он какую-нибудь перспективу смягчения практики преследований за клевету. По его мнению, шансов нет. Закон об оскорблении власти был разработан для укрепления общественного доверия к государственным институтам — и в хорошие времена, и в плохие. Большинство (сингапурские граждане, иностранные бизнесмены, правительства зарубежных стран) серьезно заинтересовано в сохранении статус-кво. Как еще Сингапuru удалось бы жить хорошо так долго? Для меня, человека, потратившего годы на то, чтобы устраивать неприятности политикам, это неприятная мысль.

Еще сильнее пугает меня мысль о том, что огромному количеству людей по всему миру, вне зависимости от того, в какой политической культуре они живут, тоже нравится мозговая заморозка. Сингапур — это, возможно, колыбель Соглашения, и здесь оно представлено в наиболее очевидной форме. Однако не может ли быть так, что мы все в гораздо большей степени сингапурцы, чем себе представляем?

Глава 2

Китай: осторожный игрок

Если голосование в неправильных руках, на выборах побеждают неправильные люди, которые в дальнейшем манипулируют электоратом.

КЕВИН АО

Что может быть приятней, чем ясным утром сидеть у воды с чашечкой эспрессо, прислушиваясь к звучанию церковных колоколов? Мое безмятежное настроение можно было бы объяснить тем, что я находился в Портофино. Однако это не был итальянский порт, часто посещаемый людьми богатыми и знаменитыми. Этот Портофино был поселком, выстроенным вокруг озера в Шэньчжэне, городе на юге Китая, представляющем собой монумент свободному рынку. Точнее, я был в “заграничном китайском городе” (*Overseas Chinese Town*). Озеро, на которое я смотрел, было рукотворным, а башня с часами, под которой я сидел, — новоделом, но какое это имело значение? “У вас — американская мечта, у нас — шэньчжэньская”, — сказала мне хозяйка.

Ланьцзыэль Цуй работает региональным менеджером в крупной израильской судоходной фирме. В отличие от многих китайцев, она уже повидала мир. Она делится своими впечатлениями от Фарерских островов и городка Гримсби на севере Англии (“Почему школьники болтаются вокруг торгово-развлекательных центров в дневное время? И почему все такие бледные?”) Родители Ланьцзыэль — типичный для современного Китая пример истории успеха. Оба — выходцы из крестьянских семей. Отец стал деканом университета, мать работала военным врачом. Никто из них бы сейчас не узнал страну. Ланьцзыэль — деловая женщина западного образца на пятом десятке, мать-одиночка, прилагающая массу усилий для соблюдения баланса между работой и жизнью. Она регулярно летает на деловые встречи в Пекин и Шанхай, знает расписания авиакомпаний наизусть, чтобы успевать на последний рейс домой всякий раз, когда это возможно. Как и все в Шэньчжэне, она — “иммигрант”. Когда Гонконгом, находящимся через залив, еще управляли англичане, здесь была сонная рыбацкая деревушка. Теперь население выросло до ошеломительных 13 миллионов. В течение более чем двух десятилетий экономика росла в среднем на 28 % в год. В начале 90-х годов китайские специалисты по экономическому планированию считали, что главным экономическим центрам страны — Шанхаю, Шэньчжэню и другим городам — понадобится 50 лет, чтобы догнать Сингапур. Это уже произошло. Что касается Гонконга, то сейчас обсуждаются планы объединения этого “медвежьего угла”, когда-то считавшегося глобальным финансовым узлом, с процветающим Шэньчжэнем.

Поэтому Шэньчжэнь оказался для меня подходящим местом, чтобы посмотреть на китайский вариант Пакта. Это была первая свободная экономическая зона, испыта-

тельный стенд для экономических реформ Дэн Сяопина, лаборатория для экспериментов по усвоению капитализма постмаоистским Китаем. Именно поездка в Юго-Восточную Азию убедила Дэна в конце 70-х годов в необходимости неотлагательных реформ. Его потрясло, насколько современными оказались Бангкок, Куала-Лумпур и Сингапур. После возвращения в Китай он заявил, что Сингапур “отличается хорошим социальным устройством и хорошо управляется. Нам следует заимствовать их опыт и научиться справляться с решением задач лучше них”.

С того момента, как Дэн дал старт “политике открытых дверей” и программе “четырёх модернизаций” (сельского хозяйства, промышленности, науки и техники, а также военного дела), Китай пытался найти способ увязать открытые рынки с закрытой политикой. Последняя из крупных диктатур марксистско-ленинского толка сохранилась, только приняв капитализм.

Ланьцзыэль взяла выходной, чтобы показать мне город. Стремясь поскорее начать экскурсию, я отказываюсь от предложения съесть чизкейк или что-нибудь не менее вкусное в австрийской *konditorei* и запрыгиваю в ее джип. Мы едем по чистеньким, обсаженным деревьями улицам с ярко-красными велосипедными дорожками (такие были бы уместны в провинциальном немецком городке) мимо огороженных микрорайонов и роскошных кондоминиумов. Передо мной “Окно в мир” — тематический парк с макетами, собственными Эйфелевой и Пизанской башнями, с египетскими пирамидами и крытым горнолыжным центром площадью 4 тысячи м². Поездка от современного центра города (район Футянь) до старого занимает чуть меньше часа. Ланьцзыэль указывает на необычное здание слева от нас. Отель “Скайлайт” был когда-то одним из са-

мых высоких зданий в городе, однако сейчас он едва ли попадает в первую сотню. Некогда он находился на окраине города, сейчас за ним живут миллионы. Неподалеку находятся два новых объекта, которыми гордится Шэньчжэнь: первая в Китае фондовая биржа (сейчас их две) и первый “Макдоналдс” (сейчас их более тысячи). Мы проезжаем мимо гигантского портрета улыбающегося Дэна, за спиной которого виден силуэт современного города. Ланьцзыэль рассказывает, что несколько лет назад мемориал отодвинули на несколько метров, чтобы расширить улицу Шэньнань. “Даже после смерти он не стоит на пути прогресса”, — замечает Ланьцзыэль с улыбкой.

Ежедневно во время моего путешествия газеты по всему Китаю и в Гонконге публиковали статьи о чудесах “большого скачка” в капитализм — в связи с тридцатой его годовщиной. Многие из этих материалов воспринимаются довольно странно, как смесь напыщенности и самоуничтожения, личных историй и национального стремления к совершенству. Пытаясь восстановить в 1991 году контроль над ситуацией после тяньаньмэньского кризиса, уже недомогавший Дэн якобы произнес знаменитое: “Разбогатеть — это прекрасно”. Он призывал Китай “создавать больше Гонконгов”. В начале 90-х годов появилось по меньшей мере 2 тысячи специальных экономических зон, сконцентрированных в дельте реки Чжуцзян в провинции Гуандун, в сердце которой находится Шэньчжэнь. Со временем экспериментальных городов стало гораздо больше, и они были главной движущей силой наиболее широкомасштабной и амбициозной в истории программы по созданию экономики, ориентированной на прибыль. “Кто-то должен разбогатеть первым”, — провозгласил Дэн, объяснявший, что разные регионы должны “пи-

таться на разных кухнях”, а не складывать свои ресурсы в “общий котел”.

Мы останавливаемся у открывшегося всего девять месяцев назад торгового комплекса “Костал-сити” — последнего из тысяч дворцов потребления, разбросанных по всему Китаю. Я прогуливаюсь мимо витрин и не могу обнаружить ни единого покупателя. Глобальный экономический спад уже затронул город, но владельцы магазинов пытаются делать вид, что ничего не происходит. Они пробуют сохранить лицо. За ленчем в тайваньском ресторане с видом на крытый каток “Костал-сити” Ланьцзыэль знакомит меня со своим другом Питером. Его компания экспортирует товары для дома во многие страны. Мои спутники рассказывают, что в провинции Гуандун закрылось несколько тысяч заводов — больше, чем признают власти. По словам Питера, сейчас он может добраться до соседнего города Гуанчжоу менее чем за час, а прежде поездка по этому 150-километровому отрезку автострады отнимала по меньшей мере вдвое больше времени.

Питер рассказывает, что цены на недвижимость упали в Шэньчжэне минимум на 40 %. По его словам, спад на рынке был неизбежен. Цены были спекулятивными и искусственно поддерживались представителями местных властей, многие из которых сделали шальные деньги. Росту благосостояния способствовало несколько факторов: кредитование коммерческими банками, приватизация всего жилищного фонда и — сравнительно недавняя — частичная приватизация земли. Питер говорит, что центральное правительство какое-то время с беспокойством наблюдало за кавалерийскими повадками чиновников в таких регионах, как Гуандун, и пыталось — без особого эффекта — призвать местные власти к порядку: “Пекин осознавал проблемы

задолго до руководства Шэньчжэня и Шанхая. Они хотели в гораздо большей степени контролировать цены на недвижимость, но политики оказались заодно с застройщиками”. Цифры подтверждают наличие причин для беспокойства. Сообщается, что объем коррупции среди “красных баронов” в регионах оценивается примерно в 15 % ВВП Китая. Примерно 90 % из 3 тысяч богатейших бизнесменов Китая так или иначе связано с партийными боссами. Приведено в исполнение меньше половины приговоров Верховного суда по делам о коррупции.

На меня производит впечатление откровенность моих собеседников (“Все знают о коррупции среди местных чиновников, но нет смысла предавать это огласке”) и их знание окружающего мира. Они говорят о том, что происходит с продажами “Уол-март” и “Теско”, о кризисе в жилищных секторах экономики США и Европы и о влиянии этого краха на заводы в Шэньчжэне, которые были поставщиками строительных компаний. Мы говорим о процентных ставках и инфляции (“Правительство оценивает уровень инфляции в 5 %, но если вы оглянитесь, то поймете, что эти цифры взяты с потолка”). Здесь нет чувства, что вы находитесь в изоляции, — скорее наоборот. И тем не менее, вне зависимости от того, как сильно они критикуют политику Коммунистической партии, особенно ее местных подразделений, они не видят существенных причин менять политический статус-кво: “Можно ли дать право голоса почти 800 миллионам малограмотных крестьян и ожидать после этого, что страна останется мирной и стабильной?” Я слышал подобное на протяжении всего путешествия.

Продолжая нашу экскурсию, Ланьцзыэль показывает мне несколько замечательных современных зданий Шэньчжэня. Я никогда не видел ничего подобного местной рату-

ше — стеклянному сооружению с волнообразной крышей, занимающему целый квартал. В городских районах Баоань и Лунган на окраинах города таких чудес нет — только огромные бетонные склады и заводы, извергающие густой дым.

Все, что оставалось от сельского ландшафта, разрушено. Земля покрыта грязью, песком и низкорослым кустарником. У ряда холмов, окружающих эти индустриальные чудища, срезаны вершины, чтобы добыть песок, необходимый для рекультивации земель. В течение всего этого времени людям твердили одно и то же: Шэньчжэнь не должен останавливаться в своем развитии. Благосостояние или чистый воздух: в ходе модернизационного рывка всем объясняли, что нельзя иметь и то и другое и что правительство уже выбрало за вас. Сегодняшний экономический кризис имеет свои положительные стороны. По словам Ланьцзыэль, небо сейчас гораздо чище, чем обычно, поскольку объем выпуска продукции снизился. Она рассказывает, что за несколько дней до нашей встречи увидела солнце впервые за несколько месяцев. Во что обходится Китаю бурный рост, очевидно уже давно. По оценкам Всемирного банка, за прошедшее десятилетие около 750 тысяч человек ежегодно умирали преждевременно из-за загрязнения окружающей среды. По этим же оценкам, затраты на здравоохранение, связанные с разрушением окружающей среды, составляют примерно 5 % ВВП. В перечне 20 городов мира с наихудшим состоянием атмосферы, составленном Всемирным банком, 16 — китайские. Большинство людей, с которыми я разговаривал, руководствуются личным опытом, а не правительственными декларациями или зарубежной статистикой.

Мы останавливаемся на светофоре посреди этих индустриальных джунглей. На другой стороне дороги около десятка молодых работниц в одинаковых красных комби-

незонах, вышедшие из чудовищного промышленного сооружения, пытаются добраться до автобусной остановки, перебегая опасное четырехполосное шоссе. Здесь находится эпицентр “чуда ‘Уол-март’”, революции низкорентабельного крупномасштабного производства, которая обеспечивает Китаю беспрецедентное обогащение, а Западу — невероятно низкие цены. На пике роста дешевого производства половина выпускаемых в мире джинсов, кондиционеров, мебели, текстиля и обуви делались именно здесь. Ключевым фактором явилось смягчение долго действовавшей системы прописки (*hukou*). Более 100 миллионов человек, официально считавшихся сельскими жителями, наводнили города. Только об одном Шэньчжэне сообщалось, что на пике роста в нем проживало 8 миллионов временных рабочих-мигрантов. В середине нынешнего десятилетия некоторые из них предприняли попытки самоорганизации и создания неофициальных профсоюзов — с тем чтобы протестовать по поводу условий жизни. Отчасти из-за волнений в провинциях, отчасти в ответ на беспокойство зарубежных потребителей по поводу “потогонных фабрик”, в январе 2008 года вступило в силу новое трудовое законодательство, повысившее минимальный уровень заработной платы.

Затем наступили спад потребительского спроса на Западе и связанное с этим резкое сокращение экспортных поставок, от которых зависели Китай и особенно этот регион. Местные утверждают, что самые легкомысленные управляющие в Шэньчжэне — не здешние уроженцы, а приезжие из Гонконга или с Тайваня. Было отмечено несколько случаев, когда владельцы заводов внезапно увольняли весь персонал, а после сбежали. Без работы и без компенсации у рабочих не было другого выбора, кроме как вернуться в деревню. Согласно официальным данным, к началу 2009 года примерно

600 тысяч рабочих-мигрантов были вынуждены покинуть провинцию Гуандун. Китайская академия общественных наук оценивает уровень безработицы в городах примерно в 10 % (это более чем вдвое превышает официальный показатель). Учитывая местную склонность к сокрытию проблем, можно полагать, что действительные данные гораздо выше.

Последние цифры, характеризующие “массовые инциденты” (официальный эвфемизм для обозначения протестов), таковы: 87 тысяч участников в год. За небольшими исключениями, протесты вызваны следующими факторами: потеря работы, коррупция или эксплуатация. Протесты не имеют явно выраженного политического характера. Власти нервничают и постоянно обращают внимание общественности на то, как обстояли дела на предыдущем витке. В середине 90-х годов, во время быстрой либерализации экономики, проведенной премьер-министром Чжу Жунци, с госпредприятий было уволено примерно 50 миллионов рабочих. Протесты были, но в конце концов все затихло.

Компартия транслирует обществу разнообразные сигналы. Информационная стратегия правительства последовательна, изобретательна и хитроумна. Складывается впечатление, что государственные центральные СМИ мало что делают для того, чтобы преуменьшить размах протестного движения. Мне объясняют, что здесь дело не в свободе слова, а в целесообразности. Общенациональные СМИ используют протесты как повод продемонстрировать вероломство местных руководителей, а также необходимость в центральном правительстве, которое осаживает коррумпированных местных чиновников. Однако здесь имеет место и дополнительное послание, напрямую относящееся к сути Пакта между Коммунистической партией и китайским средним классом. Если вы цените свой новый образ жиз-

ни, не поощряйте толпу. Ваше благополучие гарантируется только при наличии централизованного контроля, которому не следует бросать вызов, особенно во времена невзгод. Довольно долго ежегодный рост составлял в среднем более 9 %. Обе стороны соглашения стали считать это естественным, поэтому неожиданный спад 2008–2009 годов заставил людей нервничать. Однако неуверенность в будущем может так же хорошо цементировать общество, как некогда — оптимизм.

Когда институт “Хужунь” (*Hurun*), выпускающий одноименный популярный журнал, начал в 1999 году регулярно публиковать список самых богатых людей Китая, для попадания на одно из верхних 50 мест нужны были 6 миллионов долларов. К 2007 году этот список включал 500 человек, и порогом вхождения оказалось состояние уже в 100 миллионов долларов. Еще более примечательным был впечатляющий рост числа миллиардеров: по данным “Хужунь”, количество долларовых миллиардеров подскочило с 7 (в 2004 году) до 106. Ниже этого уровня проявился быстро растущий класс миллионеров. В 2008 году, на пике роста, в Китае насчитывалось 415 тысяч человек, обладавших активами стоимостью 1 миллион долларов. Таким образом, в Китае больше миллионеров в реальном исчислении, чем в любой другой стране. Поскольку степень имущественного неравенства в стране также одна из самых высоких в мире, социальные последствия таких диспропорций не прошли мимо внимания партийного руководства. Уже в 2005 году, в 11-м пятилетнем плане, как приоритет было указано “научное развитие”, суть которого заключается в том, что качество роста так же важ-

но, как его количественные показатели, и что необходимо преодолеть неравенство как внутри регионов, так и между ними. За призывом Цзян Цзэминя к построению “зажиточного общества” (*xiaokang shehui*) последовало стремление к “гармоничному обществу” (*hexie shehui*). Новое поколение китайских сверхбогачей оказалось гораздо менее публичным, чем его российские коллеги, и постаралось скрывать свой роскошный образ жизни от остального населения. Стяжательство было не менее явным, но для богатых в Китае действовали дополнительные условия: быть осторожными, не выставлять богатство напоказ и открыто вкладывать деньги в общественно значимые проекты.

Землетрясение в провинции Сычуань оказалось для них одним из таких испытаний. В течение недели после бедствия в мае 2008 года, по оценкам “Хужунь”, богатейшие люди страны из списка топ-100 вместе пожертвовали 120 миллионов долларов. Как и в России, Сингапуре и многих других странах, в Китае те, кто сумел разбогатеть, знали, что нужно делать, чтобы быть на хорошем счету у властей. Невмешательством в публичную сферу они гарантировали безопасность собственным, приватным свободам.

Понять китайский вариант компромисса легче, чем любые другие. Впервые я посетил Китай в середине 80-х годов. Тогда большинство аспектов жизни еще жестко контролировалось. Люди не особенно могли выбирать, где им жить, какую работу искать, а в некоторых случаях даже какую одежду носить или на ком жениться. Для средних классов (но не для остальных) это давно в прошлом.

Это не пустячные свободы: они относятся к повседневной жизни. Они имеют смысл и ценность, особенно если прежде их не было. Многие китайцы восприняли те распостраненные символы роскоши, которые предоставила

в их распоряжение глобализация: “Армани”, “Мерседесы” и гольф. Шэньчжэнь находится на переднем крае азиатской страсти к спорту и не готов принять ничего, кроме лучшего. В городе по крайней мере дюжина эксклюзивных гольф-клубов, привлекающих в специальные уик-энды и по праздникам игроков со всей Азии. Самый большой в мире гольф-клуб “Мишэн-хиллс” — это не менее 12 полей, созданных самыми знаменитыми профессиональными игроками мира, 8 ресторанов, отель, частные резиденции и два плавательных бассейна.

Я мало интересуюсь спортом и потому только невесело усмехнулся, узнав, что местом моей последней встречи в этот день станет гольф-клуб “Нобл-мерчент”. Ланьцзыэль сказала мне, что ее зять-юрист пригласил нескольких друзей и деловых партнеров на ужин в мою честь. Нас провели в банкетный зал с видом на одну из лунок. По пути я взял на стойке регистрации рекламную брошюру:

Еще одно преимущество “НМ-Гольф” — полная система освещения на 18 лунок. Эта система превращает ночь в день, чтобы занятые члены клуба могли с комфортом [*sic!*] и удобствами наслаждаться игрой, когда бы они ни освободились.. Полезно знать, что гостевой дом “НМ-Гольф” — первый роскошный клуб в Шэньчжэне, где подаются только те блюда, которые входят в меню банкетов государственного уровня.

Меня приветствует устроитель встречи — Ван Хэпин из Ассоциации адвокатов Шэньчжэня, дружелюбный и бодрый мужчина. Он представляет меня другим гостям, ожидающим на веранде нашего приватного кабинета. Среди них несколько местных журналистов, два промышленника, управляющий активами, архитектор, профессор философии из Нанкинско-

го университета, который прилетел специально ради меня, и два важных человека из Шэньчжэньского муниципального бюро по культуре. Встреча начинается не то чтобы гладко. Я делаю довольно неуклюжую попытку пошутить насчет того, что, мол, футбол — это язык международного общения, и остальные гости доблестно пытаются смеяться. Затем господин Ван берет быка за рога и спрашивает, как я оцениваю нынешнее положение дел в Китае. Я отвечаю, что не хотел бы говорить на эту тему, поскольку приехал как раз для того, чтобы разобраться. Мою уклончивость не одобряют, и тогда я высказываю свои соображения о Пакте. Насколько они все готовы пожертвовать свободами в обмен на процветание и безопасность? С этого момента вечер, сдобренный хорошим красным вином, начинает набирать обороты.

Беседа становится одновременно страстной, философской и ироничной. Мы обсуждаем важность семьи, победу Барака Обамы, глобальную рецессию и возможные антикризисные меры. Один из гостей придерживается пессимистического взгляда на экономические перспективы Китая: “Все не критично ожидают восстановления экономики. Они думают, что корабль получил лишь маленькую пробоину. Но на самом деле он наберет еще очень много воды”. Морские метафоры, очевидно, в моде. Очередная иллюстрирует политическую реформу: “Это долгое путешествие по океану. Пункта назначения нет. Мы должны прислушаться к пассажирам”. Я интерпретирую это как призыв к расширению демократии, но уверенности нет, поэтому я направляю разговор в сторону обсуждения западного подхода к гражданским свободам и его применимости в Китае. Один из присутствующих говорит: “Это дилемма для таких, как мы. Мы осознаем ценность демократии и свободы, но как нам их добиться?” Другой считает, что Китай воспримет “уни-

версальные ценности — права человека, демократию и тому подобное через 10 лет... Мы не верим в фундаментализм. Мы в большей степени оппортунисты и прагматики”.

Тема национализма возникает в разговоре только эпизодически. Наш ужин по времени совпадает с чрезвычайной встречей Большой двадцатки в Вашингтоне, на которой обсуждается финансовый кризис. Мы все соглашались с тем, что это означает первое запоздалое официальное признание места Китая в президиуме крупнейших экономик мира. В этот момент архитектор извлекает откуда-то стопку бумаги и начинает зачитывать заранее подготовленную речь. Другие хохочут над его серьезностью, но он не из тех, кто упустит момент. Он говорит об унижении Китая иностранными державами и о том, как китайцы “не осмеливались мечтать о такой жизни десять лет тому назад”. Процветание было обусловлено не политической реформой, а врожденными качествами китайского народа, его предприимчивостью и трудолюбием. Со стороны других было бесчестно диктовать Китаю любой конкретный курс действий, и в особенности это касается экологических ограничений, которые могли бы сдержать его рост: “Мир мал, его ресурсы ограничены. Вы [Запад] уже съели большую часть хорошей еды”. Я и раньше слышал подобное высказывание: “Америка сегодня ест завтрашний обед. Китай ест обед, который ему не удалось съесть 150 лет тому назад”.

Что до моей собственной еды, то пока архитектор произносит речь, я пытаюсь извлечь хоть что-нибудь съедобное из очень дорогого краба, и на моей тарелке растет гора мусора. Смущение мое несколько облегчает реплика одного из гостей: “Реформы в Китае похожи на то, чем вы сейчас занимаетесь. Это долго, трудно и неприятно”. Все смеются. Атмосфера снова сгущается, когда разговор каса-

ется самоопределения современного Китая. “Мы не знаем, кто мы, — сообщает мне один из журналистов. — Люди пытаются во что-нибудь поверить”. По его мнению, китайский народ “застрял в переходном периоде”. Он цитирует заголовок книги, написанной американским ученым китайского происхождения Миньсин Пэем в 2006 году. Эта книга оживила полемику о политическом и экономическом компромиссе. Пэй утверждает, что интенсивный экономический рост ослабил шансы на реформирование политической системы. Благодаря “нелиберальной адаптации” правящие элиты укрепили свою власть и намерены продолжать в том же духе. Еще один из присутствующих, повернувшись ко мне, добавляет: “Мы отличаемся от вас. Мы — стадо овец, наши стимулы — высокая трава и бич пастуха”. Наконец один из участников беседы, до сих пор молчавший, формулирует следующее короткое соображение: “Единственное, что у нас осталось — традиции. И единственная наша традиция — это семья”. В ходе обеда каждая тема предлагается к обсуждению с энтузиазмом и с ничуть не меньшим энтузиазмом оспаривается. Даже муниципальные чиновники теряют свою сдержанность и горячо спорят. Мы переходим к теме Олимпиады, которую все в основном рассматривают как колоссальную демонстрацию профессионализма и гордости Китая. Но один из гостей с этим не соглашается: “Хотя церемония открытия и не была коммунистической, но она была коллективистской. Мы были унижены и смущены. Все было слишком строго”.

Уже совсем поздно. Мы расстаемся — с рукопожатиями и объятиями. По дороге к автомобилю господин Ван интересуется моими впечатлениями. Я считаю беседу замечательно откровенной. Я также говорю, просто на всякий случай,

что цитировать этот разговор буду без имен. Он отвечает, что не думал об этом, но не возражает. Я спрашиваю его, как ему удалось организовать такую встречу. Он рассказывает, что пригласил трех-четыре человек и попросил их привести своих знакомых. Другими словами, все разговаривали, не зная в точности, могут ли они доверять собеседникам: “Мы разговариваем открыто в тесной компании, но никогда на таких формальных встречах, как эта”. Для Вана и его друзей это путешествие в неизвестность, отказ от условий, обеспечивающих покой и безопасность. Он снова говорит, что рад случившемуся. Я не уверен, что его словам стоит верить, но, в смысле задач, стоявших передо мной, очень доволен, что все вышло именно так.

В Пекине, при всех внешних претензиях на космополитизм, политические дискуссии ведутся более осмотрительно. Это совсем не удивительно, поскольку Пекин — это центр власти, и многие из тех, с кем я общаюсь, вынашивают амбиции, которым избыточно критический подход может повредить. Я сижу в кафе “Цыгуан” у восточных ворот Университета Цинхуа в компании полудюжины студентов и студенток. Одна из них, преподаватель литературы и переводчик из Центральной партшколы КПК, принесла на встречу ноутбук, и это меня слегка нервирует. Записывает ли она нашу беседу в блог (это о’кей)? Или фиксирует ее для использования в официальных источниках (в этом случае вряд ли можно рассчитывать на открытый разговор)? Когда речь идет об экономике, дискуссия носит вполне откровенный характер. Студенты рассказывают о друзьях, которые потеряли деньги на Шанхайской фондовой бирже (рынок к этому моменту “просел” на две трети). Один из присутствующих рассказывает о своем друге, который несколько лет назад продал дом, чтобы инвестировать в ак-

ции. Для некоторых эти инвестиции были сознательной спекулятивной игрой, для других — страховым фондом, которого они сейчас лишились.

В течение многих лет Запад с беспокойством наблюдал за успехами Китая на мировой арене. К середине нынешнего десятилетия китайские деньги через фонды национального благосостояния дошли до самых дальних уголков Америки — в том числе и туда, куда не доходили деньги федерального правительства. К 2007 году Китай аккумулировал для инвестирования ошеломительную сумму в 1,2 триллиона долларов в иностранной валюте. Большая часть этих средств была вложена в казначейские бумаги или гособлигации США. Частично эти вложения производились совместно с сингапурскими фондами — благодаря упрочению связей между правительствами двух стран. Только в 2006–2007 годах доля китайских вложений в американские корпорации выросла в 16 раз. По мнению некоторых американских политиков, усиление Китая настолько же опасно, насколько было опасно усиление Японии в 70-х и 80-х годах. Блокировались определенные сделки, воздвигались тарифные барьеры. В 2005 году Конгресс позаботился о том, чтобы воспрепятствовать планируемому поглощению энергетического гиганта “Унокал” Китайской национальной оффшорной нефтяной корпорацией. Из-за опасений Пентагона, что Пекин может получить доступ к передовым военным технологиям, была заблокирована недавняя попытка приобретения телекоммуникационной компании “Три-ком” (*3-Com*).

Поначалу к вторжению на рынки западных стран в Китае отнеслись с энтузиазмом. Но когда дела пошли плохо, последовала отрицательная реакция. В мае 2007 года Китай инвестировал 3 миллиарда долларов в нью-йоркскую частную инвестиционную компанию “Блэкстон”. Весьма

символичным выглядел тот факт, что коммунистическое государство приобретает долю в капитале одной из восходящих звезд Уолл-стрита, ожидая более умелого управления своими инвестициями. Однако в течение нескольких недель акции резко упали. Блогеры начали критическую кампанию, и власти не сделали ничего, чтобы ее остановить, демонстрируя определенную терпимость к открытой дискуссии в патриотическом ключе. “Золотовалютные резервы заработаны потом и кровью китайского народа, пожалуйста, инвестируйте их поаккуратнее”, — призывал один из комментаторов на популярном сайте *sina.com*. В общем, дебаты в СМИ на экономические темы были относительно открытыми.

Когда мы перешли к политике, моя университетская группа начала осторожничать. Молодой человек, только что вернувшийся после года, проведенного в Корнелле, настаивает, что Китай может продолжать “сочетать коллективистскую общественную и экономическую модель с высокой степенью консюмеризма” (вариация общепризнанной идеи “ленинизм плюс рыночная экономика”). Я говорю им, что как раз просматривал полки в соседнем книжном магазине, где обнаружил книги Милтона Фридмана рядом с трудами Мао. Им это не кажется удивительным. Поэтому я спрашиваю, видят ли они какую-нибудь связь между материальными благами и требованием большей свободы. Одна из них отвечает: “Несомненно. Достаток ведет к потребности в большей персональной автономии”, — и быстро добавляет, что этот тезис может и должен быть согласован в ходе внутрипартийных дискуссий в КПК.

Студенты признают, что обмениваются друг с другом информацией о технических хитростях, позволяющих обходить новейшие системы ограничения доступа в интер-

нет. Тем не менее они настаивают, что определенные меры контроля следует сохранить ради социальной стабильности, добавляя, что главной целью ослабления цензуры должна быть большая эффективность и честность: “Нам нужна прозрачность в передаче информации, чтобы улучшить систему отчетности, увеличить эффективность борьбы с коррупцией и выявления ошибочных решений”. В пользу этого аргумента они приводят поговорки: “Как пациент может вылечить себя сам?” и “Как лошадь может быстро бежать, если только она и участвует в гонках?”

Мне кажется, что предлагаемое ими решение основано на прагматической государственной мудрости, на варианте сингапурского взгляда на выборы как форму референдума или простой индикатор эффективности управления. Демократия, таким образом, определяется как технократический контроль. Площадками, где производятся соответствующие оценки, являются официально признанные структуры — общественные обсуждения, экспертные совещания, опросы и, главное, внутрипартийные дискуссии, которые могут сблизить различные точки зрения. Все это соответствует термину, столь модному в китайских интеллектуальных кругах: “совещательная демократия” (*deliberative democracy*).

Можно ли это реализовать в рамках однопартийной системы? Коммунистическое руководство должно еще принять “мягкую” институциональную инфраструктуру, которая в большей или меньшей степени присутствует в западных системах: независимые суды, права собственности, свободная пресса, независимые профсоюзы, эффективное корпоративное управление, прозрачные антимонопольные законы, свобода интеллектуального поиска и даже правильно функционирующая система социального обеспечения. Студенты, мои собеседники, убеждены, что Китай воспримет эти ме-

ханизмы, встроив их в существующую систему. В качестве точки отсчета они используют Сычуаньское землетрясение. “Мы не смогли бы отреагировать так быстро, как это было сделано в Сычуани, если бы у нас была многопартийная демократия. Эта катастрофа возродила нашу веру в необходимость согласованности, которую может обеспечить только коллективистская модель”, — говорит один из студентов. Они сопоставляют Сычуань с ураганом Катрина. Более того, они могли бы упомянуть и реакцию индийских властей на теракты в Мумбаи.

Сычуаньская трагедия знаменует собою важный момент. В ней отразились различные противоречия, в частности попытки китайского правительства идти в ногу с обществом, степень открытости которого постепенно увеличивается, и одновременно соответствовать требованиям цифровой эпохи. Они начали с традиционных, опробованных методов, попытавшись преуменьшить степень разрушений и не допустить прямых репортажей с места трагедии. Поскольку до открытия Олимпийских игр оставалось всего три месяца, правительство было чрезвычайно озабочено информационным контролем. Однако когда репортажи и видео начали распространяться по миру с помощью интернета (что исключало любую предварительную цензуру), старая стратегия дала сбой. Власти быстро смягчили режим и, к своему изумлению, обнаружили, что непосредственным результатом этого было вовсе не то, чего они боялись. Видео, на котором премьер-министр Вэнь Цзябао в потертых ботинках и тускло-коричневом костюме карабкается по развалинам, чтобы встретиться с жертвами и призвать службы спасения удвоить усилия, мгновенно стало хитом. “Дедушка Вэнь” стал для всего мира олицетворением китайской скорби. На короткое время критиковать Китай

стало бестактным, — в чем на собственном опыте убедилась актриса Шэрон Стоун, предположившая, что катастрофа произошла из-за “плохой кармы”, обусловленной нарушениями правительством прав человека. Вэнь несколько раз посетил район землетрясения. Он даже завел собственную страницу в “Фейсбуке”, ставшую одной из самых популярных в своем роде.

В течение всего 2008 года, одного из самых важных в современной истории Китая, картины разрушений в новостях помогали укрепить чувство национальной солидарности. В Пекине и других городах на автобусах и в метро появилась реклама с пандой или хорошенькой девушкой и надписью: “В Чэнду станет лучше — благодаря вам”. Однако по мере усиления критики долгосрочных мер ограничения на передачу информации вернулись. Министерство пропаганды издало директивы о том, какие темы можно, а какие нельзя затрагивать в выпусках новостей государственным СМИ. К запретным относятся вопросы о строительстве школ; о том, были ли спасательные операции слишком медленными; знал ли Пекин о землетрясении заранее, но не смог предупредить жителей (слухи ходят именно об этом). Нескольким группам родителей, у которых в разрушенной школе погиб единственный ребенок, запретили поездку в Пекин для оказания давления на правительство. Журналистам, которые задавали слишком много вопросов, порекомендовали “обратить внимание на положительную пропаганду”, а также “поддерживать единение, стабильность и бодрость”.

Почти никто из тех, с кем я разговаривал, не был доволен высоким уровнем цензуры в СМИ, хотя предлагаемые альтернативы существенно различались. Тысячи газет, журналов, теле- и радиостанций по всем провин-

циям Китая в большей или меньшей степени находятся под присмотром партии. (Деловая журналистика в последние годы была наиболее динамичной и откровенной.) По данным Комитета по защите журналистов, в декабре 2008 года в Китае 28 журналистов находились в заключении, и это самый высокий показатель в мире (на втором месте — Куба). Наиболее часты приговоры за разглашение государственной тайны, подрывную деятельность и диффамацию — обвинения, регулярно используемые, чтобы заставить критиков замолчать.

Главной заботой партии сейчас является интернет. В 2008 году Китай обогнал США, став страной с наибольшим количеством постоянных пользователей: согласно последним подсчетам, их около 200 миллионов. Власти попытались пресечь крамольные дискуссии при помощи фильтров по ключевым словам и множества “сетевых няnek”, нанимаемых порталами и провайдерами. “Великий китайский файервол” укомплектован 100 тысячами мониторов, “киберполицейских” или “чат-няnek”. Иностранные сайты, от Би-би-си до “Википедии”, периодически блокируются. Правительство разработало одну из сложнейших в мире технологий отслеживания опасных сайтов, создав алгоритмы для вылавливания корреспонденции, записей в блогах, в тексте которых есть слова “демократия”, “Далай-лама” или “бойня на площади Тяньаньмэнь”. Обе стороны играют в кошки-мышки: искушенные пользователи быстро находят способы обойти препоны. Одна хитроумная программа выстраивает иероглифический текст по вертикали вместо горизонтали, и это озадачивает детекторы ключевых слов. Один из методов правительства — рекрутирование тысяч платных комментаторов, которые притворяются обычными пользователями, для отражения критики в адрес властей.

Независимые блогеры называют их “50-центовой партией”, поскольку им якобы платят 50 центов за каждый оставленный комментарий*.

Иногда центральное правительство помогает блогерам выпустить пар. Дух “народовластия” разрешается проявлять, чтобы вести непримиримую борьбу с нарушениями местных руководителей. Это повышает доверие к федеральным властям, которые быстро наказывают злоумышленников. В одном случае в сеть попала вроде бы безобидная фотография нанкинского чиновника из жилищного управления. Зоркие блогеры смогли заметить на его руке швейцарские часы стоимостью 15 тысяч долларов. Две недели спустя, после расследования, показавшего, что для государственного служащего со средней зарплатой жизнь он ведет невероятно расточительную, его уволили.

Граница между частной и общественной сферами важна для определения степени свободы в Китае. Эта граница постоянно сдвигается и не поддается четкой демаркации. Многие из студентов, с которыми я беседовал, были недовольны усилиями властей в области цензуры, которые они рассматривают как агрессивные и одновременно безнадёжные. Тем не менее студенты часто отмечают, что поток информации, доступный благодаря Сети, дал многим молодым китайцам, живущим в городах, такое ощущение свободы, о котором их родители могли только мечтать. Они отвергают предположения о том, что им промывают мозги или что их доступ к информации неполон сравнительно с пользователями на Западе.

Политолог Анн-Мари Брэди полагает, что главные китайские пропагандисты изучили теории “производства

* Неофициальное название этих людей — *умаодан* (от кит. *у мао* — 5 цзяо [ден. ед., 1/10 юаня]). — Прим. ред.

согласия” (*manufacturing consent*) Эдварда Бернейса, создателя современного пиара, и Уолтера Липмана*. В своей эпохальной работе “Общественное мнение” (1922 г.) Липман отмечал, что демократия и СМИ функционируют в обстановке недостаточного внимания и неспособности “сбитого с толку стада” прийти к осмысленным заключениям без подказки. Этим “стадом” должен управлять “специальный класс”, который формируется из экспертов, в ином случае называемых элитами. Их роль заключается в исправлении основного дефекта демократии — недостижимости идеала “всемогущего и всезнающего гражданина”. Брэди обращает внимание на то, каким именно образом правительство указывает: эти темы открыты для обсуждения, а эти — нет. Государство вмешивается на всех уровнях иерархии медиа посредством подачи новостей, обратной связи после публикаций, а также поощрений и наказаний. Наиболее эффективным инструментом, впрочем, оказывается китайское, а не импортированное с Запада изобретение. Речь идет о регулировании в стиле “вы знаете, что мы имеем в виду”, которое позволяет экспериментировать, сохранять неопределенность, а затем наказывать по собственному произволу. Это масштабированная сингапурская модель с акцентом не на судебные процессы по обвинению в диффамации (у обвиняемых в Китае редко есть деньги на уплату штрафов), а на другие формы наказания, от давления со стороны коллег до тюремного заключения.

* Эдвард Бернейс, племянник Зигмунда Фрейда — крупнейший специалист по пиару, внесший значительный вклад в создание современной науки массового убеждения, основанного не на разуме, а на манипуляции подсознательным. В работах Бернейса употребляется термин “инжиниринг согласия” (*engineering of consent*). Термин “производство согласия” принадлежит Уолтеру Липману, у которого его заимствовали Ноам Хомски и Эдвард С. Херман. — *Прим. пер.*

Есть и культурные отдушины. Во многих отношениях Пекин — более передовой, чем Сингапур и другие азиатские города. Прогулявшись в окрестностях улицы Саньлитунь, вы найдете и выставки современного искусства, и музыкальные площадки, и заполненные покупателями книжные магазины, и “уличную” дизайнерскую одежду, и многое другое. Что касается науки, то некоторые ученые, с которыми я общался и которые работали в разных азиатских странах, рассказывали, что в китайской столице не меньшая свобода научных исследований, чем в любом другом месте. Эта открытость имеет ясную цель, о которой Эндрю Нэтан, давно занимающийся Китаем, пишет:

Слабо контролируемая свободная зона не противопоставляется, а существует параллельно закручиванию гаек в области политики, где меньшинство, настаивающее на подконтрольности режима, вытесняется на культурную обочину и в целом игнорируется.

Кран был демонстративно перекрыт в ходе подготовки к Олимпийским играм и во время их проведения. В 1993 году Китай был унижен перед всем миром, когда его заявка на проведение игр в 2000 году была отклонена в атмосфере недовольства общественности ситуацией с соблюдением прав человека. Позднее, подавая заявку на 2008 год, китайское правительство обещало “всестороннюю открытость” и улучшение ситуации с гражданскими свободами. Это позволило сохранить лицо всем заинтересованным сторонам. Международное сообщество смогло заявить, что озабочено соблюдением прав человека, хотя все знали, что реальной причиной смены гнева на милость было возвышение Китая.

Во многих отношениях китайская система оказалась идеально приспособленной для такой грандиозной затеи. В отсутствие бюджетных ограничений и прозрачных тендеров, располагая громадным резервом безропотных рабочих-мигрантов, власти вовремя завершили строительство не только 31 олимпийского объекта, но и трех новых линий метро и крупнейшего в мире аэропорта.

Учитывая объем задач, правительство рассматривало проявления несогласия в это время не только как особую угрозу эффективности, но и вообще угрозу. Чтобы упрочить “порядок”, были усилены репрессии. Правозащитники сообщали об арестах активистов, участвовавших в кампаниях по разным поводам — от защиты прав собственности на землю до борьбы со СПИД. Несколько диссидентов были наказаны “трудовым перевоспитанием”, то есть без суда отправлены в исправительно-трудовые лагеря. Ряд обычных граждан, воспользовавшихся традиционной и разрешенной практикой подачи жалоб на действия местных властей, были арестованы. Число арестов по обвинению в “угрозе государственной безопасности” поднялось до самого высокого уровня за последние восемь лет. Адвокаты, защищавшие активистов в суде, подвергались задержанию, избиению и угрозам. Организация “Эмнести интернэйшенал” отметила: “Была надежда, что Игры послужат катализатором реформ, но нынешние репрессии против активистов и журналистов во многом идут... не вопреки Олимпиаде, а из-за нее”.

Китайцы предполагали, что, учитывая политические и корпоративные глобальные инвестиции, уже сделанные в пекинские Игры, правительства западных стран не будут протестовать. Они в основном оказались правы, хотя в чем-то и ошиблись. Имел место ряд весьма неприятных

инцидентов, но в конце концов Запад поступил как обычно. То есть — предпочел деньги.

В начале 2008 года кинорежиссер Стивен Спилберг отказался от должности художественного консультанта Игр в знак протеста против позиции Китая в отношении гуманитарного кризиса в Дарфуре. Китай долго игнорировал международную обеспокоенность по поводу поддержки им деспотического правительства Судана, обвиняемого в разжигании конфликта, в ходе которого не менее 200 тысяч человек были убиты, а еще 2 миллиона — изгнаны из своих домов. Спилберг заявил, что ни он, ни другие голливудские звезды не будут участвовать в “Олимпиаде геноцида”. В целом, однако, правозащитники почувствовали себя уязвленными, потому что реакция Запада на этот затянувшийся конфликт оказалась недостаточно выраженной.

Тибет — еще одно место, где действия Китая подвергаются обоснованной критике. В марте 2008 года, за пять месяцев до Игр, китайские военные подавили протест примерно 300 буддийских монахов в Лхасе. Выступления были приурочены к годовщине потерпевшего поражение восстания 1959 года. Более 1 тысячи жителей Тибета было арестовано. По заявлению китайского правительства, мятежники убили по меньшей мере 19 человек. Тибетские беженцы, в свою очередь, сообщили, что солдаты убили десятки мирных жителей. Многие китайцы яростно реагировали на освещение событий в западных СМИ или на то, что им рассказывали об освещении событий западными СМИ. На форуме Эм-эс-эн слова “Я люблю Китай” были так же популярны, как “Я ненавижу Си-эн-эн”.

То, что происходило на улицах европейских столиц, еще больше подогрело эти настроения. Шестого апреля 2008 года в Лондоне протестующие разбили олимпийский

факел, когда его проносили по городу. На следующий день в Париже царил еще больший хаос. Китайское правительство поддерживало чувство задетой патриотической гордости. Многим китайцам внушалось, что западное телевидение фальсифицировало события. Один студент в разговоре со мной так отозвался об освещении Би-би-си событий в Тибете: “Такое мог написать и Далай-лама”. Другая студентка, которая училась в Лондоне и была в городе, когда там протестовали против олимпийской процессии, сказала мне, что принимала участие в контр-манifestации лояльных китайских студентов: “Нас были тысячи, мы защищали свою страну, но мы просто исчезли с ваших экранов”. Мои возражения, что ее могли и дезинформировать, были проигнорированы.

Тот период стал для западных правительств решающим. Следовало ли им выступить в защиту гражданских свобод? Или они должны были попытаться держать свой порох сухим и не рисковать стратегическими и деловыми отношениями с третьей по величине экономикой мира? В конце концов они сделали и то, и другое, ухитрившись вызвать недовольство и правозащитных групп, и китайского правительства.

Канцлер Германии Ангела Меркель заставила негодовать власти Китая, когда встретилась в Берлине с Далай-ламой. Ее предшественник на посту, Герхард Шредер, заявил о решении Меркель: “Недавние события задели чувства китайского народа, и я сожалею об этом”. Он выступал в Пекине на семинаре “Развитие Китая и всемирная гармония”. До конца года, впрочем, отношения “вернулись к норме”, так как, побывав на Играх, Меркель затем еще раз посетила Китай. Гордон Браун всякий раз оказывается в сложном положении. В свой первый приезд в Пекин он сосредоточился почти исключительно на торговле, едва упомянув о правах человека.

Наблюдая за эскалацией беспорядков в Тибете, он заявил, что не собирается участвовать в церемонии открытия Игр, однако посетит празднества по поводу их закрытия. Никто толком не понял, что это значит. Когда потрепанный олимпийский факел в тот суматошный апрельский день достиг Даунинг-стрит, Браун согласился принять его и сфотографироваться рядом, но при этом не дотронулся до него.

Хуже всех пришлось французам. Президент Николя Саркози сначала решил, что во внешней политике ему следует обратить особенное внимание на защиту прав человека. Он заявил, что может отказаться от присутствия на церемонии открытия, если в Тибете не будет достигнут “прогресс”. Эта угроза и парижские протесты по поводу проноса олимпийского факела вызвали очень резкую антифранцузскую реакцию. Правительство Китая успешно инициировало народную кампанию против западного вмешательства. Главной мишенью стала сеть французских супермаркетов “Карфур”, наиболее успешный в Китае иностранный ритейлер. В течение нескольких апрельских дней состоялась серия шумных протестов. Китайское правительство с удовольствием демонстрировало народный гнев в национальных и международных выпусках новостей, а также разрешило гражданам использовать интернет, чтобы приглашать друг друга присоединиться к кампании. При этом преследовались сразу три задачи: сыграть на растущем перед Играми патриотизме, наказать Францию и предостеречь возможных будущих злоумышленников.

Китайское правительство — непревзойденный мастер употребления неявной власти. В отличие от России, Китай предпочитает избегать языка агрессии. Его конек — контролируемая угроза, усиленная пониманием собственной растущей экономической мощи. Накануне Олимпиады

странам, которые отнеслись к Китаю “с уважением”, было обещано, что после они получают преимущество.

Кампания “игнорируй Францию” добилась всех своих целей. Покидая Пекин после церемонии открытия, Саркози попытался польстить хозяевам, заявив, что Игры заслуживают “золотой медали”, однако снова пошел на попятный, встретившись в декабре с Далай-ламой. Лидеры французского бизнеса кипели от злости, сожалея об упущенных возможностях, а их конкурентов из других стран перспектива перехватить у французов пару лишних контрактов привела в восторг. Подобные конкурсные торги правами человека — не новость: во время холодной войны такое проделывали с неменьшим рвением. Британское корпоративное лобби получило дальнейшую поддержку, когда Дэвид Милибэнд изменил политику в отношении Тибета — в тот момент, когда всем было не до Тибета. Той осенью, накануне выборов в США, министр иностранных дел выпустил парламентское заявление, в котором формально признал суверенитет Китая над спорным регионом. Милибэнд заявил, что он лишь добивался обеспечения единства взглядов Великобритании, США и ЕС и устранял аномалию. И то, и другое было правдой, но дело было сделано. Китайцы остались довольны.

Олимпиада вызвала колоссальный всплеск патриотического энтузиазма и, как результат, подтверждение положений Пакта. Некоторые западные дипломаты обращают внимание на то, что чем сильнее они, неправительственные организации или журналисты критикуют китайское руководство, тем больше, по-видимому, возрастает, а не падает популярность режима внутри страны. В июле 2008 года “Пью ресерч сентер” опубликовал результаты исследования, которые в Китае позднее широко цитировали:

С нетерпением ожидая Пекинскую олимпиаду, китайский народ выражает необычно глубокое удовлетворение тем, как идут дела в стране и в национальной экономике. Более 80 % населения имеет положительное мнение по обоим вопросам, и с такими показателями Китай занимает первое место среди 24 стран, оценивавшихся по этим двум критериям в 2008 году. Эти результаты свидетельствуют о серьезном повышении национальной самооценки по сравнению с началом десятилетия.

Государственные СМИ Китая и блогосфера ухватились за эти данные. В не меньший восторг привела их книга «Как жители Азии относятся к демократии», опубликованная во время Олимпиады. В изданной Колумбийским университетом работе сравниваются восемь восточноазиатских стран. Авторы книги сделали вывод, что уровень поддержки режима в Китае является наивысшим. В меньшей степени граждане довольны правительством в странах, так или иначе ассоциирующихся с демократией — в Южной Корее, на Тайване, на Филиппинах, в Гонконге и Японии (она заняла последнее место). Методология исследований почти не вызывала сомнений. По-видимому, опросы точно отражали настроение в тот момент — пренебрежение критикой и гордость на волне успехов. Последняя была подкреплена высшим результатом Китая на Олимпийских играх: страна завоевала 51 золотую медаль.

В течение месяца проведения спортивного праздника многие районы Пекина будто вымерли. Многим людям, обычно получавшим визы, было отказано во въезде. Отели (по крайней мере, не расположенные вблизи Олимпийской деревни) сообщали о низкой наполненности. Полезный «юридический справочник» предписывал спортсменам, официальным лицам, репортерам и зрителям правила по-

ведения. Им рекомендовалось избегать “подрывной деятельности” либо “демонстрации плакатов религиозной, политической или расовой тематики”. Единичные протесты приверженцев секты Фалуныгун и движения “Свободный Тибет” имели место, но если они попадали в поле зрения западных съемочных групп, их бесцеремонно прекращали. Некоторые веб-сайты были заблокированы, другие — разблокированы после официальных обращений, переданных через МОК, — но только для того, чтобы большинство их снова заблокировать после Игр. Жители Пекина рассказывали, что внезапно был введен ряд странных норм. Так, в ресторанах из опасения вызвать недовольство иностранцев перестали подавать собачье мясо, а некоторым магазинам запретили продавать джин: чиновники заявили, что он может быть использован для изготовления “коктейля Молотова”.

Практически сразу после прибытия в Пекин холодным ноябрьским днем я отправился на прогулку вокруг олимпийского стадиона — “Птичьего гнезда”. Я хотел почувствовать дух происходящего. Основное ощущение — некоторое похмелье. Само здание, спустя всего несколько месяцев после Игр, выглядит слегка обшарпанным. Цена билета вряд ли оправдывается беспорядочной выставкой костюмов в одном из углов стадиона. Полиция по непостижимой для меня причине строго охраняет финишную прямую беговой дорожки. Тем не менее туристов, особенно из других районов Китая, меньше не становится. Они держат наготове камеры, чтобы заснять национальный стадион.

Я думаю о том, действительно ли Олимпийские игры ознаменовали успешный выход Китая на мировую арену — или же просто обеспечили ему краткую передышку перед возвращением к суровой действительности. Николас Беклен из “Хьюман райтс уотч” напоминает мне, что в Китае наказание за более чем 60 составов преступлений предусматривает смертную казнь. Среди них есть и ненасильственные преступления, например, уклонение от уплаты налогов. Здесь казнят больше людей, чем во всех остальных странах мира вместе взятых. Смертная казнь превратилась в большой бизнес: до 95 % органов для коммерческой трансплантации в Китае получают от казненных преступников. Кроме того, действует политика “одна семья — один ребенок”, этот самый наглядный пример продолжающегося вмешательства государства в частную жизнь граждан. Официальное мнение на сей счет гласит, что политика, начало которой было положено 30 лет назад, предотвратила появление на свет 400 миллионов китайцев, которые могли бы затормозить экономический рост и подорвать социальную стабильность. Экономисты предсказывают значительный дефицит рабочей силы в среднесрочной перспективе, по мере старения нынешнего поколения. Эта часть проблемы обсуждается относительно открыто. Редко упоминаются другие последствия политики “одна семья — один ребенок”: инфантицид, принудительное усыновление и другие нарушения прав человека.

Мы обсуждаем извилистую тропинку, на которую вступил Запад. Беклен считает, что политики — не единственные, кто заслуживает порицания. Политики в своих решениях ориентируются на крупные корпорации. По мнению Беклена, международные юридические фирмы все меньше хотят критиковать Китай из опасения потерять

бизнес. То же самое происходит с медиаконгломератами, да и почти со всеми коммерческими предприятиями. Беклен считает, что основная проблема — не принципы (Китай подписал 14 международных соглашений о защите прав человека и настаивает на “прогессе” в этой сфере), а необходимость сохранить лицо. Причина подавления инакомыслия заключается в стремлении диссидентов критиковать Китай перед иностранцами. Задача состоит в том, чтобы найти новый язык и новые механизмы для решения этих проблем. Повестка времен холодной войны с ее удобными постулатами об одной системе, озаряющей человечеству путь, и другой, морально деградирующей, давно изжила себя. Такие темы, как многопартийные выборы или свобода выражения, а также отношение к ним населения, в условиях современного и приобретающего вес Китая выглядят все более сложными и многозначными. “Правозащита должна развиваться, — полагает Беклен. — Нам необходимо найти новый язык для общения с людьми, которые выросли с привычкой к консюмеризму и к однопартийной системе”.

Складывается впечатление, что в оборот вернулись многие сомнительные приемы. Коррупционные скандалы не затихают. Наиболее громким оказался случай, когда несколько детей умерло, а тысячи заболели, отравившись молоком, к которому был подмешан меламин — вещество, используемое в пищевой промышленности для фальсификации анализов. Официальные СМИ в очередной раз начали с попытки замаять дело, но им не удалось утаить его подлинные масштабы. Эта история привела к дальнейшему падению репутации китайской продукции в мире. Власти пригрозили производителям пищевых продуктов и лекарств наказанием — вплоть до смертной казни, если они исполь-

зуют кризис в качестве предлога для того, чтобы обойти существующие требования.

Глобальный экономический спад — главная тема моей беседы с Майклом Петтисом, профессором школы управления Гуанхуа при Пекинском университете, и его студентами. Несмотря на субботний вечер, он проводит семинар по макроэкономике с 11 молодыми людьми в холле экономического корпуса. Петтис предлагает одному из учащихся модерировать дискуссию. Студенты с различных точек зрения анализируют прогнозы глубины рецессии, налоговую реформу, ликвидность банковского сектора, опасности инфляции и дефляции. Они обсуждают, в какой степени кризис уже затронул Китай и насколько могут снизиться темпы роста. Петтис дает студентам возможность высказываться, только изредка вмешиваясь в разговор. Он спрашивает своих подопечных, видели ли они недавно телеинтервью с премьер-министром об экономической ситуации: “Вэнь выглядел по-настоящему напуганным. Похоже, они действительно чего-то боятся”. Студенты кивают. “Чего же?” Ответа нет.

Мы спускаемся вниз по дороге и через узкий дверной проем попадаем в помещение без окон — клуб “Ди-22”. Петтис — не только специалист по финансовым рынкам, но и руководитель одной из самых живых и интересных музыкальных площадок в столице. Смешивая мне джин с тоником, он замечает, что студенты текущего набора — первые за долгое время, которым придется стараться изо всех сил. Примерно 80 % выпускников 2008 года не нашли работу, и их так расстроили неудачные попытки трудоустроиться в частном секторе, что не менее 1 миллиона человек приняли участие в сдаче экзамена на государственную службу. Это на 25 % больше, чем в прошлом году. Учитывая, что на каждое место претендуют в среднем 80 выпускников с высшим

образованием, неудовлетворенность положением дел очень высока. По данным газеты “Цзефанцзюнь бао”, печатного органа Народно-освободительной армии Китая, количество заявлений о поступлении на военную службу — рекордное для этого поколения.

Многие молодые люди под влиянием душераздирающих рассказов родителей о жизни во времена “культурной революции” предпочитают не вмешиваться в политику. Они хотят хорошо учиться и наслаждаться тем минимумом свободного времени, который можно выкроить в очень плотном расписании. Все остальное считается отвлекающим и даже опасным. Поскольку перспективы устроиться на работу уменьшаются, люди, что естественно, стали осторожнее в отношении всего, из-за чего у них могут “возникнуть проблемы”. Популярная пословица гласит: “Никто не станет ронять камень себе на ногу”. Петтис говорит о несоответствии между “впечатляющей культурной либерализацией, аналогичной той, что произошла в США в 60-е годы”, и “худшей системой образования для самых умных детей”, укорененной в устаревшей практике зубрежки и непосильной нагрузки: “Они лучше всех в мире сдают экзамены, но от финансистов я слышу, что многие китайские выпускники, которых они нанимают, не могут решать задачи, требующие нестандартного подхода”.

Но не только осторожностью объясняется нежелание людей критически относиться к действительности. На следующий день я сижу в отдельном кабинете в столетнем чайном магазине “Шэн си фу” и пью замечательный юньнаньский чай. Со мной двое молодых предпринимателей, Ху Чэнгэн и Кевин Ао. Оба они — возвращенцы из Кремниевой долины, люди, которые усовершенствовали свою деловую квалификацию в США и теперь стремятся исполь-

зовать ее в родной стране, инвестируя в компании-производители полупроводников. Хотя они сами и не стали бы характеризовать себя подобным образом, их можно считать пополнением китайского движения “новых левых”, которые и до экономического кризиса были обеспокоены безоговорочным преклонением перед теориями свободного рынка. Чэнгэнь рассуждает:

В последние 10–15 лет мы просто копировали Запад. До недавнего времени я думал, что Китай станет чисто капиталистическим обществом. Но кризис показывает, что США не лучший пример для подражания... Прежде, если вы выступали в защиту интервенционистской экономической политики, вас осуждали в академических кругах. Я полагаю, Китаю повезло, что правительство не было безоговорочным сторонником рыночной экономики. Сейчас даже те профессора, которые учились в США, ставят под сомнение американскую модель.

А что насчет общественной системы? “Китайский средний класс всегда был приверженцем американского образа жизни — дом, машина, дети, собаки, все в таком духе. Но далеко не все могут себе это позволить”, — объясняет Чэнгэнь.

Несмотря на поразительный демографический сдвиг последних двух десятилетий (из сельской местности в города), население Китая, насчитывающее 1,3 миллиарда человек, согласно большинству оценок, включает в себя около 800 миллионов крестьян — в массе своей людей малообразованных. Хотя самопровозглашенный средний класс растет довольно быстро и в абсолютных значениях численность его достигает 200 миллионов, однако это все еще лишь малая часть целого. По мнению Кевина, “свободные выборы хороши в теории и не сейчас. Если доверить голосование неправильным ру-

кам, то на выборах побеждают неправильные люди, которые в дальнейшем манипулируют электоратом”. Я возражаю, что это последний аргумент элиты, которая не хочет делиться властью, и что именно так говорили на Западе, пока голосование не стало всеобщим. Кевин считает, что это вопрос образования и чувства ответственности. В разговоре упоминается также национальный вопрос. В Китае около 55 национальных меньшинств. “Очень легко представить, как именно распадется Китай, если станет демократией, — утверждает Чэнгэнь. — Есть слишком много примеров того, как политические перемены ведут к раздорам. Китайский народ хочет стабильной жизни”.

Я спрашиваю их о специфической репутации Китая в отношении прав человека. Я начинаю с площади Тяньаньмэнь — темы, которой до сих пор из осторожности не касался. Кевин рассказал, что его зять был на Тяньаньмэнь, однако покинул площадь за день до подавления выступлений. У него есть хороший друг. Он остался на площади — и провел год в тюрьме. Сейчас он успешный бизнесмен и живет за границей, хотя, конечно, имеет право вернуться. По мнению Кевина, “студенты действовали от чистого сердца, но были введены в заблуждение”. Он вспоминает о тогдашних спорах в семье: “Отец был против студентов. Все остальные их поддерживали. Время показало, что он был прав”. Кевин упоминает о том, что его брат — заметная фигура в партии — отвечал за восстановление после землетрясения Чэнду, столицы провинции Сычуань. Многие местные жители жаловались тогда на отсутствие компенсации. По мнению Кевина, даже если их недовольство и оправданно, они не должны были протестовать во время Олимпиады, нанося тем самым ущерб своей стране.

Кевин, опережая меня, упоминает Сингапур: “Сингапурская модель — лучшая для нас. Во многих отношениях

сингапурцы даже больше китайцы, чем мы сами. В сравнении с нами они хотят еще большего уровня контроля”. Я называю три альтернативные модели для Китая. Первая: непродолжительный либеральный эксперимент в России времен позднего Горбачева и раннего Ельцина. Вторая модель: бурная демократия Тайваня. Третья: Индия, самая густонаселенная демократическая страна мира. Каждый из этих вариантов вызывает болезненную реакцию. Мои собеседники предлагают просто взглянуть на экономические достижения этих стран и сравнить их с достижениями Китая. По мнению Чэнгэня, “люди с Запада не могут непредубежденно судить о политических системах. Им не под силу смириться с тем, что другие системы тоже могут быть хороши”.

Чэнгэнь и Кевин путешествовали по миру меньше, чем мои сингапурские друзья, однако они, по-видимому, пришли к аналогичным выводам. Я снова сталкиваюсь с фактом, что наиболее рьяные защитники правительства принадлежат к числу тех, кто получил лучшее западное образование. Возможно, удивляться тут нечему. Я повидал достаточно людей из “лиги Эм-би-эй” в Лондоне, Европе и США — людей разных национальностей, которые в течение двух десятилетий определяли себя не через политику или протест, но через всемирную власть денег. Их китайские коллеги всего лишь пытаются им подражать.

Олимпийские игры показали, как далеко продвинулся Китай по пути модернизации, — но не в направлении либеральной демократии. Государство по-прежнему определяет, сколько детей могут иметь граждане. Оно по-прежнему ограничивает в перемещении городскую и сельскую бедноту. С другой стороны, государство в основном ушло из повсе-

* Эм-би-эй (*англ.* MBA, Master of Business Administration) — магистр делового администрирования (ученая степень). — *Прим. ред.*

дневной жизни людей, обеспечив китайцам беспрецедентную свободу потребления, а также профессионального роста и саморазвития. Расширение сферы личной свободы сочеталось с усложняющимся государственным контролем над общественной сферой. В 80-х годах многие китайские интеллектуалы поддерживали многопартийные выборы. После событий на площади Тяньаньмэнь взгляды на политическую реформу изменились. В то время как некоторые известные интеллектуалы по-прежнему верят в постепенное принятие страной демократии, другие утверждают, что для Китая лучше вообще отказаться от выборов и направить усилия на то, чтобы сделать правовым и ответственным однопартийное государство. Партия — это прежде всего всесторонность. В последнее время, чтобы учитывать общественное мнение, она начала обращать внимание на результаты социологических опросов, фокус-групп, на интернет и другие виды обратной связи. Возникла модель “совещательного авторитаризма”, которая в данный момент, кажется, укрепляет легитимность однопартийной системы и снижает стремление масс к тому, что они считают демократией западного образца.

Какой из “филиалов” Большого Китая ближе к тому опыту, который мы полагаем демократическим? Гонконг — это, возможно, уже не такое оживленное место, как прежде. Возможно, он больше не в силах конкурировать с экономической мощью Шанхая и Шэньчжэня. В некоторых аспектах китайцы хранят верность принципу “одна страна, две системы”, сформулированному в 1997 году, когда они выпроводили из Гонконга британцев. Хотя пресса сама

и подрезала себе крылья, здешние газеты и телевидение по-прежнему более пытливы, чем СМИ материкового Китая. Тон задает всегда полная жизни газета “Эппл дейли”. Ее владелец, предприниматель Джимми Лай, противостоял угрозам (и угрозам) сделать свой таблоид менее требовательным (однажды даже случился официально поддержанный властями бойкот со стороны рекламодателей). Обсуждение событий на площади Тяньаньмэнь не шло на пониженных тонах, да и о религии писали достаточно открыто. Удивительно наблюдать за шумно протестующими последователями секты Фалуныгун, запрещенной и преследуемой всего в нескольких милях отсюда, через залив. Совместная китайско-британская декларация (1984 г.) гарантировала сохранение “гонконгского образа жизни”. Китайские власти считают поздние демократические реформы уходящего губернатора Криса Паттена противоречивыми, с чем Лондон согласен. Китайские ученые даже утверждают, что до начала 80-х годов колониальная администрация Гонконга была менее расположена к представительной демократии, защите свободы выражения и свободы объединений, чем нынешние китайские власти.

Для активистов, журналистов, ученых и других политически активных жителей Гонконга опасность кроется не столько в законе, сколько в самоцензуре, в страхе перед неочевидными последствиями откровенных высказываний. Джозеф Чэн — один из членов сокращающегося научного сообщества Гонконга, которое готово открыто агитировать за продемократическое движение. “Я активист и останусь активистом, но оптимистом я быть не могу, — говорит Чэн, профессор политологии Городского университета Гонконга. — Даже здесь большинство думает, что очевидной альтернативы не существует. Люди боятся перемен, особен-

но в трудные времена. Они полагают, что если избавиться от партии, наступит хаос”.

Страх перед хаосом (*luan*) глубоко коренится в умах правителей и растущего среднего класса. Власти тщательно выявляют потенциальные источники неприятностей. По мнению Чэна,

партийные деятели старательно изучают исторические аналогии. Например, имея дело с профсоюзами, они учитывают опыт польской “Солидарности”. Они сравнивают культ “польского папы”* с [сектой] Фалуньгун.

Политическая открытость в последние десять лет строго ограничена. Главный министр Администрации Гонконга не выбирается, а назначается. Парламент формируется обычными и “функциональными” избирательными округами, что обеспечивает деловому сообществу непропорционально сильное влияние на парламент. Как и в континентальном Китае, гонконгская деловая элита тесно сотрудничает с Коммунистической партией. Обе силы сходятся во мнении об опасном потенциале полнофункциональной демократии, всегда могущей стать катализатором нестабильности. Чэн пишет книгу о событиях на Тяньаньмэнь, принимает участие в митингах и других мероприятиях, организуемых Гонконгским альянсом в поддержку прав человека. Он отмечает, что ежегодное пикетирование в июне 2008 года было меньшим по численности и замалчивалось больше, чем раньше. Частично это можно объяснить землетрясением в Сычуани и энтузиазмом по поводу Олимпиады. Однако исследователи

* Иоанн Павел II. — *Прим. ред.*

из Гонконгского университета (конкурента вуза, в котором преподает Чэн) отмечают слабый сдвиг в общественных настроениях. Их исследование показывает, что большинство жителей Гонконга по-прежнему верит в правоту студентов, протестовавших в 1989 году, и полагает, что жестокое подавление акций протеста было ошибкой. Однако доля респондентов, считающих, что положение с правами человека в Китае после 1989 года улучшилось, постоянно увеличивалась, теперь она составляет 85 %. Около 77 % ожидает, что положение улучшится со временем.

По словам Чэна, сейчас люди ведут себя осторожнее даже здесь, в более свободном Гонконге:

В настоящее время неявное давление очень ощущается. Я — всего только старший профессор, занимающийся организацией. Даже здесь вы не станете деканом или президентом, не получите денег на исследования, если много болтаете. В 1989 году интеллектуалы были плохо обеспечены и чувствовали, что им почти нечего терять. С тех пор партия весьма поднаторела в ассимиляции элит, и сейчас многим ученым здесь и в Китае неплохо.

Ученые — лишь одна из групп, успешно кооптированных режимом. Я пересказываю Чэну свои беседы, которые вел в Китае о восстании 1989 года и о выборе, сделанном после него. По его мнению, эти решения — результат консенсуса. Люди смирились с политическим поражением, поскольку добились экономического успеха:

Поколение после Тяньаньмэнь заключило мир с правительством. Общее мнение сейчас таково, что студенты в принципе были правы, но ошиблись в практическом отношении. Вступив

в жесткую конфронтацию с правительством, они не оставили последнему пространства для маневра. Многие скажут, что постепенные реформы — наилучшее решение.

Чэн не предвидит серьезных сбоев в системе, которая “пока вполне удовлетворительно функционирует”, и довольно высоко оценивает “ совеща́тельный ” подход Коммунистической партии:

Они экспериментируют с политическими реформами внутри партии. Они пытаются быть более ответственными. Поскольку руководство не хочет демократии, как мы ее понимаем, оно должно быть более ответственным.

Я предполагаю, что это, очевидно, еще один вариант Пакта.

Даже сейчас, во время финансового спада, есть шанс повысить свой жизненный уровень, если не критиковать власти. Пока вы не создаете проблемы, вы свободны. В противном случае вы быстро становитесь изгоем. За вами приходит полиция, приходят налоговики, и ваши друзья и коллеги начинают задумываться, стоит ли вам перезванивать.

Все сводится, говорит Чэн, “к простому анализу прибылей и издержек”. Издержки значительны, но и прибыль высока. Интересно, что случится, если она начнет падать?

Моя последняя остановка — Тайбэй, столица Тайваня (или Китайской Республики, или 23-й провинции КНР —

как вам больше понравится). Я приехал сюда, в страну, которая с точки зрения Запада полностью выполнила программу “демократизации”, чтобы взглянуть на Пакт с другой стороны телескопа.

С момента отмены военного положения, которое длилось 40 лет, прошло более десятилетия. Жители Тайваня пользуются политическими свободами, и весьма активно: единственное, что многие иностранцы знают о тайваньской политике, — это телекадры, на которых дерутся члены парламента. Для многих китайцев Тайвань — идеальная реклама опасностей демократии. Восемь лет правления Демократической прогрессивной партии (ДПП) только что подошли к концу. Гоминьдан, который долго был партией власти, снова оказался у руля, переопределив себя, по крайней мере, для предвыборных целей как силу, выступающую за демократию. Между тем за несколько дней до моего приезда прежний премьер-министр от ДПП Чэнь Шуйбянь был выведен полицейскими из своего дома в наручниках: политика обвинили в растрате. Его партия протестует, указывая, что это будет показательный процесс*, и утверждает, что судьи никогда не давили на гоминьдановских политиков, если кто-нибудь из них запускал руку в казну. В конце концов неслучайно прежнего лидера Тайваня Чан Кайши прозвали “Обналичь-мой-чек” (*Cash My Cheque*).

Я решил, что сначала следует засвидетельствовать свое почтение Самому. Когда я приехал к мемориалу Чан Кайши, мне сказали, что называется он теперь иначе. Правительство ДПП старалось демонтировать как можно больше памятников Чан Кайши. Со временем оно вынуждено было восстановить монумент человеку, который сражался с Мао в ходе

* В июне 2010 года суд приговорил Чэня к 20 годам тюрьмы. — *Прим. ред.*

Гражданской войны в Китае, проиграл и в 1949 году бежал на Тайвань, где 25 лет возглавлял правительство в изгнании. Национальный мемориал демократии (так его сейчас называют) расположен в роскошном парке, где находятся также Национальный театр и Национальный концертный зал, — копии вашингтонских Мемориала Линкольна и Национальной аллеи. Не приходится удивляться тому, что многое в современном Тайване смоделировано по американскому образцу: на протяжении многих лет США были спонсором и казначеем диктаторского режима. Имело значение только одно: Чан был против коммунистов.

Я поднимаюсь по 89 ступеням (Чан умер в возрасте 89 лет) и приближаюсь к гигантской фигуре сидящего улыбающегося человека с тростью. Ту же позу воспроизводят другие статуи Чана по всему острову. Расположенный внизу музей разочаровывает. Стены увешаны фотографиями, на которых Чан изображен с мировыми лидерами (по крайней мере с теми немногими, чьи страны признали Тайвань после удачной поездки Ричарда Никсона в 1972 году в материковый Китай в рамках “теннисной дипломатии”). К титулованным друзьям Чана относились генерал Сомоса из Никарагуа, Аугусто Пиночет из Чили и другие сомнительные типы. Музейные экспонаты-долгожители — два черных сияющих “Кадиллак Флитвуд”, один из 50-х годов, другой из 70-х, трехтонные лимузины-монстры, из окон которых Чан обозревал свой остров.

* Команда США по настольному теннису, участвовавшая в Чемпионате мира 1971 года в Японии, получила приглашение посетить Китай. Двенадцатого апреля 1971 года спортсмены и сопровождавшие их журналисты прибыли в Пекин. Это была первая американская делегация, посетившая Китай с 1949 года. Этот момент знаменовал собой потепление в американо-китайских отношениях. — *Прим. пер.*

Противоречивая история Тайваня вскрывает интригующие детали практики двойных стандартов времен холодной войны. Пока страна считалась прозападной, ее подход к демократии и ситуация с правами человека замалчивались. В значительной степени это относится и к Чану с его военным положением. Затем, как только правительство Тайваня действительно предоставило народу политические свободы, Запад бросил остров на произвол судьбы, сделав ставку на авторитарный материковый Китай.

Этот вопрос постоянно поднимает Деннис Энгбарт, американский журналист, давно живущий на Тайване. Он потратил значительную часть жизни, пытаясь убедить тех, кто готов его слушать, что тайваньская демократия является примером для подражания и что Западу не следует от нее отказываться. Однако к нему мало кто прислушивается. Энгбарт страстно защищает независимость Тайваня, которую, по его мнению (и мнению других людей, поддерживающих ДПП), ставят под угрозу, с одной стороны, развитие Китая, его деньги, а с другой — противоречивая политика Запада. Энгбарт напоминает мне, что в 1996 году, когда тайваньцы провели первые полностью демократические выборы, американцы еще делали вид, что им не все равно. Китайское правительство пыталось не допустить демократического эксперимента, организовав военные учения у самого побережья острова. Президент Клинтон отправил два авианосца, чтобы гарантировать безопасность выборов. Энгбарт утверждает, что немногим более чем за десятилетие Тайвань прошел большой путь, обогнав по части демократии Гонконг и став путеводной звездой для других стран. Какая еще страна может похвастаться многопартийными выборами, свободой слова, улучшающимся положением дел с правами человека, а также ВВП в 30 тысяч долларов на душу населения в год —

и все это спустя такое короткое время после окончания диктатуры, просуществовавшей полвека? “Это редкий случай демократии, идущей снизу, хотя некоторые не понимают этого”, — считает Энгбарт. По его словам, всеми своими успехами Тайвань обязан только себе. Чем больше Тайвань демократизируется, тем меньше, кажется, это кому-нибудь интересно. Особенно явно свою приверженность двойным стандартам выказала администрация Буша. При всем рвении неоконсерваторов к “распространению демократии”, Белый дом рассматривал Тайвань — и в особенности последовательное до упрямства правительство, сформированное ДПП, — как препятствие к прогрессу в отношениях с Китаем. “Буша огорчали попытки Тайваня двигаться вперед по пути демократии”, — говорит Энгбарт.

Кроме нескольких латиноамериканских стран — реликтов старой диктатуры, — и еще одной или двух, ни у кого больше здесь нет официальных представительств. Часть городского центра, где стоит сверкающая башня Тайбэя-101 (до недавнего времени — самое высокое строение в мире), выглядит современно. Но в сравнении с некоторыми городами континентального Китая большинство зданий выглядят старыми и слегка обветшалыми. Машины тусклее. Мотороллеры здесь, на Тайване, — самый популярный вид транспорта, создающий ощущение суматохи. Большинство мест в городе смотрятся музейными экспонатами, старой Америкой, чьи приоритеты с тех пор изменились.

Эндрю Ян из Китайского совета по перспективным политическим исследованиям знакомит меня с некоторыми статистическими данными. Инвестиции Тайваня в континентальный Китай достигли поразительной цифры 70 миллиардов долларов, почти догнав американские. Другими словами, Тайвань и Китай уже тесно взаимосвязаны, и это именно тот

вариант, который устраивает бизнес-сообщество Тайваня. Ян утверждает, что идти на попятный не хочет никто. Согласно недавнему опросу общественного мнения, несмотря на то, что за политическое объединение с Китаем выступает менее 12 % населения, полную независимость Тайваня поддерживают всего 17 %. Изменения будут происходить медленно, но они произойдут, и экономические интересы возобладают. “Большинство хочет сохранения статус-кво, чтобы дать следующему поколению возможность определить статус Тайваня, — рассказывает Ян. — В настоящий момент люди хотят развивать с материком связи иного рода”.

Такова стратегия нового правительства Тайваня, которое без зазрения совести устанавливает тесные связи с китайскими коммунистами. Обеспечить мир — и продолжать экономические контакты. По мнению Яна, ни одна из двух основных тайваньских партий не готова обменивать гражданские свободы на экономический рост:

У нас здесь 98 политических партий, в том числе и собственная коммунистическая. Мне нравится привозить китайских официальных лиц в здание Центральной администрации и показывать толпу сторонников Фалуньгун, протестующих снаружи. Я говорю им, что когда они разрешат это и религию, тогда и добьются прогресса.

Но при таком большом числе тайваньцев, приезжающих на материк или работающих там (более 1 миллиона из 23 миллионов человек регулярно ездят в Китай или кратковременно проживают там), у меня возникают сомнения. Если материковый Китай поглотит остров, может оказаться, что нынешние гражданские права — не такая уж и ценность.

Практически сразу после возвращения Гоминьдана к власти было подписано соглашение об открытии чартерных рейсов между Тайбэем и городами континентального Китая. В декабре 2008 года количество маршрутов увеличили: ежедневно совершается более дюжины полетов, и число пунктов назначения увеличивается. Со временем влияние личного опыта окажется более значимым, чем политические соображения, поскольку люди видят экономические преимущества интеграции с континентальным Китаем, еще более привлекательным благодаря обещанию автономии по образцу Гонконга. Останется ли в этом случае Тайвань таким, каков он сейчас: странной смесью Америки 50-х годов, старинных китайских обычаев, японских традиций и чувства вызова, которое часто возникает в изоляции? Сомневаюсь. Или же этот остров являет собой случай, обратный кубинскому “держишься, пока можешь”, — то есть попросту ожидает, что неумолимая китайская держава рано или поздно поглотит его без единого выстрела?

Во время Олимпиады нервозность была такой, что телестанциям по всему Китаю приказали “придерживать” на 10 секунд прямой эфир, чтобы иметь возможность прервать передачу при возникновении проблем с активистами “Свободного Тибета” или другими недовольными. Шесть месяцев спустя пекинские власти не ожидали проблем при передаче в прямом эфире инаугурационной речи Барака Обамы. Американский президент через несколько минут после начала заявил:

Вспомните, что наши отцы и деды сокрушили фашизм и коммунизм не только с помощью ракет и танков, но и прочных союзов и твердых убеждений.

Передача резко прервалась. На экране остались женщина-диктор в Пекине и корреспондент в Вашингтоне, мямлившие что-то об экономической политике Обамы в отчаянной попытке заполнить эфирное время. Несколько минут они прилагали героические усилия, чтобы зрители не услышали соображения американского президента о свободе, особенно фразу:

Те, кто держится за власть с помощью коррупции и лжи, путем подавления несогласных, — знайте, что вы окажетесь за бортом истории, но если вы готовы разжать кулак, мы готовы протянуть вам руку.

Из-за разницы во времени (в Пекине был час ночи) передачу увидело не так много зрителей, как могло бы. Разумеется, цензоры устранили эти и другие оскорбительные замечания из переводов, которые СМИ опубликовали на следующий день. Однако потребовалось совсем немного времени, чтобы интернет наполнился комментариями по поводу чрезмерной осторожности правительства. Больше людей, чем прежде, отправились на другие сайты, чтобы прослушать речь полностью.

Все надежды на то, что введенные во время Олимпиады ограничения будут сняты после того, как иностранные гости разъедутся по домам, оказались иллюзорными. Цензура, особенно в интернете, усилилась. Началось преследование ряда сайтов, которые власти сочли “опасными” или “вульгарными”. Сразу были закрыты 19 сайтов — за “вредный”

для физического и умственного здоровья молодежи контент. Глава Китайского бюро по делам интернета призвал коллег быть бдительными:

Вы должны проверять каналы один за другим, программы одну за другой, сайты один за другим... Вы не должны упустить ничего. Вы не должны оставить не проверенным ни одного уголка.

В декабре 2008 года около 300 интеллектуалов вызвали переполох, опубликовав в Сети политический манифест “Хартия-08”. Он был выпущен в ознаменование 60-летия принятия Всеобщей декларации прав человека. Наименование документа намекало на “Хартию-77”, манифест в защиту прав человека, распространявшийся диссидентами в коммунистической Чехословакии. Документ содержал требования по всем вопросам, начиная с частной собственности на землю и заканчивая многопартийной демократией. В нем утверждалось, что социальная напряженность и протесты нарастают, “обнаруживая тенденцию к катастрофической потере контроля”. В конце авторы манифеста заявляли, что демократизацию “нельзя больше откладывать”.

Успех и относительная популярность Коммунистической партии Китая покоились на четырех опорах: постоянное присутствие военных в общественном поле, контроль над СМИ, кооптирование наиболее значимых социальных групп (особенно среднего класса) и экономический рост, выразившийся двузначным показателем. Близка ли к неудаче доктрина, которая изменила место Китая в мире и удерживала партию у власти, теперь, когда экономика утратила стабильность? Многие интеллектуалы и представители среднего класса, на которых опирается партия, приняли чисто прагматический взгляд на однопартийную систему.

Они увидели в ней оптимальный способ обеспечения безопасности и процветания и убедились, что это работает. Так что же, Пакт начинает нарушаться? Сейчас он определенно подвергается самому серьезному с 1989 года испытанию. Китайское руководство оказалось перед дилеммой. Если партия допустит существенные послабления, это может привести к повторению протестов, потрясших государство во время событий на площади Тяньаньмэнь. А если не предусмотреть достаточное количество клапанов для выпуска пара, давление может разорвать котел.

Такие прогнозы подтверждаются не только экономическими данными. Речь идет также о внезапном падении темпов роста, об увеличении безработицы и потенциально опасных демографических сдвигах. Что произойдет, если десятки миллионов рабочих, оказавшиеся ненужными в городах, откажутся отправиться домой, в деревню? Эти страхи подстегивались попытками самоорганизации диссидентов. Тем не менее самая существенная угроза стабильности возникнет только в том случае, если достаточно большая доля населения придет к выводу, что она не в состоянии пережить кризис и что за выход из кризиса нужно заплатить политическими реформами. Для многих китайцев, особенно тех, кто помнит Мао, действительно имеет значение, что сейчас у них больше, чем прежде, возможностей распоряжаться своей жизнью.

Пакт заключало пост-тяньаньмэньское поколение, и ограничение политических свобод и гражданских прав, которое он предусматривал, оказалось очень эффективным в части избавления китайцев от хаоса, которого они так боялись. И все же это соглашение не статично. Оно динамично. Тем, кто его принимает, все равно приходится решать, является ли Пакт временным («Китай не готов к расширению

общественных свобод”) либо обозначает принципиальную и долговременную установку на то, что такие права не подходят для нужд Китая. Другими словами, являются ли права человека, сформулированные в декларации ООН, западным изобретением, как доказывают радикальные националисты, или Китай начнет со временем их признавать? Однако в данный момент многие китайцы полагают, что значительную свободу в сфере частного они завоевали только потому, что самоустранились из публичной сферы. Они задаются вопросом, была ли у них возможность добиться благосостояния и безопасности, составлявшими важнейшую часть пакта, другими способами.

Опыт Запада определенно не убеждает их в необходимости действовать иначе. Когда Чжоу Сяочуань, глава Народного банка Китая, заявил об “имманентной уязвимости и системных рисках” в глобальной экономике, основанной на американском долларе, чиновники по всему миру приняли это к сведению — и испугались. Они поняли, что речь идет не только о валюте: какая бы нестабильность ни ожидала мир в будущем, Чжоу говорил о растущей уверенности Китая в своем положении в мире — и об уверенности в том, что выбор Китаем политической модели был правильным.

Глава 3

Россия: рассерженный капиталист

Простым людям опостылела беспрецедентная свобода критиковать правительство, поскольку от этого не становится лучше.

Лилия ШЕВЦОВА

Летний субботний день в Московском пляжном клубе. Песок привезли с Мальдивских островов. Подают шампанское и свежие лобстеры, а пригласили нас на представление на открытом воздухе. Два диджея расхваливают достоинства роскошного автомобиля, в то время как стриптизерши танцуют вокруг шестов. Моросит. Я начинаю беседовать с молодым человеком, работающим в британском универмаге “Би энд Кью”. Он ругает “агрессивную” политику Великобритании по отношению к России, разгрызая клешни лобстеров и высасывая из них мякоть. Я не хочу ему отвечать и откланиваюсь. Заговариваю с Виктором Гусевым, ведущим российским футбольным телекомментатором, и мы приступаем к куда более приятному обмену мнениями — о сборных наших стран.

Мое настроение еще улучшается, когда группа — гвоздь программы — начинает свое выступление. Музыканты “Мумий Тролля” активно работают уже многие годы, исполняя рок вперемешку с рок-балладами. Моего друга Артемия Троицкого, ведущего российского рок-промоутера, приглашают на сцену, чтобы он представил музыкантов, и пока они играют часовой сет, я начинаю понимать, почему они так популярны. Я разбираю некоторые слова, от понятного “Родина осталась позади” в одной из песен до невразумительного “Мне под кожу бы, под кожу мне запустить дельфинов стаю” — в другой. Позднее Артем берет меня с собой за кулисы. На этот раз никаких роскошных коктейлей, а только скотч из пластиковых стаканчиков и дружеский разговор с участниками группы и вокалистом Ильей Лагутенко. Они покидают клуб на своем автобусе. Полночь. Мы уезжаем из города на другую пляжную вечеринку, на Рублевку. Обычные с виду молодые русские, не чванливые и не вульгарные, танцуют под бразильскую самбу. Другие купаются в реке. Как всегда в России, я быстро разочаровываюсь и быстро воодушевляюсь.

Россия, охваченная демонстративным потреблением, была наиболее ярким из развивающихся рынков. Впервые я приехал сюда в конце 70-х годов и с тех пор регулярно бываю в России (я отработал здесь в качестве корреспондента два контракта, в середине 80-х годов и в начале бурных 90-х). Я видел Советский Союз в застое и безрадостной изоляции. Шутка тех времен гласила: “Мы делаем вид, что работаем, а они делают вид, что платят”. Я видел СССР в бурные годы перестройки и гласности, когда страна начала открываться. Возвращаясь, я видел, что из планов Горбачева сначала ничего не вышло, а потом те же идеи были пущены в ход Борисом Ельциным. После провалившегося путча 1991 года

и спровоцированного им развала СССР в новой России началась новая революция. Она происходила и в умах людей, и в политическом пространстве. Миллионы россиян перестали бояться, начали задавать вопросы властям. Расцвела свобода выражения.

Все, конечно, было не так, как впоследствии описывал Владимир Путин. Девяностые были объявлены “десятилетием хаоса”. Этот взгляд обусловлен представлением о России как о стране, “которую мы потеряли” (распространенное в то время выражение, название популярного и захватывающего фильма Станислава Говорухина). Многие россияне рассматривают это время как эру “золотоискателей” из элиты, которые объединились с криминалом, чтобы разделить трофеи. Многие на Западе винят себя за упущенную возможность придать уверенный импульс движению России к демократии. Но еще большей ошибкой Запада, ставшей очевидной всему миру, было представление о нераздельности свободного рынка и демократии. Началось с “шоковой терапии” — монетаристской теории, приверженцы которой настаивали на необходимости приватизировать почти все, что принадлежало государству. Я помню бесчисленные пресс-конференции, проводимые министрами экономики и финансов, и я видел, что западные советники выступают в качестве кукловодов. Эти представители Запада продемонстрировали избыток энтузиазма и недостаток политической дальновидности. В общем, отношение Запада к России в 90-х годах представляло собой смесь снисходительности, лести и равнодушия. Российские либералы отвечали почтительностью, которая позднее перешла в неприязнь.

На продажу по самым низким ценам были выставлены сырьевые ресурсы целой страны, особенно нефть и газ. Их расхватали люди во власти, близкие к власти, удачливые

или сообразительные. Первое поколение олигархов возникло в обществе, где практически не было правил. В 1991–1996 годах российское государство почти устранилось от надзора за обществом. Различия между законным и незаконным, моральным и аморальным едва просматривались. Не существовало определений организованной преступности, отмывания или вымогания денег. Все коммерческие сделки были законными и незаконными одновременно. Эти люди работали вместе с политической и силовой элитой, представители которой имели долю в прибылях.

Первая фаза перехода к капитализму внезапно закончилась торможением в 1998 году, когда рухнули инвестиционная “пирамида” и другие схемы откачки ценностей. Россия ошарашила международных инвесторов отказом платить по обязательствам и девальвацией рубля. По мере падения авторитета Ельцина олигархи начали консолидироваться. Наиболее влиятельным из них был Борис Березовский. Он поставил под свой контроль телеканал ОРТ и имел свободный доступ к влиятельным людям — дочери Ельцина и ее мужу. Вместе они дирижировали правительством, меняя премьер-министров (за 8 лет правления Ельцина сменилось 5 глав кабинета). Тем временем, пока незначительное меньшинство обогащалось, инфраструктура разрушалась. Десятки миллионов госслужащих — от солдат до милиционеров, от врачей до учителей — месяцами не получали свои уже обесценившиеся зарплаты. Средняя продолжительность жизни падала. Вернулись некоторые инфекционные заболевания, которые были побеждены в СССР. Школы и больницы обветшали.

Из тех, с кем я был знаком, преуспели люди, которые прежде имели дело с деньгами. Те, чьи таланты лежали в других областях, от науки до искусства, а также учителя и врачи,

не только ощущали снижение уровня жизни. Пострадало их самоуважение. Они возлагали большие надежды на новое государственное устройство и чувствовали себя преданными. И все же, несмотря на свои обманутые ожидания, россияне пользовались беспрецедентными для себя свободами. Страна стала значительно более открытой. Я посетил несколько ранее закрытых районов. Во время одной из поездок я столкнулся с настороженным военным начальством арктической ядерной базы на Новой Земле, во время другой — арендовал военный вертолет на Камчатке и пригласил 20 местных жителей, включая священника, присоединиться к нам. Я вспоминаю охоту на оленя в сибирских снегах с Михаилом Калашниковым, изобретателем автомата, носящего его имя. Я подружился, если можно так сказать, с одним из лидеров путча 1991 года, бывшим премьер-министром Валентином Павловым, посетив его вскоре после освобождения из Лефортова. Все ощущали, что можно говорить свободно. Выходили новые газеты, в отрасль пришло новое поколение журналистов, работавших в таких ежедневных изданиях, как “Сегодня” и “Независимая газета”, и не боявшихся законов против клеветы и других цензурных ограничений. Я познакомился со Светланой Сорокиной, одной из самых известных российских телеведущих, которая сделала себе имя в конце 80-х годов, под занавес горбачевской эры: она отказалась оглашать пропагандистские тексты в вечерних новостях. Она и другие журналисты, в частности, Евгений Киселев с его воскресным вечерним шоу “Итоги”, закладывали основу новых теленовостей и аналитики. Они могли увлеченно рассказывать о взятых ими жестких интервью или о вскрытых ими скандалах. Возможно, наибольшим прорывом стала телекомпания НТВ, основанная Владимиром Гусинским, одним из самых известных представителей

первого поколения олигархов. НТВ создало новый стиль журналистского расследования, политического комментария и сатиры.

Гусинский, человек, обладавший некоторыми политическими убеждениями, воплощал в себе лучшее и худшее: несмотря на свои принципы, он не мог устоять перед деньгами. Как и у многих россиян в то время, быстрое обогащение стало основой его самоидентификации. Мне довелось достаточно хорошо узнать Гусинского и его жену, и было любопытно наблюдать, как умный, но не слишком яркий театральный режиссер не устоял перед внешним шиком. В Москве обычный обед непременно должен был стать расточительным банкетом, которым дирижировали официанты в белых перчатках. В Лондоне Гусинский не смог удержаться от того, чтобы продемонстрировать мне плавательный бассейн в своем особняке в Челси. В ресторанах он любил вернуть заказанного омара, потому что тот слишком мал. В то же время он был полон решимости посредством НТВ и “Сегодня” внести свой вклад в демократизацию России. Хуже всего, что он, кажется, перепутал демократический процесс и его результат. Он, а также шесть других олигархов, включая Березовского, оплатили кампанию по перевыборам Ельцина в 1996 году, позволив телевидению снова превратиться в орудие пропаганды. Алкоголизм и ухудшающееся здоровье президента не упоминались российскими либералами и западными посольствами. Они в точности знали, что происходит, но решили, что свобода слова не должна помешать успеху на выборах. Они настаивали на том, что цель оправдывает средства и что если Ельцина уберут, Россия может вернуться в темную эпоху репрессий. Свободой выражения пренебрегли во имя либеральной демократии.

К концу 90-х годов Ельцин превратился в посмешище. Чем более явными становились его запой и слабость экономики, тем громче становились призывы к “стабильности”. Те же самые олигархи, которые манипулировали процессом продления пребывания Ельцина в должности, осознали теперь необходимость быстрой, организованной передачи власти. Они тщательно изучили перечень возможных кандидатов и остановились на Путине, неприметном бывшем офицере КГБ, которого они недавно определили на должность премьер-министра. По их мнению, он хорошо показал себя на этом посту, проявив профессионализм и жесткость. Его решение начать войну с повстанцами в Чечне оказалось популярным. Россия начала снова отстаивать свои права.

В ночь смены тысячелетий Ельцин поразил страну, объявив, что передает власть премьер-министру. Возвышение Путина отвечало не только чаяниям многих простых россиян, но и корпоративным интересам. В любом случае демократия обанкротилась задолго до того, как он взял власть в свои руки. Три месяца позднее Путин получил необходимую “поддержку” народа благодаря выборам, проведенным теми же олигархами. Они щедро финансировали избирательную кампанию точно так же, как сделали это в 1996 году, и позаботились о том, чтобы устранить всех оппонентов Путина. Его наиболее серьезных соперников, к числу которых относились мэр Москвы Юрий Лужков и бывший премьер-министр Евгений Примаков, “призвали” сойти с дистанции. Владимир Потанин, один из выдающихся промышленных магнатов, во время кампании Путина заявил: “Посмотрим, выполнит ли он свои обещания”. Эти обещания состояли в том, чтобы восстановить порядок, но также и в том, чтобы оставить в покое их бизнес-империи. Это было их соглашение с Путиным. Выглядел Пакт более оскор-

бительно и цинично, чем в остальных странах с переходной экономикой, поскольку в России его заключение объяснили интересами демократии.

Путину понадобилось совсем немного времени, чтобы укрепить свою власть и изменить условия соглашения, заключенного с теми, кто привел его на высокий пост. Еще до своих “выборов” (март 2000 года) Путин приказал арестовать известного репортера “Радио Свобода” Андрея Бабицкого, сообщения которого из Чечни представляли собой прямую угрозу Путину. Одним из поводов для начала второй чеченской войны были подрывы многоквартирных домов в трех российских городах, в результате чего погибло 300 человек. Бабицкий был одним из тех, кто проверял версию, гласящую, что террористические атаки были заказаны российскими спецслужбами. Его обвинили в шпионаже, держали в камере, допрашивали, а затем как террориста передали чеченским повстанцам в обмен на российского солдата*.

Послание Путина было очевидным: медиа должны рассматривать себя в качестве механизма распространения информации, а не как канал для критики, и меньше всего — как игрушку для бизнеса. Затем он перешел к олигархам. Гусинского арестовали. После освобождения он уехал в Великобританию, затем в Испанию, а после — в Израиль. Потом Путин взялся за Березовского, который вскочил в личный самолет и улетел в Англию. Путин мог задержать обоих, однако предпочел только проводить их взглядом. Он счел, что, находясь далеко, они доставят ему меньше хлопот. Березовский не оправдал этих надежд: из своего особняка в пригороде Лондона он повел личную борьбу против Путина, вследствие чего стал объектом бесконечных

* История задержания и освобождения Андрея Бабицкого автором изложена неточно. — *Прим. ред.*

запросов России о выдаче. Важнее всего для Путина оказалось то, что Гусинский и Березовский лишились опоры в СМИ. Их газеты и каналы стали органами Кремля: Путин рассчитал, что ущерб его репутации, нанесенный их отчуждением, окажется невелик. Он оказался прав. В разгар первой чистки, в ноябре 2000 года, опрос общественного мнения показал, что всего 7 % россиян думало, будто основные телесети независимы, — против 79 % полагававших, что телесети принадлежат олигархам. Другими словами, многие задавались вопросом, стоит ли спасать демократию в известном им изводе.

Путин изменил условия Пакта с первым поколением олигархов. Несмотря на то, что они привели его к власти, он пригласил нескольких из них на встречу через несколько месяцев после вступления в должность и прояснил позиции. Он укрепил свою власть и переписал правила. Теперь они звучали так: я не стану мешать вам зарабатывать; позаботьтесь о том, чтобы я получал свою долю, и держитесь подальше от общественной сферы, пока я не попрошу вас об обратном. Некоторые осмелились возразить — и пожалели об этом.

В 2003 году Михаил Ходорковский, олигарх, ставший одним из главных игроков на рынке благодаря своей компании ЮКОС, был арестован по обвинению в мошенничестве и уклонении от уплаты налогов. Он рассердил Кремль не расширением своего бизнеса, а политическими амбициями, обнаружением своих планов выступить в качестве потенциального соперника Путина, а также финансированием оппозиционных партий в нижней палате парламента. Арест и последовавший суд потрясли Россию и международное финансовое сообщество. Путин хотел, чтобы все знали: никто не может быть выше закона — его закона.

У нас есть категория людей, которые разбогатели и стали миллиардерами, как у нас говорят, в одночасье. Их государство назначило миллиардерами: просто раздало огромные имущества государственные практически бесплатно. Они так сами и говорили: меня назначили миллиардером. Потом, по ходу пьесы, у них создалось впечатление, что на них Боженька за-снул, что им все можно.

Ходорковского приговорили к 8 годам лагерей. Путин знал, что выбирает козла отпущения, и знал о том, что все это понимают. Он мог выбрать любого олигарха, однако амбиции Ходорковского были самыми дерзкими. Он также понимал, что никто из серьезных бизнесменов не будет выражать недовольство. Случай Ходорковского привел не только к тому, что диссиденты от бизнеса замолчали, но и к отчуждению частного предприятия силовиками — элитой спецслужб и разведки. Так был определен экономический и политический курс. Капитализм “баронов-разбойников” ельцинских лет был взят под строгий кремлевский контроль. Ключом к этому явилась консолидация прибыльного энергетического сектора. В рамках “бархатной реприватизации” советы директоров крупнейших российских компаний — от нефтяных и газовых гигантов до авиакомпаний и железных дорог — возглавили союзники Путина. Сложившаяся ситуация оказалась в политическом и экономическом смысле на руку всем, и особенно президенту. Возникшую систему назвали “корпорацией ‘Кремль’”.

В 2004 году меня пригласили на встречу с Путиным. Это было первое заседание дискуссионного клуба “Валдай”, который предполагалось превратить в ежегодную встречу российских и западных экспертов. Наше прибытие сов-

пало с началом кровавой бойни в школе города Беслана на Северном Кавказе. Невозможно было не чувствовать отвращения к жестокости убийц: события разворачивались буквально на глазах. Но мои дискуссии с политиками, журналистами и учеными в эти несколько печальных дней разочаровали. Один или два редактора проявили мужество, например Раф Шакиров из “Известий” — некогда правительственного печатного органа, превратившегося в серьезную газету с критическим взглядом. Его уволили после того, как газета сообщила, что заложников в школе гораздо больше, чем заявили официальные лица. Другие, те, кого я считал либералами, превратились в ксенофобов и националистов, обвиняющих иностранцев в собственных бедах и отказывающихся учитывать контекст Беслана (два кровавых российских вторжения в Чечню). Было ли это подлинной идеологической трансформацией, попыткой следовать генеральной линии — или же попыткой отвлечь внимание от некомпетентности спецслужб? Политика обиды, одна из наименее привлекательных граней советской политической жизни, прижилась как нельзя лучше и в капиталистической России. В несчастьях страны всегда оказывался виноват кто-то другой. Этот базовый инстинкт присущ, кажется, богатым и бедным, тем, кто хорошо знает Запад, и тем, кому он незнаком.

Я предположил, что в ситуации теракта национального масштаба светская встреча с группой иностранцев может оказаться не главным пунктом в повестке дня президента. Когда пришло известие о том, что встреча состоится, я решил, что дело ограничится формальным рукопожатием в Кремле. Вместо этого нас на автобусе привезли в официальную загородную резиденцию. Когда мы появились в Ново-Огарево, увидев по дороге шикарные загородные

дома новой элиты, нас провели в приемную с бильярдным столом и плазменным телевизором. Здесь мы посмотрели восьмичасовые новости на втором канале, который стал сейчас самым верноподданным из всех российских каналов. Тележурналисты не задали ни одного неудобного вопроса: почему спасательная операция в Беслане оказалась такой неудачной? почему власти неверно оценили количество заложников? почему в Чечне все идет так, как идет? А увидели мы множество кадров с похорон, матерей и отцов, плачущих навзрыд под проливным дождем, и мальчика, поющего “Аве Мария” перед безмолвной толпой в Санкт-Петербурге.

В конце концов нас провели наверх, предупредив, что президент не в настроении. Взмахом руки Путин пригласил нас к длинному прямоугольному столу, покрытому белой скатертью. Мы уселись в алфавитном порядке, и, когда Путин предложил задавать вопросы, я оказался одним из тех, кто неуверенно поднял руку. Он указал через стол на меня. Я от лица всех присутствовавших выразил наши соболезнования. Я не хотел бы показаться бесчувственным, — наконец решился я, — но, без сомнений, его собственная политика в отношении Чечни в какой-то степени породила нынешнюю, более широкую проблему. В течение следующего получаса Путин, которого никто не прерывал, излагал свое толкование недавней российской истории. Его взгляд был неподвижен и ничего не выражал. Он ни разу не запнулся и не заглянул в записи. Путин признал, что чеченцы перенесли ужасные лишения во время сталинских депортаций. Они сражались на фронте отважнее других, защищая советскую Родину от фашистов. Он предположил, что, возможно, не сделал бы то, что сделал Борис Ельцин, развязавший в 1994 году первую чеченскую войну: “Я не знаю, как поступил бы; может быть да, может быть нет. Но ошибки были сделаны”.

Путин объяснил, что после того, как русские ушли, Чечня получила то, что хотела: “независимость де-факто”. Но местные лидеры привели к потере этой независимости, поощряя экстремизм и превратив территорию Чечни в плацдарм для террористов: “Вакуум был заполнен радикальным фундаментализмом наихудшего толка”. Мужчин и женщин расстреливали и забивали палками. В 1999 году, к тому моменту, когда он стал премьер-министром, российское правительство не имело иного выбора, кроме как вернуться, хотя бы для того, чтобы предотвратить распространение насилия на соседний Дагестан. В то же время Россия искала политических лидеров, с которыми можно было бы вести переговоры: “Мы даже пытались договариваться с людьми, которые выступали против нас с оружием. Мы сделали то, о чем вы нас просили”. Статус Чечни не был проблемой, сказал Путин. Вопрос о независимости был поставлен исламистами с далеко идущей целью.

Его аргументы, пусть и избирательно интерпретировавшие исторические факты, были тщательно сформулированы и изложены без запинки. Только при упоминании Беслана он позволил себе эмоциональную реакцию. Но было очевидно, что даже в гневе он себя контролировал. Он закончил свое выступление (это все еще был первый пункт повестки дня), предложив мне самому ответить на вопрос:

Понравилось бы вам, если бы люди, которые стреляют детям в спину, пришли к власти в каком бы то ни было месте на этой планете? Если бы вы задали себе этот вопрос, то не задавали бы больше вопросов о российской политике.

Чечня, сказал нам Путин, — это не Ирак: “Это не за тридцать земель. Это важная часть нашей территории. Речь

идет о территориальной целостности России”. Он заявил, что сейчас она используется как плацдарм и что “определенные круги” за рубежом поощряют там насилие:

Мы изучали такие случаи. Это воспроизведение подходов времен холодной войны. Есть люди, которые хотели бы, чтобы мы сосредоточились только на наших внутренних проблемах. Они здесь дергают за нитки, чтобы мы не поднимали головы на международной арене.

По словам Путина, Россия больше не имеет “имперских” притязаний за пределами своей территории. Ее беспокоит расширение НАТО и вхождение в блок прибалтийских государств, ранее входивших в состав СССР. Он не понимает, почему так называемые партнеры хотели на реактивных истребителях облетать границы российского воздушного пространства. Это не что иное, как “провокация”, прибавляет он, используя еще одно советское слово. У его страны нет ресурсов, чтобы должным образом охранять границы. Слабая и нестабильная Россия вряд ли в чьих-нибудь интересах: “Задумывался ли кто-нибудь о том, что случилось бы, если бы Россия перестала существовать?”

Трудно было не согласиться с большей частью того, что он говорил. Растущая враждебность Путина главным образом была вызвана ошибочным западным анализом психологии современной России и стойкого раздражения, вызываемого у россиян двойными стандартами, применение которых стало ответом на помощь, оказанную Москвой Вашингтону после 11 сентября. Давайте посмотрим на уступки русских: закрытие станции радиоэлектронного перехвата на Кубе и военно-морской базы во Вьетнаме, а также зеленый свет использованию США авиабаз в Центральной Азии

в ходе вторжения в Афганистан. Кремль полагал, что может в ответ рассчитывать на большее понимание.

Подозрения Путина усилились в ноябре 2003 года, когда народные выступления в Грузии привели к свержению Эдуарда Шеварднадзе, президента еще с советских времен, и приходу к власти Михаила Саакашвили, получившего американское образование. Политики в западных столицах, особенно неоконсерваторы в Вашингтоне, увидели в “революции роз” высшее выражение народовластия. Для Москвы же она была вопиющим примером американской манипуляции общественным мнением и двуличной псевдодемократической риторики. Меньше чем через год тревога Путина должна была усилиться из-за аналогичных событий на Украине. Кампания по выборам президента в ноябре 2004 года была омрачена подозрениями в организации Москвой отравления прозападного кандидата Виктора Ющенко и сомнительной победой пророссийского кандидата Виктора Януковича. После массовых митингов был назначен дополнительный тур выборов, и так называемые “оранжевые” взяли в свои руки руководство глубоко расколотой страной.

Для Востока и Запада две бывшие советские республики стали ареной не только геополитического противостояния (когда перед Грузией и Украиной маячило членство в НАТО), но также и идеологического. По существу, это превратилось в игру с нулевой суммой. Раздражение России должно было еще усилиться, когда Америка стала планировать размещение в Польше и Чехии элементов своей ПРО и признала независимость Косово.

И все же тогда, в 2004 году, во время нашей встречи Путин был готов соблюсти в отношении Буша презумпцию невиновности. Однако он не проявил сдержанности, когда столкнулся с критикой в самой России. Мы спросили

его о свободе слова. Он ответил, что это существенный аспект развития страны, но журналисты тоже должны быть “эффективными”. Он уподобил отношения между государством и СМИ чему-то, что видел в итальянском фильме (он не смог сказать, в каком). Может быть, он запомнил фразу своего друга Сильвио Берлускони: “Назначение настоящего мужчины — делать предложения. Назначение настоящей женщины — сопротивляться им”.

Мы разделились с несколькими чашками черного чая и закончили фруктовыми бисквитами. Было за полночь. Мы провели с нашим хозяином три часа сорок пять минут. Какой еще мировой лидер уделил бы компании иностранцев столько “личного времени”, особенно в условиях чрезвычайной ситуации? Путин поразил меня своим сильным желанием сделать так, чтобы его поняли. Прежде чем расстаться с нами, он снова заговорил о Чечне. По его словам, он был готов к диалогу — но не с “детоубийцами”. “Я не советую вам встречаться с ибн Ладеном, приглашать его в Брюссель или НАТО или в Белый дом, вести с ним переговоры и позволять ему диктовать условия, чтобы он оставил вас в покое”, — сказал Путин. Он просто не мог понять, почему люди за рубежом могли иметь на это другую точку зрения. У нас что, нет совести? Когда он встал и принялся ходить по комнате, пожимая нам руки, он заглядывал в глаза каждому.

Прежде, утром того дня, я шел к станции метро “Рижская”, которой пользовался, чтобы ездить на работу, когда жил в Москве в середине 80-х годов. Площадка перед станцией стала одним из нескольких мест в России, где отмечают память жертв нового террора. Люди укладывали вдоль стены гвоздики, фотографии и стихи, посвященные любимым. Вечером 31 августа 2004 года “черная вдова” (так называют

чеченских женщин-шахидок) подорвала себя при подходе к станции, у палаток. Я спускаюсь вниз по эскалатору мимо рекламы плейеров ди-ви-ди и стиральных порошков. Из громкоговорителя звучит призыв к пассажирам с осторожностью относиться к подозрительным предметам и сообщать о подозрительных людях, — но кому? Нечего, конечно, было ожидать помощи от молодых милиционеров, привалившихся к металлической ограде. В вагонах все смотрели друг на друга, пытаясь понять, не злоумышляет ли против остальных человек напротив. Но все знали, что они бессильны. Мне вдруг вспомнилось сказанное Путиным в телеобращении: “Мы проявили слабость, а слабых бьют”. Я также думаю о термине “журналиюга”, который приобрел популярность у Путина и его окружения.

На той же неделе при подозрительных обстоятельствах двум известным журналистам помешали добраться до Беслана. Один был задержан милицией в московском аэропорту Внуково после ссоры с пьяным, которая, похоже, была подстроена. Это был Бабицкий с “Радио Свобода”, который бесстрашно продолжал свою работу. Второй (точнее, вторая) — потерял сознание в самолете, направлявшемся на Кавказ, после того, как получил чашку отравленного чая. Это была Анна Политковская, самый известный в России обозреватель и журналист, занимавшийся расследованиями. Путину было важно, чтобы СМИ не навредили его репутации человека, наводящего порядок, — отсюда использование слова “эффективный”.

После 2003 года “Репортеры без границ” во всемирном индексе свободы печати неизменно отводили России места между 140-м и 147-м из примерно 170 стран. Россия обычно занимала позиции, близкие к Афганистану, Йемену, Саудовской Аравии и Зимбабве, — хотя и оказывалась немного

впереди Сингапура и Китая. В отличие от правительств этих стран, российские власти меньше уделяют внимания законодательной “профилактике” и больше — карательным мерам. Международный комитет по защите журналистов утверждает, что Россия находится на третьем месте в мире по уровню опасности для репортеров. По оценкам Союза журналистов России, за десять лет было убито более 200 журналистов. Ни в одном из случаев заказчик убийства не был арестован.

Наиболее знаменательным был случай с Анной Политковской, которую застрелили в лифте собственноручно дома в октябре 2006 года. Ее работа на Кавказе была прорывной и приводила Кремль в ярость. И все же, пока убивали и избивали менее известных авторов, сохранялось ощущение, что популярность хотя бы чуть-чуть защищает ее. Но нет. Роман Шлейнов, журналист, ведущий расследования в газете, где они вместе работали, объяснил мне почему:

Журналистика становится угрозой и серьезным раздражителем, когда она начинает влиять на социальную динамику. Репортажи Политковской имели такой эффект, поскольку иностранные правозащитные организации рассматривали их в качестве альтернативного источника информации. Она стала более чем журналистом. Она стала общественным деятелем. Российских журналистов ставит под удар не собственно критика Кремля, а вызов, который они бросают старой системе взаимоотношений, выгодной очень узкому кругу людей. И этого им не позволяют.

Смерть Политковской встревожила журналистов и правозащитные группы по всему миру. В России реакция в истон-

чающемся слое либералов была заметной, но большинство людей, кажется, восприняли случившееся спокойно. Когда Путину все же пришлось высказаться по этому поводу, он сказал, что влияние Политковской на российскую политику было “незначительным”. Для того чтобы начать расследование, понадобилось много месяцев. В конце концов трое убийц предстали перед судом — и в феврале 2009 года были оправданы. Мало кто удивился этому, поскольку расследование проводилось поверхностно. Заказчиков убийства не затронули. Причастность государства к политическому убийству, подобному этому, могла бы вызвать скандал, — но не при Путине. Когда интересам властных структур угрожают независимые репортеры, киллеры становятся цензорами.

Убийство Анны Политковской стало одним из длинной череды похожих событий. Журналисты и оппозиционные политики становились мишенями и в ельцинскую эру. Так, Галина Старовойтова, известный либеральный политик, была застрелена в 1998 году в жилом доме в Санкт-Петербурге. Но в путинское время такие убийства участились. Усилилась и самоуверенность их заказчиков. В 2003 году Юрий Щекочихин, заместитель главного редактора “Новой газеты” и заместитель председателя комитета по безопасности Государственной думы, умер в возрасте 53 лет от загадочной аллергии. Тогда никто не верил в то, что это произошло по естественным причинам. Я знал Щекочихина в конце 80-х и начале 90-х годов, когда он был избран депутатом Съезда народных депутатов — первого и единственного полусвободного парламента, который когда-либо был в Советском Союзе. Раскованная хаотичная атмосфера съезда заставила Щекочихина задуматься о том, чтобы начать превращать слова в дело. Бесстрашный

и в то же время в высшей степени практичный, Щекочихин был заметной фигурой в горбачевские и ельцинские годы. Он присоединился ко многим москвичам при защите нарождавшейся демократии во время путча 1991 года. Большинство их замкнулось с тех пор в своих потребительских коконах. Щекочихин и несколько его единомышленников продолжили свое дело. Он приобрел множество врагов в качестве публичного противника чеченской войны, а также КГБ и его преемников.

В провинциальной России не только репортеры, но и любой, кто испортит отношения с властями, с их деловыми и криминальными партнерами, подлежит расправе. По словам Романа Шлейнова,

местные власти реагируют на публикации гораздо беспощаднее федеральных. Главы местных администраций пользуются в отношении журналистов свободой действий. На своей территории они — царьки, подражающие действиям центральных властей в гипертрофированной форме.

Тут просматривается определенное сходство с Китаем, где злоупотреблений в регионах может быть больше, чем в центре, но общие параметры устанавливает центральное руководство.

Когда Путина спросили, что он ответил бы критикам, обвиняющим его в ограничении свободы СМИ, он ответил:

Очень просто. У нас в России никогда не было свободы слова, поэтому я не понимаю, что может подавляться. Мне кажется, что свобода — это возможность выражать свое мнение, но должны существовать определенные границы, очерченные законом.

Это российская версия сингапурского понятия “маркера”, хотя здесь обычно пределы очерчены лестничной клеткой, а средством служит и полуавтоматическое огнестрельное оружие. Журналисты, наряду с небольшой группой активистов движения за гражданские права и адвокатов, нарушают, по словам обозревателя Марии Липман, условия российского эквивалента “Пакта о неучастии”. Общественность соглашается не вмешиваться в политику, получая взамен шанс воспользоваться выгодами энергетического бума.

Сейчас, когда Россию потрясает глобальный кризис, путинская эра, возможно, подходит к концу. В 2000–2008 годах Путин стоял во главе страны в период самого заметного экономического роста и самой прочной политической стабильности, какие стране довелось пережить в течение жизни целого поколения. И каким был рывок: страна, почти разорившаяся в 1998 году, накопила третьи по величине в мире валютные резервы. Показатель ВВП на душу населения вырос с менее чем 2 тысяч долларов в 1998 году до 9 тысяч долларов в начале 2008 года. Со ставкой подоходного налога всего 13 % и бесплатной передачей каждому россиянину в собственность его квартиры совокупный чистый доход оказался выше, чем предполагалось. В отличие от многих западных стран, ипотечные и потребительские кредиты для России не стали проблемой. Все это стало возможно благодаря стремительному подорожанию сырья на мировых рынках. Увеличение цены барреля нефти на 1 доллар увеличивал денежные поступления в казну на 1 миллиард долларов. Кремль с осторожностью подходил к составлению бюджета, предполагая снижение цен на сырье, и организовал Стабилизационный фонд, куда из доходов были направлены 160 миллиардов долларов. Считалось, что этого должно быть достаточно для защиты от внезапных потрясений.

Однако выиграла далеко не все. Большинство пенсионеров едва сводят концы с концами. Некоторые люди остались без жилья из-за афер застройщиков. Другим не удастся встать на ноги после столкновения с финансовыми пирамидами времен предыдущего экономического кризиса. Незащищенные члены общества продолжают страдать, как и в 90-е годы. Но дело в том, что немало людей довольно успешно вели дела и считали себя достаточно свободными в частной жизни. У кого дела шли хорошо, у того они шли очень хорошо. Спортивные автомобили, дизайнерские магазины и дорогие рестораны к середине 2000-х годов стали нормой для небольшой, но весомой доли населения больших городов. Говорили, что в Москве подают лучшие за пределами Японии *суси*. Столица России — счастливый обладатель большого числа БМВ 6-й серии, чем любой другой город мира. Прогнозировалось, что Россия перегонит Германию и станет крупнейшим в мире потребителем роскошных автомобилей. Это изобилие помогло возрождению национальной гордости — веры в то, что россияне смогут снова высоко держать голову, находясь в компании представителей других стран. Эта самоуверенность продолжает проявляться в смеси гордыни и обиды.

Путин обещал своему народу новый Пакт — или, вернее, возвращение прежнего: контроль над публичной сферой снова приобретают те, “кто в этом разбирается”, а взамен население получает утраченную безопасность. Хотя процветание стало уделом немногих, восстановление основ означало, что работники бюджетной сферы и другие граждане, которым не досталась доля богатства, получают по крайней мере стабильность и регулярную заработную плату. Основная разница между путинским и советским режимами заключается в отношении государства к частной сфере. Пу-

тин не имел намерения восстанавливать запрет на выезд за границу или указывать людям, где им жить или работать. Граждане могут отправляться куда захотят и жить, как им заблагорассудится, — пока не создают проблем.

В этом отношении Путин оправдал ожидания. Благополучие, которого были лишены несколько поколений россиян, оказалось отличным антидотом от политической активности. Концентрация власти в руках Путина и элиминация альтернативных источников власти привели к полнейшему безразличию к политике общества, усыпленного потреблением.

Многие журналисты продолжали рисковать даже в путинскую эпоху. Но многие мои знакомые выбрали спокойную жизнь. Зачем раскачивать лодку, если есть возможность наслаждаться жизнью, отдавая в виде налогов чуть более 10 % дохода, проводить отпуск в Сен-Жан-Кап-Ферра и жить в одном из многих охраняемых коттеджных поселков, которые как грибы растут на окраинах Москвы? Такой компромисс похож на избранный моими сингапурскими друзьями — с той разницей, что многие из этих людей в начале 90-х годов защищали нарождающуюся ельцинскую демократию и с жаром участвовали в политических дебатах.

Они присоединились к всемирному Пакту и воспользовались предоставленными им привилегиями. Вспоминаю один из майских вечеров 2008 года в Москве. Рекламный щит напротив Большого театра напоминал прохожим, что Россия только что победила Канаду в финале мирового чемпионата по хоккею и что “Зенит” из Санкт-Петербурга одолел “Глазго рейнджерс” в финале кубка УЕФА в Манчестере. “Мы делаем это лучше”, — гласила реклама. Главное — драматическое сражение за кубок Лиги европейских чемпионов между “Манчестер юнайтед” и моим клубом, “Челси”, — было впе-

реди. Говоря словами одного из российских болельщиков, это означало, что Москва “взрослеет”. Хотя я был в России свидетелем многих разительных перемен, но все же остолбенел, увидев карнавал на Красной площади, английских футбольных фанатов, которым позволили въехать в страну без виз и которые гоняли мяч неподалеку от мавзолея Ленина, и спекулянтов, торгующих билетами. Это немаловажное пиар-достижение Кремля вскоре потускнело на фоне еще большего успеха.

В ту субботу проходил финал конкурса “Евровидение”. Моего друга, рок-промоутера Артемия Троицкого, пригласили на передачу Второго канала наряду с тщательно отобранными звездами эстрады и их поклонниками. Ток-шоу в прямом эфире давно остались в прошлом — власти не желали рисковать из-за озвучивания нежелательных высказываний, — но здесь речь шла о чистом развлечении. Под открытым небом соорудили сцену, чтобы отслеживать реакцию московской публики на событие, происходившее в Белграде, столице Сербии. Меня удивило и заинтриговало то, что мне разрешили присоединиться к Троицкому, но, принимая во внимание бесталанность британского участника, я решил помалкивать. Британец выступил последним. Я не высовывался. Российская баллада в исполнении одного из самых известных певцов страны, Димы Бирана, уверенно шла к победе. Когда Биран закончил свое победное исполнение песни “Поверь” (*Believe*), расстелив на сцене российский флаг, трансляцию переключили на московскую студию. Люди среднего возраста в меховых шубах, похоже, имеющие отношение к шоу-бизнесу, хватали микрофон, чтобы заявить, что Биран заслужил победу, что его успех доказывает величие России и даже — что все они должны благодарить премьер-министра и президента за победу. Когда

дело дошло до Троицкого, он сказал, что, по его мнению, песня была дрянь, а славянские страны и те, кто раньше входил в Советский Союз, заранее договорились о том, какими должны быть результаты голосования. Все вокруг просто задохнулись от возмущения. “Предатель!” — закричала одна женщина. “Я думала, вы патриот”, — заявила вторая. “Я уважала то, что вы делаете, — сказала третья, — но теперь я вижу, кто вы такой”.

Во многих отношениях российское телевидение продвинулось вперед со времен СССР. Качество продукции — превосходное. Телевикторины и развлекательные программы популярны точно так же, как в остальном мире. Здесь работают непревзойденные мастера оболванивания, “выпекающие” “звезд” так же бойко, как и в любой западной стране. Стихийное выражение еретических взглядов, однако, не допускается. Троицкий вовсе не наивен. Он знал, как вести себя с системой в советские времена, чтобы иметь возможность продвигать музыкальные группы. Он был в авангарде ельцинской революции, его приглашали на самые популярные теле- и радишоу. После того, как Путин пришел к власти, редакторы стали относиться к нему с некоторым подозрением, но Троицкий не сразу это почувствовал. Его пригласили для участия в специальном, с участием знаменитостей, выпуске шоу “Кто хочет стать миллионером?”, но за день до съемок ему позвонил один из продюсеров, чтобы сообщить: в список участников внесены изменения. Продюсер неуклюже извинился, сославшись на “изменившиеся обстоятельства”. Были и другие случаи. Телеведущая Светлана Сорокина, друг Троицкого, спросила гендиректора Первого канала Константина Эрнста, в чем дело. Эрнст ответил: “Света! Ты и сама отлично знаешь. Он неуправляем”. Вскоре после этого Сорокину саму отлучили от эфира. Сначала

ей сказали, что ее вечернее ток-шоу должно идти в записи из-за “опасных” мнений гостей и аудитории. Затем передачу закрыли. В 2008 году “Новая газета” опубликовала статью о “черных списках” на российских телеканалах. Троицкий оказался в таком списке. Газета процитировала источник на ТВ, сообщивший, что одно из замечаний Троицкого, сделанное на шоу в 2004 году, показалось Кремлю оскорбительным: тот сказал, что при Ельцине была свобода, но не было безопасности, а при Путине не стало ни того, ни другого.

Даже Троицкий, человек известный и искушенный, был ошеломлен количеством злобы, выплеснувшейся на него тем вечером на шоу “Евровидения”. Речь-то в конце концов шла о поп-музыке, которая вряд ли является для России вопросом жизни и смерти. Пока мы ехали ранним утром домой, он получил множество эс-эм-эс со словами поддержки и с угрозами. Он нарушил Пакт. Вопрос был не настолько важен, чтобы применять к нему жесткие меры, но предупреждение было послано.

Не существовало никакой необходимости реагировать на слова Троицкого так, как отреагировали его так называемые “друзья” в ходе шоу. Никакого открытого давления не было. Однако таков оказался их выбор: они предпочли колоритную демонстрацию патриотизма, надеясь на получение выгодных контрактов. Очевидно, что новая бизнес-культура слаженно работает в паре с авторитарным мышлением.

Самоцензура стала среди журналистов и других фигурантов общественной жизни естественным инстинктом. К сообществу правозащитников (или тому, что от него осталось) относятся как к неисправимым романтикам. В неправительственных организациях видят агентов враждебных внешних сил. Российский парламент, который в течение всего президентского срока Путина штамповал нужные

ему решения, принял ряд законов, запрещающих “антигосударственное поведение”. Один из законодательных актов дает спецслужбам право убивать врагов государства в России и за границей. Другой позволяет правоохрнительным органам рассматривать инакомыслие как экстремизм или государственную измену — преступления, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 20 лет. Понятие государственной измены пересмотрено так, что теперь в него входит “преступления против основ конституционного строя”. Защитники прав человека утверждают, что это знаменует возврат к сталинским временам. Почти никто, однако, не жалуется.

Западные государства продемонстрировали характерное для таких случаев непонимание ситуации и приверженность двойным стандартам. Ирония заключается, в частности, в том, что Великобритания — страна, политические отношения которой с Россией все это время были отвратительными, — способствовала российскому экономическому буму. В 2006 году Великобритания стала вторым крупнейшим инвестором в России. Однако большая часть денег поступала другим путем. Когда Питер Мандельсон, одно из ближайших доверенных лиц Блэра, признал в середине 90-х годов, что “новые лейбористы” были “чрезвычайно снисходительны к людям, ставшим неприлично богатыми”, даже он, возможно, не вполне представлял себе, что из этого может выйти. При лейбористах Лондон подавал себя новой мировой элите как менее зарегламентированную и более подходящую (в смысле налогообложения) юрисдикцию

в сравнении с любым своим конкурентом. Правительство обеспечило чрезвычайно привлекательные способы законно уйти от уплаты налогов и уменьшило вероятность того, что вас поймут, если вы попытаетесь от нее уклониться. Неудивительно, что российские олигархи поселились в британской столице. Среди россиян город стал известен как “Лондонград”, место, где “обладатели ультрасостояний”, как их именуют агенты по торговле недвижимостью, могут беспрепятственно наслаждаться роскошью. Здесь обосновалась четверть миллиона россиян.

Летом 2007 года я поспорил с Алистером Дарлингом, министром финансов, о феномене “Лондонграда”. Я спросил, есть ли такое унижение, на которое Великобритания не пойдет ради сверхбогатых иммигрантов? Намерено ли правительство, как многие настаивали, хотя бы рассмотреть вопрос об обложении нерезидентов налогами? Он озадаченно посмотрел на меня, пытаясь улыбнуться. Я рассказал ему, что многие мои знакомые россияне были изумлены легкостью, с которой британское правительство впускает в страну так много людей с сомнительной репутацией. Он пожал плечами, сказал, что я “преувеличиваю” серьезность проблемы, и пробормотал что-то о роли английской столицы как “мирового финансового центра”. Такова британская часть Пакта.

Британская разведка была озабочена появлением в стране целой субкультуры баснословно богатых людей с сомнительной репутацией. Некоторые сотрудники МИД вовсе не обрадовались решению предоставить политическое убежище Борису Березовскому. Отмечая серьезное увеличение активности ФСБ, службы государственной безопасности указывали на сложные хитросплетения российских деловых и политических интересов. В апреле 2006 года было

учреждено Агентство по борьбе с особо опасной организованной преступностью — наподобие американского ФБР. Блэр пообещал, что новый орган “превратит в ад” жизнь гангстеров, наркобаронов и торговцев людьми. Считается, что “русская мафия” — один из наиболее могущественных авторов теневой экономики. Ее доля оценивалась по крайней мере в 20 миллиардов ф. ст. С момента основания Агентства единственным его значительным успехом в борьбе с “русской мафией” стал арест трех мелких компьютерных хакеров, которые шантажировали британских и ирландских букмекеров. Затем все было спущено на тормозах. Создается впечатление, что англичане, когда дело доходит до русских, неохотно расследуют какие-либо преступления, кроме незначительных, связанных с наркотиками и проституцией. Это усиливает подозрения в том, что у Уайтхолла отсутствует политическая воля для расследования отмывания денег россиянами, — ибо это подорвало бы репутацию Сити как мирового финансового центра.

Тогда все оказались вовлечены в эту историю. Пиар-компании зарабатывали деньги, распространяя кремлевскую пропаганду. Финансисты заключали сделки. То, насколько широко раскинулась сеть дружеских связей, обнаружилось позднее в несколько неожиданном месте — на острове Корфу. Оказалось, что Мандельсон, который позднее был назначен министром торговли в правительстве лейбористов, и Джордж Осборн, министр финансов теневого кабинета консерваторов, независимо друг от друга заигрывали с Олегом Дерипаской, одним из наиболее неоднозначных российских олигархов, тесно связанным с Кремлем. Наибольшее возмущение вызвали просьбы Осборна финансировать его партию, однако действия Мандельсона могли, на самом деле, наделать больше шума. Зачем он, будучи в тот момент ко-

миссаром ЕС по торговле, регулярно посещал роскошную яхту, принадлежащую финансовому магнату, въездная виза которого в США (пусть не в Великобританию) была аннулирована?

Члены Палаты лордов выстраивались в очередь на “консультирование” разных олигархов. Они получали щедрые гонорары за работу по созданию сомнительной политической респектабельности. Один из них рассказал мне, что давал советы финансисту о том, как предъявлять газетам иски за расследование его методов ведения бизнеса. Журналисты все чаще отказывались расследовать случаи коррупции: россияне обращались в британские юридические фирмы, чтобы угрожать прессе. Издатель одной из национальных газет поделился со мной: “Нам сказали держаться подальше от олигархов. Слишком много проблем”.

Невозмутимость Алистера Дарлинга выглядела еще более пугающей, если учесть, что шестью месяцами раньше, в ноябре 2006 года, Александр Литвиненко, сотрудник КГБ, ставший диссидентом, был отравлен в самом центре Лондона. Этим убийством Кремль обозначил еще один маркер: любой россиянин, бросающий вызов режиму, в любой точке мира будет наказан. Сначала британцы заявили, что при всей своей снисходительности к экономическим связям в отношении дела Литвиненко они займут твердую позицию. На этом настаивал в первую очередь сэр Энтони Brenton, британский посол в Москве. Brenton уже вызвал раздражение россиян тем, что посещал собрания оппозиции. В ряде своих меморандумов посол призывал Даунинг-стрит придерживаться более жесткой линии в отношении Путина и без экивоков указывал на авторитарные тенденции политики Кремля. Несколькими неделями позднее Британия выступила с заявлением о том, что в Лондоне раскрыт заговор, имевший

целью убийство Березовского, и объявила, что выдворяет четырех российских дипломатов в ответ на отказ Москвы выдать человека, подозреваемого в убийстве Литвиненко. Россия ответила аналогичным образом, то есть высылкой, одновременно усилив кампанию по дискредитации Brentона. Хулиганы из прокремлевской молодежной организации “Наши” завели привычку скакать перед машиной Brentона при каждом выезде с территории посольства и прерывать выкриками его выступления на встречах с общественностью. Усиливало подозрения в причастности ФСБ к травле Brentона и то, что “Наши”, очевидно, получали копии расписания встреч посла, что и позволяло активистам его выслеживать.

“Наши” — это не маргиналы. Основанная заместителем главы путинской администрации Владиславом Сурковым организация была призвана играть центральную роль в кремлевском проекте создания идеологии и служить средством ее распространения. Сурков, прозванный “серым кардиналом”, ввел в оборот термин “суверенная демократия”, определив ее как

образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими.

Таким образом, отрицалось представление о том, что возможен только один вид демократии, и выдвигалось соображение о том, что каждая страна должна иметь свободу выбора собственной модели и достаточно суверенитета, чтобы эту модель развивать. Приверженцы этой концепции определяли

себя как идеологическую общность через сочетание национализма, антизападной риторики и враждебности к “олигархическому капитализму” (хотя олигархи поумнее предлагали деньги людям из “Наших”, чтобы держать их на расстоянии). Организация рекламировала себя как молодежную, современную и социализирующую. Подростковый дух приключения и веселые игры в туристических лагерях соседствовали здесь с возможностью проявить нетерпимость к врагам и с идеологией определенного рода. Спустя год после своего создания организация насчитывала более 200 тысяч членов, 10 тысяч из которых — “комиссары” — входили в постоянный актив. Хулиганов из “Наших” все чаще использовали наряду с милицией для разгона демонстраций. Иногда эти события происходили вдали от камер западных репортеров, иногда их снимали операторы. Во время одного из таких событий в мае 2007 года группа протестующих, в состав которой входили члены Европарламента, пыталась привлечь внимание к нарастающей враждебности населения России по отношению к гомосексуалистам. Демонстрантов, в том числе британского активиста-правозащитника Питера Тэтчелла, повалили на землю и избили. Арестованы были пострадавшие, а не нападавшие.

Месяцем позднее, в следующий уик-энд после того, как Гордон Браун сменил Блэра в особняке на Даунинг-стрит, посол Brenton на свой страх и риск полетел в Лондон. Он настоял на встрече с новым премьер-министром и министром иностранных дел Дэвидом Милибэндом. Brenton рассказал им, что путинская Россия опасна, что убийство Литвиненко было только началом, и попытался убедить в необходимости придерживаться жесткой линии.

Британия оказалась вовлечена в еще одно, не менее важное сражение — за контроль над обширными энергетически-

ми ресурсами России. Западные нефтяные транснациональные компании, в том числе “Би-Пи” и “Шелл”, заключившие ряд контрактов на условиях, которые россияне позднее сочли абсурдно щедрыми, перешли дорогу Кремлю. “Би-Пи” учредила вместе с рядом олигархов совместное предприятие ТНК-ВР, в котором последней полагалось 50 %. В этой связи россияне позднее предъявили претензии: доля неоправданно высока. Российское участие в значительной степени обеспечило рост акций “Би-Пи” в этот период. Компания получила значительную прибыль, а Кремль захотел забрать ее и отдать своим союзникам. Большинство иностранных нефтяных компаний прогнулось под давлением. Компания “Шелл” продала “Газпрому” значительную долю своего пакета (20 миллиардов долларов) в проекте “Сахалин-2”. “Би-Пи” держалась до конца. За ее сотрудниками следили, на них нападали на улицах. В офисах проводились облавы. Двух молодых россиян, получивших британское образование, обвинили в шпионаже. Всем заправляли лидеры российского бизнеса и политики. Они знали, что “Би-Пи” придется подчиниться. Это и произошло. Британская компания понимала: это лучше, чем ничего. От внимания английского правительства не ускользнуло, что деловые отношения двух стран процветают вне зависимости от того, насколько плохи их дипломатические отношения. Двусторонние финансовые связи были слишком тесными и приносили слишком большую выгоду обеим сторонам, чтобы жертвовать ими ради принципов или высоких политических целей.

Британские компании редко демонстрировали высокие моральные принципы, когда речь шла о бизнесе с Россией. Когда бы ни возникала надобность в их услугах у российских энергетических гигантов, они всякий раз были рады пойти навстречу. Когда некоторые активы ЮКОСа, ком-

пани, отнятой у брошенного в тюрьму Ходорковского, всплыли на Лондонской фондовой бирже, это привлекло ряд конкурирующих покупателей. Финансист Джордж Сорос оказался единственным, кто призывал бойкотировать это предложение. Андрей Илларионов, бывший советник Путина по экономике, перешедший в лагерь критиков режима, назвал первичное размещение акций на фондовом рынке “преступлением против российского народа”. Эти голоса никем не были услышаны. К концу 2007 года акции более 20 крупнейших российских компаний с суммарной рыночной капитализацией около 625 миллиардов долларов котировались на бирже в Лондоне (это гораздо больше, чем на Нью-Йоркской фондовой бирже, где требования раскрытия информации строже). Американцы, какие бы неудачи ни преследовали их по части регулирования финансовых рынков, были далеко не так одержимы готовностью пресмыкаться перед российскими “денежными мешками”.

Многие россияне, с которыми я общался, были озадачены жалобами на неприглядные сделки с участием олигархов. Англичане сами виноваты, говорили они. Если они не хотели, чтобы кого-нибудь травили полонием, если они не хотели экономического шантажа, не следовало с таким энтузиазмом приветствовать российские деньги.

В марте 2008 года было объявлено, что Brenton покинет Москву. Министерство иностранных дел Великобритании отрицало, что выбросило белый флаг, и утверждало, что срок пребывания посла в России просто подошел к концу. Кремль представил отъезд Brentona как свою победу, намекая, что Лондон решил помириться. Работающие в России британские компании, которые закулисно выражали недовольство непримиримой позицией Brentona, облегченно вздохнули.

Феномен “Лондонграда” подразумевает, что прохладные политические отношения не обязательно мешают тесным деловым узам. Большинство западноевропейских стран придерживается еще более лояльного подхода, рассматривая эти два аспекта в неразрывной связи: они уступают, не желая вступать в конфликт. Государства вроде Германии и Италии, в наибольшей степени зависящие от российских нефти и газа, реже всего задают Кремлю неприятные вопросы о соблюдении прав человека. Не прошло и нескольких месяцев после того, как Герхард Шредер покинул пост канцлера Германии, как он уже занял пост главы комитета акционеров чрезвычайно важного для России проекта — самого дорогого в истории газопровода “Северный поток”. Одним из последних шагов, предпринятых Шредером в качестве главы государства, стало подписание несколькими неделями ранее соглашения на 5 миллиардов долларов о поставках в Германию природного газа. Когда Гидо Вестервелле, лидер оппозиционной Свободной демократической партии, указал на это странное совпадение и раскритиковал новое назначение Шредера, тот добился судебного запрета в попытке заткнуть Вестервелле рот. “Я не могу понять, за что меня критикуют”, — заявил он на пресс-конференции, состоявшейся в центральном офисе “Газпрома”, в Москве. Аналогичное предложение было сделано и Романо Проди, как только тот ушел с поста премьер-министра Италии. Его попытались заманить на пост главы “Южного потока”, параллельного проекта “Газпрома”. Проди, по крайней мере, отверг предложение. Еще одним человеком, отклонившим подобные авансы, стал Дональд Эванс, бывший министр торговли США и близкий друг Джорджа Буша. Путин лично предложил ему занять руководящий пост в компании “Роснефть” как раз в тот момент, когда вопрос о незаконном

присвоении ею активов ЮКОСа изучал Европейский суд по правам человека.

Удручает, что многие злоупотребления властью происходили не вдали от любопытных глаз, не в секретной тюрьме где-либо в сибирской глуши. И не в сталинском Советском Союзе, а в стране, полностью интегрированной в глобальную экономику. Насилие возникло на порогах нуворишей. В декабре 2008 года милиция совершила налет на маленькие санкт-петербургские офисы “Мемориала” — правозащитной группы и исследовательского центра, где составляются списки жертв коммунистических чисток. Омоновцы в черных масках ворвались в головной офис “Мемориала” и изъяли архив. Налет совпал с беспрецедентной публичной кампанией по обвинению “Мемориала” в искажении истории России с целью подрыва патриотизма. Кампанию проводили лояльные Кремлю интеллектуалы. Глеб Павловский, один из приближенных политологов Путина, жаловался, что Россия уязвима перед “иностранными” подходами к своей истории. Российские СМИ почти не заметили налет на “Мемориал”. Большинство людей эти события не обеспокоили. В любом случае у общества не было особого желания продолжать копаться в злодеяниях прошлого. Опросы общественного мнения неизменно показывали, что респонденты приветствовали восстановление старого советского гимна и что по крайней мере 50 % опрошенных рассматривали роль Сталина в истории как положительную. Новая (или, скорее, традиционная) версия истории составляет теперь содержание школьных учебников.

Вскоре после налета на “Мемориал” посреди дня, на людной улице в центре Москвы были застрелены Анастасия Бабурова, 25-летняя журналистка, и Станислав Маркелов, адвокат-правозащитник. Маркелов, в частности, представлял

интересы “Новой газеты” в нескольких судебных процессах. Но в день гибели он был занят другим: обжаловал досрочное освобождение из тюрьмы российского армейского офицера, обвиненного в изнасиловании и убийстве молодой чеченки. Маркелова застрелили в упор. Когда Бабурова, находившаяся рядом, попыталась вмешаться, ее тоже убили. Она стала четвертым журналистом “Новой газеты”, погибшим за 10 лет. Их оплакало немногочисленное сообщество правозащитников. Подавляющее большинство москвичей, как обычно, осталось безразличным. “Нет страха у убийц. Потому что они знают, что их не накажут. Но нет страха и у их жертв. Потому что, когда защищаешь других, перестаешь бояться, — написала Елена Милашина, коллега Бабуровой. — Страх есть у тех, кто устранился и тихо пытается пережить плохие времена, которые почему-то все никак не кончаются”.

Такие случаи призваны были вселять страх. Но ужесточение мер затронуло не всех. Не только “Новая газета”, но и несколько других изданий продолжали критиковать Кремль и публиковать репортажи, наносящие ущерб интересам властей. “Эхо Москвы” почти два десятилетия продолжает традицию сильной, независимой журналистики. По иронии, в 2001 году главным акционером этой радиостанции стал “Газпром” — один из столпов экономического и политического могущества Кремля. Рыночная экономика во всех случаях влияла на принимаемые Путиным решения. Так как газетные тиражи и аудитория радио сравнительно невелики, оставить некоторые из них в покое полностью в его интересах. Теперь он имеет возможность напоминать об этих газетах и радиостанциях всякий раз, когда западные лидеры задают ему вопросы о демократии.

Любопытно, что российский сектор интернета контролируется в гораздо меньшей степени, чем китайский.

Некоторым заметным блогерам время от времени власти рекомендуют прекратить работу либо смягчить тон, но попыток закрытия сайтов не было. Одной из очевидных причин такого сравнительно либерального подхода является демография. В России, стране со стареющим (по сравнению с Китаем) населением, считается, что в Сети время проводит по-прежнему меньшинство. Распространение интернета все еще ниже 25 %, а пользователи сконцентрированы главным образом в Москве и других благополучных, по сравнению с остальными, городах*. Для Кремля имеет значение только телевидение. Как и в Китае, прямой эфир — редкость, а ток-шоу транслируются с задержкой на тот случай, если кто-либо скажет что-либо неприемлемое. Руководителей телесетей еженедельно собирают для согласования новостной повестки. Менеджеров снабжают списками оппозиционеров, отлученных от эфира. Лояльность основных ведущих, менеджеров каналов и знаменитых репортеров покупается баснословными зарплатами. Это тоже часть Соглашения.

Похожие калькуляции сделали и прежние политические оппоненты. Сравнительно недавно, на парламентских выборах в декабре 2003 года, общая доля голосов, отданных за либералов, составила почти 20 %. Как случилось, что они и их сторонники так легко сошли со сцены? Устояли лишь немногие. Наиболее известной фигурой долго был Григорий Явлинский. В 90-е годы я совершил с ним ряд поездок по стране: он создавал тогда оппозиционную партию “Яблоко”. В ельцинскую эпоху “Яблоко” было силой, с которой оппонентам приходилось считаться в парламенте. Явлинский

* Согласно данным ВЦИОМ, по состоянию на апрель 2012 года интернетом пользуются 55 % россиян: 36 % ежедневно, 13 % — несколько раз в неделю, 5 % — несколько раз в месяц, 1 % — не менее одного раза в полгода. Прирост пользователей отмечен не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в других регионах страны. — *Прим. ред.*

дважды выдвигался в президенты, но в начале путинского правления пожаловался, что оппозиционная политическая деятельность стала невозможной.

Многие замолчали, ушли в бизнес или примкнули к правящему лагерю. Одним из них был Петр Авен, министр в одном из первых постсоветских либеральных правительств. Он продолжил карьеру в качестве состоятельного банкира, призвал Путина стать российским Пиночетом и предположил, что только диктатура способна провести рыночные реформы. Несмотря на неудачи, Явлинский и другие продолжали свою деятельность и критиковали Кремль на западных телеканалах, придавая видимость правдоподобия утверждению, что Россия строит нечто вроде демократии. На парламентских выборах 2007 года ни одна из либеральных партий не смогла приблизиться к барьеру, отделявшему их от получения мест в парламенте. Вскоре после этого Явлинский решил сойти со сцены. Журналист Аркадий Островский заметил, что российские либералы активнее противостояли вторжению в Чехословакию в 1968 году, чем войне в Грузии.

Для многих либералов проблема состоит в том, что при Ельцине они позволили идентифицировать себя с бездушным капитализмом и политикой “шоковой терапии”. Поступив так, они невольно нарушили собственные либеральные принципы. Лилия Шевцова, ведущий летописец эпохи, так подвела итоги:

Ельцинский период дал России довольно много свобод. Никогда Россия не была так свободна. Но свобода — в отсутствие привычки к порядку, в стране со слабой правовой культурой и эгоистическими элитами — привела к хаосу и беззаконию, нарушению всех табу и запретов. Россияне, испуганные незна-

комыми свободами и не знающие, что с ними делать, в 1999 году качнули маятник назад, к порядку.

Сидя в своем кабинете в здании на углу Тверской улицы и Пушкинской площади, неподалеку от старой редакции “Московских новостей”, она сказала: “Простым людям опостылела беспрецедентная свобода критиковать правительство, поскольку лучше от этого не становится”. В своей последней книге “Путинская Россия” Шевцова пишет о том времени, когда он пришел к власти:

Путин получил массовую поддержку основных сил российского общества. Накопившиеся страхи, замешательство, ощущение опасности и вполне реальный российский “Веймарский синдром” — все это вызвало у людей стремление к порядку и желание видеть в Кремле нового человека.

Она напомнила о том, что социолог Юрий Левада писал в 1999 году в “Московских новостях”, когда оценивал Россию в ожидании путинского руководства:

Ситуация глубокого общественного перелома, которую переживает общество, ранее именовавшееся советским, не столько формирует новые, не существовавшие ранее ориентиры и рамки общественного сознания, сколько обнаруживает, выводит на поверхность его скрытые структуры и механизмы.

Шевцова напомнила мне еще об одном высказывании, принадлежащем бывшему премьер-министру Сергею Кириенко. Он говорил о либерализме как о стиле жизни. Этот взгляд подменил либерализм как мировоззрение, который, по его

словам, устарел. Это был апрель 2000 года — еще до того, как путинская эпоха вступила в свои права.

Шевцова уподобила российский новый средний класс рантье, людям, которые извлекали пользу из государственной щедрости по отношению к разбухшему бюрократическому аппарату. Это напоминало латиноамериканские политические и деловые элиты в странах, управляемых в 70-е и 80-е годы хунтами: они жили вполне хорошо, пока не начинали слишком активно интересоваться деятельностью правительства. Российская элита вышла из одной цивилизации, но не достигла другой. “Мы потерялись в переходном периоде. Возможно, мы сколько-то здесь пробудем”, — по обыкновению точно отметила Шевцова. Это показалось мне хорошим определением ситуации, в которой оказались многие россияне. Они не могли разделить путинский взгляд на мир, но и создавать проблемы они также не видели смысла. Годами они неплохо уживались с ним. Дела шли хорошо, его правление было отмечено ростом их доходов. Меньше жестокости и больше законности — вот все, чего они хотели.

В сентябре 2008 года я вернулся в Россию, чтобы впервые за четыре года встретиться с Путиным. В этот раз на Валдайской конференции нам продали два товара по цене одного: премьер-министра Путина и его протеже, нового президента Дмитрия Медведева. Нам было интересно, как этот симбиоз будет работать. Ни в России, ни за рубежом ни на минуту не возникало сомнений в том, кто в этой паре главный. Перед встречей с Путиным и Медведевым мы приняли участие в “круглом столе” в Ростове-на-Дону. Этому приятному

южному городу потребительская культура подарила по меньшей мере три ресторана *суси* и ряд магазинов дизайнерской одежды. Тем не менее все разговоры на конференции были о возвращении холодной войны.

Несколькими неделями раньше Грузия предприняла военное вторжение в Южную Осетию, которая была давним союзником России. Дату нападения, 8 августа, россияне стали считать аналогом американского 11 сентября. Кремль ответил нанесением непропорционального удара по самой Грузии. Победа была достигнута быстро — правда, ценой резкого ухудшения отношений с Западом. В ходе дискуссии нам понадобилось немного времени, чтобы осознать масштаб ярости. Вячеслав Никонов, внук сталинского министра иностранных дел Вячеслава Молотова, стал еще одним из любимых путинских “интеллектуалов”. Никонов сообщил нашей группе, что Россия своим жестким ответом Грузии продемонстрировала, что “никогда не была такой сильной со времен падения СССР... Мы все платим цену за десять лет неуважения Запада к России”. Несколько более мягкий вариант высказывания по этой теме принадлежит молодому телекомментатору Сергею Брилеву: “Запад добился консолидации российского политического класса”.

Наконец мы прилетели в Сочи, курортный город на Черном море, который прихорашивается, готовясь принять в 2014 году зимнюю Олимпиаду. Путин был в хорошей форме, расслаблен, саркастичен, находчив и временами зол. Он угощал нас прекрасной едой и вином на вилле, по словам местных жителей, принадлежащей его другу, олигарху Дерипаске. Со времен “революции роз” и “оранжевой революции” россияне с растущей озабоченностью следили за событиями в Грузии и на Украине. Из-за политических неурядиц и коррупции ни одна из этих стран не стала маяком демократии,

на что так надеялись США. Однако с точки зрения Кремля они превратились в американский геополитический плацдарм прямо в сердце бывшего Советского Союза. Путин представил Россию страной, которая отовсюду — особенно со стороны США и Великобритании — подвергается враждебным нападениям. “Вы что, думали, мы рогатками будем защищаться? — гаркнул он. — Если агрессор приходит на вашу территорию, вы должны дать ему по морде — и будете совершенно правы. Мы что, должны были утереть кровавые сопли и склонить голову?”. Три часа он потчевал нас обычной смесью угроз и примирительной лексики. Он сказал, что обращался с Бушем “лучше, чем некоторые американцы”, но предупредил Америку и в более широком смысле слова Запад, что время игры в одни ворота прошло. Хотя римляне разрушили Карфаген, “Римская империя была разрушена варварами. Мы должны беречься варваров”. Он настаивал: “Россия не угрожает США или Европе. У нас больше нет имперских притязаний”.

Наблюдая с замиранием сердца за происходящим, я не мог не прийти к выводу, что типично российская политика обиды нашла в этом человеке свое наиболее полное выражение. Он больше не просил понять его, как это было в 2004 году, на встрече с нами во время бесланской бойни. Возможно, он больше не чувствовал в этом необходимости, поскольку за последующие годы Россия с помощью денег и грубой силы снова проложила себе дорогу к месту во главе стола.

В отличие от Путина, который продержал нас полтора часа в ожидании, Медведев прибыл на следующий день точно вовремя, чтобы встретиться с нами в экстравагантной обстановке банкетного зала на верхнем этаже ГУМа напротив Кремля. Поприветствовав всех по очереди, он

рассказал, что хотел посвятить август борьбе с коррупцией, укреплению законности и реформированию экономики. Но война есть война:

Защита жизни и достоинства российских граждан вне зависимости от того, где они находятся, является самой важной задачей российского государства. США получили серьезный урок 11 сентября. События 8 августа послужили уроком для нас.

Медведев ясно дал понять, что должен быть готов защищать российских граждан силой оружия, где бы они ни находились, и что любая попытка со стороны Грузии или Украины добиваться членства в НАТО усилит напряженность в отношениях с Западом. Роль администрации США в подстрекательстве Грузии к выступлению против России была очевидна.

Медведев сказал, что он несколько раз пытался обсудить ситуацию с американцами, но это ни к чему не привело. Буш спросил его: “Вы — молодой человек с либеральным бэкграундом. Зачем вы это делаете?” Медведев ответил: “Я действительно этого не хотел. Но бывают моменты, когда имидж — ничто, а поступки — все”. Затем российский президент добавил: “Я не хочу, чтобы Россия была милитаризованным государством, живущим за железным занавесом. Я жил в такой стране, это было скучно и неинтересно”. Он признал, что Россия не смогла убедить большую часть мира, что она отличается от Советского Союза: “Многие думают, что мы не только правопреемники СССР, но и его идеологические наследники. Это просто неправда. У нас совершенно иной набор ценностей”. После этого он угостил нас превосходным красным вином (французским; грузинское в России давно запрещено) и позировал для групповой фотографии.

На следующее утро была назначена последняя встреча. Время (8 часов утра) и место проведения (невзрачный “Холлидей инн” за МКАД, где мы остановились) красноречиво свидетельствовали о состоянии российской оппозиции. Чтобы доказать свою приверженность свободе выражения, организаторы пригласили на встречу с нашей группой Гарри Каспарова, бывшего чемпиона мира по шахматам и наиболее заметного лидера оппозиции. Каспаров сказал, что ему все труднее проводить встречи в международных отелях в центре города. Их управляющие (часто это граждане западных стран) решили, что сердить Кремль было бы экономически нецелесообразным. Каспаров рассказал, что ему позволили с нами увидеться только после того, как он устроил сцену на международном медиафоруме несколькими месяцами ранее.

Каждая наша встреча в ту неделю освещалась в вечерних выпусках новостей в прайм-тайм, но в отсутствии камер здесь ничего удивительного не было. Каспаров много времени уделил анализу того, почему Кремль переиграл оппозиционных деятелей и организации. По его мнению, большинство из них ошибочно решило, что сможет влиять на отношение к свободе выражения, правам человека и к демократии изнутри. Он заявил, что “все возможности либерализации и демократизации ‘сверху’ исчерпаны. С этим все”. Пришло время работы “параллельно” с большой политикой. Каспаров был абсолютно уверен, что эра Путина приближается к концу и что требования перемен нарастают. Он заявил, что недавние протесты по поводу высоких цен на горючее приобрели политическую окраску: “Режим в агонии”. Большинство участников дискуссии не согласилось с ним, предположив, что он принимает желаемое за действительное.

В первые месяцы после начала мирового экономического кризиса правительство, по всей видимости, было уверено, что благодаря большому стабилизационному фонду Россия сможет выйти из него относительно невредимой. Некоторые развивали эту аргументацию. Политолог Сергей Караганов так прокомментировал ситуацию:

Огромное убыстрение экономического развития мира с середины 80-х годов двадцать лет интерпретировалось как результат исключительно применения рецептов “Вашингтонского консенсуса”... Попутно выявилось, что, как казалось, победившая навсегда модель зрелого либерально-демократического капитализма старого Запада не является больше единственным идеологическим ориентиром для остального мира. Государства нового капитализма, естественно, более авторитарные, что соответствовало их стадии экономического и социального развития, стали предлагать гораздо более привлекательную и достижимую модель политического развития для отстающих государств.

Путин выступил с аналогичным заявлением перед мировой элитой в Давосе. Как быстро выяснилось, он оказался не прав. Наклон плоскости, по которой покатилась Россия, оказался одним из самых крутых. Немедленная реакция Кремля была относительно адекватной. Она предотвратила лавину обращений в банки с целью возврата средств (важное достижение, учитывая хрупкость данного сектора), чему помогли накопленные в “тучные годы” золотовалютные резервы. Тем не менее рубль и фондовый рынок “просели”. Стоимость акций упала на миллиарды долларов. Многие утратили свои сбережения. Миллионы людей стали безработными. Что до олигархов, то они, как говорят, потеряли

огромную сумму — 250 миллиардов долларов. У многих из них не было иного выбора, кроме как с протянутой рукой отправиться в Кремль и умолять о кредитах для спасения своих империй.

Уличные протесты изредка случались даже во время пребывания Путина у власти. Власти обычно не вмешивались, поскольку демонстранты стремились привлечь их внимание к конкретным проблемам, например пенсиям или ценам на электроэнергию. Явно политическими по характеру они становились редко. Постепенно ситуация начала меняться. В начале 2009 года митинг во Владивостоке против пошлин на ввоз иностранных автомобилей превратился в антипутинский. Кремль так обеспокоился, что послал туда через всю страну, за тысячи километров элитные подразделения МВД. Политическая оппозиция начала объединяться под знаменем новой организации — “Солидарности”, названной в честь польского профсоюза 80-х годов, который помог ускорить крушение коммунизма. В лице Бориса Немцова, бывшего заместителя премьер-министра России, эта организация получила харизматического лидера. Группы вроде этой вызывали все большее раздражение Кремля, но были еще далеки от того, чтобы представлять собой прямую политическую угрозу.

Во время встречи Валдайского клуба меня поразило одно высказывание Тимоти Колтона, американского ученого, официального биографа Ельцина. Он отметил, что Россия не предложила модели “мягкой власти” и что она не обладает “привлекательной глобальной идеологией”. Во многом это было правдой, но такие модель и идеология для внутреннего потребления имелись. Россия в путинские годы консолидировалась на почве обогащения, национализма и обиды. Путин черпал легитимность не из абстракций вроде верхо-

венства права, неподкупности и транспарентности, а из способности режима обеспечивать политическую стабильность и экономический рост. Обязан ли Путин своим успехом своему уму — или ему просто повезло? Был он творцом роста во времена нефтяного бума — или его бенефициаром и сторожем? Неважно. Путин прошел тест на эффективность — вариант того, что применялся в Сингапуре и Китае. По крайней мере людей убедили в этом перед тем, как большая часть богатства испарилась. Путин руководил экономикой, которая все заметнее зависела от нефти и газа. Он призывал к диверсификации, но не выказывал никаких серьезных намерений в этом отношении. Он думал, что это и не нужно.

Проблемы Путина не создали серьезного окна возможностей для Медведева. Он использовал растущий интерес к себе в мире, чтобы предъявить собственный бренд, то, что он называет “политикой по правилам”, чтобы сгладить некоторые наиболее острые углы путинского варианта авторитаризма. Было заманчиво поверить в то, что он, как он дал понять при встрече, — настоящий реформатор, но его планы были нарушены войной в Грузии. Медведев излагал аналогичные соображения перед западной аудиторией и проинструктировал своих доверенных лиц, чтобы они в ходе своих поездок следовали его примеру. Они старались доказать, что можно многого ждать от вновь заявленной приверженности борьбе с коррупцией, от обсуждения с Михаилом Горбачевым гражданских свобод, от нового созыва непонятого Совета по правам человека, созданного Путиным в 2004 году. Медведев и его команда возмущались всякий раз, когда звучали сравнения с Китаем: давний спор о том, является Россия европейской или азиатской страной, давно окончен.

Опросы общественного мнения в России демонстрируют, что сограждане Медведева не так уж в этом уверены. Результаты отразили стойкое неприятие западных политических (но не западных потребительских!) ценностей, которое зародилось до грузинского кризиса, но после него обострилось. Российская экономическая школа опубликовала данные об отношении к демократии, собранные в 2003–2008 годах. Недоверие или враждебность к США выказали и молодые люди, и их бабушки и дедушки. Этот показатель слегка ниже в возрастной группе 35–45 лет. На вопрос, является ли западное общество хорошей моделью для России, 60 % опрошенных ответили отрицательно и только 7 % — положительно. Авторы опроса сообщили, что такое отношение ужесточается с каждым годом. Неодобрение среди богатых выражено так же, как и среди бедных. Исследование показало, что россияне относятся к наименее увлеченным людям в мире: энтузиазма гораздо больше даже в Беларуси, этой “последней диктатуре Европы”.

В любом случае вопрос о месте России в мире — это неправильно заданный вопрос. То, что произошло в путинскую эпоху, произошло с людьми, которых я знал, могло быть драматическим и более жестоким, чем в других странах, но смысл сделки не изменился. Всем дали возможность заработать — и россиянам, и иностранцам. Пакт начал трещать по швам, поскольку начала отходить потребительская “анестезия”, а ничего другого, чем могло бы успокоиться сердце, у россиян не осталось.

Глава 4

Объединенные Арабские Эмираты: легкие деньги

Демократия — это система, с помощью которой обеспечивается по возможности наилучшая жизнь для народа. Это — не самоцель.

АЙМАН САФАДИ

Приехали все: Голливуд и Болливуд вперемешку с членами царствующих домов, персонажами из Галереи славы бейсбола и другими знаменитостями. Дубай приветствовал самую яркую тусовку изо всех когда-либо виденных здесь. “Атлантис”, колоссальный розовый отель-чудовище, открылся в ноябре 2008 года. Примерно 2 тысячи второсортных и третьесортных знаменитостей слетелись со всего мира, чтобы насладиться омарами и фейерверком (сообщалось, что он в семь раз мощнее того, которым сопровождалось открытие Олимпиады в Пекине). Напоказ был выставлен весьма специфический вариант пакта. В аравийской пустыне традиционное бедуинское государство устроило праздник в честь дворца алчности, принадлежащего еврею из Южной Африки. Ключевым

событием вечера стало шоу Кайли Миноуг, всемирной гей-иконы.

В основу бизнес-модели было положено соучастие во имя потребления. Объединенные Арабские Эмираты стали идеальным местом для тех, кто хотел быстро разбогатеть, не задавая при этом много вопросов. Можно было удовлетворять свои самые безумные фантазии — за закрытыми дверями. Правящим семьям ОАЭ понадобилось только щелкнуть пальцами, чтобы к ним тут же слетелись политики, предприниматели и люди искусства. Всех, кто собирался обогатиться, принимали радушно, вне зависимости от цвета их кожи и паспорта. В этой связи все смотрели сквозь пальцы на то, что делали остальные. Всеобщая мечта стала реальностью: на десять лет или даже больше все стали победителями.

Затем все рухнуло. Как раз после открытия “Атлантиса” экономическая система развалилась. Цена барреля нефти упала до 50 долларов, то есть до трети от пиковой стоимости. Цены на недвижимость рухнули, фондовые рынки — также. Десятки тысяч иностранцев — британцы, индийцы, русские и все остальные — запаниковали. Из-за кризиса ликвидности стало невозможно провести рекапитализацию или избавиться от имущества — все равно по какой цене. Распродажа проблемных активов еще сильнее понизила цены. Из-за “эффекта домино” половина всех строительных проектов в регионе на сумму примерно 600 миллиардов долларов была приостановлена или свернута. На окраинах города, у кромки пустыни, остались недостроенные высотки.

Тысячи иностранцев, отправившихся в Дубай в надежде быстро разбогатеть, внезапно обнаружили, что их пассивы превышают активы (цена недвижимости оказалась ниже суммы ипотечного кредита). Безработные лишились рабочих виз и должны были покинуть страну в течение месяца. Мно-

гие решили сделать это добровольно. Просрочив платежи по кредитам, за что в ОАЭ можно сесть в тюрьму, тысячи людей буквально бежали. Парковки в аэропорте оказались заполнены машинами, брошенными владельцами с ключами в замке зажигания, с записками-извинениями на лобовых стеклах. Владельцы “Атлантика”, как и все их предшественники, не предполагали, что бизнес может заглохнуть: маркетинговые исследования подтверждали, что в людях, желающих заплатить 25 тысяч долларов в сутки за номер и поглазеть на акул и скатов в громадном застекленном аквариуме в холле, недостатка не будет. Тем не менее буквально за несколько месяцев дело дошло до размещения рекламы с предложением скидок на групповые туры.

Дубай был главным центром притяжения в Эмиратах. Когда мечта истаяла, он пострадал сильнее всего. Абу-Даби был более серьезным игроком, причем ему почти ничего для этого не требовалось: благосостояние гарантировалось нефтью. Абу-Даби обеспечивает 95 % нефтедобычи ОАЭ и более половины ВВП страны. У эмирата больше денег, чем он способен потратить, и годами он искал все более изобретательные способы их разбрасывать. Один бизнесмен как-то сказал мне, что “у них больше нефти, чем у бога — долларов”. Сделка и правила игры в этом случае были сложнее. И эта модель оказалась более устойчивой.

“Если эта доктрина окажется успешной, то родится новый мир”, — Ашраф Маккар пил со мной чай в одном из многих роскошных отелей Абу-Даби рядом с усаженной пальмами набережной Эль-Корниш. Некогда корреспондент агентства

“Рейтер”, сейчас он служит советником по медиа в “Мубадала девелопмент компани” (МДК): серьезная должность в серьезной компании. МДК — инвестиционное агентство самого большого и богатого из семи эмиратов, образующих ОАЭ. Маккар, дородный, по-боевому настроенный мужчина, который журит меня за выбор темы беседы. Я поинтересовался, могут ли фонды национального благосостояния, созданные государствами Персидского залива, Китаем, Сингапуром и другими странами и скупающие большие доли в международных корпорациях, представлять опасность для остатков либеральной демократии и диктовать условия по всему миру. Маккар целыми фразами повторяет мне давно забытый текст. Я вспоминаю заголовок “Сингапур разделяет под орех британского писателя”. На этот раз, впрочем, наставление было личным, устным и очень тактичным. Маккар сказал: “Здесь глобализация работает”. Каждый приезжал в Абу-Даби (а позднее — в молодой Дубай) не только за богатством, но и за посланием, которое Эмираты транслировали в качестве глобальной модели мультикультурализма: “Посмотрите на эти огни. Никто не празднует Рождество лучше этих ребят”. Он настаивает, что это модель гармонии: “Это единственное место, где индийцы и пакистанцы вместе играют в крикет. Собственность преобразует мир. У людей есть обоснованный интерес к тому, чтобы это место процветало”.

Отец нынешнего правителя, шейх Зайд ибн Султан аль-Нахайян, превратил Абу-Даби из нескольких разбросанных в пустыне лачуг, зависящих от добычи жемчуга и скудеющей торговли скотом, в сияющий мегаполис. Шейх Зайд пришел к власти в 1966 году при поддержке уходящих британских колониалистов. В то время как Бахрейн и Катар предпочли независимость, шейх призвал соседей образовать федерацию, Объединенные Арабские Эмираты, и пообещал поделиться

огромными природными ресурсами, предоставив при этом значительную автономию другим кланам. Наблюдая за тем, как его эмират богатеет благодаря нефти, шейх Зайд решил в конце 90-х годов, что город-государство следует всесторонне развивать, чтобы превратить в наилучшее место для проведения деловых, спортивных и культурных мероприятий, а также в место паломничества европейских любителей позагорать. Он настаивал на том, что все это должно произойти без посягательств на исконную культуру бедуинов и потворства неконтролируемому развитию вульгарного космополитического сообщества Дубая. Зайд не видел собой нужды открывать страну, не говоря уж о королевской семье, для любопытных взглядов:

Почему нам следует отказываться от системы, которая нравится нашему народу, ради системы, которая, возможно, породит разногласия и конфронтацию? Наша система правления основана на религии, и именно этого хочет наш народ. Если люди захотят альтернативы, мы готовы к ним прислушаться. Мы всегда утверждали, что нашему народу следует открыто выражать свои пожелания. Мы все в одной лодке, где народ — и капитан, и команда.

Унаследовавший в 2004 году трон Халифа ибн Зайд аль-Нахайян продолжил открывать Абу-Даби миру. Каждый шаг, однако, был тщательно выверен. У шейха есть дворцы и роскошные отели, какие только может пожелать любой монарх. Однако сильнее всего он хотел, чтобы королевство принимали всерьез, и был полон решимости добиться этого. Ресурсом, который необходимо было для этого приобрести, оказалась культура. Было выделено примерно 20 миллиардов ф. ст. на то, чтобы пригласить лучших архитекторов

мира и приобрести лицензии лучших музейных “брендов” — с тем, чтобы их филиалы появились в Абу-Даби. Для строительства был выделен Саадият, “Остров счастья”, один из нескольких искусственных островов, насыпанных для расширения площади Абу-Даби. Здесь архитектор Фрэнк Гери, спроектировавший знаменитый музей Гуггенхайма в Бильбао, строит новейший и самый большой в мире филиал этого музея. Французский модернист Жан Нувель проектирует первое в мире представительство Лувра. Оба музея будут на время предоставлять работы из своих коллекций для экспозиции, и каждый из них получит сотни миллионов долларов за право использования своей “торговой марки”. Рядом с этими памятниками гаргантюанским фантазиям вырастет новый Национальный музей им. шейха Зайда, спроектированный Норманом Фостером, и театрално-концертный комплекс на 6 тысяч мест по проекту Захи Хадид. “Культурный хаб” также вберет в себя филиал Сорбонны и кампус Нью-Йоркского университета, который окажется первой американской гуманитарной школой, учредившей представительство за границей. Переговоры велись также с Публичной библиотекой Нью-Йорка (наряду с другими ведущими мировыми библиотеками) и нью-йоркскими же “Метрополитен-опера” и Линкольн-центром.

Имело место серьезное сопротивление — скорее во Франции, чем в Америке, — идее экспорта культуры в пустыню. Взгляд скептиков выразил президент Сорбонны Жан-Робер Питт: “Действительно ли мы можем принести культуру погонщикам верблюдов и продавцам ковров?” Искусствоведы обвиняют шейха в “подкупе” западных музеев с тем, чтобы они одобрили не более чем художественную версию тематического парка развлечений, вроде тех, которые строятся повсюду в странах Персидского залива. Эксперты

в области дизайна жалуются на “архитектурную мегаломанию”. Сам Гери назвал возведение на острове Саадият такого количества важных зданий близко друг к другу “свальным грехом”. Ряд ведущих деятелей культуры Европы и Америки выражает недовольство тем, с какой наглостью происходит покупка культуры... так, словно бы изначально то же самое не происходило у них дома. В начале 2008 года более 4 тысяч французских ученых, историков искусства, археологов и других специалистов подписали петицию против сотрудничества Лувра с властями Дубая, настаивая на том, что культурное попечительство Франции “не является предметом торговли”.

Понадобилось более 18 месяцев, чтобы завершить сделку с Лувром. Заниматься этим назначили бывшего французского дипломата высокого ранга Жана Д’Оссонвиля. Он видел свою задачу как часть освященной временем *mission civilisatrice** Франции. Он заявил, что французские избиратели и ценители искусства должны по достоинству оценить идею “сдерживания [исламского] фундаментализма с помощью культуры”. За этими словами скрывался реальный мотив: наличные. Абу-Даби заплатил более 500 миллионов долларов только за использование наименования “Лувр”. Сумма сделки составила 1,2 миллиарда.

Чтобы смягчить критиков, французское правительство учредило при Лувре наблюдательный совет, перед которым была поставлена задача проследить за тем, чтобы художественные стандарты и художественная свобода не подвергались риску. Критики предсказывали, что после открытия, около 2012 года, музею придется приспособливаться к своим консервативным хозяевам. “Слава богу, Моне рисовал водяные

* Цивилизаторской миссии (фр.). — Прим. пер.

лилии [а не обнаженную натуру]”, — отметила газета “Либерасьон”. Д’Оссонвиль признал, что последнее слово останется за местным правительством, а не за наблюдательным советом: “В конце концов это их страна, их музей, поэтому они могут отказываться от любых экспонатов”.

Те, кто осуждает культурные компромиссы, присущие таким проектам, как Саадият, возможно, правы, но они выбрали для критики неверные цели. Учитывая бездонную глубину карманов шейха Халифы, не следует осуждать его за стремление тратить деньги на высокое искусство. Куда более спорной представляется моральная позиция продавцов искусства на Западе — но, как мне приходилось видеть, в сделках между западными институтами и иностранными правительствами об этике вспоминают редко, когда речь заходит о деньгах. Вопрос в данном случае таков: приносят ли университеты и музеи интеллектуальную свободу и возможность дискуссий в страну, где свобода выражения ограничивается, а демократии никогда не было.

Когда Джордж У. Буш выбрал Абу-Даби в качестве места для произнесения речи о “демократии и грядущей свободе” в январе 2008 года, смысл этого действия заключался в том, что выбор пал на страну с набором едва ли не наименее развитых политических институтов в регионе. Со времени возникновения страны (почти 40 лет назад) в ОАЭ всего однажды произошла передача власти и всего однажды прошли своего рода общенациональные выборы. В 2006 году коллегия выборщиков, сформированная королевскими семьями, проголосовала за 20 человек, которым предстояло войти в Федеральный национальный совет. Остальные 20 членов были назначены. Этот совет имел только консультативные функции. Политические партии запрещены, а свобода прессы ограничена.

Я обсуждаю степень и методы цензуры с Мартином Ньюлендом, бывшим редактором “Дейли телеграф”, которого переманили в Абу-Даби, на новый привлекательный проект. Выпуск англоязычной газеты “Нэйшенал” начался в апреле 2008 года. Ее глава, наследный принц, заявил, что “в ее основе лежит концепция признания ключевой роли, которую свободная, профессиональная и просвещенная пресса играет в процессе национального развития”. Другими словами, цель заключается в том, чтобы, не слишком раскачивая лодку, познакомить Эмираты с международными журналистскими стандартами. Риск здесь был, конечно, куда меньше того, что приняла на себя королевская семья Катара, учредив еще в 1996 году телеканал “Аль-Джазира”. Хотя канал воздерживался от критики своих хозяев в любой форме (заключив с ними, таким образом, собственный вариант Пакта), он проторил на Ближнем и Среднем Востоке путь независимой, активной журналистике. Тем не менее появление “Нэйшенал” знаменовало собой своего рода прогресс. Я передал Ньюленду кое-что из того, что сказал мне Маккар: “Если вы хотите высказаться в местной прессе, вы сможете высказываться сколько угодно, если говорите правильно”. Ньюленд развивает эту мысль: “Маркетинговый принцип таков. Газеты не будут продаваться, если в них содержатся нападки на лидеров страны. Но это не означает, что серьезной журналистикой заниматься невозможно”. Он рассказывает о материалах по поводу решения о внедрении ядерной энергетики, которые ему удалось напечатать: “Может быть, им не нравится 20 % того, что мы делаем, но они ценят, что мы показываем Абу-Даби как нормальное общество”.

Как и в Сингапуре, здесь не существует четкой договоренности, о чем можно писать, а о чем — нет. Никто точно не знает, переступил ли он границу дозволенного, пока

он ее не переступит. Шейх Халифа давно распорядился не сажать журналистов в тюрьму за чрезмерную критику, и его правительство редко применяет против них законы о диффамации. Однако, когда влияние экономического кризиса стало явным, ОАЭ отреагировали на это способом, традиционным для стран, где свободы даруются, а не закрепляются законодательно. В начале 2009 года был представлен на рассмотрение новый закон о СМИ, накладывавший новые ограничения на свободу слова. Правительство было встревожено растущей критикой государственной бизнес-модели и широкой оглаской ряда крупных корпоративных скандалов. Закон предполагает штраф до 150 тысяч долларов для “любого, кто публикует новости, дезориентирующие общественное мнение, и в итоге причиняет ущерб национальной экономике”. Еще большим штрафам подвергаются журналисты, критикующие королевскую семью. Министры пытались подчеркнуть, что критические новостные материалы будут разрешены, если они “хорошо проверены” и “сбалансированы”.

Ужесточение политики показало, насколько хрупким было существовавшее соглашение, и увеличило без того значительный дефицит информации. Доступ к надежным данным оказался затруднен, а слухи стали процветать. Правила, регулирующие другие области культурной жизни, также нечетки. Фильмы и книги часто подвергаются цензуре, если считается, что авторы грешат против вкуса или слишком увлекаются критикой правительства. Один из недавних примеров — история с задержкой публикации книги Кристофера Дэвидсона, преподавателя в Университете Дарема и специалиста по ОАЭ. Дэвидсон обвинил власти в цензуре. Национальный совет по делам СМИ отрицал обвинения и разрешил книгу к продаже, настаивая в то же время на том,

что она содержит “великое множество ошибок”. Власти платят огромные деньги западным пиар-агентствам, чтобы те от их имени выпускали пресс-релизы или отвечали на трудные вопросы. В итоге возникает странная ситуация: репортеры в ОАЭ звонят в Лондон, чтобы получить комментарий о событии, происходящем в Абу-Даби или Дубае. На Западе всегда найдутся те, кто согласится использовать корпоративные навыки на благо всех желающих, не обращая внимания на политические или этические соображения.

Даже в частных, без записи, разговорах многие представители Запада, с которыми я разговаривал, с готовностью отмечали положительные черты Абу-Даби, пусть часто и противопоставляя его примитивности Дубая. Ньюленд подчеркивает, что в крошечной стране говорят на 160 языках: “Здесь мы можем убедиться, что теория столкновения цивилизаций не работает. Здесь на улице вы можете встретить горца из Пакистана и тут же — банкира из ‘Голдман-Сакс’. Люди могут счастливо сосуществовать”. По его мнению, “это аргумент в пользу глобализации”. Я не могу сказать, что видел упомянутых горца и банкира рука об руку, но Ньюленд прав, указывая на своего рода культурное смешение. Складывается впечатление, что представители Запада в шортах и местные в дишдаша в ресторанах и торговых комплексах держатся друг с другом вполне непринужденно. Их сближает именно зарабатывание и трата денег.

Айман Сафади является главой медиакомпании, которая управляет “Нэйшенал”. Со своих командных высот он рассматривает Абу-Даби как образец для всего Ближнего и Среднего Востока:

Посмотрите вокруг и вы увидите, что наиболее функциональные государства региона — это монархии [например,

его родная Иордания] либо эмираты. Сравните это место с Йеменом, Египтом или Сирией. Наиболее густонаселенные центры арабского мира больше не являются центрами власти. Я не встречал ни одного жителя Эмиратов, который не был бы доволен здешними порядками.

Много ли бизнесменов в Тегеране или Бейруте чувствуют себя в такой же безопасности от властей, кланов и религиозных фанатиков? “Западные суждения об Абу-Даби имеют мало общего с реальностью. Здесь у нас другая форма подотчетности”, — считает Сафади. Что касается смягчения влияния правящих семей на власть или, по крайней мере, обеспечения противовеса, то, по его мнению,

необходимо регулировать темп демократизации. Выборы — жизненно важный инструмент демократии, но демократия не сводится к выборам. Демократия — это система, с помощью которой обеспечивается по возможности наилучшая жизнь для народа. Это — не самоцель.

Учреждение “Нэйшенал” и предоставленная ей более широкая, пусть ограниченная, свобода важны для упомянутого регулирования темпа демократизации. Сафади обращает внимание на недавнее исследование качества образования в Эмиратах, которое обнаружило низкий уровень критических способностей у местных учащихся. Это уже проявляется на рынке труда: местные жители обнаруживают, что им все труднее устроиться на работу и удержаться на ней.

Я обнаружил аналогичную картину совсем в других обстоятельствах. Меня везли почти два часа по гладкой как ковер автостраде. Вдоль дороги стояли деревья, которые

постоянно поливают, чтобы они могли выжить в пустыне. Песчаные дюны по мере удаления меняли свой цвет с золотистого на багряный. Город Эль-Айн на границе с Оманом — второй по величине в эмирате Абу-Даби. Он также является образовательным центром. Всего три года назад, во время предыдущего визита, я видел всего несколько зданий выше двух этажей. Сейчас город заметно вырос. Высотки растут как грибы. Но свой старый облик город утратил еще не полностью. Ландшафт, крепости, открытые рынки, каменистая гора Джебель-Хафит, возвышающаяся над городом, — самые аутентичные арабские черты в этом краю. Я встречаюсь с канадцем Дональдом Бейкером, занимающим пост декана в Колледже гуманитарных наук при Университете ОАЭ. Он один из многих иностранных преподавателей, приглашенных в рамках координируемой шейхом программы улучшения качества образования. Долгое время причиной озабоченности было количество учащихся. Ежегодно в среднем 38 тысяч жителей ОАЭ оканчивают школу. В университет идет только 4 тысячи (80 % из них — женщины: замечательное достижение). Между тем многие из них под давлением семьи рано бросают учебу, чтобы выйти замуж. По крайней мере на правительственном уровне женское образование считается жизненно необходимым для развития страны.

Центр культурного наследия и истории им. шейха Зайда, расположенный в нескольких милях отсюда — напоминание о другой эпохе, о жизни без культурного импорта, жизни очень скромной. В коридоре на стенах висят фотографии барханов и базаров. “Если бы кто-нибудь спросил любого шейха 20 лет назад, хотел бы он, чтобы его страна стала такой, как сегодня, этот шейх был бы шокирован”, — рассказывает Хасан аль-Набуда. Он преподает

историю исламского Средневековья и специализируется на истории Омана. “Теперь развитие нельзя остановить. Придется идти до конца. Наши лидеры больше ничего не контролируют”, — он обеспокоен положением местных жителей, многие из которых, по его словам, живут далеко не так хорошо, как можно подумать, — из-за чрезвычайно неравномерного распределения национального богатства. Однако больше всего его и других тревожит культурная эрозия. Человек с негромким голосом, долго учившийся на Западе, он настаивает на том, что в принципе не отвергает модернизацию ОАЭ, но не согласен с ее скоростью и методами. Он знает, что такого рода критика может повлечь обвинения в симпатии к исламистам, в попытках вернуть ОАЭ в темное прошлое, — и категорически это отвергает. Некоторые используют интернет, чтобы выразить (анонимно) свои опасения по разным поводам: от демографического дисбаланса и исчезновения арабского языка до скупки недвижимости иностранцами и конкуренции с последними за рабочие места. Но большинство помалкивает.

Некоторые начинают смотреть на происходящее резко критически. В апреле 2008 года в заголовки новостей попало заявление главы полиции о росте социальной нестабильности. “Я боюсь, что мы строим башни, но теряем Эмираты”, — сказал генерал Дахи Хальфан Тамим в Абу-Даби на конференции, посвященной проблемам “национальной идентичности”, где присутствовало все руководство страны. Генерал заявил, что под угрозой само существование королевской семьи. Высоко оценивая решение шейха Халифы объявить 2008-й “годом национальной идентичности”, он отметил, что Эмираты запоздали с тем, чтобы всерьез приняться за демографическую проблему. “Демографический

дисбаланс” (так осторожно определяют ситуацию) существен: менее 15 % населения ОАЭ — местные, остальные — иностранцы. Аль-Набуда рассказывает:

Местные затаились за своими заборами в состоянии шока. Они чувствуют себя на обочине. Они во внутренней эмиграции. Здесь, в Абу-Даби, есть нефть. Больше ничего не нужно. Люди не понимают. Они могли бы вести роскошную жизнь. Им не нужно, чтобы население увеличивалось.

По его мнению, подспудное напряжение среди местного населения таково, что правящая семья не смогла бы позволить себе большей демократизации, даже если бы захотела. Он указывает на противоречие в самой сути акцента, который Запад делает на “демократизации”. По его мнению, свободные выборы в ОАЭ подорвали бы власть правящей семьи и в целом проект экономического развития, осуществляемого руками иностранных рабочих: “Представьте себе, какова была бы реакция, если бы у нас был функционирующий парламент”.

В Абу-Даби я возвращаюсь на одно памятное место. В марте 2005 года я имел сомнительную честь быть одним из первых постояльцев отеля “Эмирейтс палас”. К моему удивлению, единственным, кого я обнаружил в зале для завтраков, был знаменитый немецкий теннисист Борис Беккер. Я появился за день до начала пресс-тура. Помню, как я описывал отель в статье: 6 тысяч м² позолоты, 7 тысяч дверей, 12 тысяч табличек и 1002 люстры с хрусталем от Сваровски:

В центре — громадный атриум, самый большой в мире. Его позолоченный купол превосходит размерами купол собора

Св. Павла. Холл — размером с два футбольных поля. В отеле уже работают 1200 человек из 50 стран, поистине вавилонское смешение языков, одетое в одежду от Армани: короткие юбки, расшитые золотом куртки. Даже при полной занятости номеров на каждого гостя придется четыре члена обслуживающего персонала.

Для гостей самого высокого разряда предусмотрен отдельный вход:

Их лимузины проскальзывают сквозь Триумфальную арку (отчего-то чуть уступающую размерами парижскому оригиналу), а затем по дороге поднимаются к верхним этажам. (Это если они предпочтут не пользоваться вертолетной площадкой.) Остальные должны двигаться к главному входу мимо множества извергающихся фонтанов.

Итак, я отреагировал с обычной смесью пренебрежения к избыточности и некоторого благоговения, которое на церемонном Западе лучше держать при себе. Кто признается при виде такой демонстративной роскоши, что она попросту вульгарна? Я мог представить себе людей, приезжающих сюда ради потехи или на сибаритский, несколько самоироничный, уик-энд, но я не предполагал, что отель такого размера — и такой безвкусный — может стать популярным. Однако популярность и не была целью. В Эмиратах проекты такого рода — просто причуды. Они не вписываются в стандартные бизнес-планы. Я с облегчением убедился, что в конце 2008 года отель посещало больше людей, чем в мой предыдущий приезд. Сейчас это деловой и дипломатический центр, место, куда постоянно приезжают президенты, короли, топ-менеджеры и спортивные

звезды. Но я до сих пор не понимаю, как он сводит концы с концами.

Путешествие между Абу-Даби и Дубаем давно перестало быть экзотическим приключением. Еще несколько лет назад из комфортного кондиционированного салона автомобиля можно было увидеть случайную фигуру бедуина в песках. Сегодня вид закрыт зданиями, строительными кранами и снова зданиями. Дубай строил 120-километровый канал, заставленный по обеим сторонам домами. Сейчас этот процесс замедляется, но мало кто сомневается, что осуществление проекта будет продолжено, причем со всей возможной тщательностью. После того, как общее население достигнет 10 миллионов человек, два города соединятся в один. Местные жители предсказывают, что его назовут Абу-Дубай.

Дубай уже давно заставлял своего старшего родственника чувствовать себя пожилым. Набор, который он предлагал всему миру: стабильность, сделки с недвижимостью, возможность хорошо зарабатывать плюс неограниченные возможности для шопинга и развлечений — оказывался неизменно привлекательным для сотен тысяч иностранцев. Дубай наряду с Шанхаем и Мумбаи, как принято было говорить во времена всеобщего бума, был одним из трех звеньев великого чуда глобализации. Лондон, Нью-Йорк и Токио списали со счетов как города вчерашнего дня. Некоторые из более толковых членов финансового сообщества видели в этом еще одно свидетельство гордыни, которая превратила Дубай из мировых задворок в огромную стройплощадку. Но их мало кто слушал. Да и зачем было их слушать, если люди так хорошо проводили время, так много при этом зарабатывая?

Дубай превратился в мировой центр алчности. Любой символ роскоши изначально обречен на то, чтобы его пре-

взошел другой. Жадность застройщиков не имела предела. Никакие другие соображения, в том числе сохранность культурного наследия и окружающей среды, в расчет не принимались. Кажется, лишь немногие выразили недовольство, когда новый участник гонки, отель “Палаццо Версачи”, обзавелся охлаждаемым бассейном (800 м²) и пляжем с искусственно охлаждаемым песком и ветрогенераторами, предназначенными для избавления гостей от чрезмерной летней жары. “Мы отведем тепло от песка, и он будет достаточно прохладным, чтобы на нем можно было лежать, — заявил президент группы отелей. — Это уровень роскоши, необходимый элите”. Кажется, мало кого волнует, что ОАЭ является второй страной в мире по объему выбросов парниковых газов на душу населения*.

Шейх Мохаммед ибн Рашид аль-Мактум, которого ласково называют “шейх Мо”, превратил свое мини-королевство в глобальную корпорацию. Десять лет назад, когда нефть стала заканчиваться и доходы упали, он наметил для Дубая другой курс: недвижимост, туризм, судоходство (через порт Джабаль-Али) и создание нового финансового центра на полпути между Лондоном и Сингапуром, где физические лица и многие корпорации не облагаются налогами.

Тексты пиарщиков перегружены превосходными степенями. “Бурдж-аль-Араб” — самый высокий в мире отель. Он выше Эйфелевой башни и лишь немного ниже Эмпайр-стейт-билдинг. Он был первым в мире семизвездочным (по собственной оценке) отелем. Этот факт вынудил Абу-Даби из зависти построить “Эмирейтс палас”. Когда “Бурдж-аль-Араб” построили, сооружение в форме паруса

* По данным на ноябрь 2010 года, ОАЭ находится на первом месте по объему эмиссии углекислого газа, опережая Австралию, США, Канаду и Голландию. — *Прим. пер.*

из стали и стекла с тефлоновым покрытием, стало символом Дубая. Однако соревнование на самое броское сооружение только еще набирало обороты. Вперед вырвался “Бурдж-Дубай”. “Монумент. Драгоценность. Икона. ‘Бурдж-Дубай’ будет известен под многими именами. Но лишь избранные станут называть ‘Бурдж-Дубай’ домом”, — гласила реклама. В июле 2007 года еще недостроенный небоскреб обогнал Тайбэй-101 и стал самым высоким зданием в мире.

О планах шейха Мо нетрудно догадаться. Всех — от второсортных западных знаменитостей до финансистов, футболистов и туристов — пригласили отведать кусок пирога, приехать и уезжать, когда им заблагорассудится, пока они не нарушают правила. Перед тем как объявить о новом строительном проекте, объявляющий набирает полную грудь воздуха. Годами линия горизонта ощетинивалась кранами — по некоторым оценкам, здесь сконцентрировано 20 % от всех кранов, которые есть в мире. Дубай был свидетелем постройки первого крытого горнолыжного курорта в пустыне. Он видел, как из моря поднимаются искусственные острова: образующие изображение пальмы островки Палм, пристанище многих английских футбольных звезд, и Уорлд — около 300 искусственных частных островов, образующих очертания континентов. Каждый из них окажется в собственности у кого-нибудь очень богатого или известного, кого будет увозить на материк и возвращать домой персональный быстроходный катер. Большинство маркетинговых стратегий были выстроены вокруг знаменитостей, которых приглашали получить недвижимость бесплатно или со значительной скидкой, дабы подать пример другим. Чтобы “продавать” “Бурдж-Дубай”, разыскивали политиков мирового уровня, вроде Генри Киссинджера, Билла Клинтона и Тони Блэра, — чтобы

единомышленники могли встречаться друг с другом в лифте и чувствовать себя комфортно в замкнутом пространстве. Один застройщик признался мне, что эта стратегия была нацелена на то, чтобы “сделать предложение более привлекательным в интеллектуальном смысле, дополнив таким образом роскошь”.

Обозревая город, Николас Маклин рассказывает мне о строящихся зданиях. Региональный руководитель одной из крупнейших международных компаний, занимающихся недвижимостью, он крайне подробно посвятил меня в планы развития Дубая. На протяжении следующих 4 лет предусмотрен ввод в строй чуть менее 7,5 миллиона м² офисных и жилых помещений. Это более чем втрое увеличит объем используемой земли. Один только проект нового аэропорта подразумевает строительство 800 высоток. Спрос был таким, что местная газета “Галф ньюс” выходила в какой-то момент с тремя ежедневными приложениями, рассказывающими о недвижимости. Это отчасти было необходимо для обслуживания спекулятивного рынка, но главным образом для расквартирования 300 тысяч приезжих в год. “Стройте, а люди подтянутся”, — таким был принцип. Так было до кризиса. Теперь этот напор исчез.

Дубай — вне конкуренции в мире по сочетанию избыточной роскоши с наихудшими проявлениями неравенства. В любое время, ночью и днем, на стройплощадках можно увидеть бригады гастарбайтеров (обычно из Индии, Пакистана или Бангладеш). По заявлению неправительственной организации “Хьюман райтс уотч”, “строительный бум в Дубае, один из самых масштабных в мире, эксплуатирует труд рабочих, с которыми обращаются совершенно бесчеловечно”. Наниматели регулярно отказываются платить строителям зарплату. Представители Постоянного комитета

ОАЭ по труду и иммиграции сообщили НПО, что только за последний год почти 20 тысяч рабочих направили правительству жалобы на невыплату зарплаты и дурные условия жизни в городках строителей.

Большинство строителей нанимается работать в ОАЭ, получая кредиты у рекрутинговых агентств в своих странах. Основная часть зарплаты обычного рабочего (около 70 ф. ст. в месяц) уходит на ежемесячные выплаты по такому кредиту, и, не получая зарплату, он все глубже влезает в долги. Рабочие также лишены медицинского обеспечения и других основных прав. Компании-заказчики отнимают у них паспорта и часто удерживают зарплату за один или два месяца, чтобы заставить работать. Результат — кабальная, по существу, зависимость. Регулярно происходят несчастные случаи. Результаты независимых расследований, публикуемые в местных СМИ, свидетельствуют о том, что в среднем ежедневно происходит 2–3 смертельных случая. Рабочие трудятся посменно и спят посменно, иногда 20 человек в одной комнате. Тем не менее, по данным ООН, в Эмиратах иногда находилось одновременно до 300 тысяч нелегальных рабочих. Когда дела шли хорошо, некоторые рабочие принимали участие в акциях протестах и забастовках, пытаясь улучшить условия работы. Горькая правда, однако, в том, что большинство работающих делали все, что было в их силах, чтобы продлить пребывание в Эмиратах, понимая, что здесь их заработная плата до десяти раз выше той, что они могли бы получать дома, даже после всех удержаний и унижений. Другая, еще более неприятная правда состоит в том, что все, кто делал в Дубае деньги — компании по торговле недвижимостью, хозяева отелей и турфирм, финансовые вундеркинды, — знали, что зарабатывают за счет рабочих из Южной Азии.

Когда речь заходит о неумеренном потреблении, шейх Мо оказывается впереди всех. В списке его покупок значатся: “Куин Элизабет 2” в комплекте с доками Тилбери и Саутгемптона; “Барнис”, дорогой универмаг в Нью-Йорке; доля в “Стэндарт чартеред бэнк”; половина Лас-Вегас-Стрип*; ведущий австралийский конный завод (чтобы шейх мог пополнять свои конные заводы в ОАЭ, Великобритании и Ирландии). Шейх Халифа, не желая плестись в хвосте, инвестировал в “Уорнер бразерс” и в не слишком многообещающий футбольный клуб английской премьер-лиги “Манчестер-сити” (с инструкциями во что бы то ни стало превратить его в ведущий клуб мира). Большая часть покупок шейхов делается их помощниками, управляющими чем-то вроде частных инвестиционных компаний. Именно они выкладывают наличные.

Суверенные фонды заработали в ОАЭ настоящие деньги. Богатство стало действительно суверенным. Крупнейшим из примерно 30 фондов является Инвестиционный фонд Абу-Даби (*Abu Dhabi Investment Authority*). В период глобального роста, когда цены на нефть взлетели, фонды искали объекты инвестиций. Ожидалась стабильная доходность. Инвестиционный фонд Кувейта заплатил 3 миллиарда долларов за пакет акций “Ситигруп” и инвестировал 2 миллиарда в “Мэррил-Линч”. Инвестиционный фонд Абу-Даби уже купил 4,9 % акций “Ситигруп” за 7,5 миллиарда. Фонды Катара и Дубая приобрели треть акций Лондонской фондовой биржи.

Сначала озабоченность звучала только по одному поводу. Западные политики сетовали на то, что фонды принадлежат авторитарным режимам и работают так же непрозрачно,

* Семь километров бульвара Лас-Вегас, на которых расположено большинство казино и отелей города. — *Прим. пер.*

как любой хедж-фонд или частная инвестиционная компания, получающие контроль над стратегическими активами. Один из ведущих немецких политиков, вице-канцлер Франц Мюнтеферинг, сравнил эти фонды с саранчой. После того, как яснее обозначились протекционистские тенденции, этот термин получил широкое хождение.

Тревожный звонок для ОАЭ прозвучал в 2006 году. Британская компания “Пи энд Оу”, в глобальном портфеле которой было шесть американских портов, включая нью-йоркский, согласилась на поглощение компанией “Дубай портс уорлд”. Эта сделка была представлена на рассмотрение Конгресса администрацией Буша, которая дала добро. Белый дом очень хотел и дальше радовать Халифу и Мо, а также выразить им признательность за тактичность при сотрудничестве в предыдущие годы. Однако когда о сделке стало известно общественности, оппозиционное большинство провело в комитете по ассигнованиям Палаты представителей голосование с удивительным результатом: 62 за запрет поглощения против 2. Это унижение, сопровождавшееся взаимными обвинениями в нечистоплотности, больно задело ОАЭ. Буш пришел в ярость. Политики и бизнесмены в обеих странах были более сдержанны и клялись, что подобное не повторится. Залогом этого должна была послужить пиар-кампания, превозносившая не только финансовые достоинства Эмиратов, но и созданную там атмосферу, благоприятствующую бизнесу и отдыху. Значение проявлений “фундаментализма” преуменьшалось. Религия также играла свою роль в Пакте.

Мо и Халифа с давних пор сохраняли равновесие между противоречащими друг другу проникновением западной культуры и религиозными традициями, запрещающими алкоголь, внебрачный секс и гомосексуальность.

Большую часть времени власти смотрели на все это сквозь пальцы, особенно в Дубае: алкоголь свободно продавался во всех отелях и ресторанах даже во время священного месяца рамадан. Они пытались регулярными сообщениями о мерах по наведению порядка успокоить растущее дома и в других мусульманских странах возмущение западными нравами (в качестве козла отпущения выбирали того или иного случайного человека — пока все не успокоится) и цветистыми декларациями о приверженности исламу. На окраине Абу-Даби шло строительство мечети шейха Зайда — настоящей архитектурной достопримечательности (в частности, сообщалось, что персидский ковер внутри — самый большой в мире). Разумеется, шейх Халифа хотел, чтобы мечеть, построенная в честь его отца, тоже была самой большой в мире, но соседняя Саудовская Аравия выразила недовольство, указав, что она не должна превышать по размерам Большую мечеть в Мекке и мечеть в Медине.

Гедонистический образ Дубая вызывал все больше проблем. Один из чиновников Дубая описал мне представителей Запада как “татуированную и загорелую бригаду”. Нижняя точка отношений была достигнута в 2008 году — с арестом и осуждением англичанина и англичанки по обвинению в занятии сексом в общественном месте. История “траха на пляже” приобрела в Великобритании скандальную известность. Газеты посылали на место событий команды репортеров для написания статей об имевших место шалостях, но также и о “жестокости” принимающей страны. Это был один из классических случаев примитивного расизма (с налетом колониализма), ксенофобии и чрезмерно упрощенного взгляда на местные обычаи. Пара, о которой идет речь, проделала то, что сотни экспатов проделывают

в пятницу, священный для мусульман день молитвы: отправились в один из городских отелей на традиционный банч с неограниченным количеством шампанского. Их, нетрезвых и занимавшихся сексом на пляже в Джумейре, обнаружил полицейский, который тактично не стал их задерживать, но приказал уйти. Они проигнорировали предупреждение и были арестованы, когда полицейский вернулся. Согласно полицейским источникам, женщина, когда ее побеспокоили во второй раз, разразилась тирадой в адрес полицейского. Утверждается, что она осыпала его оскорблениями и пыталась ударить одной из своих туфель (как позднее выяснил в Багдаде Джордж Буш*, для мусульман это чрезвычайно оскорбительно), — после чего и была задержана и помещена в камеру. В октябре 2008 года дубайским судом первой инстанции оба участника инцидента были признаны виновными во внебрачных сексуальных отношениях и в публичном совершении непристойных действий и приговорены к трем месяцам тюремного заключения. Позднее исполнение приговора было отложено по апелляции и британцам разрешили покинуть страну.

Их действия явились вопиющим нарушением условий Пакта: пьянство, хамство, применение насилия и оскорбление религиозных чувств разом. Можно сказать, что то, как обошлись с этой парой — скорее показатель мягкости, чем склонности к карательным мерам. Я могу представить себе множество стран, включая некоторые, считающиеся “демократическими”, где с этими людьми обошлись бы куда жестче. На оживленных сайтах дубайских экспатов большинство иностранцев выражало недовольство их действиями,

* В декабре 2008 года, во время визита Джорджа Буша в Багдад, журналист египетской телекомпании Мунтазар аль-Зейди бросил в американского президента ботинком, выкрикнув: “Ты убивал иракцев”. — *Прим. пер.*

которые могли помешать оставшимся хорошо проводить время в будущем. Представителям Запада позволялось делать все, что они пожелают, но не открыто. Пока деньги текли рекой, большинству это представлялось необременительным компромиссом.

Балансировать приходилось не только в деликатной сфере культурных различий, но и в области геополитики. В последние годы ОАЭ в целом ряде случаев использовалось как подходящее место для сложных переговоров по проблемам Ливана, Ливии и Пакистана. Правительство принимающей страны может уверенно гарантировать различным сторонам, что огласки не последует. Неписаное соглашение обеспечивает (особенно после короткого телефонного звонка редактору), что определенные темы затронуты не будут. Абу-Даби и Дубай сравнивали с Веней времен холодной войны: этот город был местом встречи Востока и Запада. Менее лестной аналогией могла бы служить Швейцария во время Второй мировой войны, страна, подыгрывавшая одной стороне против другой, обеспечивая финансовое убежище обеим и не задававшая никому вопросов.

Современный вариант такого сотрудничества происходит с американцами, которые много вложили в ОАЭ — и в военном, и в политическом смысле. Хотя у США нет здесь постоянной базы, как в Сингапуре, множество американских моряков проводят в Джабаль-Али времени больше, чем в любом другом иностранном порту. Министерство обороны США поставляет Эмиратам на миллиарды долларов новейшего оружия (наиболее значительной сделкой является недавняя продажа ракетных комплексов “Пэтриот”). Соединенным Штатам важно иметь хорошо вооруженного союзника так близко к Ирану. В то же самое

время американцы смотрят сквозь пальцы на ежедневную отправку ОАЭ в Иран товаров западного производства. Эта торговля, от которой Иран зависит в очень значительной степени, нарушает санкции, установленные Америкой, чтобы наказать Иран за его долголетнее вызывающее поведение.

Существует и соглашение в отношении терроризма. Долгое время казалось странным, почему ОАЭ избегало показательных взрывов, учитывая географическое положение страны, смешанный этнический состав населения и количество важных зданий, которыми могла бы соблазниться “Аль-Каида” и связанные с ней группы. Такой удар стал бы для исламских боевиков показательной и резонансной акцией. Она могла бы привести к хаосу, оттоку капитала и разрушению ощущения безопасности. Американцы знают, что двое из 19 человек, осуществивших нападение 11 сентября, были гражданами ОАЭ. Сообщалось, что половина бюджета терактов (500 тысяч долларов) поступила в США из Дубая. Тем не менее американцы направили свой гнев на Афганистан, позднее на Пакистан, а не на ОАЭ. Они считают отношения с Эмиратами слишком важными, чтобы подвергать их риску.

Местные и западные спецслужбы пристально следят за тем, кто и чем занимается в Дубае и Абу-Даби. Жители сообщают, что некоторые люди, у которых возникают проблемы из-за незначительных нарушений закона, негласно освобождаются от ответственности, если соглашаются стать осведомителями. Как говорит мне один бизнесмен, есть и другая мотивация:

Одним людям дают право проживания в обмен на доносы. Другим при возникновении у них проблем обещают, что их не вы-

шлют из страны, пока они будут сотрудничать. Все исходят из предположения, что осведомители есть в каждом офисе... Но мне скорее нравится тот факт, что если я что-нибудь на творю, меня поймают за пару дней.

Похоже, у Пакта много разновидностей.

Число угроз, отслеживаемых западными посольствами, в последние годы неуклонно растет, но пока они остаются только угрозами. Возможно, наиболее очевидной причиной отсутствия терроризма является роль, которую играет ОАЭ в отмывании денег некоторых фигурантов — при помощи местных банков и фирм, выстроенных в тщательно составленные цепочки. Некоторые говорят, что это “джентльменское соглашение”: вы можете использовать территорию страны для отдыха, развлечений и обогащения, пока проводите свои военные операции подальше отсюда. В выигрыше остается не только “Аль-Каида”. Отец пакистанской ядерной программы Абдулкадир Хан признал, что был руководителем нелегальной группы, которая с помощью дубайской компании поставляла пакистанские ядерные технологии Ирану, Ливии и Северной Корее.

Роль ОАЭ не слишком отличается от роли Лондона, предоставившего исламским боевикам место, где они могли зарабатывать и хранить деньги до 11 сентября 2011 года (“Лондонистан”), точно так же, как он является тихой гаванью для олигархов с сомнительной репутацией (“Лондонград”). Российские “братки” попроще также считают Дубай своим домом. Сообщается, что в любой момент половину всех номеров в отелях высшего класса занимают россияне. Время от времени звучит стрельба. Самый известный случай произошел в роскошном “Бурдж-аль-Араб” в 2006 году: тогда был застрелен сирийский торговец бриллиантами. Отрасли,

связанные с драгметаллами, наркотиками и проституцией, также контролируются главным образом российскими ОПГ. Большая часть девушек для эскорта и проституток прибывает через аэропорт Эль-Айн, заканчивая свой путь в борделях, замаскированных под ночные клубы. Из них самую дурную репутацию имеет “Сайклон”, где, по слухам, цена девушек зависит от их национальности (россиянки дороже всех). Глобализация создает рынок, а тот, в свою очередь, удовлетворяет спрос. На экспатских сайтах полно сплетен о таких местах, но о них не говорят в приличном обществе или в официальных СМИ. Время от времени туда приходят с облавами и закрывают их. Затем они вновь открываются после “ремонта” или всплывают в других местах. Это неприглядная сторона Пакта.

“Мы хотим обеспечить нравственную репутацию”, — говорит Николас Лабусхагне, уроженец Южной Африки, один из многих иностранных консультантов, приглашенных в качестве советников правящей семьи. По его словам, Дубай хочет избавиться от репутации города с плохим вкусом и низкими моральными стандартами. Ключ — решение проблем образования и здравоохранения, а также эффективное управление. Он говорит о новом Академгородке, о тысячах новых мест в университете и технических колледжах. Смысл того, что он рассказывает — примерно тот же, что в словах нескольких других людей, с которыми я беседовал в Абу-Даби. Это очень далеко от того, что на Западе понимают под либеральной демократией, но это настолько же далеко от происходящего в других странах региона. Я спрашиваю его, в какой степени речь идет о чисто внешних проявлениях респектабельности, а в какой — о чем-то большем? “Мы действительно стремимся разработать положительную модель развития, которой могли бы последовать остальные

страны региона, — отвечает Лабусхагне, — дело тут не только в деньгах”.

Мой последний визит в регион состоялся через неделю после краха “Леман бразерс” в Нью-Йорке. Большинство финансистов и руководителей туристического и девелоперского бизнеса, встреченных мною в Дубае и Абу-Даби, выражали осторожную убежденность в том, что им удастся избежать экономического коллапса, заставшего врасплох Запад. Один гендиректор, признавая потенциальную опасность ситуации, рассказал мне, что, тем не менее, самой большой текущей проблемой для него оказывается необходимость разбираться со слезными просьбами о работе — любой работе — от старых знакомых из Британии, которые потеряли все, что у них было, или боятся, что это им предстоит. “Я тону в электронных письмах от людей, которые хотят, чтобы я рассмотрел их автобиографии”, — сказал он. Большинство моих собеседников были тогда вполне уверены, что Дубай, несмотря на ипотечные долги, отделается “мягкой посадкой”. Они убеждали себя, что ОАЭ оторвано от экономик Запада и что здешний Пакт в отношении благосостояния более надежен, чем у “старых стран”.

Скорость и глубина экономического краха потрясла королевскую семью. Шейхи Халифа и Мохаммед, каждый по-своему, видели свои города-государства маяками нового консюмеристского мира, — но не только. Они видели их образцом для других, особенно ближневосточных, стран и плавильным котлом различных культур, сведенных вместе соблазном процветания. На фоне того, что тысячи людей

покидают страну, правительство анонсировало расширенный бюджет для стимулирования экономики. Дополнительные 50 миллиардов долларов должны быть вложены в инфраструктурные проекты помимо уже выделенных 200 миллиардов. Такие меры легко было предпринять в стране, где ключевые политические фигуры имели долю во всех основных корпорациях. Финансировал все старший член семьи, Халифа, пришедший на помощь более молодому и расточительному Мо. Безрассудному и обремененному долгами Дубаю помог богатый нефтью и более сдержанный Абу-Даби.

Была еще одна история спасения (*bail-out*), которую власти хотели сохранить в тайне больше, чем какую-либо иную. Начиная с осени 2008 года США и другие западные страны втайне упрасивали и принуждали ОАЭ выручить их в тяжелые времена. В частности, была испрошена компенсация за старые одолжения, например, за секретные американские гарантии безопасности для шейхов и за готовность смотреть сквозь пальцы на их старые дела с окружением “Аль-Каиды”.

Генри Полсон, министр финансов в правительстве Буша, провел несколько секретных встреч с руководителями и министрами стран Залива, призывая их вкладывать деньги в доведенную до края американскую автомобильную промышленность и другие отрасли экономики. Суверенные фонды уже получили большой куш благодаря инвестициям в американскую экономику, но были еще десятки миллиардов, которые можно было инвестировать. Президент Буш чествовал в Кэмп-Дэвиде нескольких членов королевских семей Эмиратов, включая ряд виднейших фигур чрезвычайно закрытого Инвестиционного фонда Абу-Даби. В тот момент казалось, что, кроме Абу-Даби, свободных денег в мире не осталось нигде. Буш сказал им,

что пришло время отплатить за старую дружбу. Еще одна любопытная встреча состоялась в начале ноября 2008 года, когда британский премьер-министр Гордон Браун нанес двухдневный визит в ОАЭ. Эта поездка привлекла мало внимания в Великобритании, поскольку совпала с объявлением результатов президентских выборов в США. Премьер-министр призывал Китай и страны Персидского залива использовать свои суверенные фонды для активной поддержки МВФ, после того как последний был вынужден распечатать кубышку с тем, чтобы выдать экстренные кредиты европейским странам, которым угрожало банкротство (Исландии, Венгрии, Украине...). Браун говорил о конкретной проблеме, но она была только частью проблемы гораздо более масштабной. Запад оказался на мели. Так называемый демократический мир с шапкой в руке пришел к своим новым хозяевам.

Все проблемы этих новых времен относительно. Дубай бахвалился легкими деньгами и (в глазах своих арабских соседей) легкомысленной жизнью. Он злоупотреблял в экономике ипотечным бумом, чрезмерной кредитной экспансией и другими безответственными финансовыми мерами. Во многих отношениях Дубай — это в большей степени бренд, чем страна. Он зависит от своей репутации денежного и роскошного места, и ему мало на что будет опереться, если позолота облезет. В краткосрочной перспективе он пострадает. Но благодаря Абу-Даби он не погибнет и должен подготовиться к новому началу.

Для тех, кто не оказался вынужден распродавать имущество и уезжать (это в основном те, кто покупал недвижимость давно, еще по низким ценам), жизнь, скорее всего, изменится мало. “Белое племя” Аравии может продолжать делать покупки в таких же магазинах, что и дома. Они мо-

гут продолжать работать в обстановке, аналогичной той, что была в родной стране. Они могут продолжать загорать, играть в теннис, выпивать (в помещении), когда захотят. От них ничего не требовали, кроме как зарабатывать и тратить деньги. Это самый мягкий из вариантов Пакта, и для многих он оказался привлекательным. Это соглашение о деньгах в самом чистом виде. Всем, от британского офисного служащего до ливанского предпринимателя, иранского импортера, американского правительства, — всем пришлось пойти на компромисс, — чтобы воспользоваться соблазнительным предложением.

Глава 5

Индия: густонаселенный вариант

Миф о толерантности остается в силе. В действительности... мы, несомненно, одно из самых бесчеловечных свободных обществ в мире.

ТАРУН ТЕДЖПАЛ

Двое вооруженных охранников притаились за низкими воротами дома Тисты Сеталвад. Я подхожу. Они скорее расслаблены, чем готовы к бою. Я пришел, чтобы увидеться с одним из самых храбрых в Индии борцов за гражданские свободы, внучкой бывшего генпрокурора, женщиной, решившейся выйти за пределы господствующей идеологии, чтобы разоблачить государственные злоупотребления и тайный сговор в отношении того, что считается самой большой демократией мира.

Журналист по профессии, Тиста Сеталвад издает ежемесячный журнал “Кэмпьюнэлизм комбэт”. Она учредила его, поскольку ее встревожило то, что национальные СМИ отказались от отображения неприглядных сторон жизни, предпочитая описывать Индию идущей по сияющему пути

к современности и процветанию. Например, они прекратили расследование роли политиков и спецслужб в многочисленных межобщинных столкновениях, которые происходили в Индии на протяжении ряда лет. “Медиа молчат о жестокости и кастовой системе”, — говорит мне Тиста. Мы сидим на скамейке во внутреннем дворе между домом и ее ветхим офисом. По ее мнению, “отношения между читателем и газетами превратились в товар. Сегодня протесты и реальная политика не попадают в новости”.

Я спрашиваю, зачем нужна вся эта охрана вокруг дома. Оказывается, ей по несколько раз в неделю звонят с угрозами. Сотрудники Централных сил промышленной безопасности (это одно из государственных военизированных формирований) круглосуточно охраняют ее, особенно в Мумбаи и во время ее поездок по родному штату Гуджарат. Это несколько подбадривает, но не более. Телохранители, которых обеспечивает индийское государство, не относятся к числу самых надежных в мире. Ее охранники стараются изо всех сил, но не смогли предотвратить по меньшей мере шесть нападений на ее автомобиль. Многие во власти рассматривают Сеталвад как источник неприятностей. Ряд розничных торговцев периодически больше не берут ее журнал: их предостерегли, и они послушались.

Совершив путешествия по странам, которые предположительно относятся к авторитарному лагерю, я хочу проверить, как Пакт действует в условиях демократии, причем уникальной демократии. Конституционные достижения Индии за 60 лет независимости впечатляют. Эта страна с населением, превышающим 1 миллиард человек, с 2 тысячами этнических групп и 200 языками неуклонно, за исключением короткого периода, следовала путем многопартийной демократии, разделения властей, независимого правосудия

и защиты свободы выражения. Теоретически она отвечает чуть ли не любому критерию демократии. Но кроме ритуала голосования, какие именно свободы она обеспечивает — и кому? Обеспечивает ли она людям, как намекали мне некоторые в Китае, действительную возможность жить так, как они хотят?

Сеталвад начала издавать журнал после ряда столкновений на религиозной почве между индуистами и мусульманами в начале 90-х годов. Ее сотрудники не только описывали случаи насилия, но и интересовались реакцией на них спецслужб. В одном из первых номеров своего журнала Сеталвад обратила внимание на то, что в районах, где заправляли индийские националисты, полиция поощряла преследование мусульман и других меньшинств:

Полиция в Индии, при всем своем бездушном пренебрежении гражданскими свободами и грубом нарушении прав человека, в прошлом не прибегала к дискриминации... После 1990 года, с растущей “коммунализацией” политиков и полиции, мусульмане в ряде штатов стали мишенью произвольного задержания, жестокого обращения и пыток.

Сеталвад и ее команда потратили много лет на расследование одного из самых жестоких моментов истории независимой Индии. В феврале 2002 года неподалеку от города Годра в штате Гуджарат на западе Индии 58 индуистов, многие из них женщины и дети, были сожжены заживо, когда бандиты подожгли поезд. Они возвращались из Айодхьи, центра конфликта мусульман и индуистов по поводу сооружения храма на территории разрушенной могольской мечети. Десятки мусульман арестовали, им были предъявлены обвинения. В ответ они заявляли, что индуисты

издевались над ними. Главный министр штата Гуджарат Нарендра Моди объявил день траура, чтобы провести похороны в самом большом городе штата — Ахмадабаде. Толпы людей, многие из которых были одеты в темно-оранжевые шарфы и короткие брюки цвета хаки (униформу индуистских националистов) и вооружены мечами, взрывчаткой и газовыми баллонами, неистовствовали в своем стремлении отомстить. Они лили керосин в горло мужчинам, женщинам и детям, а после поджигали его. Как показало расследование, руководители полиции и политики из правящей Бхаратия джаната парти безучастно наблюдали за происходящим либо даже помогали погромщикам, снабжая их компьютерными распечатками с адресами. Были убиты более тысячи человек, большинство — мусульмане. Около 230 мечетей и святынь разрушили до основания. На призывы осудить насилие Моди цитировал третий закон Ньютона: “Всякое действие равно противодействию”. Он не извинился и не выразил сожаление о случившемся.

У Сеталвад много врагов, однако Моди особенно не одобряет ее попытки добиться правосудия. Он не один из тех колоритных полевых командиров, что заправляют в разоренных, разваливающихся странах. Это один из самых известных в стране политиков, лицо современной Индии. Спустя считанные месяцы после беспорядков Моди был переизбран на пост главного министра штата. В 2007 году он победил снова, оставшись (беспрецедентный случай!) на третий срок. Моди — скромно одевающийся мужчина, которого считают образцом финансовой дисциплины и который обладает вызывающим симпатию ораторским даром, — уже стал ключевой фигурой на национальной сцене. Многие наблюдатели говорят, что его приход на пост премьер-министра — вопрос времени. Его привлекает ин-

дийская деловая элита — главы таких гигантов, как “Тата”, “Релайенс”, “Эртел” и “Инфосис”. Эти люди, чьи портреты многие годы украшают обложки журналов “Форбс” и “Форчун”, указывают на роль Моды в обеспечении в штате Гуджарат неуклонно высоких показателей роста бюджетной дисциплины, эффективности и предпринимательского духа. Гуджарат известен как новаторский штат, маяк для остальной части страны, индийская версия Сингапура. У дверей Моды всегда очередь западных предпринимателей. Его штат привлекает больше внутренних инвестиций, чем любой другой. Говорят, что, в отличие от остальной Индии, поезда в Гуджарате действительно ходят по расписанию.

Тем не менее в течение нескольких лет Моды отказывают во въезде в Соединенные Штаты из-за нарушений прав человека. Это решение индийская деловая элита считает оскорбительным и незаслуженным. Индийские бизнесмены пытались оказать давление на Вашингтон, чтобы он изменил свое решение, и были уверены в своем успехе. Они утверждают, что деньги в конце концов все решат. В течение ряда лет после обретения независимости для элиты было характерно сильное чувство ответственности за развитие страны в целом. Сейчас все, что ей нужно — это зарабатывать деньги и хорошо жить. “Я сама из той же привилегированной элиты. Но если мы не можем принять вызов таких, как Моди, то в чем же смысл нашей демократии?” — интересуется Сеталвад.

Почему так важны именно эта личность, этот случай насилия среди множества других и этот штат? Все, с кем я разговаривал, неравнодушно относятся к Моды. Для одних он — спаситель, для других — диктатор (иногда и тот, и другой). Многие обычные избиратели, не только в Гуджарате, и многие международные и местные лидеры бизнеса явно

намерены пренебречь любыми его проступками, поскольку видят в нем шанс прогресса для Индии. Они считают, что он создает благоприятные условия для бизнеса, оазис предпринимательства в стране, где многолетним чаяниям препятствовали наличие огромного, в массе своей бедного и необразованного населения, плохая и разлагающаяся инфраструктура, политический хаос. Это напоминает образ мысли тех, кто приветствовал приход к власти Владимира Путина в России и поддерживал Коммунистическую партию в Китае. Хаос — это слово, которое используют многие россияне для описания времен Горбачева и Ельцина, а также китайцы, чтобы предостеречь от того, что могло бы случиться, если бы манифестанты с Тяньаньмэнь добились своих целей.

Моди — последний из политиков, с кем связывала свои надежды индийская деловая элита. Страна прошла длинный путь от замысла отца-основателя Махатмы Ганди — уроженца штата Гуджарат, человека, который сделал прятку символом движения за независимость. Ганди представлял себе Индию страной, в которой ликвидация нищеты, религиозный плюрализм и защита меньшинств от произвола индуистского большинства стали бы постоянными приоритетами. Джавахарлал Неру и его дочь Индира Ганди расширили рамки влияния государства, национализировав банки и проведя земельную реформу. Несмотря на рост экономики, отставание Индии от развитых государств увеличивалось. Серия финансовых кризисов привела в 1991 году к внезапным радикальным переменам и принятию правительством ИНК Нарасимхи Рао и его министра финансов Манмохана Сингха мер по экономической либерализации. Рао объявил, что болезненное состояние экономики благоприятствует тому, чтобы “вымести паутину прошлого и осуществить перемены”. Рынок капитала был частично выведен

из-под контроля государства, рынки труда стали доступными, и кредит превратился в обычное явление. Гурчаран Дас в своей авторитетной работе по исследованию экономических реформ сравнивает ослабление государственного влияния на финансы с открытием Дэн Сяопином Китая миру. Дас утверждает, что революция Рао была, если уж на то пошло, важнее, чем политическая революция Неру 1947 года.

Современная Индия родилась в 1991 году — по крайней мере, это последовательно утверждают апологеты свободного рынка. Она примкнула к глобализированным государствам, предложив новый и потенциально привлекательный пакт народу — или скорее всем тем, кто оказался бы способен присоединиться к нему. Согласно его условиям, десятки миллионов людей предоставлены сами себе и зарабатывают деньги. Государство не мешает им и смотрит сквозь пальцы на уклонение от уплаты налогов и другие нарушения. Новые богачи вольны принимать участие в политической деятельности (это в конце концов демократия!), но, делая это, они попусту потратили бы силы. Богатые, не занимаясь политикой и государственной деятельностью, уверены, что политики всех уровней будут заботиться об их интересах, пока они будут заботиться об интересах политиков, то есть — об их кошельках.

С этого момента трата денег превратилась в национальное хобби. Экономический рост рассматривался как символ национальной зрелости. В 1999–2008 годах экономические показатели Индии утроились. В июле 2006 года американский журнал “Форин эффэйрс” провозгласил Индию “историей успеха процветающего капиталиста”, сбрасывающего оковы на пути к благосостоянию. “Индийская мечта” превратилась в притягательную смесь древней “духовности”, отчасти романтического взгляда на ее демократию и возмож-

ности для иностранцев найти “Старбакс” почти на каждом углу. Газета “Таймс оф Индия” публиковала ежедневные сообщения о поглощениях и сделках под заголовками вроде “Индия наготове” и “Индия захватывает мир”. Политикам из Бхаратия джаната парти больше всего пользы приносил ее лозунг “Сияющая Индия”. “Слуги рынка”, как их называли, вундеркинды информатизации, новый честолюбивый работник колл-центра в Бангалоре и Хайдарабаде — все работали на идею: мы присоединяемся к мировому клубу.

Идеал национальной самодостаточности Ганди уступил полному открытию глобального рынка и союзу с Западом. Множество проблем, касающиеся прав человека и социальной справедливости (от Мьянмы до Тибета и Палестины), больше не рассматриваются индийским правительством как приоритетные. Идея неприсоединения была оставлена. В свою очередь, администрация Буша в июле 2005 года сумела убедить колеблющийся Конгресс позволить Индии стать ядерной державой. Индия получила специальное разрешение. Буш верил, что содействие экономическому и военному подъему демократической Индии поспособствует сдвигу баланса сил в мире в сторону “свободы”. Так же, как Сингапур, ОАЭ и Китай, Индия достигла договоренности с Америкой: все должны соблюдать аналогичные экономические правила в обмен на тактичное сотрудничество и готовность всех сторон смотреть сквозь пальцы на неприглядные действия государства.

Восторженное описание в зарубежных СМИ Индии как подающего надежды государства, успешно конкурирующего с Китаем, пробудило патриотизм и ослабило межобщинную сплоченность, характерную для первых лет независимости. Бхаратия джаната парти воспользовалась обеими этими тенденциями для того, чтобы превратить

хиндутву, чувство принадлежности к индийцам, в национальную идею.

В течение 20 лет либерализации бедные, живущие менее чем на 2 доллара в день и составляющие 75 % населения, жили как бы в параллельном мире. Их положение, такое же бедственное сейчас, каким оно было всегда, неразрывно связано с недоеданием и неграмотностью. Уклад угнетенных индийцев и их унижения отражены в резко критических текстах Панкаджа Мишры, Арундати Рой и других. Книги и фильмы описывают сотрудничество владельцев трущоб с полицией и политиками, вымогательство и рэкет, побои, постоянные угрозы переселения и сноса, беды, которые приносят муссоны. Исследовательские учреждения предоставляют путаные статистические данные, характеризующие уровни неравенства. При впечатляющем экономическом росте на здравоохранение тратится менее 1 % бюджета. Показатели детского недоедания остаются выше, чем во многих странах Африки, расположенных к югу от Сахары. Исследования ЮНИСЕФ показали, что половина женщин и три четверти детей младше трех лет страдают анемией. Проблема не в недостатке информации или прозрачности, а в недостатке воли.

Амартия Сен спросил однажды, как Индия придет к процветанию, если она является наполовину калифорнийской Кремниевой долиной, наполовину Черной Африкой. Но это случилось, причем с легкостью. В городах вроде Мумбаи близость имущих к неимущим представляет неудобство для первых, и они делают все, что в их силах, чтобы избежать такого соседства. Городские трущобы, от Джуху до Дхарави*, находятся в пределах видимости пассажиров кроссверов.

* Джуху — один из наиболее богатых районов Мумбаи. Дхарави — район трущоб, один из крупнейших в мире. — *Прим. пер.*

Они располагаются вблизи аэропортов, железнодорожных путей и основных автострад. Кондиционированные торгово-развлекательные центры помогли отсеять людей, с которыми в противном случае покупатели бы сталкивались на уличных базарах. Один из самых популярных центров для мумбайского среднего класса — “Атрия”. Он открылся в 2006 году в округе Ворли. В нем первый в Индии салон “Роллс-ройс”, магазин “Эпл” и фудкорт. Он расположен всего в нескольких ярдах от гофрированных навесов, завода по переработке отходов и от других примет трущобного быта.

В эти годы в структуре расходов индийских богачей и только добывающихся богатства не было ничего необычного. Они делали то же самое, что и их коллеги от Сингапура до Москвы и Шанхая, от Лондона до Милана. Потребительские пристрастия были универсализированы и обезличены. Возможно, единственным отличием является индийское ощущение дискомфорта при необходимости выдерживать неприятные взгляды бедняков, когда богатые следуют к своим герметически закрытым радостям.

Паван Варма изучал развитие среднего класса в течение двух десятилетий экономической реформы. Он делит эту группу на четыре сегмента: а) очень богатые (около 6 миллионов человек), б) потребляющий класс (эквивалент среднего класса в развитых странах), в) карьеристы (добившиеся определенного успеха, но настойчиво стремящиеся еще более увеличить свой доход), г) соискатели (они не очень богаты, но надеются, что их детям когда-нибудь удастся разбогатеть). Первые два сегмента наиболее важны в политическом и экономическом отношении, тогда как последние два усиливают их уверенность в себе.

Парадокс заключается в том, что все эти группы рассматривают себя как заложников сил, находящихся вне

их контроля. Теоретически это так. Они являются субъектом беспрецедентного демократического процесса, в котором сотни миллионов неграмотных или малограмотных людей определяют исход выборов. Какая еще страна может похвастаться системой универсального права участия в выборах национального, региональных и местных правительств в таком крупном масштабе? Как и прежде, имеют место покупка голосов и подтасовка, но даже самые суровые критики признают, что избирательный процесс отражает волю народа. Это означает — волю сотен миллионов бедняков. Удивительно ли, что буржуазия усвоила психологию осажденной крепости? Состоятельные люди приходили на избирательные участки настолько реже бедных, что газетам пришлось зазывать буржуазию к урнам. Последняя кампания “Таймс оф Индия” прошла под лозунгом “Индия, пробудись”. Это означало: богачи, проснитесь, не отдавайте свою судьбу в чужие руки.

Мини-крепость Сеталвад расположена неподалеку от пляжа Джуху, в северном Мумбаи, который является синонимом Болливуда. В стороне от магистралей стоят длинные ряды побеленных вилл, многие с вооруженной охраной. Отель “Мариотт” — любимое место деловых встреч актеров, продюсеров и финансистов. Я беседую здесь о демократии с режиссером Шекхаром Капуром, одним из немногих индийских голливудских, а не болливудских, кинодеятелей. Его последним проектом является фильм о нехватке воды, сильно отличающийся от его предшествующих “глянцевых” произведений. Капур рассказывает:

Экономическое процветание является здесь главной силой. Только богатые и обладающие властью обладают в Индии реальной свободой... Здешние системы извращены. Например, судебная система работает на высоком уровне, но не для бедных.

Я спрашиваю, как вышло, что у Индии такая речистая интеллигенция и такая низкая политическая культура?

Единственный способ продвижения в политике — участие в коррупции. Политики думают, что имеют право на компенсацию после того, как потратили столько времени на то, чтобы быть избранными.

Создание коалиций — прибыльный бизнес. Национальные министерства, подобные министерству телекоммуникаций и транспорта, обеспечивают наилучшие возможности для того, чтобы снимать сливки с контрактов. Аналогичная система действует на каждой ступени лестницы.

Но иногда кто-нибудь ломает стереотипы. Одной из наиболее привлекательных характеристик выборов в ряде демократических стран является их способность поощрять “выскачок”. Адольф Д’Соуза из их числа. Когда я спросил адрес, он ответил, что его окружной офис расположен рядом с храмом, в “гараже номер один”. Окруженный пластиковыми креслами, упаковочными ящиками, водяным кулером и стопами бумаги, он рассказывает о своем маленьком политическом эксперименте. Д’Соуза (активист в католической церкви Джуху со школьных времен) в 2002 году основал квартальную политическую группу “Платформа сознательных граждан”, которая должна была наблюдать за действиями кандидатов для Муниципальной корпорации (совета) Мумбаи. Рейтинги кандидатов

были такими низкими, что они решили в следующий раз предложить собственных, что и помогло ему пробиться наверх. На местных выборах 2007 года Д'Союза получил на 600 голосов больше, чем кандидат от партии Индийский национальный конгресс, и стал представителем района 63. Его команда истратила на избирательную кампанию всего 57 тысяч рупий (около 800 ф. ст.). По его оценке, противники истратили гораздо больше.

“Я не давал во время кампании особенных обещаний. Я просто сказал людям, что если они хотят что-то изменить, они должны не просто голосовать, но и участвовать”, — говорит Д'Союза. Его районный комитет собирается дважды в месяц, чтобы принять коллективные решения. Их он должен выполнить. Большая часть его времени посвящена безотлагательным проблемам округа: плохим дорогам, мусору, который не убирают, трудностям с канализацией и грязной воде. Для того, однако, чтобы сделать что-нибудь, например, побудить подрядчиков двигаться быстрее, неизменно требуются деньги, а если их нет, то у тебя, скорее всего, ничего не получится: “Здесь ты можешь выйти из любой ситуации, заплатив деньги. На этот счет есть неписаное правило”.

Д'Союза живет с отцом и передвигается по району на рикшах. Ему ежемесячно платят 10 тысяч рупий (около 140 ф. ст.), что было бы достаточной суммой для большинства индийских граждан, но смехотворно для индийского политика. Оценки коррумпированности трех уровней индийской политики разнятся. Считается, что значительное большинство политиков, независимо от их профессионализма, использует пребывание в должности, особенно на муниципальном уровне и уровне штата, для обогащения. Люди указывают на чудака — Манмохана Сингха, которого можно было бы назвать “незапятнанным”. На ужинах, где

о политике говорят со смешанными интересом, презрением и безразличием, такие вопросы вызывают только смех.

Для множества потенциальных кандидатов политика представляет собой способ расстаться с бедностью — с собственной бедностью. Писатель Панкадж Мишра говорит:

Тысячи людей выбираются из массы обездоленных и занимают места в парламентах. Они не имеют специальной подготовки, иногда даже недостаточно грамотны. Среди них много преступников.

Даже если они не относятся к криминалу, им нравится внешний блеск. Политиков называют “самыми компетентными людьми”. Если вы хотите, чтобы что-то было сделано, член местного парламента или совета может помочь решить вопрос — за определенную цену. Наличие просителей перед их офисом свидетельствует о том, что они продвинулись дальше коллег. Они могут пользоваться автомобилем и могут позволить себе путешествие за границу. Д’Соуза говорит, что отказывается брать взятки: “Мои коллеги в совете считают меня наивным, но я не обращаю внимания на то, что являюсь единственным, кто плывет против течения”. Я спрашиваю его, сколько он мог бы получить в виде взятки. Он отвечает: “Пять миллионов рупий [70 тысяч ф. ст.] Я мог бы за эти пять лет сделать то, на что в противном случае понадобилась бы вся жизнь. Можете рассматривать это как упущенную возможность”.

Мои встречи с Сеталвад, Капуром и Д’Соуза (на расстоянии мили одна от другой, и все же эти люди обитают в различных мирах) напомнили мне о стычке, которая произошла в мой прошлый приезд в Джуху двумя годами ранее. Тогда все только и говорили, что о “китайском чуде”. Помню,

как я встретился с группой молодых предпринимателей, мужчин, которым было чуть за тридцать, живших в Кремниевой долине. Эти зачинатели индийской ИТ-революции указывали мне на ветхий мумбайский аэропорт и трущобы Джуху и Санта-Крус неподалеку. Почему, спрашивали они, ну почему Индия не может просто воспользоваться теми же методами, что и китайцы? Почему бы просто не убрать все эти уродства и преграды на пути прогресса? Дайте этим местным жителям какую-то компенсацию, если она им положена, переселите их куда-нибудь, если власти действительно должны сделать это, но почему Индия обязана мириться со всей этой грязью? Проблема состояла в том, что в этих трущобах жили избиратели членов парламента, жаждущих переизбрания, а процесс планирования здесь является самым громоздким в мире. Модная теория рассматривала демократию в качестве препятствия росту. “Можем ли мы позволить себе демократию в этом чрезвычайно конкурентном мире?” — этот вопрос задавался довольно часто. Я слышал его и в самом Китае от молодых предпринимателей, которые бывали в Индии и с пренебрежением говорили о тамошнем “хаосе”. Сравнительно недавно этот аргумент обсуждался применительно к спорту. Индийцы восхищались темпом и эффективностью подготовки к китайской Олимпиаде. Они сравнивали этот процесс со злополучными попытками сооружения новых стадионов для гораздо менее значимых Игр Содружества в Дели. Некоторые даже предлагали пригласить на помощь китайцев.

Итак, является ли препятствием для такого прогресса не столько наличие демократии в качестве политического механизма, сколько качество этой демократии как средства его обеспечения? Является ли неспособность прошлых правительств улучшить инфраструктуру и коммунальное

обслуживание результатом проведения выборов — или объясняется тем, что голосование не было преобразовано в действия? Паллави Айяр, пекинская корреспондентка газеты “Хинду”, провела сравнительное исследование китайской и индийской систем. Она предлагает следующее сравнение:

В то время как Коммунистическая партия Китая обеспечивает себе легитимность благодаря обеспечению подъема, в Индии легитимность правительства связана только с результатами голосования... Легитимность демократии во многом избавляет индийские правительства от необходимости действовать. КПК не может позволить себе такую роскошь.

Если выборы не рассматриваются как основной показатель эффективности, как в Сингапуре, не лишаются ли тогда они цели?

В случае Индии выборы, возможно, являются просто началом координат для всего населения: богатых и бедных, мусульман и индусов. Трудно отрицать чрезвычайную интенсивность предвыборных кампаний. Когда в 2009 году были назначены всеобщие выборы, СМИ были переполнены сведениями об участниках гонки и перспективах двух основных партий, Индийского национального конгресса и Бхаратия джаната парти, и о различных махинациях по созданию коалиций. Соня Ганди, рожденная в Италии наследница великой династии, Моды, несколько других лишь чуть менее противоречивых фигур... короче говоря, индийская политика не испытывает недостатка в сильных личностях. Еще одним кандидатом, который возбуждает страсти, является премьер-министр штата Уттар-Прадеш Майавати Кумари. Она неизменно вызывает насмешки у “соискателей” из среднего класса. Она — далит, то есть принадлежит

к касте неприкасаемых. Она очень амбициозна и призывает к кастовой лояльности, что остается значимым для распределения голосов избирателей. Средний класс считает ее бесстыдно вульгарной. Один из анекдотов, звучащих о ней на нескромных вечеринках, гласит, что Майавати как-то пожаловалась, что на одном из многих плакатов с ее изображениями в Лакхнау, столице штата, не виден ярлык “Туччи” на ее сумочке. Они смеются над одним из ее предвыборных лозунгов: “Я принадлежу к низкой касте. Я — не замужем. Я — ваша”. Они с пренебрежением относятся к данному ею народу обещанию, что когда она в конце концов доберется до резиденции премьер-министра в Дели, простые люди смогут жить так же, как она. Ее критики, возможно, не так уж неправы, осуждая ее склонность к шику, но они умышленно выделяют именно эту черту политика. Элита боится Майавати, поскольку та непредсказуема. Они еще не приняли ее в клуб, но уверены, что в конце концов сделают это.

Майавати приукрасила свои успехи. Ее деятельность на майских выборах 2009 года была неплодотворной, как и у глав других группировок, сделавших ставку на кастовый подход. Бхаратия джаната парти, руководимая 80-летним Л. К. Адвани, также не оправдала надежд, оставив поле битвы свободным для великой партии династии Ганди — ИНК, которая обеспечила перевыборы с наилучшими для себя показателями за 20 лет. Многие ученые мужи приветствовали этот результат как победу умеренности и “исторический момент” для индийской демократии. У Конгресса теперь не осталось права на ошибку. Его способность улучшить экономическую ситуацию и укрепить социальную справедливость должно было подвергнуться испытанию; кроме того, ему предстояло выполнить свое обещание по проведению центристской политики. Бхаратия джаната парти пропустила

удар, но ее потребительская и националистическая целевая аудитория продолжила рост.

Явка избирателей в день выборов была традиционно высокой, независимо от того, насколько высок уровень взяточничества или насколько низок уровень работоспособности парламентариев: Лок сабха, нижняя палата, в 2008 году собиралась всего 46 дней. Такие историки, как Рамачандра Гуха, приписывают это влиянию самой демократии. Они утверждают даже, что именно демократия обеспечивает единство Индии, страны с десятками языков и национальностей, с таким географическим разнообразием и таким резким имущественным разделением. Гуха задается вопросом, существовала бы Индия вообще без демократии? Ее сохранение, без сомнения, поразительно, учитывая межобщинную напряженность, сепаратистские движения и враждебных соседей. Демократия для большинства индийцев является местным вариантом американской мечты, объединяющей силой нации, отбросившей свое колониальное прошлое. По мнению многих из тех, с кем мне довелось разговаривать, Китай распался бы, если бы хватка Коммунистической партии ослабла, и Индия точно так же потеряла бы смысл своего существования, если бы отказалась от демократии. Обозреватель Мувашар Явед Акбар заявил: “Идея Индии сильнее, чем индийцы”. Он перечисляет три свободы, которые скрепляют страну: демократия, светские права и гендерное равенство (последнее весьма спорно). Он сравнивает Индию с другими государствами региона, возникшими там, откуда ушли британцы, особенно с Пакистаном, где крошечная и сокращающаяся элита существует рядом со становящимися все более радикальными массами. Успех Индии, настаивает Акбар, можно

приписать чему-то большему, чем тому факту, что Неру прожил долго после 1947 года, а Джинна — нет*.

И все же, несмотря на то, что Пакистан называют несостоявшимся государством и одним из наиболее опасных мест на земле, число погибших от террористических атак в Индии больше, чем в Пакистане. Об этом редко упоминают в Индии или на Западе, поскольку это не соответствует описанию успешной демократии. По данным Национального антитеррористического центра в Вашингтоне, в Индии из-за взрывов и обстрелов в 2004–2007 годах погибло почти 4 тысячи человек — втрое больше, чем в Пакистане. И это без учета Джаммы и Кашмира. Общий показатель делает Индию вторым наиболее опасным местом в мире после Ирака. От Бихара и Ориссы на востоке до Пенджаба на западе, Карнатаки и Тамилнада на юге практически в каждом штате произошла трагедия. Однако элита в Дели и Мумбаи чаще всего избегала насилия и была уверена, что останется невредимой, пока принимает меры предосторожности. Это относилось даже к нападению террористов на парламент в 2001 году, когда погибли 9 человек. Провал был отнесен на счет упущений в системе безопасности и не повлиял на национальное сознание.

События 26 ноября 2008 года изменили это соотношение. Ночью вооруженные исламские боевики штурмовали отели “Тадж-Махал” и “Оберой”, а также центральный железнодорожный вокзал и еврейский культурный центр, убив 172 человека в ходе плохо скоординированной беспорядочной перестрелки. И дело было не в числе убитых (несколько других террористических нападений были более

* Мухаммед Али Джинна (1876-1948) — политический деятель Индии и Пакистана. В последнем Джинну, первого правителя независимого Пакистана, считают “отцом нации”. — *Прим. ред.*

кровавопролитными), а в том, кто погиб. “Тадж-Махал”, располагающийся на набережной возле знаменитого памятника “Ворота Индии”, был не просто самым шикарным отелем Мумбаи. Он был местом, где вопросом престижа было поужинать или выпить у бассейна во внутреннем дворе. Здесь проходили важные деловые встречи. Это был превосходный маркетинговый инструмент для демонстрации индийской элитой своей власти и стиля всему миру. Поэтому индийские телекомпании срочно отправили свои передвижные станции именно в это место, несмотря на то, что большинство людей — обычных людей — погибло на железнодорожном вокзале.

Три дня индийские зрители не отрывались от телевизоров. В стране пять круглосуточных англоязычных новостных каналов. Принцип непрерывной передачи новостей сопряжен с соблазном трансляции информации прежде, чем она может быть подтверждена. Это делалось в азарте репортажа, и ряд журналистов впоследствии упрекали не просто в погоне за сенсационностью, а в том, что они рисковали чужими жизнями и даже способствовали гибели постояльцев, по неосмотрительности показывая в эфире, где именно те могли находиться в отеле. Одной из таких обвиняемых была Баркха Датт, лицо канала Эн-ди-ти-ви. Она прилетела из штаб-квартиры в Дели и поочередно вела репортажи из двух отелей. Она рассказала мне: “Там не было ни одного брифинга, не было пункта координации информации”. В течение трех дней государство было дезорганизовано. Журналисты метались, разыскивая кого-нибудь, на кого можно было бы сослаться. “Все инструктировали — военное морское ведомство, политики, полиция, — и все же у меня создалось чувство, что никто не понимает, о чем говорит”, — рассказывает Датт, являющаяся старшим редактором канала.

Индийские каналы сосредоточились не столько на самих террористах, сколько на некомпетентности властей. Военным понадобилось шесть часов, чтобы прибыть из Дели, поскольку их самолет отправился в Пенджаб по очередному делу и никто не сообразил вызвать его обратно. Местная полиция была плохо вооружена и не имела даже радиосвязи. “Мы показали, что терроризм — великий сторонник всеобщего равенства, — говорит Дат. — Мы показали, что страна полностью неуправляема. Мы даже не узнали бы, каким должно быть правильное наблюдение”. Она делает более широкое обобщение: “Люди дошли до крайней небрежности. Но опасность заключается в том, что они трансформируют это в недовольство политическим процессом в целом”. Только когда Датт вернулась к себе в редакцию, она поняла, в какой степени стала объектом жесткой критики: “Травля в интернете была потрясающей... Меня превратили в козла отпущения за то, что делали все”.

Это может показаться странным, но Эн-ди-ти-ви ведет себя сдержаннее, чем большинство других телекомпаний. Два других канала, “Таймс нау” и “Хедлайнс ньюс”, которые принадлежат медиа-группам “Таймс оф Индия” и “Индия тудэй”, демонстрируют посягательство на разум. Они не отделяют новости от комментария. Они следуют модели “Фокс ньюс”: сначала патриотизм, после — сложности.

Хотя различные каналы следовали собственным, часто ошибочным направлениям расследования в ходе трансляции этой захватывающей и ужасной истории, они немедленно сошлись в том, что случившееся обусловлено происками внешних сил, а именно — Пакистана. Эксперты состязались в том, чтобы превзойти друг друга в страстном осуждении Пакистана и в угрюмости призывов нанести военный удар по соседу. Мало кому из этих вояк пришло в голову, что обе

страны обладают ядерным оружием. Реакция правительства была более взвешенной. Министры тщательно выбирали слова, опасаясь того, что провокационные высказывания могут привести к мусульманским погромам. Мусульманские лидеры в Индии осудили теракты, чем помогли успокоить потрепанные нервы.

Но осада Мумбаи явилась переломным моментом для преуспевающих классов Индии. Она побудила многих из тех, кто живет в собственных частных Индиях, не испытывая на себе невыполнения государством своих функций, потребовать от правительства безопасности. В высшей судебной инстанции города состоялось рассмотрение иска к правительству, которое оказалось неспособным выполнить свою конституционную обязанность по защите права граждан на жизнь. Такие судебные иски были важным механизмом защиты прав пострадавших. В этом случае в числе истцов оказались инвестиционные банкиры, корпоративные юристы и Бомбейская торгово-промышленная палата. Впервые она участвовала в судебном разбирательстве в интересах общества.

В ночь после кровавой расправы в Мумбаи тысячи манифестантов собрались у “Ворот Индии” на марш со свечами, где они дали выход гневу, обращенному на выбранных ими лидеров. Аналогичные акции протеста прошли в Дели, Бангалоре и Хайдарабаде. Все организовалось спонтанно, призывы распространялись с помощью эс-эм-эс, электронной почты и “Фейсбука”. Я обсуждал события этих нескольких дней с Кальпаной Шармой, журналисткой и писательницей, которая специализируется на проблемах бедноты и других незащищенных групп. Мы сидели в баре “Леопольд”, за углом от “Тадж-Махала”. В этом баре террористы начали свою операцию той ноябрьской ночью.

Они спокойно закончили ужин, оплатили счет, а после открыли огонь по посетителям и персоналу, убив шесть человек. Управляющий отказался заделать пулевые отверстия в память о тех событиях. Шарма вспоминает о своем удивлении, когда она увидела состоятельных людей на улицах, а не в своих автомобилях. Они призывали к запрету выдвижения преступников на выборах. На плакатах значилось: “Нет безопасности — нет голосов” и “Нет безопасности — нет налогов”. Шарма рассказала, что она подошла к мужчине, который нес один из этих плакатов, и сказала: “Вы не платите налоги, но вы скорее всего и не голосуете”. Учитывая прежнее неучастие богатых в делах государства, ее наблюдение, возможно, было правильным.

Когда Шобха Де, автор чувствительных романов, индийский вариант Джеки Коллинз, заявила в эфире Эн-ди-ти-ви “С меня хватит”, она выразила желание общества, чтобы что-либо было сделано. Проблема заключалась в том, что никто не знал, что именно. Некоторые обвиняли Де в подстрекательстве к применению силы против Пакистана или против мусульман в Индии. Она решительно отвергала такие обвинения, утверждая, что имела в виду свое нежелание и дальше терпеть некомпетентность правительства. Я захотел встретиться с ней. “Мы в интеллектуальном, эмоциональном и моральном кризисе”, — сказала она, когда я приехал в ее шикарную квартиру в “Кафф пэрейд”, доме с видом на Аравийское море, подобающем одной из звезд Мумбаи. — Кумиры, кинозвезды, руководители бизнеса — никто из них не осудил должным образом террористические атаки. Первое, что они сделали — призвали правительство обеспечить безопасность их самих, их проектов и предприятий”. Де сказала, что элита стала слишком “невосприимчивой, приобрела законный статус в условиях коррупции”,

что она не в состоянии что-то сделать и что “сейчас это слишком глубоко укоренилось”.

Гнев богатых индийцев после терактов в Мумбаи связан с пониманием того, что Пакт нарушен. Они получали удовольствие от хороших отношений с политиками и государством. Они должны были финансировать политические партии и набивать карманы своих выборных представителей. Они должны были потворствовать коррупции, публично осуждая ее. Они должны были мало требовать от государства и, соответственно, мало получать взамен — кроме права избегать налогов. Они не полагались на находящиеся в плачевном состоянии коммунальные службы. Их кондиционированные джипы ездят по плохим дорогам. Их дизель-генераторы призваны помочь переждать перерывы в подаче электроэнергии (в некоторых городах электричества не бывает 12 часов в сутки). Их домашние цистерны должны обеспечивать постоянную подачу чистой воды. Элита отошла от активной политики и была рада этому. Она не задавала вопросов спецслужбам, когда насилию подвергались менее удачливые. Но чего представители элиты не ожидали, так это того, что их собственные жизни могут подвергнуться риску из-за некомпетентности МВД, полицейского департамента, армии или разведслужб.

Головы полетели — вопреки традиции, согласно которой чиновников редко выгоняли за оплошности. В главных городах усилились меры безопасности. Аэропорты, авто- и железнодорожные вокзалы, отели и правительственные здания были оцеплены. В произвольных местах соорудили контрольно-пропускные пункты. Но вооруженные сотрудники спецслужб смотрелись так, как если бы снимались в кино. Террористам было бы нетрудно продолжить свои нападения. Состоятельные слои общества сейчас заботит

не необходимость ужесточения мер безопасности, а их отсутствие. Они хотят, чтобы защищавший их кокон был восстановлен.

Средства массовой информации не только отражают эти страхи, но и играют на них. В 90-х годах, когда они добивались рентабельности и увеличения тиражей, большинство основных англоязычных газет и журналов, обслуживающих средний класс, оживились. “Негатив” из прессы почти исчез. Материалы из провинции редки, поскольку обеспеченные люди живут примерно в десяти городских агломерациях. Главные национальные скандалы, к числу которых относятся самоубийства десятков тысяч разорившихся фермеров, редко попадают на страницы газет, так же как и репортажи о длительных конфликтах в Кашмире и северо-восточных штатах. Оставшиеся материалы часто упрощаются и огрубляются с целью привлечения массового интереса. Это было обусловлено не вмешательством цензоров или тем более политиков, а прежде всего коммерческими требованиями. Газета “Таймс оф Индия” ушла дальше всех, учредив в 2003 году службу “Медианет”. Это позволило компаниям покупать в газете не рекламную площадь, а тексты, представляющие их, естественно, в благоприятном свете. Казалось, читатели не замечают этого — либо это их не волнует. Затем “Таймс оф Индия” выступила с идеей “частных соглашений”, в соответствии с которыми она приобретала долю в компаниях в обмен на рекламу. В своих официальных маркетинговых разработках газета описывала это как “продукт прогрессивной школы мышления, которая признает тот факт, что любой бренд когда-то был идеей и любая идея может быть брендом”. Тираж “Таймс оф Индия” рос, и другие газеты поспешили последовать ее примеру. Наиболее популярной рубрикой была “Страница 3”: подборка из слухов и гламурных фото-

графий индийских знаменитостей — болливудских звезд, победительниц конкурсов красоты, игроков в крикет и промышленников. Они обеспечивали должный имидж новой, уверенной в себе и напористой Индии.

Издредка СМИ действительно борются с несправедливостью, но обычно их внимания удостоиваются избранные. Одним из примеров является печальная история Джессики Лалл. Она была моделью и актрисой и однажды в апреле 1999 года согласилась в качестве знаменитости постоять за буфетной стойкой на некоей светской вечеринке. Поздно вечером к ней подошел молодой человек, Ману Шарма, с другом и попросил налить ему спиртного. Она объяснила, что напитки закончились. Они попытались всучить ей какие-то деньги, от которых Лалл отказалась. Тогда Шарма застрелил ее. В наступившей панике мужчины скрылись. Наконец Шарма был арестован. Семь лет спустя суд оправдал его, несмотря на доказательства. По какой причине? Он был сыном богатого политика, принадлежавшего к партии Индийский национальный конгресс. Канал Эн-ди-ти-ви вел общественную кампанию за пересмотр приговора под лозунгом “Справедливость для Джессики”. Через десять месяцев, действуя по ускоренной процедуре, Высокий суд Дели приговорил Шарму к пожизненному заключению. С одной стороны, это похвально: правосудие свершилось, и все это видели. Но произошло бы это, если бы Лалл не имела связей и не принадлежала к среднему классу? Такой вопрос в Индии могли бы посчитать риторическим. “Все остались довольны, — сказала Минакши Гангули из ‘Хьюман райтс уотч’. — Но это классический случай того, как одни правила действуют для избранных, а другие — для масс”.

Одной из многих странностей индийской общественной жизни является то, что англоязычная интеллигенция —

эта внушительная группа авторов, комментаторов и публичных интеллектуалов — почти никогда не была более шумной и вместе с тем редко когда оказывала такое слабое влияние на политику и экономику. Прямая цензура существует, но она применяется редко и часто успешно оспаривается правовыми средствами. Чаще всего к ней прибегают власти штатов, а не центральное правительство, и действует она в большинстве случаев против киноиндустрии. Центральный совет по сертификации фильмов имеет право запретить все, что сочтет непристойным (секс, нагота, насилие), оскорбляющим религиозные чувства либо имеющим подрывной характер в политическом отношении. Решения совета неизменно оспариваются в судах, и в большинстве случаев его принуждают к компромиссу или снятию запрета. Один из таких случаев относился к фильму “Война и мир” 2002 года, в котором речь шла о ядерном оружии и событиях 11 сентября. Режиссер подал судебный иск (и выиграл) после того, как цензоры потребовали вырезать 21 фрагмент. Недавним получившим широкую огласку примером цензуры стало запрещение “Окончательного решения”, фильма режиссера Ракеша Шарма о беспорядках в Гуджарате в 2002 году. Судьи объявили тогда, что показ фильма мог бы привести к межобщинному насилию. Это решение было отменено после продолжительной кампании.

Наибольшим вызовом свободе выражения являются законы, старые и новые, о “языке ненависти”. Это проблема, за которую оказались вынуждены взяться другие многонациональные государства, включая Великобританию. Индийская конституция гарантирует свободу слова, налагая при этом “разумные ограничения”, в частности требование не причинять ущерб отношениям между религиозными группами. Учитывая сложность межобщинных отношений,

некоторая форма защиты могла бы считаться закономерной. Но ряд недавних примеров наводит на мысль, что, как и в других странах, суды в Индии интерпретируют более широко, чем раньше, понятие оскорбления. В феврале 2009 года редактор и издатель “Нью стейтсмен” в Колкате*, одной из старейших индийских газет с достойной традицией защиты свободы слова, были арестованы после перепечатки комментария из британской газеты “Индепендент”. Статья, которая восхваляла секуляризм и осуждала религиозную нетерпимость, особенно присущую исламу, вызвала ожесточенные протесты мусульман. Газета, которая годами боролась за свободу выражения, поспешно опубликовала извинения. Многие увидели в этой уступке символ более широкой проблемы: массового протеста, влияющего на действия правительства и привносящего в общественную жизнь новый настрой самоцензуры. Зачем создавать проблемы?

Тарун Теджпал — один из тех, кто редко поднимал, если вообще поднимал, этот вопрос. Он оставил традиционную журналистику, чтобы запустить исследовательский сайт “Техелка” (*Tehelka*). В течение нескольких недель он втянулся в полемику и завоевал известность в пределах страны. Команда “Техелка” разработала операцию внедрения “Вест-Энд”, в результате которой были получены видеозаписи, на которых несколько ключевых министров правительства и членов военного руководства получают крупные взятки за подписание военных контрактов. Многие комментаторы отреагировали на эту сенсацию так: что же здесь нового? Но те, кому было что скрывать, оказались менее безразличными: Теджпал едва уцелел при покушении в апреле 2001 года. Тем временем правительство начало кампанию

* Нынешнее название Калькутты. — Прим. ред.

по дискредитации его расследования. После обнародования записей министр обороны ушел в отставку, но позднее был восстановлен в должности. В 2004 году Теджпал также начал выпускать журнал, взяв на работу до 40 журналистов. Тремя годами позднее его команда сделала видеозаписи, на которых ряд политиков, бизнесменов и полицейских бахвалились тем, как они наблюдали за убийствами и изнасилованиями мусульман в Гуджарате в 2002 году (та же бойня, обстоятельства которой расследовал журнал Тисты Сеталвад).

Меры безопасности у Теджпала даже более жесткие, чем у Сеталвад. Его офис на юге Дели охраняется круглосуточно, при нем находятся вооруженные полицейские, работающие посменно днем и ночью. Его офис и дом защищены мешками с песком — от обстрела. Его деятельность часто на грани закрытия. “Это чудо, что мы еще работаем в разных направлениях”, — говорит он. Через две недели после того, как он опубликовал статью о событиях в Гуджарате, два спонсора отказались от помощи журналу. Хотя, по словам Теджпала, его никогда не перестает приятно удивлять число богатых, которые хотят помочь:

Люди понимают, что свободная пресса жизненно важна для демократии, и хотят, чтобы эта информация становилась достоянием публики. Но в то же время они не хотят, чтобы что-то мешало их образу жизни. Это тот компромисс, который по нраву среднему классу.

Теджпал указывает на разрыв между конституционными основами индийской демократии и свободами, которые она обеспечивает. “Люди за рубежом введены в заблуждение гандистскими вывертами, — говорит он, используя неизбежную крикетную аналогию. — Миф о толерантности

остаётся в силе. В действительности из-за нашего отношения к кастам, гендерному вопросу, детям и классам мы, несомненно, одно из самых бесчеловечных свободных обществ в мире”. Бедняки, указывает он, годами жили в страхе перед террористами, преступностью, межобщинным насилием и насилием со стороны государства: “Когда вы на границе жизни и смерти, вы меньше можете потерять при внезапной вспышке насилия и потому меньше беспокоитесь, когда она происходит”.

“Столкновение с полицией” — так объясняют чью-либо смерть от рук полицейских. Каждый раз в качестве официальной версии указывается, что убитые были боевиками или “разыскиваемыми лицами”, которых застрелили прежде, чем они сами успели открыть огонь. Эти “столкновения” часто инсценируют, подбрасывая оружие на место преступления. Попытки привлечь полицейских к ответственности редко увенчиваются успехом. В штате Андхра-Прадеш суд первой инстанции постановил, что полицейские расправы должны квалифицироваться как убийство. Постановление было незамедлительно отменено Высшим судом штата. Прежние руководители полиции объясняли, что “расстрельные команды” необходимы для того, чтобы защитить общество от преступников, которых нельзя покарать судебным порядком из-за их юридических или политических связей. Другими словами, полиция способствует демократическому процессу. Конфликт возникает только в случаях, когда убивают заведомо невиновного. Примерно за 30 лет эти “столкновения” со стрельбой на поражение сделались обычными в главных городах и, согласно опросам, чрезвычайно популярны у населения. Журналистов и телерепортеров регулярно приглашают на место происшествия либо рассылают им подробные пресс-релизы с описанием произошед-

шего и героизма полицейских. Эти случаи почти никогда не расследуются.

Вскоре после терактов в Мумбаи парламент подавляющим большинством проголосовал за ужесточение анти-террористического законодательства. Наиболее спорные изменения состояли в принятии судами признаний обвиняемых в качестве доказательств и праве удерживать подозреваемых без предъявления обвинения до шести месяцев. На протяжении многих лет правозащитные группы привлекали внимание к тысячам случаев смерти и дурного обращения с людьми, удерживаемыми под арестом, но преуспели всего несколько раз. Спецслужбы получили почти неограниченные полномочия по проведению операций против повстанцев по всей стране. Пограничный спор с Пакистаном из-за Кашмира и давно продолжающееся восстание коммунистического движения наксалитов в Бихаре и других восточных штатах создали предлог для принятия широкого спектра законов о безопасности: закона “О специальных полномочиях Вооруженных сил”, который разрешает стрельбу на поражение и обыски без ордеров; закона “О национальной безопасности”, предусматривающего временное лишение права на юридическое представительство и права на судебную защиту; закона “О предотвращении террористической и подрывной деятельности” (1987 г.), который привел к многочисленным незарегистрированным задержаниям, пыткам и арестам родственников в качестве заложников, если разыскиваемый полицией человек скрывается. Политики утверждают, что эти меры необходимы, чтобы защитить индийскую демократию от тех, кто стремится ее разрушить. Их позиция ослабляется почти полным отсутствием прозрачности и подотчетности.

Юристы и правозащитники настаивают, что спецслужбы давно избрали своей мишенью бедных, незащищенных, а также меньшинства, используя законодательство в качестве прикрытия либо обходясь даже без этого. Они представляют убедительные доказательства “шафранных” предпочтений полиции, особенно в городах, контролируемых Бхаратия джаната парти или связанными с ней группами. Они имеют в виду дискриминацию со стороны индуистских националистов по отношению к меньшинствам. Проблема выходит далеко за рамки демографической. По оценкам групп по гражданским правам, до 80 % преступлений, о которых сообщалось представителями общественности, не расследовались. Предполагается, что полицейских или их начальников подкупали банды. И наоборот, аналогичная доля предъявленных полицией обвинений была шита белыми нитками или основывалась на доказательствах, полученных под давлением. Руководство всех партий проявило мало интереса к решению этой проблемы, несмотря на усилия неправительственных организаций и других, кто пытался убедить их. Минакши Гангули приводит пример из собственной практики, рассказывая мне об аудиенции у крупного правительственного чиновника:

Он сидел передо мной за пустым столом. Я рассказала ему о нескольких примерах проблем и злоупотреблений полиции и спецслужб. Ни он, ни его чиновники не собирались ничего записывать. В конце он поднялся, сказал: “Я разберусь с этим” и ушел.

Дж. К. Гэлбрейт однажды назвал Индию “функционирующей анархией”. Террористическое нападение на Мумбаи показало, насколько удачным было это определение. Я задаюсь

вопросом: учитывая неудовлетворенность компетентностью полиции, насколько люди были тогда подготовлены к тому, чтобы навести больший порядок? Некоторые обозреватели начали говорить невероятное. “Я начинаю различать... ропот и нытье среднего класса о неэффективности демократии и необходимости авторитарного правления”, — заявил влиятельный политический обозреватель Вир Сангхви. Он ссылается на судьбоносный момент индийской истории: введение Индирой Ганди в июне 1975 года режима чрезвычайного положения. Около тысячи диссидентов были схвачены и заключены в тюрьму. Деятельность двух дюжин политических групп была запрещена. Средствам массовой информации приказали не публиковать “несанкционированные, безответственные и деморализующие новостные материалы”, в том числе карикатуры и рекламу. Ограничение по сути всех прав человека согласовывалось с конституцией, поскольку Ганди оправдывала его необходимостью раскрыть “глубоко укоренившийся преступный заговор”, который мог бы “привести к экономическому хаосу и кризису”, сделал Индию “податливой к деструктивным тенденциям и уязвимой для внешней угрозы”. Она утверждала, что демократия “дала народу слишком много свободы”. Для многих индийцев наиболее наглядным свидетельством той эпохи стала принудительная стерилизация миллионов людей, имевших двоих или более детей либо политически неблагонадежных. Программа ограничения рождаемости, которая раньше основывалась на сотрудничестве, превратилась в инструмент репрессий. В ряде деревень и городов протесты были жестоко подавлены.

И все же богатые и обеспеченные реагировали, как всегда, хладнокровно. Самая густонаселенная демократия в мире была нейтрализована с удивительной легкостью.

Л. К. Адвани, в то время министр информации и телерадиовещания, который позднее возглавил Бхаратия джаната парти, вспоминал, как легко оказалось укротить СМИ. Он рассказывал группе журналистов вскоре после введения чрезвычайного положения, что кое-кто “сопротивлялся этим драконовским мерам по подавлению инакомыслия и пострадал за это”. Что касается остальных, то “когда вас только попросили нагнуться, многие из вас предпочли ползти”.

Большинство историков и современные обозреватели предпочитают останавливаться на положительных аспектах. Чрезвычайное положение было отменено спустя 20 месяцев. Ганди обратилась непосредственно к электорату, предполагая, что получит поддержку своей политике твердой руки, и, как ни удивительно, проиграла, после чего оставила пост. Несмотря на свое несовершенство, индийская демократия во время чрезвычайного положения показала себя.

В последние годы Индира Ганди была в значительной степени реабилитирована. Судя по опросам общественного мнения, она — самый популярный индийский политик современности. “Люди помнят, что она была сильной, — объясняет известный обозреватель Свапан Дасгупта. — Она всерьез относилась к враждебным силам внутри страны и так же воспринимала Пакистан”. Согласно этому воззрению, Индии с тех пор была навязана череда премьер-министров, у которых не хватало энергии или голосов в парламенте, чтобы настоять на выполнении радикальных программ. Большинство их уходило после одного срока. Дасгупта и многие его единомышленники видят в Нарендре Моди единственного политика, который, будучи способен на жесткое руководство, может пойти по стопам Индиры. Я спросил Дасгупту, есть ли у него на примете иностранные примеры, и он назвал Ли Гуанъяо. Следует напомнить,

что во время чрезвычайного положения сын и близкий советник Индиры Санджай Ганди часто рассуждал о сингапурском авторитаризме как образце для Индии. Для многих индийцев Сингапур тогда стал первой зарубежной страной, которую они посетили. Они восхищались успехами Ли в деле снижения межобщинной напряженности, профессионализмом сингапурских чиновников, чистотой улиц и комбинацией рыночной экономики с сильными государственными органами. Дасгупта называет еще одного возможного наставника:

Путин унаследовал разрушенную сверхдержаву и вернул ей честь и гордость. Он вытащил Россию своими силами. Да, есть перекосы, мафия, например, и нетерпимость к инакомыслию. Вы могли бы назвать его деспотом, однако он не диктатор и обладает поддержкой большинства избирателей. Самое важное из этого, что он снова превратил Россию в первостепенную страну.

“Сияющая Индия” и другие лозунги последних двух десятилетий глобализации предполагают, что Индия — это первостепенная страна. Индийский средний класс опьянен разговорами о сверхдержаве. Писатель Панкадж Мишра объясняет, что для того, чтобы эти амбиции реализовались в стране с такой удручающей бедностью и неравенством, элита должна создать параллельную вселенную. Это мир бангалорских колл-центров, ИТ-гигантов, Болливуда и международного стяжательского пыла таких индустриальных гигантов, как “Тата”. Этот мир существует рядом с трущобами, зловонными водостоками, болезнями и голодом, но способен удерживать неприятные проявления старой Индии на расстоянии. Мишра согласен с Дасгуптой в от-

ношении сравнения Индии с Россией. Деловая и политическая элиты обеих стран разработали свои проекты модернизации, ориентируясь на Запад. Это отличает Индию и Россию от Китая. По мнению Мишры, это обуславливает “болезни роста”:

Беспокоят фашистские настроения... Но ведь это Индира Ганди способствовала широкому распространению в индийском среднем классе смеси страха, агрессивности, презрения и апатии, способствовала установлению общественного климата, в котором распространенные в Индии проявления бесчеловечности кажутся нечуждыми.

Тем не менее, несмотря на все предостережения, никто из представителей широкого диапазона политиков, с которыми я общался, не видел перспективы возврата к периоду чрезвычайного положения. Современная, глобализованная сторона Индии — страна за пределами трупов и бедных деревень — гордится своим бурлящим общественным дискурсом и колоритной демократией. Действительно, некоторые неправительственные и другие организации, реализующие общественные инициативы, предполагают, что здесь может быть повод для осторожного оптимизма. Они указывают на растущее представительство низких каст и женщин в панчаятах, органах деревенского самоуправления, и в городских местных советах. Они указывают на растущий опыт избирателей, включая формально неграмотных. Они указывают на невозможность предсказать исход выборов в стране (так, в 2004 году эксперты предсказывали победу Бхаратия джаната парти — и серьезно ошиблись). Они полагают, что особенности и мотивация голосования изменились. Политическая идентификация

по-прежнему зависит от принадлежности к определенной касте или религии, однако в некоторых случаях обусловлена скорее ответственностью. Например, жители Дели дважды выбрали ту же администрацию, признав инфраструктурные улучшения. По их словам, ничего из этого не было сделано сверху и процесс шел снизу.

Проблема Индии заключается не в отсутствии демократических институтов, а в управлении, неспособном обеспечить социальные и экономические свободы подавляющему большинству населения. После государственного социализма в первые годы независимости политики и бизнесмены сосредоточились на интеграции в мировой рынок, используя власть как средство обогащения. Преуспевающие классы — люди, которые за прошедшие 20 лет могли бы воспользоваться новообретенным богатством страны для осуществления улучшений, — смотрели сквозь пальцы на ошибки общества или были причастны к их совершению. Они могли активно участвовать в делах общества: в Индии, в отличие от авторитарных государств, их не наказали бы за то, что они создают правительству проблемы. Однако они предпочли самоустраниться. Поэтому уровень их вины, несомненно, выше.

Глава 6

Италия: театр одного актера

Снижение качества демократии воплощается в политике, не требующей мобилизации или участия граждан. Ей нужен просто хороший отклик.

ЭЦИО МАУРО

Двадцать восьмого апреля 2008 года, через несколько дней после ошеломляющей победы на выборах, Сильвио Берлускони пригласил своего лучшего друга-политика отпраздновать с ним успех. Владимир Путин с радостью согласился. “Я долго не видел его. Я скучал по нему”, — заявил президент России, приехав в дом Берлускони в Коста-Смеральда на Сардинии. Вилла “Чертоза” (27 комнат) предлагает ВИП-гостям и друзьям семьи (это одно и то же) ботанический сад, искусственное озеро с дистанционно управляемыми водопадами, греческий амфитеатр на четыре сотни мест и, на всякий случай, ядерное убежище.

Семья Путиных регулярно посещала это место. Несколькими годами ранее, летом, две их дочери-школьницы

гостили в этом доме. Одна из дочерей Берлускони прилетела домой из Австралии, чтобы вместе с ними насладиться морем и ночной жизнью в клубах миллионеров в Порто-Черво и Порто-Ротондо — под наблюдением телохранителей.

Владимир и Сильвио имели естественное сходство и аналогичные установки: им нравились деньги, красивые женщины и верные жены. У них не было времени для судей, журналистов и вообще любого, кто задает слишком много вопросов. Ночью накануне они смотрели шоу в исполнении полуобнаженных танцовщиц. Затем эти двое бодрствовали до 4 часов утра, обсуждая мировые передрыги. Поэтому с некоторым трепетом и немалым мужеством Наталья Меликова, корреспондент российской “Независимой газеты”, поднялась на пресс-конференции, которую позднее этим утром провели итальянские хозяева, и попросила Путина прокомментировать три слуха, которые циркулируют в Москве. Правда ли, что одна из его дочерей перебралась в Мюнхен? Правда ли, что он собрался разводиться со своей женой Людмилой? И что можно сказать по поводу сообщений о его тесной дружбе и предстоящей свадьбе с Алиной Кабаевой, очаровательной 24-летней бывшей гимнасткой, которую читатели одного из журналов назвали самой желанной женщиной в России и которая сейчас является членом Госдумы от прокремлевской партии “Единая Россия”?

Пока разъяренный Путин, сжав губы, обдумывал ответ, Берлускони воскликнул: “О! Неужели правда?”. Путин, который однажды посоветовал французскому журналисту, который задал вопрос о Чечне, чтобы тот “сделал себе обрезание”, ответил Меликовой: “В том, что вы сказали, нет ни одного слова правды”. Он решил попытаться разъяснить ситуацию и укрепить свою репутацию галантного мужчины: “Вы упомянули статью в одной из наших бульварных

газет. В других публикациях подобного рода упоминаются и другие успешные, красивые молодые женщины и девушки. И думаю, что не будет неожиданным, что я скажу, что они все мне нравятся. Так же, как и все российские женщины”. Он сделал паузу, чтобы выслушать аплодисменты итальянских журналистов и нескольких пожилых местных жителей, которым позволили лицезреть их идолов, и продолжил: “Думаю, никому не будет обидно, что я скажу, что я лично считаю, что наши российские женщины самые талантливые и самые красивые. Если кто и может составить конкуренцию, то это могут быть только итальянки. *Грации*”.

Затем Путин перешел на более серьезный тон: “Существует частная жизнь, вмешиваться в которую никому не позволено. Я всегда отрицательно относился к тем, кто с гриппозным носом и со своими эротическими фантазиями лезет в чужую жизнь”. Берлускони продолжил этот пассаж, насмешливо сделав вид, что скосил провинившегося репортера из автомата. Затем он пошутил об обмене опытом между российской и итальянской прессой. Было видно, что Меликова расстроена. Другие нервно рассмеялись. Позднее пресс-секретарь попытался не придавать большого значения этому инциденту: “Это был просто жест, шуточный жест. На самом деле, он был оправдан, поскольку дал техническую паузу, необходимую для длинного перевода с русского”. “Я видела жест Берлускони и знаю о его репутации шутника, — сказала Меликова. — Я надеюсь, обойдется без последствий”. Для таблоида “Московский корреспондент”, который первоначально опубликовал материалы о Путине и Кабаевой, “последствия” уже наступили. Интернет-сайт газеты был немедленно заблокирован. Эта газета, которая выходила к тому моменту всего несколько месяцев, специализировалась на рассказах о жизни знаме-

нитостей и слухах и входила в растущую медиаимперию Александра Лебедева, бывшего сотрудника КГБ, сделавшегося бизнесменом-миллиардером. (Позднее он совершит эффектное приобретение лондонской вечерней газеты “Ивнинг стэндарт”.) Артем Артемов, глава издательского дома Лебедева, отверг какую-либо связь с упомянутой историей, утверждая, что работа сайта была временно прекращена, поскольку тот вышел за рамки своего бюджета. Но вопрос о “последствиях” прояснился, когда газета вышла с опровержением на первой полосе, в котором, кроме прочего, говорилось: “Нам очень жаль, если информация, опубликованная в нашей статье, показалась оскорбительной героям публикации. Мы приносим свои извинения всем, кто считает, что данный материал принес им моральные страдания”.

Пока журналисты сталкивались с осложнениями, Берлускони и Путин лично решали деловые вопросы, и в течение определенного времени бизнес между двумя странами процветал. Италия была вторым крупнейшим потребителем российского газа в Европе и, наряду с Германией, экономически наиболее успешной страной ЕС. Итальянская компания “Эни” и российский “Газпром” были тесно связаны. “Аэрофлот” вел сложные переговоры с “Алиталия” о возможном поглощении испытывающей затруднения итальянской авиакомпании. В этом отношении два лидера просто следовали примеру, показанному Борисом Ельциным и рядом итальянских премьер-министров. Деловые контакты были прочными даже в советские времена.

Дружба Путина и Берлускони началась в 2001 году: Берлускони только что одержал свою вторую победу на выборах, а Путин уже год работал над установлением своей гегемонии над Россией. Берлускони будет встречаться с Пу-

тинным в среднем чаще, чем с коллегами по ЕС, не говоря о президенте Буше. Он будет последовательно защищать российского президента от претензий по поводу гражданских прав и авторитаризма. Как утверждал Берлускони, все легче, когда есть

высокая оценка, доверие, уважение и дружба... Это глубокая дружба, которая, как во всем в жизни, помогает лучшему пониманию и принятию решений в целях достижения наилучшего — в данном случае в интересах не только наших стран, но и мирового сообщества.

Путинское пренебрежение свободой выражения, а также опасности, с которыми приходилось сталкиваться нелояльным российским журналистам, давно известны. Но разве для предполагаемых демократий планку не устанавливают выше? Легко недооценить угрозу итальянским свободам, если сосредоточиться на буффонаде Берлускони. С его склонностью к вульгарности (итальянцы называют Берлускони *brutta figura*), ему нравится разыгрывать карикатурный образ. Это настолько тщеславный и самовлюбленный человек, что он сделал подтяжку лица и маскирует пересадки волос банданой. Он стремится снискать расположение богатых или могущественных персон, от Путина до другого своего “лучшего друга”, Тони Блэра. Он оскорбил, кажется, почти всех своих коллег по мировой политике, от королевы Елизаветы II и канцлера Германии Ангелы Меркель до Барака Обамы (по словам итальянского лидера, человека “симпатичного, молодого и загорелого”).

История Берлускони — нечто большее, чем возвышение шутника. Все избиратели время от времени могут терять рассудок и выбирать людей некомпетентных или демагогов.

Правильно функционирующая система сдержек и противовесов должна справляться с такими просчетами. Итальянцы, однако, проголосовали за Берлускони трижды, последний раз в 2008 году, отдав за него подавляющее большинство голосов. Это человек, который воодушевляет итальянцев предаваться их национальному времяпрепровождению, попутно зарабатывая деньги, и который использовал парламент, чтобы ослабить две силы, могущие противостоять власти — суды и СМИ. Итальянский вариант Пакта предполагает взаимную близорукость. Мнение избирателей о способности государства улучшить их жизнь настолько низкое, что все, чего они хотят от государства — это чтобы оно смотрело сквозь пальцы на то, чем они занимаются. Взамен они обязуются не беспокоить своих лидеров. Эта страна, находящаяся в сердце ЕС, НАТО, Большой восьмерки и других международных образований, по большинству индикаторов конституциональной и политической теории является несостоятельным государством. Тем не менее она продолжает вполне успешно функционировать. Восхождение Берлускони на вершину политической жизни и бизнеса, его долгое пребывание у власти многое говорят о чаяниях и приоритетах итальянских избирателей. Это также служит предостережением для остальных стран Европы и государств за ее пределами.

“Мы живем с ним двадцать лет. Это не случайность”, — говорит Феруччо де Бортоли, главный редактор самой заметной итальянской деловой газеты “Иль Соле Вентикваттроре” (*Il Sole 24 Ore*), человек, который следит за Берлускони и досаждает ему на протяжении всей его карьеры. Де Бортоли обращает внимание на противоречивый подход в Италии к демократии как таковой: “Берлускони — итальянская модель успеха в обществе. Он таков, каким людям хотелось бы

быть. Им понравилось бы заработать такие деньги и остаться не пойманными”. В стране есть более 5 миллионов маленьких фирм, в каждой из которых работает не более десяти человек, и поэтому владельцы небольшого бизнеса занимают в итальянском обществе особое место. Берлускони является выражением сущности буржуазии. Он думает, как они. Он поступает, как они. Почти инстинктивно он делает то, что делают они. У него те же вкусы, то же чувство юмора. И люди наверху, к которым они испытывают уважение — предприниматели и другие, заработавшие состояние, — склонны рассматривать систему сдержек и противовесов как неблагоприятную для обогащения. Де Бортоли объясняет мне:

Деловые и правящие круги рассматривают демократию как издержки, а не как преимущество. Многие предприниматели и управляющие жалуются на то, что им приходится общаться с журналистами, разрешать доступ к конфиденциальной информации для проверки. Они задают мне и моим журналистам вопросы типа “Почему бы вам не сделать что-то для вашей страны?” или “Почему вы хотите разрушить мои отношения с рынком?”

Эти люди хотят, чтобы государство защищало их, одновременно не мешая заниматься своим делом, а также (при уклонении от налогов, как говорят, в пять раз активнее, чем в среднем в Европе) зарабатывать деньги и оставлять их себе. К всеобщему удовольствию, эта задача была выполнена христианскими демократами. Сейчас люди возлагают свои надежды на Берлускони. Вот почему он так мало делает для сокращения бюрократии и устранения монополизации рынка и коррупции.

В мае 2003 года де Бортоли был уволен с поста редактора “Коррере де ла сера”. Проштрафился он тем, что рассердил Берлускони, опубликовав серию оскорбительных комментариев и карикатур. Основанная в 1876 году “Коррере” является гигантом среди итальянских газет с ежедневным тиражом более 700 тысяч экземпляров. Это интеллектуальная, либеральная, в какой-то мере старомодная ежедневная газета, входящая в число тех нескольких, которые по-настоящему интересны читающей публике. Газета туринской и миланской буржуазии, она долгое время играла центральную роль в жизни страны. Де Бортоли позаботился, чтобы газета сохранила независимость. Она выступила против участия Италии в войне в Ираке и последовательно разоблачала политическую коррупцию. Ее карикатурист первой полосы Джанелли нередко изображал Берлускони в виде ухмыляющегося карлика в блестящей шляпе-котелке и башмаках на высоких каблуках. Последней каплей для владельцев послужила колонка, которая критиковала фразу из речи Берлускони: “Никому из тех, кто был коммунистом, не будет позволено прийти к власти”. Один из авторов газеты заметил: “Муссолини говорил то же самое. У него [Берлускони] нет причин бояться. А у меня есть”. В конце концов отозвался же Фини, политический союзник Берлускони, о Муссолини как о “величайшем государственном деятеле столетия”.

Берлускони, сын миланского банковского служащего, создал свою небольшую строительную фирму в двадцать с небольшим лет. Его превращение в богатейшего человека Италии, состояние которого оценивается в 10 миллиардов долларов, — это история делового умения, сомнительных сделок и множества загадок. Кто — или что — именно были источниками его финансирования в различные моменты его

карьеру, остается неясным. Известность в национальном масштабе Берлускони приобрел в 70-х годах, когда создал свою империю — сначала в виде собственности в Милане, а затем в сфере СМИ, приведя свою компанию “Медиасет” и ее холдинговую компанию “Фининвест” к господству над тремя крупнейшими частными телеканалами (“Канале 5”, “Ретекваттро” и “Италия 1”) и фактически установив монополию в негосударственном секторе телевидения. Эти каналы, предлагающие пакет низкопробных игровых шоу, мыльных опер и телепрограмм с сексуальным подтекстом, стали чрезвычайно популярны. В политических и деловых начинаниях Берлускони активно поддерживал Беттино Кракси, долго руководивший Социалистической партией. Личные привязанности в Италии имеют гораздо большее значение, чем политические, и приятели всегда помогают друг другу. Телеканалы Берлускони финансировались банками, контролируруемыми социалистами. После того как медиаимперия Берлускони оформилась, он использовал ТВ для оказания финансовой поддержки политической машине Кракси и для улучшения его имиджа. Кракси, в свою очередь, изменил закон о СМИ, приспособив его для потребностей Берлускони. Он стал крестным отцом дочери Берлускони на секретных крестинах (она была рождена вне брака). Он также был шафером на второй свадьбе Берлускони.

С момента окончания Второй мировой войны вплоть до краха Советского Союза Италией правила коалиция, возглавляемая правоцентристскими христианскими демократами, которые видели свою главную задачу в том, чтобы держать на расстоянии коммунистов. Правительства терпели крах практически сразу после того, как формировались, но реальная власть оставалась в одних и тех же руках. Была образована система государственного присвоения имуще-

ства. Распад режима холодной войны нарушил это ощущение неуязвимости и безнаказанности. Вместе с Джулио Андреотти, главой христианских демократов, Кракси был одной из главных фигур “Взятограда” (*Tangentopoli*) — коррупционной сети, опутавшей послевоенную итальянскую политику. Бегство в Тунис, где Кракси умер в изгнании, позволило ему избежать итальянского правосудия. Андреотти, которого называли и Принцем тьмы, и Вельзевулом, — даже более подозрительная фигура. Он был привлечен к суду по обвинению в заказе на убийство в 1979 году Мино Пекорелли, журналиста, который обнаружил связь Андреотти с мафией и его причастность к похищению премьер-министра Альдо Моро. В 1999 году суд оправдал Андреотти, но по апелляции он был признан виновным в 2002 году и приговорен к 24 годам тюремного заключения. Он был немедленно освобожден в связи с возрастом (ему было тогда 83 года) и в следующем году снова оправдан.

Кракси и Андреотти олицетворяли Первую республику, Берлускони — Вторую. Государственные аппараты обеих различались мало. Конечный результат был одинаков: политика лишилась респектабельности и доверия и насквозь прогнила.

В 1992–1994 годах казалось, что Италия возрождается. На короткое время избиратели начали думать, что государственные институты могут заслуживать уважения. Суды, наконец, с энергией взялись за коррупционную сеть, раскинувшуюся настолько широко, что все партии и практически любой крупный политик оказались причастными к ней. Десятки

чиновников и бизнесменов были арестованы и подвергнуты тюремному заключению во время операции “Чистые руки” (*Mani Pulite*). Кое-кто из них покончил с собой. Политический ландшафт изменился: все старые партии исчезли, появились новые. Сформировалась структура, нацеленная на обеспечение стабильности и четко отделяющая левых от правых. Подошли к концу десятилетия корыстных соглашений. В это свободное пространство и вошел Берлускони. Он основал партию, весьма отличавшуюся от любой из прежних. “Вперед, Италия” действовала как корпорация, возглавляемая друзьями и деловыми знакомыми Берлускони, и финансировалась главным образом его “Фининвестом”. В 1994 году, спустя всего три месяца после своего основания, “Вперед, Италия” впервые одержала победу на выборах. Берлускони вошел в коалицию [“Полюс свобод”] с ультраправой партией Джанфранко Фини, который прежде считался парией. Затем Берлускони заключил сделку с Северной лигой Умберто Босси. По иронии, операция “Чистые руки” помогла возглавить итальянское государство человеку, чье возвышение было обусловлено именно коррумпированной старой системой. Бизнес итальянского правительства был его бизнесом. Эту победу можно было рассматривать как однократную. В самом деле, его первое пребывание во власти продолжалось недолго. Многие избиратели в демократических государствах голосуют за “белую ворону”, только чтобы позднее раскаяться в своем решении и изменить его при первом удобном случае. Но с Берлускони было по-другому. Избирателям не понадобилось много времени, чтобы он вернулся.

Берлускони совершил свой “большой скачок” в 2001 году. Правительство левоцентристской коалиции “Оливковое дерево” направило свою энергию на приведение итальянской

экономики в соответствии с требованиями Европейского валютного союза. Берлускони предложил избирателям более приятный вариант и сокращение налогов. Фактически в свой второй срок он мало чего добился, сосредоточившись на собственной защите от судебного преследования: ряд коррупционных дел попали в суды. Парламент стремительно одобрил три законопроекта: о лишении доказательной силы информации о незаконных переводах денежных средств за рубеж, о декриминализации искажения бухгалтерской отчетности, о предоставлении права ответчикам менять судей путем передачи дел в суды другой юрисдикции. Когда первый и третий законы суд признал неконституционными, Берлускони отреагировал еще более радикальным законопроектом: он приобрел иммунитет от судебного преследования. Он выступил с собственным толкованием конституционной нормы, заявив, что ее следует распространить на лиц, занимающих пять главных постов в государстве: на президента, премьер-министра, спикеров обеих палат парламента и главу Конституционного суда. Затем Берлускони озаботился защитой своей медиаимперии. Законодательство разрешило “Медиасет” сохранить свои каналы, а также предоставить большую субсидию для перехода на цифровое вещание.

Политическое влияние Берлускони не уступало его влиянию на СМИ. Он, будучи владельцем крупнейших частных телеканалов, упрочил свой контроль и над государственным вещанием. Берлускони добился того, что непокорные редакторы или управляющие были изгнаны, обычно негласно, через договоренность с советами каналов. Он добился того, что программы, которые ему не нравились, исчезли с экранов. Наиболее известный случай относится к ноябрю 2003 года, когда “Раи Тре”, третий канал, был вы-

нужден снять с эфира шедшее поздно ночью политическое сатирическое шоу “Райот” — после того, как в нем высмеяли премьер-министра. Режиссеру и сценаристу Сабине Гуццанти, которая также участвовала в съемках, “Медиасет” предъявил иск, обвинив ее во “лжи и инсинуациях”. Гуццанти сняла об этой истории фильм “Да здравствует Сапатеро!”, который стал в Европе популярной артхаусной картиной.

Печать для Берлускони значила меньше, однако и здесь он сделал все, чтобы подавить критику. История газеты “Ла Република” короче и менее известна, чем история “Коррере”, но, по словам ее главного редактора Эцио Мауро, “Ла Република” неумоима в освещении нападков со стороны Берлускони на то, что осталось в стране от демократии. Редакции таких газет тщательно охраняются. Меры безопасности у римской штаб-квартиры “Ла Република” тщательно продуманы: вооруженная охрана, пропуска и отдельные кабинки для сканирования.

Я знаю Мауро с 90-х годов, еще со времен нашей работы в Москве в качестве корреспондентов. Он охотно рассуждает об обмене свободы на безопасность и процветание и о роли Берлускони в этой сделке. Я расспрашиваю Мауро о свободе выражения: в конце концов в Италии процветает и громко заявляет о себе интеллигенция. Несмотря на давление и неудачи, многие газеты проводят успешные расследования и публикуют резкие комментарии. Мы обсуждаем интернет, и Мауро делится со мной любопытным наблюдением, которое, по его словам, справедливо не только для Италии. По его мнению, интернет-революция способствует не кооперации, а разобщению людей:

С интернетом у нас нет ни стен, ни границ. “Везде” — значит “здесь”. Мы не связаны прошлым, однако мы исключаем себя

из общественного дискурса... Если хотите, можете называть это демократией, но было бы лучше назвать это демократическим одиночеством. Гражданин чувствует себя одиноким, ощущает оторванность от информации и считает, что он может действовать в одиночку. Когда-то существовала возможность раскрытия личных ощущений и ценностей в рамках общих интересов. В настоящее время гражданин больше не верит в эффективность организованных массовых акций. Гражданин превращается в наблюдателя. Политика — это просто большое событие. Государство говорит гражданам: “Вы чувствуете себя одинокими, ну так позаботьтесь о своей жизни, а остальное предоставьте мне. Общественные связи — это моя забота”.

Его слова — лучшее подтверждение сингапурского Пакта, которое мне приходилось слышать во время своих поездок. И все же, хотя итальянская сделка может быть аналогичной сингапурской, Берлускони гораздо менее впечатляющая фигура, чем Ли. Какими бы ни были замечания по поводу свободы слова и демократии в Сингапуре (как я говорил выше, у меня их множество), у его основателя была не только стройная политическая доктрина, но и ряд принципов, исходя из которых ее следовало оценивать. Между тем, одну страну считают авторитарной, вторая же принадлежит к кругу демократий. Это еще один пример размытых разделительных линий, ярлыков, маскирующих действительность. Для Берлускони, как и для Путина, политическая власть и экономическая мощь неразрывно связаны.

Еще одной родственной Берлускони душой является тайландский миллиардер, популист, демагог и премьер-министр Таксин Чинават. Он был любимцем среднего класса, который верил, что без сильного государства и сильного

лидера они не заработали бы тех денег, которые смогли заработать. После более чем пяти лет пребывания у власти в сентябре 2006 года он был свергнут в ходе военного переворота и обвинен в коррупции и злоупотреблении властью.

В каждом из этих случаев правители использовали выборы и видимость конституционности, чтобы укрепить власть, которая соединяет демократию и авторитаризм. По мнению Мауро, в истории был один весьма показательный пример. Итало Бальбо, доверенное лицо и наиболее вероятный преемник Бенито Муссолини, один из самых безжалостных руководителей чернорубашечников, был также и пионером авиации. Он возглавил два массовых перелета через Атлантику. Когда его эскадрилья (24 самолета) достигла США, на его долю выпали восторг толпы, парады, даже ленч с президентом Франклином Д. Рузвельтом. В глазах многих Бальбо воплощал благородство и молодецкий стиль. Для них это было важнее его политических убеждений. Мауро уверяет меня, что Италия сейчас имеет дело с аналогичной проблемой. Тем не менее он предостерегает от прямого, упрощенного уподобления Берлускони Муссолини. По его словам, то, что происходит сейчас, имеет менее явный характер: “Люди видят в Берлускони ‘старого итальянца’ — изворотливого, забавного. В действительности он человек очень современный, очень европейский. В Европе мало разбираются в этом новом типе лидерства”.

Мауро цитирует Норберто Боббио, философа. Убежденный поборник принципов верховенства права, разделения властей и ограничения государственной власти, Боббио был либеральным социалистом, противником авторитарных догм марксизма. Мауро утверждает, что Боббио считал серьезнейшей опасностью то, что “политики всегда ищут способ распутать клубок проблем. Популизм

предлагает им быстрое решение — разрубание этого клубка мечом”. Мауро называет это “современным популизмом” или “демагогической демократией”. По его словам, этот тип представляют

не Ле Пен, Хайдер или какой-либо другой радикал. Я вижу что-то подобное в Саркози, а прежде и в Блэре. Снижение качества демократии воплощается в политике, не требующей мобилизации или участия граждан. Ей нужен просто хороший отклик. Деграция демократии шла непрямо по всей Европе, не только в Италии. Настоящий момент — переломный.

Слова Мауро — серьезное предостережение. Легко разглядеть опасность, которую представляют такие как Берлускони. Они не скрывают своих амбиций или презрения к институтам, которые стремятся удержать их под контролем. В этой книге у Франции нет собственной главы, поскольку во французской политике применяются подходы как итальянские, так и английские. Николя Саркози многое перенял из напыщенности и донкихотского использования власти, принятых в Италии, а также британского методичного движения по направлению к государству контроля.

Саркози обвиняют в эксплуатации атмосферы незащищенности: он ввел комплекс мер — от слежки до превентивного ареста — для тех, кого государство считает опасным. В ноябре 2008 года антитеррористическое полицейское подразделение арестовало 20 человек в маленькой деревне Тарнак в центральной Франции. Были представлены слабые доказательства их виновности, но главным

было их предполагаемое отношение к авторству книги “Грядущее восстание” и принадлежность к тем, кого правительство называет “ультралевыми”. Оппозиционная Социалистическая партия, которая прежде редко выражала недовольство, опубликовала “черную книгу” “посягательств на общественную свободу” с 2007 года, когда Саркози стал президентом.

Одной из наиболее противоречивых новых мер было создание в июне 2008 года базы данных *EDVIGE*. Звучит как девичье имя, однако расшифровывается злоеще: *Exploitation documentaire et valorization de l'information générale*, то есть “Использование документов и разработка общей информации”. Ее назначение — сбор данных о группах, организациях и людях, индивидуальная или коллективная деятельность которых считается угрожающей общественному порядку. Собранная информация передается полиции и разведслужбам. В базу *EDVIGE* вносятся данные не только о подозреваемых в совершении преступлений, но и о тех, кто хотя бы отдаленно связан с антисоциальными элементами. Записываются: род занятий; семейное положение и история семьи; прежние и актуальные адреса, телефонные номера и адреса электронной почты; физические данные человека, фотографии, особенности его поведения; сведения о выданных документах, удостоверяющих личность; номерные знаки автомобилей; налоговые сведения и информация о правонарушениях. Организации по защите прав сексуальных меньшинств выразили протест после того, как им стало известно, что в базе будут аккумулироваться данные, относящиеся к сексуальной ориентации человека и состоянию его здоровья, в частности указание на заболевание СПИДом. Французский союз магистратов осудил базу как антидемократическую и заявил, что она будет

“информировать правительство о политически активных людях”. Обычно сдержанная газета “Ле Монд” резко выступила против принципа превентивного сбора данных: “Государство, руководствующееся принципом верховенства права, не может допускать наказания за намерения”.

По утверждению правительства, много внимания будет уделено групповым преступлениям, совершаемым в пригородах крупных городов Франции. Пытаясь оправдать сбор данных о 13-летних детях, министр внутренних дел Мишель Альо-Мари заявила: “Мы отметили рост правонарушений, совершаемых несовершеннолетними”. Альо-Мари получила сомнительную известность в качестве лауреата 10-й ежегодной Премии Большого Брата. Жюри отметило вклад Альо-Мари в нарушение неприкосновенности частной жизни, а также ее “безудержную склонность к учету французских граждан” и пристрастие к видеонаблюдению. У правительства есть еще один инструмент, носящий обманчиво ласковое название *ELSA* (*Engins légers de surveillance aérienne*). Это беспилотные летательные аппараты, которые смогут круглосуточно следить с небес за потенциальной преступностью и антисоциальным поведением. Многие местные чиновники утверждали, что проще, эффективнее и менее навязчиво было бы увеличить число полицейских на земле.

Итак, в том, что касается безопасности, подход Саркози ближе к подходам Тони Блэра и Гордона Брауна. В отношении же к СМИ он больше всего напоминает Берлускони. Еще до того, как Саркози стал президентом, во время его пребывания на посту министра внутренних дел, “проблемных” редакторов вынуждали подчиниться либо увольняли. Главный частный телеканал ТФ-1 избавился от Патрика Пуавра Д’Арвора, самого узнаваемого ведущего новостей в прайм-тайм. Это произошло после того, как он отозвался

о “Сарко” на саммите Большой восьмерки как о “маленьком мальчике в компании больших”. Собственник ТФ-1 — давний друг Саркози. Еще одним журналистом, чья карьера оборвалась, стал Ален Женестар, главный редактор “Пари-Матч”. В 2005 году этот глянцевого журнала опубликовал фотографии Сесиль Саркози в Нью-Йорке с мужчиной, которому предстояло стать ее следующим мужем. Саркози позвонил Женестару и отчитал его, а позднее хвастался журналистам, что уволил редактора. Двумя годами позднее газета “Журналь дю диманш” в последний момент сняла материал о том, что Сесиль отказалась голосовать на президентских выборах. Когда Саркози услышал об этом, он позаботился о том, чтобы статью убрали, а редактору устроили разнос. После этого репортаж стал достаточно мягким, с изображениями лидера и его новой жены, Карлы Бруни, и вышел под заголовком “Звездная пара”. Две трети французских газет и журналов принадлежат компаниям “Дассо” и “Лагардер”, ведущим производителям вооружений, поддерживающим тесные связи с Елисейским дворцом.

Как и Берлускони, Саркози признал важность телевидения. Он ответственен за слияние французской политики с деловыми интересами, освещением событий в СМИ и культом знаменитостей. В январе 2009 года парламент принял закон, усиливший правительственный контроль над общественными телеканалами. Согласно этому закону, показ коммерческой рекламы должен быть прекращен, а возникшую вследствие этого нехватку денег должно восполнить государство. Таким образом, эти каналы становятся зависимыми от доброй воли президента. Чтобы закрепить это положение, главу “Франс телевизон” будет назначать не Высший совет по аудиовизуальным СМИ, а президент страны, который сможет в любой момент разо-

рвать контракт. Саркози снискал прозвище “телепрезидента” за то, что “дирижировал” политикой так, как если бы это было реалити-шоу. “Франция сформировала новую модель управления СМИ, которая находится где-то между моделями Берлускони и Путина, — комментирует “Ле Монд”, газета, которая остается за пределами президентской досягаемости. — Саркози не нужно подражать Берлускони и приобретать СМИ: его друзья сделают это вместо него”.

Студия Паоло Флореса Д’Арке заполнена акварелями и картинами маслом. Д’Арке — художник, философ, журналист и литератор — один из наиболее известных критиков режима Берлускони. В 2002 году он был одним из зачинателей джиротонди, демонстраций-хороводов. Д’Арке выглядит несколько уставшим, когда здоровается со мной в своей элегантной римской квартире. Он немедленно увлекает меня к окну и указывает на оживленный уличный рынок с обилием мяса, рыбы, фруктов и овощей. Эта типичная сцена итальянского буржуазного довольства поражает меня. Хозяин объясняет мне суть дела. В начале каждого торгового дня сюда приезжает один и тот же инспектор. Он кивает владельцам палаток, с серьезным видом осматривает товар и сообщает, что надо проверить его соответствие санитарным нормам. За несколько минут его фургон чудесным образом наполняется подношениями, и инспектор уезжает. Все довольны. Все, что нужно, заявляет Д’Арке, — это решительное неприятие любых форм преступного поведения, снизу доверху. Но с чего

начинать, когда столь многие извлекают выгоду из сложившегося положения?

Вечером накануне нашей встречи Д'Арке обратился примерно к 50 тысячам человек на Пьяцца Навона. Число манифестантов резко упало: на один из прошлых митингов пришло около миллиона человек. Реакция утренних газет оказалась в основном пренебрежительной: они сообщили, например, что большинство выступавших потратило большую часть времени на препирательства друг с другом. Д'Арке пессимистично оценивает состояние оппозиции. По его словам, у итальянских левых не было ни значимой цели, ни идеологии, и они почти не интересовались демократией: “Было ли когда-либо в Италии высоконравственное, храброе левоцентристское правительство?” Он смеется и сам отвечает: нет. Кракси не был отклонением от нормы. Социалисты потворствовали нападкам Берлускони на СМИ: “Это поколение левых выросло со сталинистским взглядом на мир. Либеральные власти, свободная журналистика и независимость работников прокуратуры не вписываются в их мировоззрение. Они систематически помогали Берлускони”. Д'Арке напоминает о конституционных реформах конца 90-х годов, проведенных социалистическим правительством и нацеленных на формирование более сильного и стабильного правительства: “В тот момент Берлускони был в безнадежной ситуации — и в политическом отношении, и в финансовом, и в смысле отношений с правосудием. Эти реформы вызволили его из беды. Все эти политики — в одной упряжке”.

Удерживая мертвой хваткой СМИ, Берлускони переключился на судебную власть или, по крайней мере, на ту ее часть, которая еще оказывала некоторое сопротивление. Он принялся урезать полномочия судей, чтобы они

оставили его в покое. Д'Арке приводит поразительную статистику: Берлускони избежал осуждения по 12 крупным делам. Он вообще никогда не был осужден. Берлускони привлекали к суду шесть раз — по обвинению в растрате, нарушении налогового законодательства, подделке бухгалтерской отчетности и попытке подкупа судьи. В нескольких случаях он был оправдан. В других его признали виновным, но приговор был отменен апелляционной инстанцией. В остальных истек срок давности привлечения к ответственности.

Те, кого все это должно было бы возмущать, например деятели политической оппозиции, кажутся поразительно спокойными. Д'Арке вспоминает частный обед в 1996 году с Массимо Д'Алема, ведущей фигурой у левых. Это произошло как раз в то время, когда первый срок Берлускони приближался к концу. Д'Алема изображал человека, желающего порвать с прошлым, чтобы помочь оздоровлению общественной жизни, однако, по словам Д'Арке, скоро выяснилось, что Д'Алема движут те же инстинкты: «Он был зол на судей. Я понял, что для левых независимость судебной системы было тем, с чем они решительно не могли бы смириться». Два года спустя, в 1998-м, Д'Алема стал премьер-министром. Новая конституция Второй республики сформировала новый тип политической ротации, но старые устремления политического класса, защищающего свои привилегии независимо от идеологии, остались.

Ощущение обреченности или отчаяния характерно для тех нескольких членов судебной системы, которые добивались изменений. В качестве главного прокурора Милана Герардо Коломбо был одной из ключевых фигур в операции «Чистые руки», преследовавшей чиновников за коррупцию. Он вышел в отставку в 2007 году. Сейчас он проводит время

в поездках по стране, рассказывая о принципе верховенства закона везде — от университетов до начальных школ. Он говорит мне, что “в каждом итальянском суде есть табличка, напоминающая, что все равны перед законом. Сейчас они пытаются утвердить тот принцип, что Берлускони — помазанник божий, что он неприкосновенен”. Он уверяет, что радикальная реформа судебной системы запаздывает, но добавляет, что проблема лежит глубже, в основе общественных приоритетов: “У нас настоящая проблема с правосудием. Люди считают его неэффективным”. В 70-х годах сотни людей погибли в период террора “Красных бригад”. Большинство дел осталось нераскрытыми — из-за страха, взяточничества или полнейшей некомпетентности: “После этого многие итальянцы потеряли доверие к судебной системе”.

Свое наступление на судебную систему Берлускони представлял как часть необходимого комплекса “реформ” отжившей системы. Он не был неправ, хотя, очевидно, имел гораздо более узкий мотив. Судебный процесс длится в среднем 12 лет. Процесс о банкротстве небольшой фирмы на юге начался в 1962 году и длился 46 лет. Чем дольше идет процесс, тем больше у защиты оснований утверждать, что время ослабило обвинения. Срок давности заканчивался для 20 % дел, и главную выгоду из этого извлекали политические и деловые круги. Как в Индии и в других условно демократических странах, правовая система Италии благоволит богатым и влиятельным. Подавляющее большинство обвиняемых в “беловоротничковых” преступлениях оправдывают. Тех, кто получает наказание, редко отправляют в тюрьму больше, чем на символический срок в несколько дней или недель. В противоположность этому, бедняки-албанцы или африканцы, пойманные за магазинные

или карманные кражи, имеют шанс почувствовать на себе всю строгость закона.

В апреле 2006 года Берлускони был вынужден выйти в отставку после пяти лет беспрецедентной конституционной стабильности. За это время он достиг предельно малого в сфере экономических и социальных реформ. В течение всего десятилетия финансовое положение Италии было проблемным, ухудшаясь чуть ли не по каждому экономическому показателю. Итальянская промышленность (изготовление промышленного оборудования, обуви, сумок, керамической плитки, дешевой мебели, одежды) постепенно разорялась из-за более рентабельных товаров из развивающихся стран, особенно Китая. Мало что было сделано для противодействия этой тенденции. В 2001–2006 годах, при Берлускони, Италия опустилась с 14-го на 53-е место в глобальном рейтинге конкурентоспособности. Бюджетные расходы на образование продолжали падать (это происходило последние 20 лет), снизившись до менее чем 5 % от ВВП. Только половина населения имеет образование выше обязательного среднего, что представляет собой один из самых низких уровней в Европе. При этом только пятая часть молодых людей продолжает образование, и большинство не заканчивает его. Доступность здравоохранения и его стандарты низки.

Берлускони объяснил свои неудачи голословными обвинениями в коррупции. Тем не менее, учитывая неудовлетворительные результаты его деятельности, его поражение на выборах с разницей всего 25 тысяч голосов многими рассматривалось как скромная победа. Его многолетнему сопернику Романо Проди пришлось бороться за выживание. В следующие два года Проди соблюдал многие бюджетные ограничения, установленные Евро-

пейским центральным банком и другими экономическими организациями. Он сумел снизить размер государственного долга Италии, отменил множество бюрократических ограничений и принял решительные меры для противодействия уклонению от уплаты налогов. Он заслужил похвалы МВФ и ЕС, однако вызвал разочарование у пострадавших итальянских налогоплательщиков. Учитывая приоритеты активной части итальянских избирателей, это был скорее полет камикадзе, чем попытка достичь политического долголетия.

Администрация Проди, однако, установила традицию политической самопомощи. Под предлогом разгрузки безнадежно переполненных тюрем она объявила широкомасштабную амнистию, которая распространялась и на осужденных за коррупцию. Период руководства левых под руководством Проди, Д'Алема и Вальтера Вельтрони, мэра Рима, отмечен застоєм и широко распространившимся разочарованием в стандартах итальянской политики. Наиболее наглядным символом немощности государства явился “мусорный кризис” в Неаполе, где забастовка контролируемых мафией мусорщиков привела к образованию громадных куч гниющих отбросов, покрывших обширную территорию.

Постепенный закат левых во время Второй республики образовал брешь, которую заполнила Северная лига. Создавая о себе представление как о независимой силе, она на самом деле подыгрывала целому ряду обиженных, которыми ощущали себя в равной степени избиратели-рабочие и миллионы лавочников и коммерсантов, определяющие в Италии электоральную политику. Двумя главными проблемами, требовавшими решения, были большие финансовые отчисления богатого Севера бедному Югу и, разумеется, иммиграция. Победа Берлускони в апреле 2008 года была

ошеломляющей. Его коалиция получила почти 47 % голосов, наибольшую долю за десятилетия, причем наиболее важным партнером оказалась Северная лига. Берлускони одержал победу по всей Италии, за исключением центра страны — последнего оплота левых. Вернувшись на пост премьер-министра, он задал тон, назначив фотомодель Мару Карфанья, прежде снимавшуюся полуобнаженной, министром по вопросам равных возможностей. Он высказал мнение, что другим странам следует изучать подход Италии к участию женщин в общественной жизни. Он упрекнул испанского премьер-министра Хосе Луиса Родригеса Сапатеро за подбор членов его кабинета — первого в Европе, большинство в котором составили женщины. Берлускони намекнул, что испанское правительство “слишком розовое” и что “теперь с него [Сапатеро] за это спросится. У него будут проблемы с управлением ими”. Такие замечания могли бы исходить от многих из окружения Берлускони. Они стоились бы для таких его друзей, как Владимир Путин. Кажется, они отражают некий общий настрой.

Одной из наиболее настораживающих черт третьего срока Берлускони была растущая враждебность по отношению к иммигрантам и другим людям, угрожающим “итальянскому образу жизни”. Избиратели выражали серьезные опасения по поводу африканских претендентов на получение политического убежища, прибывающих через остров Лампедузу, и цыган, которые использовали вступление Румынии в ЕС в 2007 году, чтобы превратить Италию в пункт въезда на Запад. Берлускони подыгрывал этим настроениям, описывая этих иммигрантов как “армию зла”. Незамедлительно приняли несколько законов, поданных как меры по борьбе с преступностью. Они предусматривали ускоренную высылку нелегальных иммигрантов и значительно более жесткие

приговоры для тех, кто нарушал закон, а также позволяли производить проверку иностранцев, включая граждан ЕС, на предмет наличия у них работы и приемлемых условий жизни. На улицы вышли патрули добровольцев из числа граждан. Итальянская демократия создавала весьма специфический тип самосуда. В южноитальянском городе Фоджа была организована специальная автобусная служба для иммигрантов — чтобы держать их подальше от рабочих районов. Это вызывает неизбежные сравнения с сегрегацией в Америке 50-х годов и апартеидом в Южной Африке. Затем, в феврале 2009 года, парламент принял закон, требующий от медицинского персонала связываться с полицией, если они подозревают, что их пациенты не имеют действующей визы или разрешения на работу. Критики указывали не только на этические последствия (доктора превращались в информаторов такого рода, какие были при Муссолини), но и на опасения, что ищущие политического убежища будут избегать обращаться за медицинской помощью, даже если у них инфекционные заболевания. Эти жалобы были напрасны. Берлускони уловил общее настроение и заключил собственный Пакт с народом, обязавшись оберегать его от “чужаков”.

Главной заботой Берлускони оставалась его собственная судьба. Располагая подавляющим большинством в обеих палатах парламента, он быстро добился того, чтобы суд не смог его снова изгнать с позором. В течение недель после возвращения на должность он задал соответствующий тон, посвятив основную часть своей речи перед Ассоциацией розничных торговцев и владельцев магазинов (аудитории, близкой его сердцу) обличению судебной власти, этой “злокачественной опухоли” Италии. Говоря о себе в третьем лице, он заявил, что в 1994–2006 годах “789 прокуроров

и судей проявили интерес к политику Берлускони, чтобы девальвировать голоса итальянцев”. Берлускони скоро инициировал ряд судебно-правовых реформ. Первая предполагала ограничение прослушивания телефонных переговоров в рамках расследования уголовных дел (другие европейские страны, напротив, стремились его расширить). Берлускони, как всегда, заботился о себе: обвинители долго полагались на прослушивание телефонов, а не на иные доказательства, особенно по делам о мошенничестве. Затем он попытался снова представить план амнистии высокопоставленных лиц, впервые предложенный в 2003 году и отклоненный Конституционным судом. На этот раз Берлускони был гораздо более уверен в успехе.

Он не остановился на этом. Он сделал эффектное заявление о том, что расследование 100 тысяч уголовных дел должно быть приостановлено на 12 месяцев. Этот закон должен распространяться на открытые до июня 2002 года дела, наказание по которым может составить менее 10 лет тюрьмы. Перечень преступлений включал составы от непредумышленного убийства до воровства, похищения людей, нанесения тяжких телесных повреждений, вымогательства, мошенничества и коррупции. Правительство заявило, что этот закон призван помочь судьям сконцентрироваться на “более серьезных преступлениях” и что приостановка “процессов по менее серьезным делам” должна помочь расчистить завалы. Среди прочих дел “замороженным” оказалось дело полицейских, осуществивших во время саммита Большой восьмерки в 2001 году ночной налет на школу в Генуе, в которой заночевали протестующие, врачи и журналисты. Тогда пострадало более 60 человек. Другое дело касалось трех человек, которые якобы давали взятки в Ираке в обмен на миллион баррелей нефти. Одно

из наиболее интересных дел касалось живущего отдельно от жены британского адвоката Дэвида Миллса, мужа министра Тессы Джоуэлл. Миллс был приговорен в феврале 2009 года к четырем годам тюрьмы за получение от Берлускони взятки в 500 тысяч ф. ст. Взамен Миллс согласился дать ложные показания в пользу Берлускони по двум делам, открытым в конце 90-х годов. Можно было бы сказать, что жернова правосудия действительно заработали, если не считать того, что Миллс был уверен: ему не придется сидеть в тюрьме, поскольку к тому времени, когда он использует все свои возможности для подачи апелляций, срок давности истечет.

Либеральную Италию (этот небольшой очаг сопротивления, который продолжал устраивать демонстрации джиротонди) эта “ловкость рук” Берлускони привела в ярость. Годовую амнистию стали называть “Спасти премьер-министра” (*Salva-premier*). Эту интерпретацию не мог оспорить даже сам премьер. “Мои адвокаты проинформировали меня, что этот закон может быть применен к одному из тех многих надуманных судебных дел, мишенью которых крайне левые судьи сделали — в политических целях — меня”, — заявил Берлускони. Анжелино Альфано, его министр юстиции, высказался еще откровеннее: “С блеском победив на выборах, Сильвио Берлускони заслуживает возможности спокойно руководить правительством. А страна нуждается в правительстве”. Почти вся страна наблюдала за происходящим с обреченностью или невозмутимостью — либо же считала, что Берлускони заслужил награду. Пакт работал в полную силу.

Трудно отрицать, что Берлускони популярен. Спустя два дня после того, как Сенат — верхняя палата парламен-

та — одобрил законопроект об амнистии, я прогуливался по Пьяцца Венеция с Серджио Риццо, одним из самых известных итальянских писателей. Риццо указал на нескольких человек, собравшихся у большого здания. Группка состояла в основном из женщин и стариков, но казалась, что называется, срезом электората. Это были обычные избиратели, стремящиеся хоть одним глазком взглянуть на своего героя, Берлускони, отправляющегося из резиденции на работу. “Вы должны понять, что движет этими людьми, если хотите разобраться в сделке, на которую пошли итальянцы”, — сказал мне Риццо.

Риццо — автор книги, покорившей в 2007 году всю Италию. “Каста: как итальянские политики стали неприкасаемыми” выдержала за полгода 23 переиздания! Это выдающееся достижение для книги о политике. К настоящему времени в стране, где продажа 20 тысяч экземпляров книги делает ее бестселлером, уже продано более 1 миллиона экземпляров. Это обеспечило Риццо и его соавтору, Джанантонио Стелла, национальную известность. Книга описывает, как “корыстолюбивый и самовлюбленный политический класс стал кастой и покорило итальянское общество”. Этот класс “становится все более безразличным к общественному благу и голосу законной администрации, стремясь к самообогащению”. Все очевидно: каждый на всех уровнях общества замешан в этом, создавая правила, искажая правила и нарушая правила, чтобы обеспечить себе привилегии и деньги. В книге показано, как городки и деревни занимаются приписками, чтобы увеличить дотации и свести к минимуму налог, который они должны возвращать центру. В книге указано число — около 70 — государственных организаций, с которыми приходится иметь дело открывающимся компаниям. Это 70 групп людей, которым нужно дать взятки.

“Берлускони воплощает чаяния итальянцев. Каждый хочет выиграть в лотерею, — говорит Риццо. — Ему удастся получить то, что нужно, заботясь о тех, кто его окружает”. Президент — номинальный руководитель, теоретически ответственный за все, имеет в своем распоряжении 900 штатных сотрудников. Авторы книги перечисляют привилегии почти тысячи членов двух палат парламента, из которых 700 имеют сопровождение и вооруженную охрану. В книге описано, как маленькие партии отказываются объединяться с более крупными, потому что каждая группа в парламенте получает обильное финансирование. С 1948 года итальянские депутаты почти в 6 раз подняли себе жалованье. Теперь они получают примерно вдвое больше по сравнению со своими английскими, французскими и немецкими коллегами. В распоряжении 180 тысяч людей, занимающих выборные должности, 574215 служебных автомобилей. В кортеже Берлускони — 13 автомобилей и 81 агент службы безопасности. В этом отношении итальянский премьер-министр уступает в мировой неофициальной иерархии только американскому президенту.

Было бы понятно, если бы итальянцы отрестились от своей политической системы и удалились в собственный замкнутый мирок, как мне это приходилось наблюдать у состоятельных индийцев, которые сталкивались с институциональной коррупцией непостижимого масштаба. Риццо указывает, однако, что явка на выборы в Италии составляет примерно 80 %, а это значительно выше среднего европейского показателя. Просто итальянцев — так же, как население других стран, — захватывает сам драматизм выборных кампаний, даже если избиратели, как, например, в Индии, приходят к заключению, что выбранные ими правительства слабо поддаются контролю.

Итак, если это — не антиполитика, то что это? Многие из тех, с кем я разговаривал, видят тут длительную тоску по сильному лидеру — или хотя бы, как в случае Берлускони, по его имитации. По словам Риццо, “авторитаризм постепенно проникает во многие страны, даже внутри ЕС. Власть передается по собственному желанию. Просто здесь все более явно”. Складывается впечатление, что ни один из итальянских институтов не способен или не хочет противостоять этой угрозе.

Одним из таких институтов является Ватикан. Около трети итальянских избирателей заявляют о своей принадлежности к католицизму. Опросы подтверждают, что подавляющее их большинство солидаризируется с Берлускони или его партнерами по правой коалиции. Пакт Берлускони со Святым престолом четко сформулирован, хотя не обошлось без определенных лагун, особенно в вопросах личной морали. Несмотря на настоятельные просьбы премьера, после развода с первой женой в 1985 году (на который он пошел, чтобы жениться на бывшей танцовщице) его не допустили к причастию. Дальнейшие многочисленные романы Берлускони с привлекательными молодыми женщинами заставили один из самых популярных в Италии католических журналов “Фамилия кристиана” пожаловаться на “непостоянство его моральных принципов”. Даже вторая жена Берлускони, Вероника Ларио, в мае 2009 публично объявила, что достаточно натерпелась от мужчины, который “связывается с несовершеннолетними”, и подала на развод.

У верхушки Ватикана было понимание того, что Берлускони должен добиться отражения в законе основополагающих взглядов церкви. Ватикан, в свою очередь, не должен был выражать недовольство нападками Берлускони на конституцию или демократию — точно так же, как Свя-

той престол не делал этого при Муссолини и в послевоенный период “Взятограда”, всепроникающей коррупции политической системы. Такое положение дел, названное одним бывшим парламентарием “клерикальной диктатурой”, стало очевидным в истории Элуаны Энгларо. Она находилась в устойчивом вегетативном состоянии после автомобильной катастрофы в 1992 году, и ее судьба стала поводом для столкновения по поводу эвтаназии. Ее отец добился в конце концов от Верховного суда разрешения удовлетворить желание семьи и позволить больной умереть. Под давлением Ватикана Берлускони принял указ, запрещающий врачам отключать системы жизнеобеспечения. Редкий случай демонстративного неповиновения — президент Джорджо Наполитано отказался подписать указ, назвав его антиконституционным. Берлускони заявил, что будет просить парламент принудить президента выйти в отставку. Энгларо умерла тремя днями позднее, но члены парламента позаботились о том, чтобы этот случай не повторился. Берлускони понял, что есть лишь одно решение: самому стать президентом.

Берлускони не просто угодил значительному большинству — оппозиция и сама находилась в замешательстве. Недавно созданная Вельтрони Демократическая партия была парализована неуверенностью. “Партия хороших людей”, как ее прозвали, продемонстрировала нежелание критиковать правящую коалицию. Это привело к учреждению новой партии “Италия ценностей” под руководством Антонио Ди Пьетро, бывшего прокурора из команды по борьбе с коррупцией “Чистые руки”. В январе 2009 года Ди Пьетро представил в высшую судебную инстанцию Италии ходатайство с миллионом подписей людей, протестующих против закона об иммунитете для высших чиновников. Это в два раза пре-

вышло число подписей, необходимых по закону для того, чтобы инициировать референдум. В то же время ряд оппозиционных деятелей по всей стране оказались вовлечены в местные политические скандалы. Доверие к самому Ди Пьетро было подорвано после того, как его сын оказался причастным к коррупционному расследованию в Неаполе. После стольких лет обвинений в коррупции Берлускони с трудом скрывал ликование. Он даже начал рассуждать о “вопросе морали” в политике. Он давал понять, что одной из его основных задач было ускорить “реформирование” судебной системы.

Чем сильнее проявлялся мировой финансовый кризис, тем более непринужденным казался Берлускони. Возможно, это было связано с тем, что итальянская экономика, которая развивалась гораздо медленнее, чем экономика других европейских стран, имела меньший потенциал падения. Может быть, это был шанс, предоставленный кризисом. Он использовал критическую ситуацию, чтобы представить себя в качестве сильного человека, необходимого для таких случаев, как этот. После встречи с европейскими лидерами по проблемам мировых финансов он до рассвета танцевал на дискотеке. Газета “Ла Република” процитировала его обращение к молодежи: “Если я посплю три часа, у меня хватит энергии, чтобы следующие три заниматься любовью. Я надеюсь, что когда вы доживете до семидесяти, вы будете в такой же хорошей форме, как я”. Он настаивал, что только государство может помочь стране выйти из опасной ситуации. В марте 2009 года Берлускони еще более упрочил свою власть, объединив “Национальный альянс” Джанфранко Фини с собственной партией. Берлускони назвал эту структуру “Народ свободы”. На учредительном съезде он был настоящей звездой шоу. Когда Берлускони вошел в зал,

шесть тысяч делегатов вскочили и устроили ему овацию, в то время как из динамиков звучала бетховенская “Ода к радости”, а следом — гимн его предвыборной кампании “Благодарение Господу за Сильвио”. Он заявил ликующей толпе: “Мы — партия итальянского народа. Мы — партия итальянцев, которые любят свободу и хотят остаться свободными”. И во многих отношениях он был прав. Вопрос только в определении свободы. В случае Берлускони это была свобода для отдельных людей зарабатывать на жизнь — все равно, каким образом, и подальше от взгляда любопытствующего государства. Как всегда, оппозиция оказалась не на высоте. Лидер Демократической партии, единственной теперь альтернативной политической силы, заявил, что основание новой партии “позитивно” сказалось на демократии.

Поглотив союзников, Берлускони дал понять, что не хочет, чтобы парламент ограничивал его амбиции. Приручив судебную систему и СМИ, он основательно закрепился на всех уровнях власти. Следующей затеей Берлускони (по примеру Путина, его доброго друга) стало приспособление под себя президентской власти.

Впрочем, это слишком легко — свалить всю вину за отступление демократии в Италии на одного человека. Если демократия понимается узко, как воля большинства, выраженная на свободных и честных выборах, то итальянцев можно было простить. А если считать, что демократия — это нечто большее, это участие общественности, общественный контроль и подотчетность, то Италию можно считать не слишком отличающейся от так называемых авторитарных стран, в которых мне довелось побывать. Все те учреждения, которые должны были контролировать политиков, в равной степени заслуживали осуждения. Риццо сказал мне:

Забудь про телевидение: оно потеряно давным-давно. Даже итальянские газеты очень близки к власти. Они не могут быть сторожевыми собаками. Мы критикуем наших политиков, но сами хотим таких же привилегий... Системная коррупция так глубока и всепроникающа, что больше не имеет значения, берет ли конкретный политик деньги на стороне (хотя большинство берет).

Период кампании “Чистые руки” в начале 90-х годов представлял итальянцам шанс порвать с прошлым: “Пятнадцать лет тому назад у нас был шанс оживить нашу политику. Мы им не воспользовались”.

Глава 7

Великобритания: под колпаком

Прежде Британия экспортировала текстиль, железо, сталь и поп-музыку. Сейчас она экспортирует оруэлловские методы контроля над массами.

Брендан О'Нил

— **П**риверженность британцев защите прав человека происходит из определенного понимания нашей истории, из осознания прав, выкованных в совместных битвах, и из веры в то, что свободное общество обеспечивает наилучшие перспективы для долговременной стабильности и роста.

Это было в марте 2009 года. Я сидел во втором ряду богато декорированного зала в Ланкастер-хаусе, видевшем торжественные и не очень торжественные события в истории дипломатии, и слушал министра иностранных дел Дэвида Милибэнда. Он начинал свой ежегодный доклад о соблюдении прав человека. Я сдержал возглас недоверия, когда он стал объяснять, каким образом Великобритания подала другим странам пример для подражания. Зная Милибэнда

в течение многих лет, я наблюдал за тем, как он, подобно другим своим коллегам, прислушивался к голосу совести, реагируя на те или иные действия правительства. Менее чем через час после выступления Милибэнда генеральный прокурор объявила, что она санкционировала расследование, которое должно ответить на вопрос о том, замешаны ли агенты МИ-5 в пытках заключенных на американской базе Гуантанамо. Адвокат Беньяма Мохаммеда, бывшего узника, который на начальном этапе дал признательные показания, заявил, что разбирательство может привести следствие к ведомству Милибэнда.

Все это было совсем не похоже на то, что происходило 12 лет назад. Страна готовилась к приходу Тони Блэра и нового лейбористского Камелота с почти ребяческим энтузиазмом. Я только что вернулся в Великобританию после того, как наблюдал вблизи крушение диктатур. Я присоединился к “лобби” — самой английской из институций, этой святой святых политической журналистики при Вестминстере — в надежде на то, что разворачивающиеся передо мной демократические процессы приведут меня в чувство. Еще до выборов 1997 года я достаточно понаблюдал за людьми из окружения Блэра и журналистами, которые должны были следить за их деятельностью, чтобы проникнуться скептицизмом в отношении какого бы то ни было прекрасного, нового и более свободного мира.

Послужной список консерваторов ужасал. Здесь было многое: от интернирования, бессмысленных попыток заткнуть на телевидении рот лидерам Шинн Фейн и стрельбы на поражение в Северной Ирландии — до политизации полиции, силами которой срывались забастовки, использования закона “О государственной тайне” и других мер для запугивания журналистов и препятствия расследовани-

ям. Во всем этом правительства Маргарет Тэтчер и Джона Мейджора продемонстрировали классический бесцеремонный подход к тем, кто, по мнению консерваторов, подрывал “британский образ жизни”.

Лейбористы поклялись, что будут другими. Они пришли к власти, пообещав возродить веру общества в демократию. Они должны были выполнить это обещание, восстановив “доверие” и проведя радикальные конституционные реформы для того, чтобы модернизировать Вестминстер и Уайтхолл*, сделать их более прозрачными и подотчетными. Автономия Шотландии, Уэльса и Лондона была расширена. Был принят закон “О свободе информации” — хотя и после существенной задержки и в сильно урезанном виде. Самое важное, что Европейская конвенция о правах человека была инкорпорирована в законодательство Соединенного Королевства, закрепив основные права в неписаной конституции Великобритании. Как же могло случиться, что администрациям Блэра и Гордона Брауна суждено было остаться самыми нетерпимыми в современной британской истории?

Здесь нет единого ответа, но есть много наводящей информации. Кое-какая из этой информации имеет узко политический характер. Блэр унаследовал пакет реформ от своего предшественника, и, разумеется, эти реформы были ему не по нраву. Зачем разбрасываться властью, если вы внезапно обзавелись ею в таком количестве? Уверенное доминирование в парламенте, подтвержденное в 1997 и 2001 годах, придало премьер-министру и его окружению спеси, которая ведет к падению и которая в наибольшей мере проявилась в отношении войны в Ираке и во внутренней политике. Кроме спеси, лейбористы отличались неуверенностью

* То есть правительство и парламент Великобритании. — *Прим. ред.*

в себе — менее заметной, но в равной степени разрушительной. В глубине души Блэр верил, что Британия — это консервативная страна, голосующая за консерваторов, и что он добился бы куда меньшего, если бы не потворствовал вкусам большинства, о которых ему рассказали специалисты по общественному мнению, а также некоторые газетные магнаты и издатели. Террористические атаки 11 сентября позволили Блэру проявить свои чувства, но вообще-то его авторитарная эволюция началась раньше. Вместе с техническими достижениями, такими как сбор биометрических данных, это дало сильнодействующую смесь.

В 2007 году, когда Блэр покинул пост, он оставил своему преемнику “государство надзора” (*surveillance state*), не имеющее аналогов в демократическом мире. Парламент утвердил 45 уголовных законов (больше, чем за все предыдущее столетие), предусматривающих более 3 тысяч новых составов преступления, например восхваление терроризма и возбуждение религиозной ненависти. Таким образом, на каждый рабочий день парламента за время премьерства Блэра пришлось два состава. Полномочия полиции и спецслужб в сфере ареста и задержания оказались расширены. Всем государственным учреждениям были предоставлены особые права на сбор информации, а от граждан стали требовать предоставления беспрецедентных сведений. Что касается зарубежных дел, то правительство тайно договорилось о транспортировке террористов, подозреваемых правительством США, в секретные тюрьмы по всему миру и предоставило рейсам “чрезвычайной выдачи” право на приземление в аэропортах Великобритании. Предписания о надзоре (*control orders*) применяются к людям, которые вроде бы представляют угрозу безопасности, но которых, однако, правительство не может преследовать в судебном по-

рядке: суды не принимают во внимание сведения, добытые путем прослушивания телефона или другими подобными способами. Предписания о пресечении антиобщественного поведения (*anti-social behaviour orders*) применяются к людям, чьи действия не были сами по себе незаконными (например, посещение ими части города, объявленной для них запретной, или разговор с определенными людьми, которые считаются опасными). Стандарт доказательства в этих случаях существенно ниже, чем при расследовании уголовного преступления. Правительство также попыталось вывести ряд категорий дел из юрисдикции суда присяжных, аргументируя это тем, что некоторые дела, например о крупном мошенничестве, слишком сложны для понимания обычных граждан.

Чем сильнее государство вмешивалось в жизнь граждан, тем труднее становилось убедить людей, что оно стремится сделать их жизнь безопаснее. Всякий раз, когда статистики отмечали рост преступности, в особенности рост насильственных преступлений, газеты позволяли себе паниковать. В тех же случаях, когда предлагаемые показатели преступности падали, газеты намекали на то, что министры фальсифицировали цифры. Тем не менее, хотя население и сомневалось в эффективности многих из перечисленных выше законов, результаты большинства опросов общественного мнения свидетельствовали о поддержке или молчаливом согласии с идеей не давать преступникам спуска (особенно тогда, когда людям не растолковывали смысл конкретных мер). Правозащитные группы, пытаясь обуздать чиновничье рвение, одержали всего одну-две примечательные победы — понимая при этом, что идут против общественного мнения.

Я никогда не отрицал важности роли государства в обеспечении на национальном или местном уровне справедли-

ности в обществе или безопасности на улицах. Время, проведенное мной в континентальной Европе, заставило меня по достоинству оценить коммунитарный дух, характерный для ряда стран. Социальная ответственность Германии 80-х годов выигрывает в сравнении со злонамеренной атмосферой Британии, о которой Маргарет Тэтчер как-то высказалась, что-де “нет такой вещи — общества”. В середине 90-х годов, когда лейбористы готовились взять власть, я, подобно многим, приветствовал отход от эгоистического индивидуализма. Я считал тогда, что нет проблемы в том, что люди предоставляют государству больше сведений о себе. Будучи в Германии и Испании, я носил с собой удостоверение личности, и ни разу ни у меня, ни у моих друзей не возникло даже мысли о том, чтобы поставить этот порядок под сомнение. Но несколько лет жизни при Блэре и ряде министров внутренних дел с авторитарными наклонностями заставили меня изменить свое мнение.

Символом стремления правительства к контролю и произволу стали сразу несколько инцидентов. Одним из наиболее впечатляющих был арест мирных демонстрантов за чтение вслух имен британских солдат, убитых в Ираке, у Кенотафа на улице Уайтхолл. Причиной послужило их “вторжение” в зону Вестминстерского дворца, в которой демонстрации запрещены. Затем последовал арест 15-летнего подростка за использование слова “кулы” в отношении Церкви саентологии во время демонстрации у лондонской штаб-квартиры этой организации. Позднее полиция публично предупредила, что “оскорбление” саентологии отныне будет считаться преступлением. Но самый чудовищный случай, за которым, помнится, я наблюдал в полнейшем изумлении, произошел в 2005 году на съезде Лейбористской партии. Тогда 82-летнего Уолтера Вольфганга скрутили

и вытащили из зала за его выкрики: “Чепуха!” во время речи министра иностранных дел Джека Стро. Полиция оправдывала свои действия пресловутым пунктом закона “О предупреждении терроризма”, который дает ей право проверять любого на территориях, признанных уязвимыми для террористических актов. Вольфганг, член коалиции “Остановите войну”, бежал из нацистской Германии в 1937 году.

Один эпизод насторожил меня сильнее прочих, дав представление о масштабе изменений в британском обществе. Будучи редактором журнала “Нью стейтсмен”, я считал своей задачей делать все, что в моих силах, чтобы привлечь власть к ответу. Я хотел сосредоточиться на исследовательской журналистике — уходящем искусстве в британской журналистике. В сентябре 2006 года я попросил Брендана О’Нила, журналиста с левыми взглядами, сделать репортаж об использовании в Великобритании систем охранного телевидения (CCTV), проникнув на одну из станций наблюдения. Об этом много говорили, но прежде я не читал ничего определенного о том, как это работает и насколько распространена подобная практика. То, что удалось узнать О’Нилу, поразило меня.

Я сделал эту статью, озаглавленную “Следит за тобой и за мной”^{*}, центральным материалом номера. В своем репортаже О’Нил рассказал о центре управления системой охранного телевидения в районе Вестминстер. Журналисту с удовольствием позволили посетить это место. О’Нила встретил официальный сопровождающий. Они вошли в “темное и сырое складское помещение”, а затем спустились в лифте на два этажа.

* Парафраз слов из песни Уильяма Хьюза и Итона *Watching you, watching me.* — Прим. пер.

Мы идем подземными бетонными коридорами, мимо мусорных контейнеров промышленных размеров, источающих запахи гниющего дерева, к новой деревянной двери, которая в этом антураже канализационного коллектора кажется чужеродной. Мой сопровождающий набирает код, и мы проходим внутрь. Там еще одна дверь. Мы ждем, пока первая, позади нас, не закроется, и проходим через вторую. Я с трудом мог поверить тому, что открылось моему взору. Я оказался внутри чего-то, похожего на шпионский бункер. Глубоко под “Трокадеро”*, где ничего не подозревающие туристы сосредоточенно разглядывают карту города за кофе в “Старбакс”, а скучающие тинэйджеры играют на автоматах, находится удивительный центр управления системой охранного телевидения. Отсюда мужчины и женщины в деловых костюмах наблюдают на больших экранах за улицами Лондона в режиме реального времени.

Данная станция наблюдения управляет 160 камерами. Это происходит 24 часа в сутки, 365 дней в году. О’Нил пишет:

После своего ввода в строй в 2002 году этот пункт управления зафиксировал 24 тысячи “происшествий”: от “низкого уровня” (нанесения граффити, выбрасывания мусора в неполюженном месте и случаев, когда кто-то мочился на улице) до “высокого” — ограблений, сбыта наркотиков и проституции. Он принял также 5 тысяч посетителей более чем из 30 стран, правительства или полиция которых надеются внедрить аналогичные системы... Прежде Британия экспортировала текстиль, железо, сталь и поп-музыку. Сейчас она экспортирует оруэлловские методы контроля над массами.

* Торгово-развлекательный комплекс на Шефтсбери-авеню в Лондоне. — *Прим. ред.*

Сотрудники объяснили О'Нилу, как следить за людьми. Он нажал кнопку “Лестер-сквер”: “Внезапно передо мной предстал отличный вид на площадь с высоты птичьего полета — с прогуливающимися влюбленными и спешащими пешеходами”. Камера приблизила изображение.

Я получил увеличенное изображение с удивительно высоким разрешением. Молодые мужчина и женщина ведут душевную беседу. Возможно, студенты или, может быть, французские туристы: она — в очень модном алом жилете, он — в белой рубашке. Было неприятно наблюдать за ними из этого подземного бункера, расположенного в нескольких улицах от них.

Напоследок автор привел следующую статистику: в Великобритании около 5 миллионов камер охранного телевидения (по одной на каждых 12 граждан), или 20 % от общего числа камер на планете. Если учесть, что Британия занимает всего 0,2 % пригодной для обитания территории Земли, это действительно является выдающимся достижением. Ежедневно за обычным жителем Лондона, занимающимся своими делами, могут следить 300 видеокамер. В других крупных городах, например, в Манчестере или Эдинбурге, этот показатель составляет от 5 до 100 камер в день. С тех пор техника ушла вперед, а масштаб ее применения увеличился.

Перечитывая эту статью спустя несколько лет, я поражаюсь, насколько устаревшим кажется ее тон. Возможно, я был несколько наивен. Если так, то теперь я другой. За прошедший период Британия вполне примирилась с камерами и даже стала от них зависеть. Сторонники слезки выдвинули несколько аргументов. Один из них таков: бедные являются наиболее вероятными жертвами уличной преступности, поэтому если вы верите в социальную справедливость, у вас

не должно быть возражений. Другой аргумент гласит: “Ведь вы хотите, чтобы ваша дочь безопасно добиралась домой из школы?” Конечно, да, хочу, но означает ли это, что мы нуждаемся в таких системах? Снова и снова лейбористские министры цитируют опросы общественного мнения и исследования, которые свидетельствуют не только об общественной поддержке, но и об общественном запросе на такую слежку.

Два случая видеосъемки изменили в Британии отношения между свободой, надзором и безопасностью. Сделанное 12 февраля 1993 года в 15.39 и позднее транслировавшееся по всей стране зернистое изображение, полученное системой охранного телевидения, демонстрировало доверчивого малыша, который за руку с незнакомцем выходил из ливерпульского торгового центра. Через день двухлетний Джеймс Булгер был найден забитым до смерти на железнодорожных путях. Седьмого июля 2005 года в 7.21 камера № 14 на вокзале в Лутоне запечатлела четырех молодых террористов, которые выглядели пугающе невозмутимыми, готовясь взорвать себя и 50 лондонцев в придачу.

В первом случае камера не предотвратила преступление, но сделанные ею далекие от совершенства кадры помогли полиции найти двух 11-летних мальчиков, которых позднее осудили за убийство (и которые после освобождения из заключения были вынуждены поменять удостоверения личности из опасения мести). Во втором случае полученные изображения никак не повлияли на совершение преступления. Но с помощью их широкого распространения правительство довело до всеобщего сведения, что в борьбе с терроризмом оно не остановится ни перед чем. “Пусть ни у кого не останется и тени сомнения: правила игры меняются”, — заявил Тони Блэр.

По наблюдению “Вашингтон пост”, Британия превратилась “в первое в мире ‘общество надзора’”. Системы охранного телевидения впервые в Великобритании появились в магазинах. В 70-е годы их начали устанавливать и в общественных местах, например в лондонском метро, поездах и автобусах. Камеры, стационарные и мобильные, долго использовались для наблюдения за акциями протеста и очагами напряженности, например за футбольными играми. Технология совершенствовалась. Сегодня большинство камер имеют функцию автоматического распознавания номерных знаков, идентификации лиц людей и даже определения признаков подозрительного поведения. В 2003 году была представлена компьютерная программа, названная интеллектуальной системой наблюдения за пешеходами (*intelligence pedestrian surveillance*). Она анализирует кластеры и движение пикселей в материале, отснятом системами охранного телевидения, и ищет признаки необычного поведения. Британские ученые, поддержанные Министерством обороны и правительственным грантом в 500 тысяч ф. ст., разработали камеры с “распознаванием походки”. Целью является различение странного или подозрительного передвижения людей и предупреждение об этом оператора-человека.

В сентябре 2006 года Мидлсбро стал первым городом, в котором была опробована “говорящая” система охранного телевидения. Камеры были снабжены громкоговорителями и круглосуточно контролировались представителями местного совета. Эти камеры отдавали указания, если фиксировали, как кто-то выбрасывает мусор или совершает другие антиобщественные поступки. Если нарушители подчинялись, предполагалось, что оператор должен был произнести: “Благодарю”. В противном случае можно было предупредить полицию и использовать запись как доказательство в суде.

Правительство осталось настолько довольным этим опытом, что в следующем году система была опробована еще в 20 городах. Чтобы не позволить перешеголять себя, в мае 2007 года полиция графства Мерсисайд опробовала новейшее средство для пресечения антиобщественного поведения: “Майкродрон” (*Microdrone*), небольшой радиоуправляемый вертолет с автономным питанием, снабженный видеокамерой и громкоговорителем. Он настолько тихий, что может оставаться незамеченным на высоте 100 метров. По уверениям изготовителя, это надежное устройство может вернуться на базу, даже если лишится двух из четырех пропеллеров. Одной из необычных особенностей “Майкродрона” является наличие громкоговорителя, который позволяет полиции отдавать приказы тем, кто внизу. В оруэлловском романе “1984” Уинстона Смита особенно раздражало в вездесущем телекране то, что он не только наблюдал, но и говорил.

Важной ранней мерой, предпринятой правительством, был закон “О полномочиях следственных органов” (2000 г.). Принятие этой хартии прав шпииков предшествовало террористическим атакам 11 сентября. Положения этого закона, призванного вооружить полицию и спецслужбы для борьбы с преступностью и терроризмом, можно трактовать настолько широко, что сотни государственных органов приобрели дополнительные полномочия, из которых их поощряли извлекать выгоду. К 2008 году ежедневно происходило более тысячи операций перехвата информации. Разрешение вести перехват данных получили более 600 учреждений (три четверти из них — муниципальные советы).

Ежегодный доклад Уполномоченного по вопросам перехвата сообщений за 2006 год содержал леденящие душу факты. Я цитировал этот документ в передовице в “Нью стейтсмен”. В докладе отмечалось, что всего за девять ме-

сяцев было сделано более 250 тысяч запросов о перехвате частных сообщений, и большая часть их была одобрена. Правом сунуть нос в чужие дела воспользовались не только подразделения правительства (в том числе МИД, МВД, Министерство обороны и аппарат первого министра Шотландии), но и другие органы, такие как налоговая и таможенная службы, разведка, все 52 подразделения полиции и даже служба пожарной охраны. Уполномоченный, сэр Пол Кеннеди, с симпатией отнесся к назойливому любопытству государства. Он приветствовал “добросовестность, самоотверженность и энтузиазм”, проявленные людьми, прослушивающими телефонные переговоры и тайно подключающимися к компьютерам, хотя и отмечал, что тысяча операций по тайному наблюдению в этом году были проведены не на должном уровне. Он объяснил это главным образом административными просчетами. Можно только догадываться, что это были за интереснейшие переговоры. Кеннеди намекнул, что среди выслеженных преступников были “неконтролируемые биржевые маклеры, те, кто выбрасывает крупногабаритные вещи вне свалок, и мошенники”. Уполномоченный также выразил абсолютную уверенность в том, что были успешно предотвращены убийства, а также пресечена деятельность группировок наркоторговцев, торговцев людьми, “террористических и экстремистских организаций” и предупреждены серьезные насильственные преступления. Добавим к этому следующую статистику: в этот период было выдано более 10 тысяч разрешений на вторжение в частное жилище. Правительственная проверка показала, что было предоставлено 1043 разрешения на проникновение, в том числе с целью удостовериться, что не имели место случаи незаконного гипноза, а также что ограда жилища не слишком высока.

К этому моменту даже у профессионалов, работающих в самом сердце системы госбезопасности, появились сомнения. Назначенный правительством Уполномоченный по вопросам защиты информации Ричард Томас предостерег, что избыток информации в руках государства связан с опасностью превращения во “вредную привычку”. В своем докладе за 2008 год Томас отметил:

Так же, как терроризм и другие угрозы нашей национальной безопасности напоминают нам, что приватность и защита данных не могут быть абсолютными правами, так и борьба против этих зол не должна попираť наши свободы. Порой наилучшие намерения несут в себе скрытые угрозы. В этих случаях свобода не оценивается должным образом, а потом становится слишком поздно.

Томас с ходу отклонил планы создания правительственной базы данных для хранения записей телефонных переговоров и электронной почты всего населения с помощью подключения “в реальном времени”:

Хотим ли мы того, чтобы полиция, спецслужбы и другие государственные органы получали доступ ко все большему числу аспектов нашей частной жизни? Любая такая схема потребовала бы всестороннего публичного обсуждения того, не приведет ли это (каковы бы ни были преимущества такой меры) к избыточному надзору. Это стало бы шагом, очень далеко уводящим нас от британского образа жизни.

“Программа модернизации перехвата” разрабатывалась МИ-6 и Центром правительственной связи в Челтнеме. Запрашиваемый бюджет и сами масштабы проекта поража-

ют. Только в 2007 году в Великобритании было отправлено 57 миллиардов текстовых сообщений (тысяча на душу населения) — по сравнению с 1 миллиардом в 1999 году. Число широкополосных интернет-соединений выросло с 330 тысяч в 2001 году до 18 миллионов. Каждый день по электронной почте отправляется примерно 3 миллиарда сообщений, то есть 35 тысяч сообщений в секунду.

Томас заявил, что не знает о подобной базе данных в какой-либо другой стране. До этого момента полиция и разведслужбы могли запрашивать у телекоммуникационных провайдеров информацию о телефонных звонках, посланных текстовых сообщениях и посещенных сайтах. Провайдер мог сделать запрос, который мог затем попасть к уполномоченному по вопросам перехвата сообщений и другому контролеру, но, согласно новым предложениям, это право должно быть отменено. “Мы должны держаться и говорить, что это наши фундаментальные права и свободы, что должны быть установлены границы, а для этого необходимо широкое демократическое обсуждение”, — настаивал Томас. После более чем шести лет борьбы с наступлением на права он ушел в отставку.

Незаметно и с минимальным обсуждением Великобритании собрала самую большую из известных национальных баз данных ДНК. К началу 2009 года она якобы содержала информацию более чем о 5 миллионах (из 60 миллионов) граждан, в том числе о трети всех темнокожих британцев. Сейчас собираются сведения о каждом, кто подвергся аресту. При этом подразумевается, что многие фигуранты никогда не были обвинены в каком-либо преступлении. Новые записи добавляются каждые 45 секунд, то есть по 2 тысячи в день, по 700 тысяч в год. Правительство, поддерживаемое МВД, предполагает, что эта схема должна

стать универсальной, что должны быть собраны сведения о каждом гражданине. Неудовлетворенное ростом объема данных, оно предложило разрешить полиции брать ДНК у любого остановленного, включая водителей, обвиненных в превышении скорости, тех, кто мусорит на улицах, и людей, не использующих ремни безопасности. В декабре 2008 года Европейский суд по правам человека постановил, что британское правительство нарушило право на неприкосновенность частной жизни, собирая генетические сведения о людях, которые не были признаны виновными в совершении преступлений. Правительство ответило, что удалит сведения, но сохранит образцы ДНК. Изобретатель метода “генетической дактилоскопии” сэр Алек Джеффрис заявил, что позиция правительства “почти лишила его дара речи”:

У меня по этому поводу есть серьезное беспокойство... Мой геном — это моя собственность, а не государственная. Я разрешу государству доступ к моему геному при совершенно определенных обстоятельствах. Это вопрос генетической конфиденциальности.

Другая база данных, получившая название “Контакт пойнт”, была создана для сбора сведений о каждом ребенке в Англии и Уэльсе, о его экзаменационных оценках, трудностях в семье и за ее пределами — чуть ли не обо всем. К моменту достижения ребенком совершеннолетия государство будет иметь полный доступ к его самой личной информации. Идея заключалась в том, чтобы дать возможность всем профессионалам, работающим с теми, кому нет восемнадцати, выяснить, кто еще контактировал с ними. Файлы, доступные 330 тысячам отобранных пользователей, включая полицейских и врачей, должны содержать имя ребенка, дату его ро-

ждения, адрес, название школы, сведения о враче и любом социальном работнике или должностном лице, осуществлявшем надзор за ним, а также имена и адреса его родителей. Нововведение имело серьезную подоплеку: публика пришла в ужас от нескольких резонансных дел, связанных с жестоким обращением с детьми, в особенности от убийства Виктории Климбье, приехавшей в Великобританию из Кот-д'Ивуара.

Проблемой для правительства было то, что общество посылало противоречивые сигналы. Проблемой для общества стала противоречивость сигналов СМИ: с одной стороны, медиа намекали, что британцы никогда не были в такой опасности, как сейчас; с другой стороны, они предупреждали об опасности полицейского государства, указывающего людям, что им делать, и карающего за непослушание. Для чиновников проблемой была не неразбериха, а догма. Они сводят спор о взаимоотношениях государства и личности к простой схеме, к игре с нулевой суммой, в которой вы можете быть либо бесхитростным либертарианцем, озабоченным правами личности, либо ответственным гражданином, который всегда настороже. После десятилетия правления Блэра и Брауна Лейбористская партия оказалась без заслуживающей доверия программы защиты прав человека. Для меня и мне подобных это стало одной из самых удручающих черт этого периода.

Спустя несколько недель после 11 сентября Дэвид Бланкетт, министр внутренних дел, предложил ввести национальные удостоверения личности. На самом деле лейбористы носились с этой идеей еще в 1997 году, когда только пришли к власти, а теперь просто подвернулся удобный случай. Бланкетт (возможно, наиболее нетерпимый в чреде нетерпимых чиновников) заявил, что удостоверения будут называться «правоустанавливающими документами»

и что людям следует платить за привилегию пользоваться ими. Он говорил об этом без иронии. Потребовалось некоторое время, чтобы эта идея материализовалась в конкретные мероприятия, и в 2003 году правительство под фанфары обнародовало планы введения удостоверений личности, возможно, более изощренных, чем имевшие хождение в любой другой стране. Чип внутри удостоверения должен был содержать до 50 параметров личной информации о гражданине. Законодательство давало министру внутренних дел право обойтись в данном случае без одобрения парламента. В течение первых нескольких лет казалось, что общественность с энтузиазмом поддерживает идею удостоверений, но опросы общественного мнения показывали, что поддержка ослабевает из-за растущих опасений по поводу утечки данных, а также роста расходов с 6 до 20 миллиардов ф. ст. Правительство подобрало аргументы, соответствующие требованиям момента. Удостоверения нужны, чтобы предотвратить, во-первых, мошенничество с пособиями, во-вторых, нелегальную иммиграцию (в то время она была высокой) и, в-третьих, терроризм. Чарльз Кларк, преемник Бланкетта, охарактеризовал этот закон как “серьезную меру, направленную на укрепление гражданских прав, поскольку он обеспечивает фундаментальную гражданскую свободу в нашем обществе: право быть свободным от преступных посягательств и страха”. Несмотря на активное противодействие Палаты лордов, законопроект в марте 2006 года был принят и вступил в силу в 2010 году. Консерваторы торжественно пообещали, что если они придут к власти, то остановят осуществление этих планов, хотя многие усомнились, что они и впрямь это сделают.

Споры об удостоверениях личности свидетельствуют о наличии более широкой проблемы. Меня всегда поражал

разрыв между действительностью и мнением политиков о состоянии британской демократии. Члены парламента называют Великобританию родиной парламентаризма. Редкие дебаты обходятся без упоминаний о Великой хартии вольностей, “Славной революции” и других великих исторических моментов. Евроскептики должны были бы изумиться доблестному индивидуализму британцев в сравнении со стадным чувством жителей континента. И все же трудно найти в самопровозглашенном демократическом мире страну, где в руках людей с такой незначительной поддержкой было бы больше власти. Глубину этого несоответствия оценил независимый орган “Исследование проблем власти” (*Power Inquiry*), учрежденный в 2004 году группой именитых общественных деятелей. Цель этой экспертной группы — выработка рекомендаций по вовлечению общества в политику. Опубликованные два года спустя выводы группы оказались суровыми: легитимность правительства подрывается системой голосования, явкой избирателей на выборы и много чем еще.

В 2005 году всеобщие выборы ясно продемонстрировали масштаб проблемы. Снова всего одна из крупных партий, Лейбористская, получила неограниченную власть, но уже при поддержке лишь 22 % от общего числа избирателей. Только половина избирателей дала себе труд опустить в урну бюллетень. На местных выборах показатели были еще хуже. Исследование наводит на мысль, что определение британской системы как “исполнительной демократии” (*executive democracy*) грешит неточностью. Более уместным было бы назвать ее “выборной диктатурой” (*elective dictatorship*). Руководитель этого исследования, адвокат, баронесса Хелена Кеннеди отметила, что “пруд”, из которого отбирали политических лидеров Британии, уменьшился до размеров

“лужи”, а выборы в Британии перестали быть репрезентативными:

Политика и бразды правления все чаще оказываются в руках привилегированных элит, как если бы демократия исчерпала себя... Слишком часто граждан уstraняют от принятия решений, их редко приглашают принять участие в делах и редко к ним прислушиваются.

В результате люди отворачиваются от голосования и участия в большой политике, концентрируясь на прямых действиях или на кампаниях, посвященных решению какой-либо одной проблемы. В окончательном докладе комиссии, который, как утверждалось, имел целью “спасение британской демократии от краха”, было сформулировано 30 ключевых рекомендаций. Правительство одобрило доклад, его обстоятельно, но недолго обсуждали. И оставили без последствий.

Низкая явка и ограниченные полномочия усугубляются нехваткой сдержек и противовесов. Парламент редко оказывается способен осуществлять серьезный контроль. Время от времени правительство проигрывает важное голосование. Дебаты публика и пресса фактически игнорируют, а парламентские комитеты, столь влиятельные в США, в Великобритании институционально и интеллектуально ограничены. Влияние парламента на другие государственные органы, особенно на спецслужбы, прискорбно слабо. По иронии, в последние несколько десятилетий два наименее демократических института в Британии выступали в роли наиболее ответственных стражей ее свобод: суды и неизбираемая Палата лордов.

По правде говоря, в Великобритании никогда не было Золотого века свободы. Все правительства Великобрита-

нии идут протоптанными тропами, а премьер-министры неизменно приходят в ужас от получаемых ежедневных сводок о государственной безопасности. Блэр и его министры пошли по стопам консерваторов, унаследовав от них пренебрежение к “званным ужинам”, участники которых зациклены на правах человека. Специалисты по изучению общественного мнения убедили их, что британская публика могла бы принять что угодно — от камер слежения до удостоверений личности, превентивного задержания и обыска, — только чтобы чувствовать себя в безопасности. Они полагали, что боятся только те, кому есть что скрывать. Если вы избегаете неприятностей, неприятности вам не грозят. Где я слышал это раньше? Ах да, в Сингапуре. Сингапурская модель экспортировалась повсеместно.

В каждой стране есть свой Пакт, определяющий соотношение свободы, безопасности и процветания. Блэр выразил свой подход в высшей степени обоснованным замечанием об “обществе с правилами, но без предрассудков”. Если оглянуться на то время и попросить указать область, где Блэр смог что-либо изменить к лучшему, это была бы социальная сфера. Британия стала, по крайней мере на бумаге, более толерантной. Было узаконено “гражданское партнерство” (*civil partnership*), то есть браки гомосексуалистов, и ужесточено наказание за дискриминацию по признаку расы, религии, пола, сексуальной ориентации и возраста. Блэр отграничил публичные права, которые могут служить предметом переговоров, от неприкосновенных прав личности. Британцы никогда не были свободнее в своем выборе образа жизни. В общественной же сфере — от поведения в местном парке до высказываний в СМИ и на демонстрациях — они были поставлены в самые что ни на есть жесткие рамки. Стоит переступить границу, и государство воспользуется

своими неограниченными полномочиями, чтобы вас поймать. Блэр подытожил свою мысль следующим образом: “Я верю в принцип ‘живи и давай жить другим’, но ваше поведение не должно ограничивать свободу других”. Однако кто определит это “ограничение”? К сожалению, это парламент, почти лишенный власти, правительство, почти не пользующееся поддержкой избирателей, и спецслужбы, почти никому не подотчетные.

Идея “выбора” интерпретировалась шире, чем выбор социальных норм. Как и прочие, чье становление пришлось на период гегемонии Тэтчер, Блэр считал фундаментальным правом людей возможность “выбирать” государственные услуги. Он считал, что государство, которое не позволяет людям выбирать школу или больницу, прибегает к еще одной форме принуждения. Это единственная сфера, в которую государству следовало бы вмешиваться как можно меньше. Он верил, что если люди в повседневной жизни “вольны” в принятии решений, они должны быть готовы доверить властям больший контроль над собой, например в том, что касается безопасности. Во время своего пребывания у власти Блэр мало чего добился в этом направлении. Его преемник не рассматривал “выбор” как панацею. Он скорее придерживался присущего левоцентристам взгляда на государство как на благодетеля, предоставляющего услуги обществу.

Заняв место Блэра, Гордон Браун намекнул, что намерен осторожнее обращаться с британскими конституционными нормами и гражданскими свободами. Он заверил, что покончит с “диванным” стилем правления своего предшественника, когда небольшая группа чиновников принимала решения без ведома парламента и правительства. В некоторой степени он действительно изменил процедуры. Но в части фундаментальных взаимоотношений государства с лично-

стью он продолжил линию Блэра. Правда, Браун не проявлял такого рвения, как его предшественник. В первые 48 часов своего пребывания в должности, когда ему пришлось решать проблемы, связанные с серией попыток террористических актов в Лондоне и Глазго, он отреагировал сдержанно. Тем не менее впоследствии каждый раз, когда Браун сталкивался с выбором между сдержанностью и “жестким” ответом преступникам, он выбирал второе. Блэр оставил ему в наследство аппарат госбезопасности Уайтхолла, который знал правила игры. Проблема усугубилась с разделением сфер компетенции в области уголовной юстиции и борьбы с терроризмом между старомодным МВД и новым Минюстом. Многие более рассудительные сотрудники перешли в Министерство юстиции, фактически оставив неопытного, но амбициозного нового министра внутренних дел Джеки Смит заложницей сторонников “жесткого курса”, которые перешли в ее ведомство непосредственно из спецслужб. Британское МВД, редко когда становившееся бастионом либерализма, теперь и вовсе стало напоминать министерство государственной безопасности. Смит понимала, что не в ее политических интересах противоречить этим экспертам. Она с удовольствием признавала это, заявляя, что на такой работе “приходится знакомиться с некоторыми пугающими документами”. Она говорила о возможности получения террористическими группами доступа к химическому, бактериологическому или ядерному оружию (так называемым “грязным бомбам”). Первоочередной приоритет, по заявлению Смит, это “свобода, которая вырастает из безопасности”. Все остальные права и свободы по определению подчинены этой.

В октябре 2007 года, спустя четыре месяца после своего вступления в должность, Гордон Браун изложил собствен-

ный подход к правам человека в речи о “свободе”. Он отверг критику авторитаризма лейбористов, заявив, что новая государственная власть была гарантом свободы и никак ей не угрожает. Браун подал тему в “явно британской интерпретации”, которая

предполагает свободу от предрассудков и самоуправства государственной власти, важность прав на неприкосновенность частной жизни, но которая отвергает эгоизм радикального либертарианства и требует, чтобы пространство индивидуальной свободы охватывало не только некоторых из нас, но всех нас... На мой взгляд, ключом к осуществлению этого трудного в известном отношении выбора, который соответствовал бы нашим традициям свободы, является испытание фундаментальных прав и свобод. Меры, предлагаемые правительством в любой сфере, не должны вести к произволу в отношении граждан и должны быть прозрачными и целесообразными. Также всегда требуются должная проверка и подотчетность парламенту и народу.

Это был классический отвлекающий маневр. Такие сдержки и противовесы, такая проверка были бы возможны, если бы парламент проявил себя защитником свобод. Проблема в том, что несколько важнейших изменений были введены административным путем, в обход парламента. В других случаях членам фракции лейбористов было дано указание голосовать в соответствии с партийной линией, а не исходя из существа дела.

Единственный раз, когда депутаты-лейбористы проявили характер, это ноябрь 2005 года, когда они нанесли Блэру единственное в его карьере парламентское поражение, отказавшись одобрить планы увеличения до трех месяцев

срока предварительного заключения. Правительство постепенно изменило срок древнего правила о доставлении в суд лица, содержащегося под стражей, с 24 часов до 14 дней и настаивало на дальнейшем продлении срока, так как после событий 11 сентября и 7 июля* якобы сложилась обстановка повышенной опасности, а также расширился доступ террористов к новым технологиям.

Сначала казалось, что Браун был не заинтересован в продолжении битвы. Но, подобно Блэру, он руководствовался двумя императивами: постоянными предостережениями руководителей служб безопасности, что ситуация “там” “ухудшилась”, и вечными рекомендациями специалистов по общественному мнению “разговаривать жестко”. Ему посоветовали добиваться увеличения срока предварительного заключения, но представить это как компромисс. Вместо желанных 90 дней и уже определенных законом 28 дней, чиновники произвольно выбрали число 42. Несмотря на свои лоббистские усилия, руководители полиции не смогли указать на хотя бы один случай, когда им требовалось дополнительное время. Но суть не в этом. Они обосновывали свои предложения тем, что когда-нибудь это может понадобиться, переиначивая принципы уголовного правосудия и отталкиваясь от неопределенной угрозы в будущем. Это был вариант линии “если бы вы только знали то, что знаю я”, выбранной Блэром в истории с недоказанным наличием у Ирака оружия массового поражения (позднее обнаружилось, что премьер-министр использовал дефицит информации, чтобы ввести в заблуждение парламент и общественность).

* Речь идет о терактах в Лондоне 7 июля 2005 года, когда четверо террористов-самоубийц произвели взрывы в общественном транспорте. Погибли 52 человека, около 700 были ранены. — *Прим. пер.*

Соотнося свободу с требованиями безопасности, правительство видело свою задачу не в минимизации риска, а в том, чтобы предстать защитником от любой его разновидности. Статистика свидетельствовала, что число жертв терроризма среди британского населения действительно уменьшилось. За десятилетие правления лейбористов террористы убили в Великобритании около 150 человек (87 в Северной Ирландии, почти всех остальных — во время лондонских терактов 2007 года). Это означало снижение на 88 % по сравнению с 80-ми годами. Тем не менее эксперты по безопасности и правительство полагали, что не было принято во внимание число террористических атак, которые могли произойти, но были сорваны. Некоторые из этих случаев получили известность, террористические группы были разгромлены, а их участники — осуждены. Однако во многих других случаях информация не была обнародована из опасения поставить под угрозу будущие разведывательные операции. Дискуссия сводилась к тому, чтобы попросить общество доверять политикам и службам безопасности, когда те предупреждают об опасности, и требовать дополнительные полномочия для устранения этой опасности. Однако после Ирака такой товар, как доверие, оказался в опасном дефиците.

Ряд руководителей органов уголовной юстиции, включая Элизу Маннингем-Буллер, в прошлом возглавлявшую МИ-5, и действующего генпрокурора сэра Кена Макдональда, объединились, чтобы противостоять плану в отношении 42 дней. Именно их упорная кампания, возможно, явилась первым явным признаком того, что общественные настроения могли измениться. В октябре 2008 года правительство с неохотой отказалось от увеличения срока. Успех в этой законодательной схватке стал веским подтверждением того, что закон

не должен приниматься исходя из неопределенных страхов в отношении неясного будущего. Граница была установлена.

Правительство может быть бесцеремонным, когда речь идет о чужих тайнах, однако ревностно относится к защите собственных. В последние месяцы своего пребывания в должности редактора “Нью стейтсмен” я столкнулся с такой ситуацией. Закон “О государственной тайне” является самым жестким из законодательных актов, регулирующих журналистские расследования. Проблема не в самом существовании такого закона (мало кто не согласится с тем, что интересы национальной безопасности необходимо защищать), а в том, как он сформулирован, как используется и как именно им злоупотребляют на протяжении десятилетий. Этот закон приняли столетие тому назад, но в 1989 году, во времена Тэтчер, он был ужесточен. Именно этот закон все правительства использовали как в интересах государственной безопасности, так и для ограждения себя от политических нападков.

В начале 2006 года Дерек Паскилл, чиновник из МИДа, в несколько приемов передал редакции “Нью стейтсмен” информацию о правительственном сближении с воинствующим исламом. Я не во всем соглашался с опасениями Паскилла, но был убежден, что обсуждение, которое он инициировал, представляет общественный интерес. У меня не было сомнений в том, что это следует опубликовать. Паскилл был обвинен в нарушении закона “О государственной тайне”. В течение года его изводили и допрашивали. На вежливое, но угрожающее послание МИДа с просьбой передать документы я ответил отказом. Я указал, что правительство уже изменило свою политику. Следовательно, нет оснований для привлечения его к ответственности, а само преследование затеяли лишь для того, чтобы

спасти шкуры бонз и министров (в частности Джека Стро, который прежде занимал пост министра иностранных дел, а к тому моменту стал министром юстиции). Мы решили защищать Паскилла до последнего. В течение всего расследования этого дела у меня было впечатление, что правительство стало настолько наглым и мстительным по отношению к любому человеку, пытающемуся добиться правды, что министры, чтобы добиться своего, способны применить все юридические уловки. Столкнувшись с запугиванием, мы попытались найти в этом деле слабое место. Я отправился на встречу один на один с моим старым другом Милибэндом. Когда мы сидели вдвоем в его богато отделанном кабинете (помещение было мне хорошо знакомо со времен моего общения с Робинотом Куком десятилетием раньше), я предложил ему разобраться в этом деле. Я предупредил, что на суде нам придется представить свидетельства, которые поставят в неловкое положение уважаемых людей в правительстве и в его окружении — и в особенности Стро. Это не было пустой угрозой. Мы действительно располагали подобными сведениями. В январе 2008 года, после первого же дня слушаний в Олд-Бейли*, дело было прекращено. Я сказал тогда:

Это эффектная, восхитительная победа в борьбе за свободу прессы в Соединенном Королевстве... Это было необоснованное и гнусное судебное преследование, особенно учитывая, что ряд министров с самого начала в частном порядке признавали, что информация, предоставленная нам Дерекотом Паскиллои, имела общественный интерес и в значительной степени способствовала изменению к лучшему правитель-

* Центральный уголовный суд Англии и Уэльса. — *Прим. пер.*

ственной политики в том, что касается “чрезвычайной выдачи” и радикального ислама.

Юристы заявили, что результат данного расследования должен затруднить подобные судебные преследования в будущем. Посмотрим.

В 2008 году я вступил в должность исполнительного директора “Индекс / Досье на цензуру” — ведущей в Великобритании организации, защищающей свободу выражения мнений. Это была еще одна ключевая область, в которой деятельность лейбористов оставляла желать много лучшего. Существовало три законодательных акта, имевших самые серьезные последствия: закон “О предупреждении терроризма” (2000 г.), закон “О предупреждении терроризма” (2006 г.), закон “О расовой и религиозной ненависти” (2006 г.) Эти акты ужесточили ответственность за высказывания и ввели понятие мыслепреступления. Они криминализировали призывы к насильственным действиям (даже озвученные в другой стране, даже направленные на изменение незаконного или недемократического режима). В то время как первые два закона были предназначены для борьбы с исламским экстремизмом, последний имел целью умиротворение мусульманской общины посредством предоставления исламу (и христианству) такой же государственной защиты, какой давно пользовались моноэтнические группы, например иудеи и сикхи. Поступив так, правительство шагнуло на минное поле, предлагая в качестве третейских судей себя, полицию и суды, чтобы судить и рядить обо всем — от газетных карикатур до театральных представлений на парламентские темы. В феврале 2009 года члену голландского парламента Герту Вилдерсу отказали во въезде в Великобританию. По приглашению члена Палаты лордов он намеревался

показать свой антиисламский фильм “Фитна”. Вилдерс был объявлен “угрозой национальным интересам, общественной безопасности и здоровью населения”. Правительственное решение стало предметом всеобщего осмеяния, обеспечив Вилдерсу, лидеру небольшой ультраправой Партии свободы, значительно большую популярность, чем он мог вообразить. При этом выяснилось, что его посещение Лондона всего несколькими неделями ранее осталось практически незамеченным. Вскоре правительство обнародовало перечень из 16 персон нон-грата, которым следует запретить въезд в страну.

Также людей призвали жаловаться, если кто-либо почувствовал себя оскорбленным. В феврале 2009 года был арестован высокопоставленный чиновник МИД Роуэн Лакстон — после того, как окружающие услышали от него нецензурную брань в адрес Израиля. Он выкрикивал ругательства, смотря по телевизору новости, во время упражнений на тренажере с беговой дорожкой в спортзале Лондонской школы бизнеса. Посетители спортзала попросили его прекратить браниться, но он этого не сделал, и тогда они известили полицию, обвинившую его в разжигании религиозной ненависти.

Однако не все нарушения гражданских свобод можно отнести на счет государства. Я все больше задумываюсь о том, в какой степени общественные организации прибегают к самоцензуре: не только СМИ, но и культурные институции. Общественные организации страны самоустраивались от обсуждения противоречивых тем. Возглавляя “круглые столы”, организованные Национальным советом по искусству, я с удивлением слушал, как директора театров и кураторы художественных галерей признавались, что избегают расовых и религиозных вопросов. Одни ссылались на советы полиции о возможных беспорядках, другие упоминали о на-

меках спонсоров или местных властей. Многие признавали право общин на защиту от посягательств. По разумению некоторых деятелей культуры, это право кажется превалирующим над свободой слова. Исследователь прав человека Кононр Джиэрти заметил:

На самом деле редакторы новостей, нервничающие сотрудники университетских кафедр информатики, ток-шоу на радио и продюсеры... считают, что есть закон, который запрещает им делать “это”, но они в точности не знают, что именно имеется в виду.

Его замечания напоминают о Сингапуре. Там рамки дозволенного намеренно обозначены нечетко, что заставляет журналистов и прочих полагаться на естественное человеческое стремление избегать неприятностей.

Постоянную угрозу свободе слова в Великобритании несут законы об ответственности за распространение клеветы, которые относятся к числу самых жестких в мире. Английский закон о клевете основан на анахронизме: презумпции у человека безупречной джентльменской репутации. Бремя доказывания, лежащее на ответчике, вкупе с очень высокими судебными издержками по искам за клевету сделали британские законы о клевете особенно привлекательными для истцов и необыкновенно опасными для журналистов и писателей. Богатые и влиятельные люди разыскивают любые упоминания о себе в публикациях в Великобритании — как в интернете, так и в печати. Затем они подают в британские суды иски о клевете, зная, что у них есть все условия для выигрыша. Судебные издержки настолько высоки, что мало кто способен себя защитить. Истцы затягивают дело на много месяцев, добиваясь, чтобы ответчики

остались без средств и попытались кончить дело миром, даже обладая железными доказательствами. Великобритания превратилась в мировой центр “клеветнического туризма”. Один влиятельный редактор национальной газеты заявил, что дирекция посоветовала ему не расстраивать российских олигархов или кого-либо еще, кто имеет возможность подорвать их финансовое положение.

Участившееся инициирование процессов о клевете оказало отрицательное влияние на свободу слова и журналистские расследования. Оно также помешало работе неправительственных организаций, которые долгое время опирались на конфиденциальные источники информации, когда рассказывали о деспотических режимах по всему миру. В настоящее время они тратят значительную часть бюджета на судебные расходы. Английский закон о клевете стал особым объектом критики Совета по правам человека ООН. Совет отметил, что этот закон служит для противодействия критике в СМИ по представляющим серьезный общественный интерес вопросам и отрицательно влияет на возможность для ученых и журналистов публиковать свои работы. После того как бизнесмен из Саудовской Аравии Халид ибн Махфуз подал иск о клевете в связи с утверждениями американской писательницы Рэйчел Эренфельд, сделанными в ее книге “Финансирование зла”, этот вопрос начали рассматривать в США как угрозу Первой поправке, гарантирующей свободу слова. Штат Нью-Йорк принял закон “О защите от иностранных исков о клевете” (*Libel Terrorism Protection Act*), получивший известность как “закон Рэйчел”, чтобы обезопасить американцев от исков, поданных в английские суды. Иллинойс и другие штаты сделали то же самое. В Вашингтоне группа конгрессменов

подготовила законопроект “О защите свободы слова”, стремясь обеспечить американцам аналогичную защиту в федеральных судах. Эта история нанесла удар по репутации британской правовой системы.

В конце 2008 года были предприняты первые организованные попытки разрешить эту проблему. Три рядовых члена парламента от трех основных партий собрали группу видных адвокатов, чтобы пресечь “клеветнический туризм”. В ходе обсуждения в парламенте депутат от лейбористов Деннис Макшейн назвал британские законы о клевете “международным позором” и “главной угрозой свободе распространения информации”. Он заявил, что адвокаты и судьи “сговаривались парализовать независимое мышление и остановить публикации о том, что вытворяют некоторые из богатейших и наиболее влиятельных людей в мире”. Среди прочих он назвал заслушанные в Лондоне дела, когда тунисец подал иск на дубайский телеканал, а Исландский банк — на датскую газету. Но, вообще говоря, британские правительство и парламентарии не выказали понимания. Напротив, их гораздо сильнее беспокоило нередкое вмешательство прессы в частную жизнь (обычное для непристойной, низкосортной светской журналистики), преднамеренно или случайно ставящее людей в затруднительное положение.

Учитывая позицию парламента, значительная часть бремени по привлечению правительства к ответственности легла на СМИ. Результат оказался противоречивым. Меня поразила стадность парламентских журналистов, заставляющая их следовать друг за другом и думать только о завтрашних заголовках. Такие вопросы, как состояние демократии, высмеивались и репортерами, и политиками. Накануне наступления нового тысячелетия я беседовал с коллегой, который только что оставил газетную работу, чтобы занять

должность правительственного пресс-секретаря. Это был один из тех периодов, когда Флит-стрит* увлекалась резкой критикой Блэра, и я спросил своего друга — грешника, вставшего на путь истинный, — как он себя чувствует, став сотрудником подвергающегося нападкам правительства. Он засмеялся. Оказалось, он был поражен, поняв, как мало репортеры, не говоря уже о публике, знали о том, что происходит в Уайтхолле: “Полагаю, тебе очень повезет, если найдешь хотя бы 1 % информации”.

В одном из своих последних выступлений в качестве премьер-министра Блэр назвал некоторых представителей СМИ “дикими зверями”. Он и его советники придерживались мнения, что проблема заключалась в избыточной критике, в неточности и безответственности. У него имелись убедительные аргументы в пользу двух последних соображений, но первое было абсолютно неверным. Британские журналисты — мастера покричать и повизжать, но в принципиальных случаях, как это было, например, при подготовке к войне в Ираке, печать, радио и ТВ зачастую принимают сторону правительства. Принципы манипулирования средствами массовой информации, разработанные ведущими специалистами “новых лейбористов” Алистером Кэмпбеллом и Питером Мандельсоном, построены на страхе перед медиа и ненависти к ним. Манипулирование оказалось успешным в краткосрочной перспективе, поскольку обеспечило более выгодное освещение событий. В долговременном же отношении оно принесло непоправимый вред свободе выражения в Великобритании. И все же я всегда с большей симпатией относился к чиновникам, а не к журналистам, жалующимся на то, что с ними грубо обращаются или вводят их в заблуждение.

* Улица, на которой расположены редакции главных лондонских СМИ. Синоним британской прессы. — *Прим. ред.*

Манипуляторы (*spin doctors*) могли преуспеть только в том случае, если им безнаказанно позволяли это делать. Проблема в том, что редакторы и их подчиненные имели доступ к ключевым фигурам в правительстве, только если работали на них. Это еще один пример недостойного компромисса.

Агрессивная кампания Кэмпбелла против Би-би-си по поводу Ирака не только повлекла за собой отставку гендиректора и председателя попечительского совета корпорации. Она породила нерешительность у журналистов. В 2005 году я опубликовал в “Нью стейтсмен” редакционную статью о том, что Би-би-си струсила и начала прогибаться перед властью. В заголовке я обыграл аббревиатуру, назвав статью “Сломлена, побеждена, запугана” (*Broken, beaten, cowed*). Гендиректор Би-би-си Марк Томпсон был так взбешен, что разослал десяткам тысяч своих сотрудников электронные письма, осуждающие эту статью. Однако он не привел свидетельств обратного, и я получил десятки посланий в мою поддержку от управляющих и журналистов. В последующие годы это поклонение власти усилилось. Я не столько радовался своей правоте, сколько чувствовал печаль, поскольку Би-би-си была одним из величайших символов здоровой общественной жизни.

Сейчас кризис в британских СМИ обострился. Интернет образовал новый канал для мгновенного распространения и оценки мнений. Он демократизировал распространение информации, не особенно улучшив ее качество. Постоянная, 24-часовая коммуникация требует от политиков и других общественных деятелей немедленной реакции на материалы о текущих событиях. Но вскоре повестка дня поменялась. Расследовательская журналистика нуждается во времени и деньгах, и в результате финансового кризиса и изменения приоритетов медиа она пострадала в наиболь-

шей степени. Пожалуй, можно насчитать не больше десятка серьезных журналистов.

Требование секретности в британской госслужбе таково, что нарушители правил, вроде контактировавшего со мной Дерек Паскилла, испытывают на себе всю тяжесть закона. События ноября 2008 года насторожили еще сильнее. Подразделение “управления специальных операций” столичной полиции ворвалось в офис и дом высокопоставленного политика — Дамиана Грина, отвечавшего в Консервативной партии за проблемы иммиграции. Грина арестовали и изъяли из офиса компьютеры и документы. Политик нарушил мудреный закон XVIII века, карающий за “должностные преступления”. Полицейские предупредили его, что он может быть подвергнут пожизненному тюремному заключению. Его проступок заключался в том, что, обладая инсайдерской правительственной информацией, он предал ее огласке. По утверждению полиции, операция проводилась по заявке высокопоставленного чиновника МВД, пытавшегося остановить утечки деликатной в политическом отношении информации. Национальная безопасность была ни при чем. Позиция премьер-министра, одоббившего эту акцию, выглядела парадоксально: в начале 90-х годов Браун сделал себе имя, допуская аналогичные утечки с целью подрыва позиций правящей Консервативной партии.

Спустя пять месяцев после ареста Грина прокуроры едва не признались, что эта полицейская акция была нацелена только на то, чтобы спасти шкуры министров. Главный прокурор Англии и Уэльса Кейр Стармер заявил, что в отношении Грина обвинения выдвинуты не будут:

Я пришел к заключению, что подвергнувшаяся утечке информация не была ни секретной, ни ставящей под угрозу нацио-

нальную безопасность. Во многих отношениях она не была конфиденциальной. Более того, часть опубликованных сведений, несомненно, относится к сфере законного общественного интереса.

В этой битве лейбористское правительство потерпело унижительное поражение. Но в частном порядке министры решили, что, несмотря на поражение, эта история была полезной. Причастный к утечкам человек был уволен из МВД, хотя никаких обвинений в его адрес не выдвинули. Госслужащие больше, чем когда-либо, будут бояться делать общественным достоянием сведения о нарушениях.

Угроза полноценному расследованию в нашей системе сейчас, возможно, даже выше, чем прежде. Газеты дают выход своему раздражению, но передают огласке лишь малую часть того, что происходит. Значительная часть британских журналистов спасовала перед угрозами государственных органов, закона о клевете и прочих нормативных актов. Репортеры жаловались, что редакторы и владельцы СМИ избегали сложных историй из страха перед “неприятностями”: но поступая так, некогда бесстрашная британская пресса лишь следует мировой тенденции.

Двадцать восьмого февраля 2009 года более тысячи человек посетили необычное собрание защитников гражданских прав. Делегаты конференции “Современная свобода” говорили не только о произошедших ухудшениях, но и о нормативном акте, тогда рассматриваемом парламентом. Последним шагом правительства оказался закон “О коронерах и уголовном судопроизводстве” (*Coroners and Justice Act*). Он должен был позволить правительству с помощью предписаний о совместном использовании данных обойти строгие правила, требовавшие, чтобы информация использовалась

только в целях, для которых она была предоставлена. Это должно было снять ограничения на обмен информации между правительственными учреждениями, что обеспечивало чиновникам возможность передавать большие объемы персональных данных отделам Уайтхолла и другим государственным органам. При этом происходит опасный процесс сбора и накопления данных.

Когда бы ни возникали такого рода опасения, правительство парировало критику, утверждая, что публика уже показала: ее это не беспокоит. В конце концов, люди охотно предоставляли разного рода информацию супермаркетам, провайдерам сети интернет, сайтам социальных сетей, авиакомпаниям и прочим. Казалось, люди вполне готовы к тому, что “Гугл” нанесет на карту улицы, на которых они живут. Границы между общественным и частным перекраивались, за чем правительство и граждане лишь наблюдали. Однако правительство редко когда видело свою роль в том, чтобы помочь обществу правильно сориентироваться в трудных проблемах приватности и конфиденциальности. Вместо этого оно использовало частные мнения граждан в качестве дымовой завесы, чтобы привести обсуждение к логическому завершению.

Одну из наиболее ярких идей подал государственный чиновник, ответственный за этот процесс. Сэр Дэвид Оманд, координатор Уайтхолла по разведке и безопасности, написал в документе для группы советников, разрабатывающих планы и проекты для правительства, о растущей необходимости осуществлять “добычу информации” (*data mining*). Это влечет за собой изучение данных о любом гражданине: записи его телефонных переговоров, электронной почты, счета за покупки, перемещения, отслеживаемые камерами опознавания автомобильных номерных знаков и система-

ми охранного телевидения. Все это вводится в гигантские компьютерные базы данных для анализа. По словам Оманда,

применение современных технологий сбора и обработки данных подразумевает проверку невиновных так же, как и подозреваемых, для идентификации представляющих интерес структур в целях дальнейшего расследования. Раскрытие секретов других людей должно подразумевать нарушение общепринятых моральных правил.

Его откровенность заслуживала всяческих похвал. В первый раз серьезная фигура во властных структурах напомнила нам о том, что для “предварительного” обеспечения безопасности с целью минимизации рисков, связанных с терроризмом и другими угрозами, публика должна понять и принять то, о чем предупреждал Блэр в 2005 году: правила игры изменились. Передвижения каждого, переговоры каждого, едва ли не образ мыслей каждого (определяемые с помощью поиска в интернете или другими способами) стали для властей законными источниками расследования.

Моральные вопросы, связанные с этими новыми мегабазами данных, были только частью проблемы. А как обстоит дело с профессионализмом тех, кто их обслуживает? Достоянием гласности стал ряд досадных случаев, когда правительственные департаменты и агентства допустили утечку конфиденциальной информации. В их число входил Департамент по налоговым и таможенным сборам, который умудрился потерять компьютерные накопители, содержащие 25 миллионов записей о пособиях на детей, и Министерство обороны, которое утратило 600 тысяч служебных документов. Исследование, проведенное авторитетной неправительственной организацией “Джозеф

Раунтри реформ траст”, показало, что из 50 основных правительственных баз данных менее 10 были “эффективными, соразмерными или необходимыми”, в то время как 10 нарушали закон о неприкосновенности частной жизни.

В конце концов, после продолжительной кампании, которая свела вместе такие разные группы, как Ассоциация лицензированных водителей такси, Королевский психиатрический колледж и Британская медицинская ассоциация, правительство уступило в отношении своих планов по распределению данных. Правозащитные группы отметили, что, как и в случае с планом 42-дневного задержания, авторитарные тенденции правительства время от времени можно сдерживать. Однако отдельные успехи были незначительными по сравнению с тенденцией.

От удостоверений личности и систем охранного телевидения до универсальной базы ДНК, от предварительного заключения до ограничений на выражение протеста и публикации — во всех этих случаях правительство пыталось изменить взаимоотношения между государством и гражданином. При этом оно прибегало к использованию технических новинок. Сопротивление общества было слабым. Эта проблема в Великобритании всегда занимала правых и левых в равной мере, но в случае конференции “Современная свобода” примечательным было то, как мало там присутствовало людей, связанных с Лейбористской партией. В этом выразился весь кризис либерализма в британском левом движении. В 1997 году в состав нового кабинета министров вошли несколько известных деятелей, например Робин Кук и Марджори Молэм, которые думали о подобных вещах. Однако им не дали развернуться, и на их место быстро пришли политиканы, тесно связанные с партийной

машиной, которые считали важнейшим показателем успеха “обеспечение” результатов. Вместо того чтобы стать центром политического проекта, гражданские свободы были вытеснены на периферию.

Лейбористские министры во вмешательстве государства ради общего блага видели только преимущество. Философские основания усиления государственной власти были заложены Иеремией Бентамом. Утилитаристский тезис о наибольшем счастье для наибольшего числа людей был переосмыслен британским правительством как наибольшая безопасность для наибольшего числа людей (любой ценой). Правые воспользовались этим аргументом и придали ему патриотическую, либертарианскую окраску, следуя примеру Джона Стюарта Милля, одного из своих идейных предшественников. Он писал:

Проявлять власть над членом цивилизованного общества против его воли допустимо только с целью предотвращения вреда другим.

Старейший автор, пишущий о либерализме, Полли Тойнби из “Гардиан” излагает свой взгляд:

Есть нравственная слепота в том, чтобы изливать в таком объеме праведный гнев по поводу возможного незначительного нарушения свободы, в то время как явное неравенство в значительной степени игнорируется. Это навязчивая идея среднего класса, по меньшей мере, той его части, которую удалось исследовать. Свобода получает приоритет над равенством, поскольку это может помочь снять обеспокоенность среднего класса. Существуют реальные угрозы некоторым гражданским свободам — заключение без суда, оправдание

пытках, — но системы охранного телевидения и удостоверения личности не входят в их число.

Конор Джиэрти считает конференцию сборищем дилетантов с правыми взглядами. Он утверждает, что системы охранного телевидения, базы ДНК и перехват информации в каналах связи являли собой допустимые методы обнаружения и предотвращения преступлений. Джиэрти писал:

Идея о том, что государство представляет собой ничем не оправданное посягательство на индивидуальную свободу, не прогрессивна. Этот род либертарианства работает на защиту привилегий, камуфлируя преимущества богатства персональной независимостью, индивидуальной свободой и “правом человека” на конфиденциальность... Вовсе не удивительно, что конференция “Современная свобода” имеет сильную поддержку тех, кто находится на правом крыле политики, тех политиканов, которые жаждут золотого века прав для богатых и обязанностей для всех остальных. Но левым или, по крайней мере, той их части, которая верит в растущую силу государства, нужно быть осторожнее, когда они присоединяются к хору несогласных.

Я категорически не согласен с Джиэрти в отношении благотворной природы слежки, практикуемой лейбористским правительством. Правда, я чувствую определенный дискомфорт, размышляя об аргументах, предъявляемых ультралибертарианцам теми, кто в зените правления Маргарет Тэтчер требовал от государства “оставить их в покое”. Идея состояла в том, чтобы снизить налоги и уменьшить вмешательство государства в жизнь людей. Тот факт, что прави-

тельства тори закончили тем, что стали такими же жесткими в отношении национальной безопасности, как и другие, замалчивался. Консерваторы под правами понимали права свободнорожденного англичанина. А как насчет иммигрантов и претендентов на статус беженца? Свобода от нужды, по Рузвельту, несомненно, так же важна, как свобода от незаконного вторжения. В любом случае это не игра с нулевой суммой. Лейбористское правительство могло бы быть более бескомпромиссным не только в случае гражданских свобод, но и социальной справедливости и перераспределения налогов. Так или иначе, но эти концепции не являются взаимоисключающими.

Это то, что выходит за пределы партийной политики и границы отдельного государства. Это суть Пакта. В течение десяти лет многие британцы — во всяком случае, колеблющиеся избиратели, чьи голоса необходимы для победы на выборах — наслаждались растущим благосостоянием, предаваясь своему любимому занятию: получению ссуд и трате денег. Один процент богатейшего населения радовался жизни, как никогда прежде. Блэр и Браун сопротивлялись всем попыткам применять к этим людям налоговые меры или регламентировать их деятельность. Критика эффективности, если не обсуждать моральную сторону такого подхода, оставалась без внимания. Невмешательство налогового управления было доведено до неприкосновенности. При этом правительство торжественно провозгласило, что не остановится ни перед чем (да, именно ни перед чем), чтобы обеспечить их безопасность. Как показали опросы, эта схема устроила все стороны. Мое замечание о Сингапуре, где государство обеспечивает “толику благополучной, спокойной жизни, а это есть лучшая заморозка для мозга”, можно было бы

легко отнести к Великобритании этого десятилетия, хотя и в несколько ином контексте.

Кризис 2008–2009 годов стал в той же степени политическим обвинительным актом, в каком и экономическим, особенно для англосаксонской модели *laissez-faire*. Жак Монен, французский журналист, живущий в Великобритании, связывает состояние свободы с консюмеризмом и политическим разотождествлением. Он пишет в своей книге “Крушение Великобритании”, что отсутствие энтузиазма или сильной идеологии “заморозило” (снова это слово!) политику:

Британцы не голосуют слишком много. Они не протестуют слишком много. Они не мечтают слишком много. Человека заменил потребитель, а гуманизм оказался подменен прагматизмом. Прагматизм в сегодняшней Британии — это все. Здесь вас активно поощряют разоблачить соседа за неуплату им дорожного налога, выбрасывание мусора или за то, что он необоснованно претендует на социальные льготы. Слежка с помощью систем охранного телевидения стала обычным делом. Есть местные советы, которые отслеживают своих налогоплательщиков, как если бы они были преступниками, и которые подвергают претендентов на льготы проверке на детекторе лжи. И в то время как МВД способно потерять персональные данные миллионов своих доверителей, оно же предлагает создать базу данных, содержащую информацию о каждом сделанном телефонном звонке, каждом посланном электронном сообщении и о каждом сайте, который посетил британский гражданин. Ничего из этого не было бы возможно во Франции. Там произошли бы массовые беспорядки.

Лишь изредка британцы оказываются достаточно рассерженными, чтобы мобилизоваться. В такие периоды под-

ход полиции становится более жестким в том, что касается розыска и пресечения демонстраций, подкупа активистов для получения информации или использования камер для слежки. Однако это использование техники дало обратный результат во время протестов в апреле 2009 года, когда проходил лондонский саммит Большой двадцатки, обсуждавший экономический кризис. Когда один человек умер на руках полицейских, первой реакцией полиции было переиначить это происшествие, чтобы снять с себя вину. Но всплыла и другая версия событий: снятый мобильными телефонами очевидцев материал был выложен на интернет-сайтах, а затем появился в основных СМИ. Эти видеоматериалы запечатлели полицейские злодеяния. Еще важнее то, что они навели граждан на мысль использовать технологию против государства — точно так же, как она использовалась государством против них.

Трагедия Британии заключается в том, что на протяжении последнего десятилетия она имела замечательную возможность соединить упор на социальную справедливость с борьбой за гражданские свободы. Как человек, ответственный за преследование преступников и террористов от имени государства, бывший главный прокурор Кен Макдональд лучше других подготовлен к тому, чтобы дать экспертное заключение. Он сопоставляет отношение государства к банкирам, которые поставили мировые финансы на колени, с его отношением к остальному населению. “Если вы грабите на улице и вас ловят, есть вероятность, что вы отправитесь в тюрьму. В последние годы, если вы отнимете у кого-то сбережения или пенсии, возможно, вы заработаете на яхту”, — написал он недавно в статье для “Таймс”. В Британии, по его словам, была система регулирования бизнеса, не учитывавшая должностные пре-

ступления, и система уголовного правосудия, которая была аукционом показательной жесткости:

Никто не любит террористов? Давайте примем ряд законов о терроре, и чем жестче, тем лучше. Давайте сажать опасных людей на все более длительный срок еще до того, как им будет предъявлено обвинение. Давайте сделаем вид, что объявление отвратительного персонажа вне закона сделает мир менее отвратительным. Благодаря этому зачастую создаются полезные газетные заголовки. Но это не сделало нашу страну (и любую другую страну) местом, где лучше или безопаснее жить. Это не соответствовало нашему образу жизни. Это привело нас к войне с терроризмом и не обеспечило нам комфортное и безопасное будущее.

К концу периода правления “новых лейбористов” под угрозой оказались не только гражданские свободы: репутация демократии оказалась весьма низкой. Общественность была одновременно напугана и заморожена размахом, с которым члены парламента в течение ряда лет мошенничали со своими расходами. Некоторые претензии — к примеру, касающиеся фиктивных вкладных — были чисто уголовного свойства. Другие, такие как допущение, что налогоплательщики должны платить за плавучие острова для уток и рвы для замков достопочтимых членов парламента, были столь же нелепыми, сколь и наглыми. Этот скандал привел к тому, что ряд парламентариев был вынужден вернуть деньги, полученные нечестным путем. Некоторым пришлось объявить, что они снимут свою кандидатуру на всеобщих выборах. Другие сделали это добровольно. В обстановке паники Браун заявил, что не только парламента изменит свой подход, но и сам он должен идти в авангарде “демократического обновления”.

Учитывая его послужной список и принимая во внимание его крайне низкие рейтинги, большинство относится к его новой страсти к реформам со смешанным чувством недоверия и презрения. Отвергая раз за разом избирательную реформу, лейбористское правительство сейчас рассматривает ее как средство улучшить свои шансы. На выборах в Европейский парламент в июне 2009 года лейбористы получили активную поддержку немногим более 5 % населения.

Итоговый оценочный лист выглядит уныло. И тем не менее большая часть выказываемого раздражения притворна. В течение всего этого времени Британия была привязана к Пакту. Трудно сказать, что людей одурачили. Блэр, Браун и их министры довольно откровенно заявляли о своих приоритетах. Демократия и гражданские свободы были товарами эластичного спроса. Задача правительства состояла в том, чтобы создать среду для формирования благосостояния и остановить тех, кто угрожал этому.

Глава 8

США: утраченные иллюзии

Есть разница между двумя утраченными свободами: той, о которой известно, что вы ее лишились, и той, об утрате которой никто не знает.

МАЙКЛ КАЗИН

Легко, особенно неамериканцам, высмеивать восемь лет правления Джорджа У. Буша. Легко осуждать его администрацию за ограничение гражданских свобод как у себя в стране, так и за ее пределами. Однако важнее понять, почему с этими ограничениями смирились не только те американцы, кто традиционно голосует за Республиканскую партию, но и многие другие.

Безусловно, события 11 сентября 2001 года позволяют дать объяснение, хотя отнюдь не исчерпывающее, тому, что соблюдение личных свобод перестало быть приоритетом американской политики. Компромисс между американскими правителями и народом после террористических атак являлся вполне обоснованным, несмотря на то, что он был

достигнут тогда, когда страна еще не оправилась от удара. Это решение принималось добровольно, при активном участии граждан, к которым Буш обратился с простым посланием: чтобы мы могли, как и раньше, жить в свободной стране, свободу необходимо ограничить. Оно созвучно с идеей Чуа Бэнхуа, социолога из Национального университета Сингапура: “Свободу делает возможной понимание того, где лежат ее границы”. Не существует, как бы этого ни хотелось западному обществу, четкого критерия, позволяющего разделить страны на авторитарные и демократические.

Сейчас многие американские политики, журналисты и рядовые граждане настаивают, что Буш ввел их в заблуждение. Они утверждают, что не подозревали о том, насколько их обманывают, рассказывая о войне в Ираке и последующих провалах. Они поняли, что принятые во имя демократизации решения оказались необдуманными и поспешными, лишь тогда, когда увидели фотографии иракцев, скованных, как животные, цепями в тюрьме “Абу-Грейб”. За исключением отдельных фанатиков и организаций, не имеющих серьезного влияния на политику, большинство американцев, пока еще не слишком поздно, хотело бы добиться пересмотра решений, которые были приняты от их имени.

Обвинив во всем Буша и неоконсерваторов из его окружения, вроде Дональда Рамсфелда и Дика Чейни, большая часть американских политиков не хочет нести ответственность за принятые решения. Три силы, которые должны были контролировать исполнительную власть (Конгресс, суды и СМИ), самоустранились, особенно во время первых четырех лет правления Буша. Нарушение принципа разделения властей и соблюдения личных свобод, положенных отцами-основателями в фундамент американской демокра-

тии, не встретило существенных возражений со стороны общества. Как это случилось?

Девяностые годы XX века были временем принятия важных решений. Отказавшись от любых компромиссов, Америка смогла добиться для своих граждан крайне выгодной ситуации: американцы или по крайней мере те из них, чьи голоса были учтены, наслаждались материальным комфортом и ощущением безопасности. Крушение коммунизма укрепило связь между западной либеральной демократией и западными свободными рынками, которые достигли вершины своего развития в Соединенных Штатах. Устойчивый рост экономики в годы правления Клинтона обеспечил не столько обезболивание (не было боли, которую бы нужно было заглушить), сколько ежедневную дозу чувства комфорта, безмятежное состояние блаженного безразличия. Культура удовлетворенности, как ее определил Дж. К. Гэлбрейт, стала нормой жизни с начала этого десятилетия.

Различные конфликты, происходящие по всему миру, непосредственно не затрагивали американское общество и его систему ценностей. Демократы пришли к власти в условиях небольшого давления внутри страны в пользу вмешательства на Балканах. Они не делали ничего для предотвращения геноцида в Руанде до тех пор, пока не стало понятно, что наступил настоящий кошмар. После этих эпизодов обозначился новый приоритет американской администрации в отношении защиты прав человека как инструмента внешней политики. Это способствовало сближению позиций американских правых (неоконсерваторов) с некоторыми левоцентристами в других странах. В теории это выглядело убедительно: Всеобщая декларация прав человека была непреложной и обладала верховенством над государственным суверенитетом. Правительства взяли на себя международные

обязательства подчинять внешнему контролю свои действия в области свободы прессы, независимости судебной системы, многопартийной демократии, гражданских прав человека и политики в отношении меньшинств. На нарушителей следует оказывать давление, и в случае крайней необходимости для того, чтобы обеспечить соблюдение этих норм, можно прибегнуть к использованию военной силы — все под флагом оказания гуманитарной помощи или долга защитить тех, кто в этом нуждается.

В январе 2001 года, когда Буш пришел к власти, он вызывал озабоченность у внешнеполитических партнеров не своей чрезмерной инициативностью, а возвращением к изоляционизму, который он обещал во время предвыборной кампании. В первые месяцы президентства он заявлял, что США не стремятся вмешиваться в мировые конфликты до тех пор, пока ничто не угрожает лидирующему положению страны. Буш разорвал ряд договорных обязательств (например, о сокращении вооружений), конвенции о химическом и биологическом оружии, свел на нет даже усилия по сокращению стрелкового оружия. США бойкотировали некоторые важнейшие инициативы по решению проблем мирового масштаба, от Киотского протокола об изменении климата до реформы ООН. Если не считать Сомали, США были единственной страной, которая не ратифицировала Конвенцию ООН о правах ребенка. Буш недвусмысленно дал понять, что США не заинтересованы в том, чтобы подвергать свои действия внешнему контролю. В этом отношении он лишь следовал примеру Клинтона, который в один из последних дней своего пребывания у власти подписал документ о признании юрисдикции Международного уголовного суда в Гааге, но рекомендовал Конгрессу не ратифицировать его. Таким образом, Буш придерживался двойного

стандарта: Америка оставила за собой право судить о свободе и чужой политике, но отказалась быть судимой другими.

В отличие от многих других наций, американцы не становились жертвами террористических актов у себя дома. Дерзость воздушных атак на Нью-Йорк и Пентагон, а также масштаб разрушений усугублялись осознанием того, что это произошло на американской земле. Чувство уязвимости и страха сохранялось довольно долго. Через неделю после событий 11 сентября в Конгресс и редакции нескольких СМИ пришли письма, содержащие споры сибирской язвы. Это привело к гибели пяти человек. Понадобилось время, чтобы установить преступника и его мотив. Чувство, что “произойти может все, что угодно”, усилилось в ноябре, когда самолет “Америкэн эрлайнс” рухнул в залив Джамайка-Бей в нью-йоркском районе Куинс. Все 260 человек на борту и еще пятеро на земле погибли. Хотя власти сделали заявление, что версия о теракте не подтвердилась, эта катастрофа способствовала распространению паники.

В эти ужасные недели после 11 сентября мировые лидеры, первым среди которых оказался Владимир Путин, выстроились в очередь, чтобы предложить Бушу помощь. Заявление Буша о том, что Соединенные Штаты находятся в состоянии войны, и его обещание сделать все, что потребуется, нашли отклик в стране и во всем мире. Полномочия, которыми располагали спецслужбы единственной мировой супердержавы, оказались, мягко говоря, недостаточными. Небольшая группа исламистов ввергла в смятение целую нацию. Америка, ее президент и государственные институты обнаружили свою слабость, которая ведет к унижению, а унижение — к неповиновению. Буш изменил стратегию. Он пересмотрел концепцию театра военных действий, объявив, что отныне он находится в самой стране, а не за ее

пределами. Это потребовало полной мобилизации ресурсов США и активной поддержки граждан. Ограничение свобод могло быть оправдано как законный шаг, направленный на укрепление национальной обороны. Некоторые из этих ограничений проявились весьма явно: например, были усилены меры безопасности в аэропортах и общественных зданиях. Другие шаги были незаметнее, и касались они сути политэкономии страны и структур ее общества. То, чему учили в школах и университетах, люди, которых выбирали, тексты, которые печатались, — все должно было рассматриваться через призму патриотизма и угрозы нации. Голливуд, попав под давление Белого дома, вынужден был начать съемку патриотических фильмов.

Двадцать шестого октября 2001 года обе палаты Конгресса приняли закон, который резко изменил баланс между гарантиями свободы и мерами безопасности в США. “Патриотический акт”^{*} был принят по существу без обсуждения. Большинство законодателей заявили впоследствии, что у них не было времени прочитать 342-страничный документ. Почти наверняка они не передумали бы, даже если бы прочитали документ. Настойчивые требования жесткого курса звучали настолько громко, что подавляющее большинство почти безропотно поддержало принятие закона. Закон дал властям право на административное задержание лиц, не имеющих американского гражданства, на неопределенный срок. Он дал новое определение инакомыслию, подразумевая, что противники “войны с терроризмом” не просто являются пособниками террористов, но и сами могут быть террористами. Между

* Полное название закона: “Акт 2001 года, сплачивающий и укрепляющий Америку обеспечением надлежащими орудиями, требуемыми для пресечения терроризма и воспрепятствования ему”. — *Прим. ред.*

сбором разведывательных данных, политической слежкой и обеспечением правопорядка намеренно не было установлено четких границ.

Буш использовал момент (так поступило бы большинство политиков в его положении), чтобы навязать свою программу действий. Его распоряжение о тайном надзоре за американскими гражданами было настолько секретным, что о нем не подозревали многие сотрудники ЦРУ и ФБР. Любые спецслужбы имели право запрашивать у интернет-провайдеров и финансовых учреждений персональные данные их клиентов без предварительного или последующего одобрения этих шагов судом. Подписка о неразглашении не позволяла кому бы то ни было рассказывать о том, что такие инструкции когда-либо давались. Журналистам из газеты «Нью-Йорк таймс» понадобилось три года, чтобы узнать об этих фактах. Когда же они получили достоверную информацию, им так не хотелось быть обвиненными в антиамериканской деятельности, что еще год они воздерживались от публикации.

Распространение влияния спецслужб на все сферы жизни общества оказалось важнее ограничения конкретных прав граждан: оно подтолкнуло к политическим репрессиям. Оппозиция в любой форме рассматривалась как направленная на срыв «военных действий». Недовольных изображали опасными элементами или предателями. Пример подал генпрокурор Джон Эшкрофт, который заявил, выступая в Сенате, что конституционные права могут быть использованы «как оружие для убийства американцев»:

Террористы используют нашу открытость в своих интересах... Мы ведем войну с врагом, который использует права личности во зло так же, как он использует авиалайнеры — как оружие,

которым он убивает американцев. Мы ответили пересмотром задач Министерства юстиции. Защита нашей страны и ее граждан от террористических атак — это сейчас наша первоочередная и важнейшая цель.

Возникли всякого рода непонятные группы, например “Американцы за победу над терроризмом”, которые покупали целые рекламные полосы в “Нью-Йорк таймс”, чтобы напугать сограждан внутренними и внешними угрозами. Линн Чейни, жена вице-президента, осудила ученых с либеральными и левыми взглядами как “слабое звено” в войне с терроризмом.

Только те, кто был безразличен к общественному мнению или неуязвим в отношении работы или карьеры, позволяли себе критиковать статус-кво. В мире часто указывают на Ноама Хомски как на пример свободы общественной дискуссии в американском обществе. Однако Хомски и подобные ему лишь доказывают ее слабость: это небольшая группа, которую с завидным постоянством поддерживает лишь горстка сторонников и чьи выступления редко привлекают внимание крупных СМИ. Но некоторые их слова получили широкий резонанс в обществе. Когда менее чем через две недели после 11 сентября Сюзан Зонтаг заявила в “Нью-Йоркере”, что они стали “следствием собственных американских альянсов и действий”, ее сочли “ненавистницей Америки”, “моральной идиоткой” и “предательницей”, заслуживающей изгнания в пустыню, чтобы никогда больше не слышать ее. Бывший мэр Нью-Йорка Эдвард Кох сказал, что Зонтаг должна “попасть в девятый круг ада за ее возмутительные нападки на Израиль”. Такого рода атаки являются частью того, что на военном жаргоне называется “демонстрационным эффектом”.

Реакция на события 11 сентября оказалась гораздо глубже, чем обсуждение только проблем безопасности. Она затрагивала весь политический дискурс. В течение нескольких предыдущих лет основными вопросами, оживлявшими политическую жизнь Америки, были глобализация и роль международных институтов в навязывании другим странам ультра-неолиберальной политики (“Вашингтонского консенсуса”). Бунты в Сиэтле в 1999 году и в Генуе в 2001 году стали наиболее заметными вехами общественной дискуссии о неравенстве и экономических моделях. Международные социальные форумы дали первое представление об альтернативных институтах. Сразу после терактов такое расхождение во мнениях стало рассматриваться как опасное. Журнал “Нью рипаблик” привлек внимание к этой тенденции, объявив, что любой, принимающий участие в акциях протеста против Международного валютного фонда и Всемирного банка (они планировались задолго до сентябрьских событий), “действует заодно с террористами”. Представители ряда известных неправительственных организаций не вышли на этот марш. По крайней мере в США эти движения были вынуждены занять более сдержанную позицию.

Законодательство явилось наиболее важным рычагом воздействия на изменение баланса между безопасностью и свободой. Но этот путь мог стать эффективным только лишь при активной поддержке общества. На журналистов, законодателей и судей, так же как и на всех американцев, оказала большое влияние атмосфера, сложившаяся в тот момент в обществе. Они отказались от критики, поскольку этого требовал от них патриотический долг. Многие либералы, желая того или нет, подписались под ограничениями свобод, о чем сообщила пресса. Всего через месяц после

заявления Эшкрофта Майкл Кинсли написал основополагающую статью о самоцензуре после 11 сентября:

Почти никто не возражает. Трудно возражать против ключевого утверждения, что виновники преступления, такого чудовищного, как нападение 11 сентября, — подходящие цели для американской военной и дипломатической мощи.

Но публикации в прессе превратились в “беспрецедентный поток патриотических разглагольствований и чепухи”:

Джон Эшкрофт может расслабиться, поскольку люди прислушивались к своему “внутреннему Эшкрофту”. Я совершенно в этом уверен, поскольку я — один из них. Как автор и редактор после 11 сентября я достаточно часто подвергаю себя и других цензуре. Под “цензурой” я имею в виду решение не писать или не публиковать какие-то вещи по причинам, отличным от моего суждения об их сути. По каким причинам? Иногда это было искреннее чувство, что обыкновенно уместное замечание неприемлемо в данный чрезвычайный момент. Иногда это уважение к читателям, которые могут считать по-другому, чем я. Но иногда это просто трусость.

Кинсли напомнил читателям о предупреждении, сделанном пресс-секретарем Буша Ари Флейшером. В ситуации “войны”, заявил Флейшер, американцам нужно “следить за тем, что они говорят”. Кинсли заключил: “Открывать рот — это не точная наука, и труднее делать это, если одновременно оглядываешься”.

Его наблюдения снова напомнили мне Сингапур. Американских журналистов, которые создают проблемы, не сбрасывают в лестничный пролет, как в России, не сажает

ют в тюрьму, как в Китае, и не донимают исками о клевете, как в Сингапуре. Но дилемма та же: зачем создавать проблемы, когда вы можете облегчить себе жизнь? Зачем создавать трудности, если вы понимаете, что плывете против течения или можете навлечь на себя обвинение в пособничестве террористам?

Одно из наиболее важных изменений во взаимоотношениях государства с гражданами происходило без достаточных разъяснений со стороны первого. Действительно, с самого начала было трудно получить информацию о масштабе задержаний подозреваемых в терроризме. В течение нескольких месяцев после событий 11 сентября полиция задержала по всей стране около 80 тысяч человек, в основном выходцев с Ближнего и Среднего Востока. Многие из них были “нелегалами” и работали на автозаправочных станциях, в компаниях, занимавшихся грузоперевозками, или в мелкой торговле. Местным жителям рекомендовали сообщать обо всех подозрительных, каковому совету они и последовали, сделав около 100 тысяч сообщений по телефону или через интернет-сайты. Понятие невиновности было отброшено. Основной целью было — любой ценой не дать подозреваемым уйти. Если в результате посадят невиновных, значит, так тому и быть. Понятие превентивного правосудия было сформулировано без прохождения каких-либо демократических или политических процедур. Но эти полицейские операции не привели ни к одному приговору по обвинению в терроризме.

Опытный радиопродюсер рассказала мне, что подготовила для крупной радиостанции документальную передачу о трудностях, с которыми столкнулись арабы и палестинцы в крупных американских городах в конце 2001 года. Она обнаружила, что несколько человек было

задержано без предъявления обвинений и что семьи этих людей не были извещены об их местонахождении. Когда с программой познакомились редакторы, их реакция оказалась крайне скептической. Так не бывает, сказали они. Когда же она представила доказательства, ее попросили отказаться в передаче от категоричных высказываний. Из страха вызвать отрицательную реакцию эту программу передали по местному вещанию, а не по общенациональному.

Желание репортеров и редакторов избегать проблем обострилось в период между атаками 11 сентября, “освобождением” Афганистана и подготовкой к войне с Ираком. Это не было исключительно американским явлением, но журналистика США лидировала в транслировании официальной лжи и оказалась неспособной должным образом призвать власти к ответственности. Тем не менее в стране нашлось много достойных исключений. “Нью-Йоркер” показал пример хлесткой, бесстрашной и вдумчивой журналистики. Не остались в стороне “Нэйшен”, “Нью-Йорк ревю оф букс”, обозреватели интернет-сайтов, а иногда и крупных газет.

Что касается “Нью-Йорк таймс”, то тексты Джудит Миллер об оружии массового поражения вызвали бурную дискуссию. Зимой 2001 года и весь 2002 год лауреат Пулицеровской премии публиковала серию привлекших всеобщее внимание материалов о военных амбициях Саддама. Обнаружилось, что основаны они были главным образом на недостоверной информации, предоставленной Ахмедом Чалаби, ведущей фигурой в оппозиционном Иракском национальном конгрессе, который поддерживал тесные политические и деловые связи с американскими неоконсерваторами. Статьи Миллер помогли задать тон большей части неверных сообщений, подготовивших эту войну. Впослед-

ствии “Нью-Йорк таймс” пыталась оправдаться, пробовала разобраться в том, что случилось, но тогда Миллер делала только то, что и другие: помогала правительству, снимая с него излишнее бремя доказывания, чтобы обосновать действия своей страны.

Журналисты и политики поддались на уговоры и подтасовку. Когда в Концепции национальной безопасности, подготовленной администрацией Буша в 2002 году, было заявлено, что “единственной устойчивой моделью национального благосостояния” является “свобода, демократия и свобода предпринимательства”, этот тенденциозный вывод вызвал мало возражений. Развязав себе руки, Буш использовал доклад о положении дел в стране, чтобы наметить “ось зла”: Ирак, Иран, Северная Корея. Он заявил, что его правительство сделало “все, что было в его силах”, чтобы защитить “свободу” на американской земле, и что теперь, “чего бы это ни стоило”, следует сделать то же самое для распространения “демократии” за ее пределами. Естественно, о тех странах, где американским интересам ничто не угрожало, речь не шла. О нарушениях прав человека в Саудовской Аравии, например, упоминали редко — как и о том, что в организации атак 11 сентября участвовало больше саудовцев, чем граждан любой другой страны. “Реальная политика” процветала, но ей не позволено было вторгаться в публичные выступления. В соответствии с мантрой Буша, народы “несвободных” стран, став “свободными” (насильно, если потребуются), должны принять демократию и благодарить своих освободителей. После того как избирателей по всему миру должным образом проинформируют у урны для голосования об имеющихся альтернативах, они должны в любом случае предпочесть “просвещенный” западный вариант. Неокон-

серваторы в качестве исходного положения своей политики приняли гегемонию Америки. Крах советской империи в 1989 году рассматривался как идеальное подтверждение доктрины правых, которая утверждала: все хотят жить в демократическом обществе со свободной рыночной экономикой. Политика поддержки европейских диссидентов-антисоветчиков с 80-х годов к 2003 году превратилась в насильственный экспорт демократии на Ближний и Средний Восток. Идеологов, которые взялись направлять Буша, нельзя было упрекнуть в отсутствии четкости или простоты. Была заимствована во многом лицемерная концепция гуманитарной интервенции, и снова возражений почти не прозвучало.

Во время вторжения в Ирак я на собственном опыте столкнулся с явлением сознательного легковерия. В марте 2003 года я провел некоторое время при Центральном командовании Вооруженных сил*, наблюдая за подачей новостей из зоны военных действий, — это было нужно для съемок документальной программы Би-би-си “Правда и ложь о войне” (*War Spin*). Сотни журналистов и их “попечителей” обосновались в замкнутом пространстве палатки в пустыне неподалеку от Дохи, столицы Катара. Стратегия американцев заключалась в том, чтобы сосредоточить внимание на видеоряде и “правильно” подать сообщение, пропустив информацию через Доху и Пентагон. Основной принцип состоял в том, чтобы обеспечить нужные телевизионные кадры, сопроводив их комментариями корреспондентов, прикомандированных к американским и английским частям в Ираке. Вне зависимости от своего профессионального

* Структура в Министерстве обороны США, отвечающая за планирование операций и управление американскими войсками на Ближнем и Среднем Востоке, в Восточной Африке и Центральной Азии. — *Прим. ред.*

статуса, эти “прикомандированные”, естественно, опасались восстанавливать против себя солдат, от которых буквально зависела их жизнь. На стратегию Пентагона оказывали влияние голливудские продюсеры кинобоевиков, в частности Джерри Брукхаймер, продюсер фильма “Падение ‘Черного ястреба’”. Он высказал свое мнение в интервью, прозвучавшем в нашем фильме:

Вы должны иметь определенные связи. Только тогда они вас подпустят. То, что эти люди делают там, эти мужчины и женщины, просто удивительно. Если вы сторонник нашей точки зрения — что мы достойны мира и что мы выступаем за сохранение человеческого достоинства, — тогда эти люди действительно рискуют, причем рискуют своими жизнями.

Мы обнаружили, что реалити-шоу было разыграно в реальном театре военных действий. Нам удалось выяснить, что одна из историй в ходе иракской кампании, представляющих большой “общественный интерес” — освобождение молодой военнослужащей Джессики Линч из лап злобных иракцев, — была в значительной степени сфальсифицирована. История захвата всеамериканской героини иракцами и ее освобождения отрядом специального назначения армии США стала одним из величайших патриотических эпизодов этого конфликта. Я писал тогда:

Это не могло произойти в другой, критический момент, когда шли разговоры о том, что коалиционные силы увязли, что до победы еще далеко. Ее освобождение запомнится как один из наиболее ошеломляющих новостных эпизодов, когда-либо специально разработанных. Оно обеспечивает исключительную возможность оценить действительное влияние

голливудских продюсеров на чинов Пентагона, ответственных за подачу новостей, и создает шаблон, по которому Америка надеется рассказывать о своих будущих войнах.

Репортеров разбудили посреди ночи, чтобы рассказать историю, которая должна была незамедлительно пополнить американский фольклор. Рядовая Линч, 19-летний клерк из городка Палестайн, штат Западная Виргиния, служила в 507-й роте тылового обеспечения. Совершив неправильный маневр около Эн-Насирии, ее подразделение попало в засаду. Девять сослуживцев Джессики Линч были убиты. Саму Джессику иракские солдаты отвезли в местную больницу, полную федаинов. Ее продержали там восемь дней. Эта информация не была опровергнута. Но Пентагон продолжал утверждать, что у Линч были колотые и пулевые ранения и что ее допрашивали. На самом деле ее лечили медики, которые заботились о ней и долгое время спустя после ухода федаинов. За два дня до того, как отряд специального назначения армии США (в сопровождении камер) атаковал здание больницы, чтобы “освободить” Линч, медики попытались на санитарной машине доставить ее к КПП, но американцы открыли огонь, так что те едва успели вновь укрыться в больнице. Американцы чуть не убили свой ценный улов. Эта информация, конечно, не попала в прессу, и когда в Вашингтоне я попросил разъяснений у представителя Пентагона по связям с общественностью Брайана Уитмена, он отказался продемонстрировать полную видеосъемку спасательной операции.

Мой фильм и статьи о нем на сайте Би-би-си, а также в “Гардиан” привлекли внимание международной общественности. Меня заинтриговал (не скажу, что очень удивил) тон некоторых американских СМИ, выступивших с опро-

вержениями. Мои утверждения в интервью, которые я дал Си-эн-эн и другим телеканалам, были встречены с недоверием. Мне сказали, что здесь — Америка. Что мы не манипулируем новостями (сама Линч, правда, вскоре подтвердила, что история ее “спасения” была сфабрикована Пентагоном). Эта Америка несколькими неделями позднее ликовала, когда Буш торжественно провозгласил, что в Ираке американская “миссия выполнена”.

Так же растеряны были некоторые американские читатели, когда в том же году в своей книге “Войны Блэра” я обнаружил тот факт, что Тони Блэр признал в апреле 2002, почти за год выхода книги в свет: он присоединился бы к американцам в этой войне, невзирая на обстоятельства. Другие журналисты в США и Великобритании пополняли коллекцию историй о том, что реально происходило до, во время и после войны, задолго до того, как общественность наконец признала, до какой степени она была одурачена.

Тем не менее еще долгое время спустя после того, как военная оккупация Ирака окончательно провалилась, американские военные, не желая ничего менять, продолжали прилагать все усилия для манипуляции информацией. Лишь немногие из более чем 4 тысяч военнослужащих США, погибших в Ираке, и 600 — в Афганистане упоминались в американских газетах и на ТВ. Сухие цифры объявлялись Министерством обороны и другими официальными интернет-сайтами, но изображения покрытых флагами гробов и пластиковых мешков для перевозки трупов считались слишком впечатляющими, чтобы их показывать. Администрация и Пентагон наложили строгий запрет на публикацию таких изображений или видеоматериалов. Пресс-секретарь Белого дома Скотт Макклеллан заявил, что это сделано, что-

бы “проявить уважение к тем, кто принес высшую жертву”. Этот запрет был назван “Довер-тестом” в честь авиабазы Довер, штат Делавэр, куда доставляют тела большинства погибших. Он применяется на территории США и в зоне военных действий. Почти все СМИ послушно повиновались этому запрету. Некоторые редакторы и управляющие объяснили это вкусами: зрителям и читателям не понравилось бы, если бы ужасы войны вторгались в их повседневную жизнь, даже если убитые или раненые были из того же городка, что и они. Однако вряд ли кто-либо из медиасообщества признался бы, что решающими были экономические причины: вид убитых американцев может расстроить читателей и отпугнуть рекламодателей. Наиболее убедительными доводами были прямая политика и страх. Когда в программе “Найтлайн” на канале “Эй-би-си ньюс” были показаны списки имен и фотографии всех военнослужащих США, убитых в Ираке, консервативные круги пришли в ярость и обвинили телекомпанию в подрыве боевого духа.

Факты самоцензуры и соглашательства периода правления Буша очень легко позволяют сделать неправильный вывод о специфически американском характере этих явлений. При аналогичных обстоятельствах ужесточение мер после 2001 года могло произойти в любой стране мира. Возможно, в США оно оказалось наиболее явным, но подобное имело место и в других странах. В какой степени это стало результатом сознательного компромисса между свободой и безопасностью? В какой степени люди были осведомлены о том, что делалось от их имени? Майкл Казин, эксперт

по общественным движениям из Джорджтаунского университета в Вашингтоне, рассказал мне:

Общество приняло за чистую монету то, что война с терроризмом может длиться десятилетиями. Люди приняли ограничение свободы передвижения после событий 11 сентября с удивительной легкостью... Большинство не знает положений “Патриотического акта”, например о том, что библиотеки обязаны предоставлять доступ к записям о читателях. Есть разница между двумя утраченными свободами: той, о которой известно, что вы ее лишились, и той, об утрате которой никто не знает.

О проблеме свободы в американской истории много писал Эрик Фонер. Он утверждает, что ее рамки сужались. Свободы тех, кто не имеет американского гражданства или сознательно избегает политического мейнстрима, реализуются не в полной мере. Американская история, отмечает Фонер, богата примерами, когда объектом ограничения свобод становились потенциально опасные граждане, например, этнические японцы, интернированные во время Второй мировой войны. И каждый раз в подобной ситуации правительство получало поддержку широких слоев общества. Фонер рассказал мне о забавном случае, произошедшем с ним во время недавнего посещения Международного музея шпионажа в Вашингтоне. Музей проводил интерактивный опрос с помощью компьютеров, расставленных в залах. Вопрос был следующий: имеет ли правительство право задерживать на неопределенное время людей, враждебно настроенных по отношению к Америке? Из 30 тысяч посетителей, зарегистрировавшихся на тот момент, примерно 60 % приняли сторону правительства. Фонер говорит:

В стране активно спорят о свободе, но рамки этого спора четко определены... Изучение американской истории после событий 11 сентября показывает, что наша приверженность свободе не так сильна, как нам хотелось бы думать... Из множества уроков американской истории этот, несомненно, один из наиболее важных: наши гражданские права и свободы — свобода слова, свобода критики правительства, равенство перед законом, контроль за деятельностью полиции — это не подарки, сделанные государством, которое может их забрать обратно, когда ему захочется.

И все же эти свободы отбирают снова и снова при очень сдержанном выражении подавляющим большинством недовольства. Такой компромисс ради безопасности не был на самом деле компромиссом. Предметом сделки стала свобода меньшинства (почти всегда — иностранцев), которой пожертвовали во имя всеобщего блага. Ценности теоретически могут быть универсальными, но на практике они касаются не всех членов общества. Большинство американских избирателей соглашались с этим очевидным противоречием, будучи уверены в том, что ни их самих, ни кого-либо из тех, кого они знают — благочестивых, законопослушных людей, — эти меры, скорее всего, не коснутся. Те, кого они коснулись, возможно, того заслуживали, а если не заслуживали, то это издержки военного времени.

Война с терроризмом была объявлена официально. Это была война без конца, неограниченный конфликт, и пленных можно было задерживать на неопределенно долгое время. Администрация Буша взяла на вооружение концепцию незаконных вражеских комбатантов (*enemy combatants*), не признанную международным гуманитарным правом. Таких людей ловили где угодно и перебрасывали по воздуху

так называемыми рейсами “чрезвычайной выдачи” на засекреченные базы, где информацию от заключенных дозволялось получать любыми доступными средствами. Гуантанамо стало одним из наиболее известных мест, где заключенных, одетых в оранжевые костюмы, держали в клетках под открытым небом. Действуя согласно инструкциям Вашингтона, командование базы Гуантанамо считало приемлемыми все виды пыток и принуждения — от “пытки водой” до более традиционных приемов.

Эти нарушения прав были осознанными и реализовывались с уверенностью в безнаказанности и идейным рвением исполнителями, которые верили, что власти были правы, а “плохие” должны страдать, чтобы Америка спала спокойно. Под знаком демократии насилие распространилось по всему миру в различных видах: от обычных методов ведения войны в Ираке и Афганистане до нелегальной “чрезвычайной выдачи” подозреваемых в терроризме и секретных лагерей для интернированных, где пытки рассматривались как законная мера. Опубликованные в 2004 году фотографии иракских узников — в капюшонах, обнаженных, помещенных в унизительные позы сексуального характера, затравленных собаками — стали эмблемами “войны страха”. Некоторые посчитали эти нарушения прав человека досадными, но исключительными инцидентами. “Кое-кто поступает плохо”, — объявил Дуглас Фейт, замминистра обороны и идеолог неоконсерваторов, пользовавшийся доверием администрации. Однако большую часть американцев это шокировало. Именно тогда опросы общественного мнения впервые зафиксировали рост недовольства иракской войной. Но мало кого это побудило к действиям. Не было демонстраций, сопоставимых с акциями протеста против войны во Вьетнаме.

Кори Робин, профессор политологии Бруклинского колледжа в Нью-Йорке, написал исчерпывающую работу о роли страха в политике. Он проанализировал американские законы и положения — и не только на федеральном уровне, — применяемые с целью вызвать новые страхи или усилить старые, от законов “Об иностранцах и подстрекательстве к мятежу” (1798 г.) до закона “Об иммиграции” (1918 г.) и нормативных актов времен холодной войны. Более 50 лет полиция крупных городов, таких как Чикаго, Нью-Йорк и Лос-Анджелес, имела специальные агентурные подразделения по работе с коммунистами, анархистами, борцами за гражданские права, активистками борьбы за права женщин, профсоюзными деятелями и другими потенциально опасными лицами. Эти “красные отряды” использовали насилие, запугивание и подкуп свидетелей для сбора информации о сотнях тысяч людей. Они были расформированы лишь в 1978 году.

Робин проводит различие между “масштабными акциями” государственных органов авторитарных стран (например, стук в дверь диссидента на рассвете) и “незначительным принуждением и самодурством”, периодически практикуемыми в условно демократических государствах. Он говорит о “сковывающем эффекте”, о страхе, который “подавляет политические альтернативы”. Он красочно описывает роль гражданского общества как колыбели и основы этого страха, а не защиты от него. Чем меньше сообщество, тем труднее идти против течения. Конформизм — это мощное оружие: врач подвергается остракизму из-за его атеистических воззрений, а редактор местной газеты вынужден уйти в отставку из-за недостатка патриотизма. “Одна из ошибок правозащитного сообщества состоит в том, что оно всегда сосредотачивается на государстве, — объясняет мне Робин. —

Неверно рассматривать гражданское общество как безгрешное, а государство — как средоточие зла”. История Америки, напоминает он, знает немало случаев, когда государство выступало в защиту гражданских свобод, начиная с отмены рабства. “Новый курс” Франклина Рузвельта был направлен на передачу государству контроля над соблюдением трудовых прав от эксплуататоров — собственников заводов. “Авторитаризм в США проявляется главным образом в частной сфере. Таким образом, Соединенные Штаты опровергают наши традиционные представления”, — говорит Робин. Часто, особенно в наше время, “задача правительства по запуску возлагается на частный сектор”.

С наибольшей готовностью такая передача функций происходила в отношении рабочего пространства. Многие важные конституционные гарантии применяются в государственной сфере, но не в общественной. Первая поправка, защищающая свободу слова, имеет силу, когда речь идет о попытках государственной цензуры газеты, но она редко применяется в ситуациях, когда владелец или редактор издания оказывают давление на репортера или управляющий — на рабочего. Даже в разгар холодной войны или эры маккартизма количество заключенных по политическим мотивам насчитывало менее двухсот. Тем не менее эта государственная политика оказывала серьезное влияние на происходящее в офисах и на заводах по всей стране. Каждый второй из пяти работающих подвергался слежке, понижению в должности или увольнению. Поддержка профсоюзов часто рассматривалась как проявление несогласия и угроза государству.

Аналогичный подход был принят в разгар “войны с терроризмом”. Защитники общественного порядка провозгласили, что дестабилизация любого рода (например, за-

убежденным сторонником палестинского самоопределения. Ожидаемый переход Коула в Йельский университет не состоялся (причины не были названы) после кампании в СМИ, представивших его антисемитом.

Двое ученых, Джон Миршеймер и Стивен Уолт из Чикагского и Гарвардского университетов, попытались нарушить табу. Журнал “Атлантик” в 2002 году заказал им большую исследовательскую статью об израильском лобби. Они во всех подробностях описали роль “израильского лобби”, в частности деятельность Американско-израильского комитета по общественным связям. Исследователи обратили внимание на значительные совпадения американских и израильских политических приоритетов и на тенденцию к увеличению подобных совпадений в период правления Буша. Редакторы журнала изучали рукопись в течение нескольких месяцев, прежде чем решили отказаться от публикации. В марте 2006 года статья попала в “Лондон ревью оф букс”, а затем авторы написали ее расширенный вариант, который был помещен на сайте Школы государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди при Гарвардском университете. Статью решительно осудили. Весьма примечательно, что известный американский издатель решил заплатить авторам аванс в размере 750 тысяч долларов за написание по этим материалам книги “Израильское лобби и внешняя политика США”. Элиоту Коэну, который перешел на руководящую должность в Государственном департаменте под началом Кондолизы Райс, было предоставлено значительное место на страницах “Вашингтон пост” для обвинения авторов в том, что они, мол, “одержимы навязчивыми и беспочвенными враждебными представлениями о евреях”. Их книга впервые за много лет послужила началом достаточно беспристрастного обсуждения вопросов американо-израильских отношений. Но пре-

дупреждение осталось лозунгом. Ларри Уилкерсон (бывший руководитель штаба госсекретаря США Колина Пауэлла) включил эту книгу в курс обучения своих студентов в Университете им. Джорджа Вашингтона. В этом труде, по его словам, говорилось о “том, что и так очевидно, о чем люди шептались по углам вместо того, чтобы громко обсуждать это за коктейлем там, где кто-нибудь мог вас услышать”.

Джамиль Джаффер, директор национальной программы по безопасности Американского союза защиты гражданских свобод, показал мне список иностранных ученых (в первую очередь из стран Ближнего и Среднего Востока), которым было отказано во въезде в США:

Причин для отказа может быть множество. Придумать обоснование несложно. На вас не распространяются конституционные права, поскольку вы иностранец и не находитесь в Америке.

Одним из наиболее известных случаев запрета на въезд по идеологическим причинам стала история Тарика Рамадана. Родившийся в Швейцарии философ долгое время был в Европе влиятельным экспертом по исламу. Его репутация даже укрепилась после событий 11 сентября. В 2003 году он принял участие в теледебатах один на один с Николя Саркози. Вскоре, 7 июля 2005 года, когда Лондон подвергся атакам террористов, Блэр ввел Рамадана в комиссию при правительстве Великобритании по противодействию экстремизму.

В феврале 2004 года Рамадан получил постоянную должность профессора религиоведения в Университете Нотр-Дам в Индиане. Он арендовал дом, перевез туда свою мебель и записал детей в местные школы. Однако пятью месяцами позднее Государственный департамент, действуя на основании секретной информации, полученной от Ми-

нистерства внутренней безопасности, аннулировал визу Рамадана. Чтобы получить официальное объяснение, ему потребовались два года обращений и запросов, а также иск, поданный американскими организациями по защите гражданских свобод и научными организациями. Сначала им было сказано, что он нарушил ст. 411 “Патриотического акта”, согласно которой во въезде отказывают иностранцам, “одобряющим или поддерживающим террористическую деятельность”. В конце концов власти сообщили подробности. По-видимому, между 1998 и 2002 годами Рамадан пожертвовал 800 долларов пропалестинской французской благотворительной организации, которую подозревали в финансировании ХАМАСа и после 2003 года внесли в черный список Государственного департамента.

Власти интерпретировали положения “Патриотического акта” настолько вольно, что, согласно официальным документам, открытым во исполнение закона “О свободе информации”, любому, кого можно обвинить в “безответственном выражении своего мнения”, можно отказать во въезде в США. Американский союз защиты гражданских свобод подал иск, оспаривающий конституционность этого запрета. Он также взялся за дело Адама Хабиба, виза которого была внезапно аннулирована в 2006 году, хотя он провел уже значительное время на территории США. Хабиб, ректор Университета Йоханнесбурга, выступал с резкими протестами против войны в Ираке и критиковал внешнюю политику США по другим вопросам. Газета “Крисчен сайенс монитор” в 2006 году опубликовала поименный список ученых и общественных деятелей, кому было отказано в визах или у кого их аннулировали или задерживали до тех пор, пока въезд не оказывался бессмысленным. Список включал: 74 южнокорейских фер-

мера и профсоюзных деятеля, протестовавших против соглашения о свободной торговле; греческого ученого, марксиста Иоанниса Милиоса; М.И.А., певицы, которая в своих песнях якобы выразила сочувствие “Тиграму освобождения Тамил-Илама” и Организации освобождения Палестины; Васкара Ари, боливийского профессора истории Латинской Америки и специалиста по культуре индейцев аймара, которому была предложена должность в Университете Небраски; баскского историка Иньяки Эгану и Дору Марию Тельес, бывшего сандинистского министра здравоохранения. Эти исключения напоминают об определенных эпизодах истории США, когда стране что-либо угрожало либо она считала, что ей грозит опасность. С неприемлемым поведением властей сталкивались многие, от Грэма Грина и Дорис Лессинг до Габриеля Гарсии Маркеса. Даже Пьера Трюдо не пускали в Америку до того, как он стал премьер-министром Канады.

Администрация США также рассматривала адвокатов, представлявших интересы узников Гуантанамо, как своих противников. Один высокопоставленный правозащитник рассказал мне, что его и представителей пяти других организаций в начале 2007 года пригласили на странную встречу с Джоном Беллинджером, советником госсекретаря по юридическим вопросам, чтобы поговорить о “Патриотическом акте”. Беллинджер сказал им, что “у их групп в руках мегафон”, который могут услышать в Европе и за ее пределами; поэтому им следует проявлять “здравомыслие”, выбирая, о чем говорить.

Антипатриотическая и потенциально антиправительственная сеть, таким образом, включала не только неправительственные организации, но и адвокатов, журналистов, профсоюзных деятелей и ученых. Даже избиратели не были

защищены от давления. Дик Чейни отреагировал на победу в штате Коннектикут кандидата, выступавшего против войны, заявлением, что этот результат должен придать храбрости “представителям ‘Аль-Каиды’”, которые “ставили на то, что в конечном счете они могут сломить волю американского народа”.

— Политика Соединенных Штатов состоит в том, чтобы добиваться роста демократических движений и институтов в каждой стране и культуре и поддерживать его, чтобы покончить наконец с тиранией в нашем мире.

Буш начал свой второй президентский срок в январе 2005 года с инаугурационной речи, в которой центральным был вопрос о свободе и безопасности во всем мире. На этот раз он победил честно, с небольшим преимуществом, вполне достаточным для избирательной системы США. Большинство американцев открыто подтвердило, что одобряет его подход. Без тени иронии Буш заявил о своем убеждении, что “в долгосрочной перспективе нет справедливости без свободы и не может быть прав человека без человеческой свободы”.

Безо всяких сомнений, это был лидер, который провозглашал достоинства свободы, одновременно поддерживая процедуры (пытки, секретную перевозку подозреваемых, незаконное прослушивание), которые намеренно лишали людей этой свободы. До окончания срока президентских полномочий Буш был уверен, что служит делу свободы. То же самое относится к Блэру и другим мировым лидерам. Те же, кто угрожал или хотя бы сомневался в их специфической

интерпретации свободы, заслуживал лишения или ограничения свободы.

Тем не менее по истечении нескольких месяцев после победы на выборах 2004 года администрация Буша впала в панику. Политическая ситуация не изменилась. Что же произошло? Кто лучше ответит на этот вопрос, чем Фрэнсис Фукуяма, человек, в начале 90-х годов объявивший о “конце истории”? Я давно хотел обсудить с ним соображения о неизбежном триумфе демократии, его безусловную поддержку войны в Ираке и последующее резкое осуждение режима Буша. Фукуяму критиковали в либеральных кругах за политические “колебания”, но когда мы сидели в семейном ресторане в одном из типичных уютных, сонных городков в Виргинии, я был не в состоянии отказать в уважении человеку, который никогда не искал легких путей.

Мы говорили о России и Китае, государствах, которые, по мнению Фукуямы, находятся в середине “авторитарной модернизации”, обсуждали его утверждение о корреляционной зависимости между экономическим ростом и развитием демократии. Мы говорили о “цветных революциях” на Украине, в Грузии, в других местах, которые бодро приветствовали поборники демократизации. Фукуяма рассказал, почему он выбрал в своих лекциях в качестве хрестоматийного примера политического развития Украину, а не Ирак или другую страну, где провалился американский эксперимент. Мы говорили о роли демократии, о том, является ли она, то есть свободные выборы, самоцелью либо средством для распространения либеральных ценностей, и что ценнее — демократия как процесс либо как конечный результат. Больше всего мне хотелось поговорить с ним о состоянии свободы в Америке. Он рассказал:

Демократический процесс в целом испорчен инструментальным использованием демократии, в частности в Ираке... Это подорвало моральный авторитет Америки как силы, противостоящей авторитаризму. Парадокс заключается в готовности государства, которое представляет себя бастионом свободы, допустить пытки и подрыв гражданских свобод.

Многие политики, далекие от верхушки неоконсерваторов, способствовали подавлению свободы. Даже когда у них появлялась возможность пресечь злоупотребления администрации Буша, многие так называемые либеральные политики предпочитали не делать этого. Когда дело доходило до выполнения Конгрессом его основной функции — служить противовесом исполнительной власти, он оказывался не в состоянии делать это. В течение первых шести лет пребывания Буша на посту президента демократы жаловались на то, что у них связаны руки из-за доминирования в парламенте республиканцев. Подождите, говорили они, вот получим мы большинство в парламенте! Это произошло в конце 2006 года. В октябре уходящий на каникулы Конгресс принял закон о комиссиях военных судов, который упростил доказывание вины “вражеских комбатантов”. Демократическое меньшинство, как всегда, оказало незначительное сопротивление. В последующие два года, когда обе палаты находились под контролем демократов, мы были свидетелями одного из наиболее значительных наступлений на гражданские свободы за весь период правления Буша. Снова и снова, как только очередной законопроект выносился на рассмотрение, чтобы дать администрации санкцию на проведение секретных акций либо на их продолжение, он получал большинство голосов в обеих палатах.

Наиболее поразительным шагом стало придание политической и юридической силы разрешению прослушивать телефонные разговоры, о чем “Нью-Йорк таймс” сообщила с большим опозданием. В 2008 году при существенной поддержке демократов были приняты поправки к закону “О надзоре за внешней разведкой”. Они получили полное одобрение лидеров демократов в Палате представителей. Барак Обама, заручившись поддержкой демократов, изменил своему обещанию, данному во время праймериз, и поддержал расширенную версию законопроекта. Новая редакция узаконила новые методы не санкционированного судом сбора информации. Она содержала наибольшее число поправок к федеральному закону о розыскной деятельности за последние 30 лет. Конечно, давление на демократов было сильным. В СМИ по-прежнему не ослабевали патриотические призывы. Кристофер Бонд, республиканец, старший сенатор от штата Миссури, поддразнивал коллег, объясняя, что им не следует бояться этого закона, “если ‘Аль-Каида’ не входит в число ваших адресатов быстрого набора”. Даже он был удивлен тем, как легко законопроект прошел через Сенат: “Я думаю, что Белому дому удалось заключить сделку на условиях, на которые он даже не рассчитывал”.

В ночь победы Обамы на выборах в ноябре 2008 года я написал в “Гардиан”:

Приятное ощущение от этих удивительных американских выборов неизбежно пройдет, и тогда здравомыслие заставит задать вопрос: в каком состоянии будет теперь пребывать западное

общество? С того момента, как Буш украл выборы в 2000 году, он разрушил веру во все — от выборного процесса до защиты гражданских свобод и соблюдения норм международного права. Альтернатива — авторитарный капитализм — процветала в течение последних восьми лет, когда во всем мире слова западных политиков воспринимались как совершенно расходящиеся с делами. Сейчас, особенно сейчас Обама должен сократить этот разрыв. Как бы ни была трудна его задача, ему предстоит играть главную роль в определении судьбы западной демократии.

И внутренняя, и внешняя политика США — самопровозглашенного лидера свободного мира — всегда находилась под пристальным вниманием. Курс Буша на захват и превосходство поставил внешнеполитические связи Америки с ног на голову. Содействие распространению демократии было превращено в главную внешнеполитическую цель без оглядки на положение в мире либеральных демократий.

В течение многих лет в рамках проекта “Пью глобал эттитюдс” в различных странах проводились опросы, отслеживающие изменение имиджа США в мире. Полученные результаты свидетельствуют, что в течение 2002 года отношение к США определялось сочувствием — из-за трагических событий 11 сентября, но после 2002 года в отношении Америки росли гнев и неприязнь. Большинство опрошенных в 43 из 47 стран, включая 63 % в самих Соединенных Штатах, заявило, что США способствуют распространению демократии скорее там, где это служит их интересам, нежели во всемирном масштабе.

Мир и сами американцы видят, что американская демократия переживает трудности. Поведение президента и вице-прези-

дента таково, как если бы они были выше закона. Конгресс не смог противодействовать этому... Суды промолчали в большинстве случаев, когда нарушались основные гражданские свободы. Правительство США тайно и без санкции суда вело записи телефонных переговоров миллионов американцев. Исследования показали, что лишь треть американцев в настоящее время считает, что “большинство избираемых чиновников интересуется тем, что думают люди вроде меня”.

В докладе “Пью глобал эттитьюдс” упоминается о том, что подавляющее большинство респондентов во всех 47 странах, где проводился опрос, полагает, будто политика Соединенных Штатов увеличивает разрыв между богатыми и бедными во всем мире. Мнение об “американских способах ведения бизнеса” высказывалось, как правило, отрицательное. Исследователи выяснили, что 10 % американских семейств получали почти половину валового дохода страны; 1 % богатых американцев владел половиной денег, принадлежащих этим 10 %; самые богатые (0,1 %) получали примерно половину того, что приходилось на долю богатых (1 %).

Американскую идею содействия распространению демократии дискредитировала не только неспособность США показать пример всему миру. Большей неудачей стало открытие, что “Вашингтонский консенсус”, бесцеремонный подход, отбрасывающий частности и связывающий свободные рынки с многопартийными выборами, часто приводит к обратным результатам. Эми Чуа в своей книге “Мир в огне: как экспорт рыночной демократии порождает межэтническую вражду и нестабильность в мире” утверждает, что Соединенные Штаты не поняли взаимосвязи между свободой и обладанием богатством, не разглядели “сырьевого проклятия”, преследующего многие развивающиеся страны:

Во многих странах мира, где распространена нищета и имеется доминирующее на рынке меньшинство, демократия и рынки (по крайней мере, в той форме, в которой они продвигаются в настоящее время) могут развиваться только в глубоком противоречии друг с другом. В таких условиях одновременные внедрение свободного рынка и демократизация не раз приводили к этническим конфликтам со вполне предсказуемым сценарием. Это стало отрезвляющим уроком глобализации последних 20 лет.

Или, как спрашивает Амартия Сен, может ли бедный быть свободным? Обама давно объяснил, что он это понимает. В январе 2009 года в интервью газете “Вашингтон пост” он разоблачил лицемерие неоконсерваторов, рассуждающих о содействии распространению демократии. Подлинная демократия — вот что “должно быть центральной частью нашей внешней политики. Это то, что мы из себя представляем. Это лучшее, что мы можем экспортировать, если это не экспортируется под дулом пистолета”. Он говорил о необходимости строить демократические институты снизу, с помощью гражданского общества, показывая пример. Одной из ошибок, совершенных в годы правления Буша, было установление

равнозначности демократии и выборов. Выборы не являются демократией, как мы ее понимаем. Они являются одной из составляющих либерального порядка, как мы его понимаем. И во многих странах, как вы знаете, первым вопросом (если вы вспомните рузвельтовские четыре вида свободы) является свобода от нужды и свобода от страха. Если люди не чувствуют себя в безопасности, если люди голодают, то выборы, независимо от того, затрагивались ли эти вопросы в ходе

предвыборной борьбы, не могут привести к решению этих проблем.

Благодаря Бушу годы, последовавшие за неудачей в войне 2003 года с Ираком, стали временем расцвета диктаторских режимов. Америка, ослабленная провалом своих дипломатов и военных, а также экономическими проблемами, была не способна вести других на борьбу за социальную справедливость или права человека по всему миру. Соглашения с Ираком были заключены с позиции слабого. Пришлось искать поддержки Китая в действиях против Северной Кореи. Не было сделано ничего для облегчения страданий зимбабвийцев. Более того, США лишились возможности уговаривать или принуждать авторитарных популистов в России, Китае, где бы то ни было: те научились отмахиваться от жалоб администрации Буша с непревзойденной легкостью.

Так сводятся ли неудачи Америки к провалам в Гуантанамо и “Абу-Грейбе” — либо к тому, что в Ираке оружие массового поражения так и не было обнаружено? Эти “просчеты” определенно вдохновили критиков Буша. Они дали возможность правозащитным группам и другим активистам снова обрести голос. Эти провалы во многом привели к тому, что доверие к США было подорвано во всем мире. Зададим, однако, другой вопрос: что случилось бы, если бы вторжение в Ирак с военной точки зрения оказалось успешным? В конце концов американские войска с легкостью взяли Багдад и без труда свергли Саддама. Неприятности начались только после того, как американские войска оккупировали Ирак. Я задаю этот вопрос не столько с целью пересмотреть итоги войны, сколько для того, чтобы высказать предположение, что падение рейтинга Буша в американском обществе

не было неизбежным следствием того, что его администрация предпочитала действовать с позиции силы как во внутренней, так и во внешней политике.

В конечном счете произошедшее с американскими избирателями связано не с тем, что администрация была недобросовестной или лицемерной, а с тем, что она оказалась некомпетентной, и это было очевидно. Американцы, даже если они и не могли видеть пластиковых похоронных мешков, начали читать о том, что растет число погибших военнослужащих. И начали спрашивать себя: чего удалось достичь ценой этих жертв? Иракская и афганская авантюры не заставили их чувствовать себя в большей безопасности. Они наблюдали за тем, как Буш распределял посты, оказывал протекцию и давал налоговые льготы своим друзьям. Этот клановый капитализм, при котором прибыли от военных эскапад получали крупнейшие корпорации, например нефтяной гигант “Холлибертон”, показал себя коррупционным и неэффективным. Когда во время природных катастроф, таких как ураган Катрина в Новом Орлеане, самое могущественное государство в мире не пришло на помощь простым американцам, эти последние испытали растерянность и гнев.

Когда же обстоятельства изменились в связи с тем, что администрация Буша больше не могла столь же эффективно проводить политику подавления, в американском обществе на смену бездействию пришло необычное оживление. Одно дело — протестовать против использования пыток и скупости банкиров в 2008 году, и совсем другое — лезть на рожон в 2001. Сравните сдержанную реакцию правительства на скандал с Кеннетом Лэем и прочими руководителями корпорации “Энрон” в начале правления Буша с яростью, направленной на Бернарда Мэдоффа за его мошенническую “схему Понци”.

Пока Буш был у власти, значительная часть политической элиты Америки — как демократы, так и республиканцы — не пыталась разобраться в причинах постоянно растущей неприязни в мире к своей стране. Если же она и задавалась этим вопросом, то объясняла все только антиамериканизмом. И республиканцам, и демократам не удалось понять, в какой степени огрехи их собственной системы (от недостаточной избирательной активности и участия граждан в политической жизни до коррупции и стандартизации глобальной связи; а в последнее время — и это очень важно — сюда добавился еще и экономический кризис, спровоцированный США) увеличили привлекательность альтернативных предложений по всему миру.

Те же самые вопросы, касающиеся управления экономикой и международных институтов, корыстолюбия и глобализации, — вопросы, которые после 11 сентября были объявлены непатриотическими и опасными, — после наступления кризиса внезапно стали не просто уместными, но и жизненно важными. Важное соглашение, обеспечивавшее связь неолиберальных свободных рынков и западной демократии, которую творцы американской политики последовательно поддерживали и пропагандировали, нарушалось в стране и за рубежом. Даже Алан Гринспен, верховный жрец дерегулирования, бывший глава Федеральной резервной системы, признался в обращении к Конгрессу: «Чтобы существовать, вам нужна идеология. Вопрос в том, правильная она или нет. И вот что я вам скажу: да, я обнаружил слабое место. Я не знаю, насколько это существенно или непоправимо, но я был очень огорчен данным фактом».

Справедливо ли то озлобление, которое сопровождало уход Буша, или его режим просто не отразил основную

ценность, существовавшую в тот момент — примат обогащения над всем остальным? Пакт, заключенный в Америке после 11 сентября, был принят сторонами добровольно и в течение нескольких лет пользовался большой популярностью.

Накануне инаугурации Обамы неправительственная организация “Фридом хаус”, которая исследует состояние демократии в разных странах мира, опубликовала доклад о свободе в Америке. Его авторы выразили

серьезную обеспокоенность попытками расширить prerogatives исполнительной власти без обычного рассмотрения их Конгрессом и судебными инстанциями, экстрадициями без соблюдения законных процедур, ненадлежащим обращением с заключенными в тюрьмах США и прослушиванием без санкции суда в нарушение американского законодательства.

Однако подход Америки к гражданским свободам должен, говорилось в докладе, оцениваться, по крайней мере отчасти, в контексте ее истории в сравнении с другими периодами военного времени. Отмеченные нарушения закона уже стали предметом рассмотрения, и решения по ним уже приняты благодаря “нормальной работе американской системы”, хотя часто с некоторой задержкой: “Свободная пресса и независимая судебная система по-прежнему являются основой американской демократии, они необходимы для сохранения свободы в нашем обществе”. Процесс пересмотра и урегулирования конфликтных ситуаций уже начался: “Это более значительный и более важный факт, который вселяет в ‘Фридом хаус’ уверенность в демократическом будущем Соединенных Штатов. Американская

демократия реагирует на нарушения, что позволяет ей стать более стабильной”.

Это оптимистическое заключение было в определенной степени оправданным. Писаная конституция Америки уцелела даже после внесения поправок. Президентская кампания 2008 года восстановила определенное доверие в стране и за рубежом к американской демократии. Обама соединил сбор пожертвований от крупнейших корпораций (это обычная форма финансирования в обмен на покровительство) с широкомасштабной кампанией среди населения. Одной из характерных черт этой кампании стало привлечение к выборам миллионов афроамериканцев и тех, кто ранее не был зарегистрирован в качестве избирателей. На выборы пришли миллионы граждан, которые прежде не утруждали себя процедурой голосования: так велики были их апатия или антипатия.

Что касается гражданских прав, то многие либералы предполагали: при Обаме большинство законодательных актов, принятых во время правления Буша, будет полностью изменено. Первые шаги нового президента не разочаровали: Обама начал с ряда распоряжений, среди которых были закрытие тюрьмы в Гуантанамо, прекращение деятельности военного трибунала и введение ограничений в практику следователей в соответствии с армейским уставом. Это означало на деле запрет пыток, который Конгресс не смог утвердить в начале 2008 года, когда обсуждал закон “О финансировании расходов на национальную оборону”. Это были в значительной мере символические шаги. В то же самое время он посылал другие, менее обнадеживающие сигналы. Высокопоставленные сотрудники его администрации одобрили продолжение программы ЦРУ по переправке узников в другие страны без законных

на то оснований и по задержанию подозреваемых в терроризме на неопределенно долгое время без решения суда, даже если они были арестованы далеко от зоны военных действий. Напрашивается вопрос: в чем моральное преимущество авиабазы Баграм перед Гуантанамо? Что особенно печально, администрация сохранила легальную возможность возобновления в определенных ситуациях деятельности военных трибуналов. “Мы прокладываем новый путь вперед, принимая во внимание безопасность американского народа и необходимость подчиняться верховенству права, — заявил юридический советник Белого дома Грегори Крэйг. — Это послание мы хотели бы адресовать и борцам за гражданские права, и сторонникам Буша”. Не менее мрачное послание получили те, кто ожидал изменений в том, что касается слежки и прослушивания переговоров. Обама была нужна как можно более широкая политическая поддержка, чтобы решить стоявшую перед ним основную задачу: преодоление экономического кризиса. Зато он мог много потерять и мало выиграть, давая республиканцам повод для критики по вопросам, которые он не рассматривал как насущные.

Затем Обама спровоцировал недовольство спецслужб и многих влиятельных сторонников Буша в СМИ, обнаружив серию меморандумов, описывающих методы пыток, одобренных ЦРУ, и разрешив публикацию фотографий, показывающих издевательства американских военных над заключенными по всему миру. Тем самым он дал понять, что в тюрьме “Абу-Грейб” инструкции прежней администрации не нарушались, а, наоборот, соблюдались. Тем не менее всего несколько недель спустя он под давлением военных и спецслужб объявил, что постарается остановить публикацию опасных снимков.

В ноябре 2008 года, за два месяца до вступления в должность нового президента, руководители американской разведки определили основные угрозы стране и миру в следующие два десятилетия. По мнению экспертов Национального совета по разведке США, помимо традиционных экологических катастроф, ядерной войны и борьбы за истощающиеся природные ресурсы, появятся и новые опасности. Америка может сохранить свое доминирующее положение, но разделит влияние с Китаем и другими развивающимися странами. Гордыня, испытываемая Америкой по поводу победы в войне с Ираком, а также ее опора на грубую силу могут стать признаками ее агонии. Как бы то ни было, тенденции, описанные в докладе, едва ли новы.

Одним из наиболее резких отличий курса, выбранного сначала Обамой, по сравнению с Бушем, является акцент, сделанный на прагматизм, а не на идеологию. Поэтому он в равной степени пытался установить контакты с Ираном и избегал конфронтации с Китаем, зная о его растущей мощи и влиянии. Во время первого визита Хиллари Клинтон в Пекин в качестве госсекретаря она дала понять, что придает вопросам о правах человека меньшее значение, чем прочим. Она признавала, что США и Китай — равные партнеры и обострение конфликта принесло бы мало пользы. Поступая таким образом, Клинтон смирялась с переменой, которая давно уже произошла, но которую администрация Буша пыталась отрицать: Америка больше не в состоянии навязывать демократию “под дулом пистолета”.

В этом заключается парадокс. Надежды, которые американцы возлагают на Обаму, носят исключительный характер. Однако требования, которые они выдвигают, оста-

лись по сути прежними: защитить Америку от терроризма, вернуть им работу и процветание, спасти от экологической катастрофы и упрочить позиции страны в мире. Причем сделать все это ему предлагается в то время, когда два столпа послевоенного устройства мира — либеральная демократия и свободный рынок — изрядно расшатаны, а возвращение у Америки вкуса к либеральным ценностям совпало с невозможностью для нее передать эти ценности другим.

Заключение

Народные приоритеты

“**В** этот день мир объединился”, — сообщил сияющий Гордон Браун. Это начало “нового мирового порядка”: такое претенциозное заявление было сделано Вудро Вильсоном при основании Лиги наций после Первой мировой войны. То же самое говорил президент Джордж Г. У. Буш в 1990 году, в конце холодной войны. Знаменовал ли в действительности лондонский саммит Большой двадцатки в апреле 2009 года окончание исторической главы, гибель экономического уклада, который безраздельно господствовал в течение двух десятилетий? И как обстоят дела с политическим устройством, которое его обеспечивало?

В 1989 году, с крахом коммунизма и концом холодной войны, режимы по всему миру, от Китая и России до Южной Африки, Индии и Бразилии, пришли к выводу, что рынку как способу производства нет серьезной идеологической альтернативы. В 2009 году, с кризисом мировой финансовой системы, многие, казалось, пришли к противоположному заключению: стихийные свободные рынки привели к катастрофе даже самые богатые и сложные общества. Многие

скептически отнеслись к этому раскаянию, решив, что когда удача снова вернется, она приведет с собой и прежний — стяжательский — образ жизни. Но даже если принять такое допущение, будет ли это знаменовать изменение качества демократии, углубление и расширение основополагающих свобод для большего числа людей?

Эти 20 лет обогащения в глобальном масштабе трансформировали представления правительств и народов о свободах. Возвышенная свобода превратилась в финансовую: возможность зарабатывать, копить и покупать. Все другие свободы были подчинены этой цели. Политические лидеры даже превозносят шопинг как патриотический долг. Это — вместе с интернетом и другими технологическими достижениями — обеспечило невиданную ранее культурную однородность. Сверхбогатые, достаточно богатые и стремящиеся к богатству люди, будь то в Санкт-Петербурге, Шанхае, Сан-Паулу или Южном Кенсингтоне, жили в единообразном мире с теми же дизайнерами, брендами, сайтами социальных сетей и средствами связи, теми же спортивными автомобилями и местами отдыха. Возник культурный конформизм, чувство стадности, обеспечившее тем, кто находился у власти, удобную для манипуляций среду.

К тому моменту, когда глобальный пузырь лопнул, неравенство глобальной экономики стало слишком очевидным. В США к 2007 году насчитывалась 1 тысяча долларовых миллиардеров (по сравнению с 13 в 1985 году), которым принадлежали ошеломляющие 3,5 триллиона долларов. Согласно данным журнала “Форбс”, уже в течение ряда лет являющегося официальным арбитром состояний, крепкий коктейль глобального экономического роста и стремительно растущих цен активов привел к появлению 178 новых миллиардеров всего за 12 месяцев. “Это самый богатый год

в истории человечества, — заявил главный редактор журнала Стив Форбс. — Лучший способ создать богатство — иметь свободные рынки и свободных людей, и все больше людей в мире понимает это”. Один процент богатейших людей получил при Джордже У. Буше 52 % всех налоговых льгот. Тем не менее средний доход американских рабочих в реальном выражении по существу снизился. Признанный инструмент измерения неравенства, коэффициент Джини, вырос практически во всех странах, и лидерами тут являются Китай, Индия и Соединенные Штаты. В Британии верхний слой в 1 % населения получил большую часть национального дохода, чем в какое бы то ни было другое время после 30-х годов. В 2006 году общая сумма выплаченных премий составила 21 миллиард ф. ст. — около трети бюджетных расходов Великобритании на образование. Доход и активы верхнего слоя 0,1 % населения вообще не поддаются оценке. Директор Института исследований финансов, наиболее авторитетного британского экономического аналитического центра, однажды сказал мне, что пытаться оценить сверхбогатство сродни “стараниям разглядеть что-либо сквозь густой туман”. Глобальные денежные потоки были так велики, что недоукомплектованные и дезорганизованные налоговые органы едва справлялись.

Перераспределительная демократия (*redistributive democracy*) просто развалилась под давлением неограниченных глобальных денежных потоков. Политические партии, клявшиеся, что занимаются этими проблемами, например “новые лейбористы” в Великобритании, ограничились полумерами в пользу тех, кто оказался внизу иерархической лестницы. По всему миру политики устарились от выработки экономических рекомендаций. В эту сферу они вмешиваться боялись и брали реванш за невмешательство, сосредотачива-

ясь на “другом”: на тех сторонах жизни нации, на которые их юрисдикция еще распространялась. В частности, одной из областей деятельности, где активность правительств оказалась более чем заметной, стала безопасность.

С начала 80-х годов политики и интеллектуалы на Востоке и Западе (не только те, чья позиция явно напоминала неолиберальное кредо Тэтчер и Рейгана, но и огромное множество других) утверждали, что глобализация и обогащение могут оказывать только положительное воздействие на политику. Как только национальные экономики приходили к определенному уровню дохода на душу населения, растущий средний класс должен был становиться менее безропотным, меньше бояться власти. Он должен был требовать правовых и политических полномочий, что в свою очередь должно было обеспечить основу для демократии. Это не сработало.

Вместо этого элиты были подкуплены — с небывалой легкостью. Они согласились на условия Пакта. Те, кто недавно приобрел состояние, были наиболее подвержены соблазнам Пакта и политическому компромиссу, сопряженному с его заключением. Наиболее консервативными оказались те, чьи родители или деды были бедны, те, кто только что обменял семейный мотоцикл на семейный автомобиль либо совсем недавно сменил квартиру на дом, те, кто боялся, что заработанное ими в любой момент может исчезнуть. Тем, у кого были деньги (но хотелось больше), и тем, у кого их было много (но им никогда не хватало), нужны были только личные свободы. Они возмущались сингапурским правительством, которое указывало им, с кем спать. Им не нравилось китайское руководство, которое по-прежнему ограничивало поездки за границу. Они боялись бесконтрольного использования силы Кремлем. Им было нужно

эффективное государство, придерживающееся принципа верховенства права. Им нужно было знать, что их деловые контракты не будут выброшены в корзину, если кто-либо, близкий к власти, их не одобрит. Их возмущало сознание того, что их деньги не в безопасности, что их дом могут отобрать просто потому, что так кому-то захотелось. Им нужны были современная инфраструктура и низкие налоги (или, по возможности, отмена налогов во имя поощрения “предпринимательства”). В некоторых странах, например в Великобритании, обеспечена возможность легального уклонения от налогов, поощряемого снисходительными властями, в других же, таких, как Италия, отказ от уплаты налогов как бы нелегален, но власти это игнорируют. По большому счету, это одно и то же явление.

Другие свободы рассматривались как дополнительные и необязательные. В каждой стране люди выбирают, какие из свобод они хотят сохранить, а от каких желают избавиться. Когда речь заходила о национальной безопасности, обеспеченные классы твердо стояли на том, что государству следует принять на себя столько полномочий, сколько возможно, чтобы подавить любые силы, могущие угрожать их образу жизни. Таким образом, кто-либо, считающийся экстремистом, иностранцем либо принадлежащий к меньшинству, то есть недостаточно уважаемый, должен испытать на себе всю тяжесть закона. Они не задумывались над тем, не усугубляют ли социальную напряженность установленные ими самими экономические правила.

Одним из последствий глобализации, унифицировавшей вкусы потребителей, стал нарастающий национальный и местный шовинизм. Отсутствие социальной солидарности породило новую атомарную форму свободы. Большинство замкнулось в своих привычках, мыслях и ежедневных

занятиях. Им оставили свободу индивидуальных игроков, но ничто не поощряло их к выходу за пределы приватного. Таким образом, возникло промежуточное, незаполненное пространство, в котором харизматические лидеры и политики популистского толка могли гармонично сосуществовать с бездумной культурой, основанной на культе знаменитостей. Италия и Индия имеют в этом отношении много общего: каждая страна прилагает усилия, чтобы отвлечь внимание избирателей от разрушенных демократических институтов и обратить его в страх перед этническими меньшинствами.

Каков же в итоге современный авторитаризм, с которым так многие молчаливо согласились? Может быть, так: авторитаризм — это государственный контроль, который не распространяется на свободу обогащения? А определение современной демократии тогда таково: государственный контроль, который не распространяется на свободу обогащения, плюс средства защиты определенных гражданских свобод (для тех, кто придерживается общепринятых взглядов). При этом разница между странами, которые ориентировочно относятся к авторитарному лагерю и описаны в первой части этой книги, и теми, которые гордятся своими “демократическими” ценностями, может быть небольшой. Я не пытаюсь уравнивать их, а хочу только указать на общие черты. Даже в Великобритании и Франции, где слежка на подъеме, большинство людей продолжает пользоваться немалыми свободами в повседневной жизни. В США при всей самоцензуре, расцветшей в первые годы правления Буша, при всех ограничениях, наложенных на политические дебаты, критически настроенные СМИ явно не сталкиваются ни с чем похожим на репрессии против их коллег в Сингапуре, России и Китае.

У всех этих стран в течение последних двух десятилетий было гораздо больше общего, чем они готовы признать. Границы между демократиями и автократиями стали размываться. Они начали перенимать черты друг друга, каждая по-своему проводя границу между личной и общественной свободой. Учитывая состояние свободы слова на Западе (она все чаще рассматривается как проблема, требующая решения, а не как фундаментальное право), ужесточение разгона демонстраций, увеличение числа людей, за которыми государство считает необходимым следить, до наказания тех, кто “создает проблемы”, осталось не так далеко.

Объединяла все эти разные страны степень причастности к происходившему некоторых слоев населения. Как я уже говорил во введении, Пакт не относится исключительно к признакам диктаторских режимов. В таких странах, как Зимбабве и Мьянма, конечно, имелись отдельные люди и группы вокруг лидеров, которые получали выгоду от происходящего и потому выполняли распоряжения государства. Одним из достижений последних 20 лет стало сокращение числа подобных государств. Это было замечательным достижением, которое, как показали эксперты “Фридом хаус” и другие группы, проявило себя примерно в 2000 году.

Но одно дело — избавить страну от тирании, и другое — обеспечить развитие сильной и справедливой демократии, особенно в условиях нестабильности. Одно среди многих серьезных исследований в этой области — итоговый доклад (2006 г.) Принстонского проекта, внепартийной группы, рассматривающей вызовы, стоящие перед Соединенными Штатами в посткоммунистическом мире. Авторы доклада описывают

глубокие предпосылки для успешной либеральной демократии — предпосылки, которые далеко не ограничиваются простым проведением выборов... Классификация стран на демократические и недемократические, не говоря уж о хороших или отвратительных, также без необходимости усложняет наши отношения со многими странами и часто усложняет достижение наших целей.

Такая точка зрения, признающая существование сложных промежуточных состояний, была, разумеется, призвана оспорить упрощенный взгляд неоконсерваторов на мир и их агрессивный подход к распространению демократии.

Тем не менее эти исследования продолжали рассматривать чужую демократию с позиции превосходства. Они по-прежнему принимают как данность успех западной экономики и политической модели, пусть и высказываясь на этот счет с осторожностью. Они не готовы признать, до какой степени демократия на Западе подорвана — не только двойными стандартами западной внешней политики, но и коррозией внутренних политических институтов.

Крис Паттен, горячий сторонник распространения демократии, испытывает презрение к лозунгам, провозглашенным многими из бывших коммунистических государств. Он указывает на термины “управляемая демократия” или “суверенная демократия”, так полюбившиеся русским и китайцам, и замечает:

Можно принять за правило, что всякий раз, когда слову “демократия” в качестве определения формы правления предшествует какая-нибудь описательная конструкция, речь идет не о демократии.

Он, конечно, прав, но означает ли это, что на Западе общества реализовали мечту о демократии без прилагательных? Я так не думаю. Как насчет “контролируемой демократии”? Этот термин можно применить к Великобритании, Франции и многим другим европейским государствам. Италию следовало бы определить как “коррупционную демократию”. Что до США, то и здесь можно было бы найти ряд нелестных эпитетов.

Во всех этих странах, за исключением Китая, избиратели в большей или меньшей степени поддержали Пакт, который им предложили. Результаты выборов в Сингапуре и России могут быть сфальсифицированы, но трудно отрицать, что лидеры этих стран пользуются большой популярностью. В Индии день выборов — замечательное проявление свободы, однако все, что случается в следующие четыре года — проблема. В США результат выборов 2000 года, возможно, выглядел комичным, но даже после четырех лет существенно ограниченной свободы американцы подтвердили компромисс и избрали Буша еще на один срок. В Великобритании презрение к большой политике настолько велико, а явка на выборы обычно так низка, что многие интересуются: а кого представляют их депутаты? Во многих из этих стран урна для голосования обеспечивает лишь ограниченный выбор. Тем не менее, согласно правилам, все эти страны прошли конституционный тест.

Итак, что все это говорит о нас — о народе? Возможно, людям требуется меньше свободы, чем им нравится думать. Пока государство заботится о них, обеспечивает их безопасность и позволяет вести их личную жизнь по собственному усмотрению, Пакт, возможно, оказывается удобным для достаточного числа людей. Сколь многие попадают в категорию возмутителей спокойствия?

Какой процент населения составляют оппозиционные политики, активисты неправительственных организаций, адвокаты, защищающие потенциальных возмутителей спокойствия, диссиденты или журналисты, занимающиеся независимыми расследованиями? Сколько людей принимают участие в маршах, посещают митинги и участвуют в мировых социальных форумах? Демократия участия (*participatory democracy*) едва ли не исчезла. И даже там, где она время от времени проникала в массовое сознание, как, например, во время большого антивоенного марша в Лондоне в 2003 году, накануне иракского конфликта, это ни на что не повлияло. Решение осталось за пассивным парламентом — решение, укрепившее фатализм. Условия политического Пакта свелись к минимуму: делайте свое дело каждые четыре-пять лет, бросая бюллетени в избирательные урны. И оставьте победителю трофеи, право определять за вас степень вашей свободы и безопасности — и не пытайтесь вмешиваться.

Экономический рост, вместо того чтобы вовлечь больше людей в демократический процесс, укрепил доверие между деловой и политической элитами. Они переосмыслили базовые положения демократии в собственных интересах — и достигли процветания. Поборники неolibерализма стали жертвами собственных интеллектуальных промахов и высокомерия, определяя демократию и свободу через такие понятия, как приватизация, максимизация прибыли, равнодушие к нуждам гражданского общества и социальной справедливости и к опасностям, угрожающим окружающей среде. Поступая таким образом, они в действительности способствуют процветанию авторитаризма.

Трагедия последних 20 лет заключается в том, что соблазн глобального обогащения послужил наркотиком не только

сверхбогатым и не только на Западе, но и на Востоке. Я использовал выражение “заморозка” по отношению к происходящему в Сингапуре, однако я мог в равной степени применить его к любой стране, независимо от ее формальной политической системы.

Каково будущее свободы сейчас, когда экономический спад совпал с “реcessionей” демократии? Экссессы эпохи глобализации, похоже, позади. Контроль над банками будет строже, финансовые потоки будут отчасти контролироваться, а международные организации будут обращать большее внимание на борьбу с бедностью и необходимость решения экологических проблем. Саммит Большой двадцатки обеспечил признание де-факто ведущей роли Китая, а также Индии, Бразилии и других стран в определении архитектуры будущей финансовой системы. Луис Инасиу Лула да Силва, президент Бразилии, который был когда-то чистильщиком обуви, заявил, что

этот кризис был спровоцирован неразумным поведением белых людей с голубыми глазами, которые перед кризисом, по-видимому, знали все, но сейчас делают вид, что не знали ничего.

Однако выработает ли новое поколение мировых лидеров другой, вдохновляющий послекризисный вариант свободы, который устранил многие несправедливости в мире? Приоритеты людей отражают социально-экономические условия, в которых они живут. Поэтому, несмотря на то, что, возможно, нынешний хаос устроили банкиры

и управляющие хедж-фондов, большая вина лежит на нас, народе, в особенности на жителях Запада, позволивших демократии превратиться в нечто такое, во что она никогда не должна была превратиться: в машину, обслуживающую потребление.

Был заключен Пакт — пагубное соглашение эры международного изобилия, продукт технического прогресса и древнего людского порока — алчности. По всему миру множество людей наделило своих лидеров почти неограниченными полномочиями в определении степени их свободы. Взамен они получили мнимую безопасность и иллюзорное процветание.

Библиография

Сингапур

- ENRIGHT, D. J. *Memoirs of a Mendicant Professor* (Manchester: Carcanet Press, 1990)
- LEE, KUAN YEW *The Singapore Story* (Singapore: Prentice Hall, 1998)
- LEE, KUAN YEW *From Third World To First* (London: HarperCollins, 2000)
- NEO, BOON SIONG, AND CHEN, GERALDINE *Dynamic Governance* (Singapore, World Scientific, 2007)
- SEN, AMARTYA *Development as Freedom* (Oxford: Oxford University Press, 1999)
- CHUA, BENG HUAT *"Asian Values Discourse" and the Resurrection of the Social* // Positions, 1999.
- GORDON, URI *Machiavelli's Tiger* // Department of Political Science, Tel Aviv University, 2000.
- VERWEIJ, MARCO, AND PELIZZO, RICCARDO *Singapore: Does Authoritarianism Pay?* // Journal of Democracy, 2009.

Китай

- AIYAR, PALLAVI *An Experience of China* (New Delhi: Fourth Estate, 2008)
- ALDEN, CHRIS *China in Africa* (London: Zed Books, 2007)
- BECKER, JASPER *The Chinese* (London: John Murray, 2003)

- BRADY, ANNE-MARIE *Marketing Dictatorship* (Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2007)
- DOCTOROFF, TOM *Billions, Selling to the New Chinese Consumer* (New York: Palgrave, 2005)
- FENBY, JONATHAN *The Penguin History of Modern China* (London: Allen Lane, 2008)
- HUTTON, WILL *The Writing on the Wall* (London: Little, Brown, 2007)
- KURLANTZICK, JOSHUA *Charm Offensive* (New Haven: Yale University Press, 2007)
- KYNGE, JAMES *China Shakes the World* (London: Phoenix, 2006)
- LEONARD, MARK *What Does China Think?* (London: Fourth Estate, 2008)
- MITTER, RANA *Modern China* (Oxford: Oxford University Press, 2008)
- NATHAN, ANDREW, and CHU, YUN-HAN (EDS) *How East Asians View Democracy* (New York: Columbia University Press, 2008)
- PEERENBOOM, RANDALL *China Modernizes* (New York: Oxford University Press, 2008)
- PEI, MINXIN *China's Trapped Transition* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2006)
- NATHAN, ANDREW *Medals and Rights* // New Republic, July 2008.

Россия

- ASLUND, ANDERS *Russia's Capitalist Revolution* (Washington, DC, Peterson Institute, 2007)
- COLTON, TIMOTHY *Yeltsin: A Life* (New York: Basic Books, 2008)
- FIGES, ORLANDO *Natasha's Dance* (London: Penguin, 2003)
- GOLDMAN, MARSHALL *Oilopoly* (Oxford: Oneworld, 2008)
- HOFFMAN, DAVID *The Oligarchs* (New York: PublicAffairs, 2003)
- JACK, ANDREW *Inside Putin's Russia* (London: Granta, 2005)
- KORINMAN, MICHAEL, AND LAUGHLAND, JOHN (EDS) *Russia, a New Cold War?* (Portland: Valentine Mitchell, 2008)
- LITVINENKO, ALEXANDER, AND FELSHTINSKY, YURI *Blowing Up Russia* (London: Gibson Square, 2007)
- LUCAS, EDWARD *The New Cold War* (London: Bloomsbury, 2008)
- POLITKOVSKAYA, ANNA *Putin's Russia* (London: Harvill Press, 2004)

- SHEVTSOVA, LILIA *Putin's Russia* (Washington, DC: Carnegie Endowment, 2003)
- SHEVTSOVA, LILIA *Russia, Lost in Transition* (Washington DC: Carnegie Endowment, 2007)
- TRENIN, DMITRI *Getting Russia Right* (Washington DC: Carnegie Endowment, 2007)
- WILSON, ANDREW *Virtual Politics* (New Haven, Yale University Press, 2005)
- GAMBRELL, JAMEY *Putin Strikes Again* // New York Review of Books, July 2007.
- FRANCHETTI, MARK *How the Oligarchs Lost Billions* // Sunday Times Magazine, Feb 2009.
- LIPMAN, MASHA *Russia's Free Press Withers Away* // New York Review of Books, May 2001
- LO, BOBO *Russia's Crisis, what it means for regime stability and Moscow's relations with the world* // Centre for European Reform, February 2009.
- LYNE, RODERIC *Reading Russia, Rewiring the West* // Open Democracy, September 2008.
- OSTROVSKY, ARKADY *Flirting with Stalin* // Prospect, September 2008.
- REMICK, DAVID *Echo in the Dark* // New Yorker, September 2008.
- SAKWA, RICHARD "New Cold War" or 20 years' crisis? // International Affairs, March 2008.
- SHLEINOV, ROMAN *Rules of the Game* // Index on Censorship, May 2007.
- WHITMORE, BRIAN *Inside the Corporation: Russia's Power Elite* // Radio Free Europe/Radio Liberty, October 2007.
- КАРАГАНОВ С. *Мировой кризис: время созидать* // Россия в глобальной политике. — 2008. — Октябрь.
- СОЛДАТОВ А. *Как устроена в Великобритании борьба с русской мафией* // Новая газета. — 2008. — 2 июня.

Объединенные Арабские Эмираты

- AL ABED, IBRAHIM, AND HELLYER, PETER (EDS) *United Arab Emirates: A New Perspective* (London: Trident Press, 2001)
- DAVIDSON, CHRISTOPHER *Dubai: the Vulnerability of Success* (London: Hurst, 2008)

- ARLIDGE, JOHN *Dubai's Desert Dream* // Sunday Times, November 2003.
 ARLIDGE, JOHN *The Party's over in Dubai* // Sunday Times, November 2008.

Индия

- DAS, GURCHARAN *India Unbound* (New Delhi: Penguin, 2002)
 DOSSANI, RAFIQ *India Arriving* (New York: AMACOM, 2008)
 GUHA, RAMACHANDRA *India After Gandhi* (London: Macmillan, 2007)
 KAMDAR, MIRA *Planet India* (London: Simon & Schuster, 2007)
 MISHRA, PANKAJ *Temptations of the West* (London: Picador, 2006)
 ROY, ARUNDHATI *The Shape of the Beast* (New Delhi: Viking, 2008)
 SHARMA, KALPANA *Rediscovering Dharavi* (New Delhi: Penguin, 2000)
 VARMA, PAVAN *The Great Indian Middle Class* (New Delhi: Penguin, 2007)
- DAS, GURCHARAN AND OTHERS *The Rise of India* // Foreign Affairs, July 2006.
- FERNANDES, NARESH *The Big Sellout* // Outlook, October 2006.
- KAPLAN, ROBERT *India's New Face* // Atlantic, April 2009.
- NINAN, T. N. *Boom and Gloom* // India Seminar, February 2003.

Италия

- FOOT, JOHN *Modern Italy* (London: Palgrave Macmillan, 2003)
 GINSBORG, PAUL *Berlusconi* (London: Verso Books, 2008)
 JONES, TOBIAS *The Dark Heart of Italy* (London: Faber & Faber, 2007)
 LANE, DAVID *Berlusconi's Shadow* (London: Penguin, 2005)
 STELLA, GIAN ANTONIO, AND RIZZO, SERGIO *La Casta* (New York: Rizzoli, 2008)
- ANDERSON, PERRY *An Entire Order Converted into What It Was Intended to End* // London Review of Books, February 2009.

Великобритания

- CAMPBELL, ALASTAIR *The Blair Years* (London: Arrow Books, 2008)
DAVIES, NICK *Flat Earth News* (London: Vintage, 2009)
GEARTY, CONOR *Civil Liberties* (Oxford: Oxford University Press, 2007)
KENNEDY, HELENA *Just Law* (London: Vintage, 2005)
LEE, SIMON *Best for Britain? The Politics and Legacy of Gordon Brown* (Oxford: Oneworld, 2008)
MALIK, KENAN *Strange Fruit* (Oxford: Oneworld, 2008)
PESTON, ROBERT *Who Runs Britain?* (London: Hodder & Stoughton, 2008)
RAAB, DOMINIC *The Assault on Liberty* (London: Fourth Estate, 2009)
SELDON, ANTHONY *Blair's Britain 1997–2007* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007)

- GEARTY, CONOR *The Blair Report // Index on Censorship*, May 2007.
GEARTY, CONOR *The Politics of Terror // Index on Censorship*, August 2008.
LESTER, ANTHONY *Redefining Terror // Index on Censorship*, May 2007.
MALIK, KENAN *Out of Bounds // Index on Censorship*, August 2008.
NOORLANDER, PETER *The New Labour Decade // Index on Censorship*, May 2007.

Соединенные Штаты Америки

- DAALDER, IVO *America Unbound* (London: John Wiley, 2005)
FUKUYAMA, FRANCIS *After the Neocons* (London: Profile Books, 2007)
LEWIS, ANTHONY *Freedom for the Thought We Hate* (New York: Basic Books, 2007)
LICHTBLAU, ERIC *The Remaking of American Justice* (New York: Pantheon Books, 2008)
MCCLELLAN, SCOTT *What Happened* (New York: PublicAffairs, 2008)
MEERSHEIMER, JOHN, AND WALT, STEPHEN *The Israel Lobby and US Foreign Policy* (London: Allen Lane, 2007)
NYE, JOSEPH *The Paradox of American Power* (New York: Oxford University Press, 2003)

- O'HARROW, ROBERT *No Place To Hide* (London: Penguin, 2006)
- ROBIN, COREY *Fear: The History of a Political Idea* (New York: Oxford University Press, 2004)
- STELZER, IRWIN *Neo-conservatism* (London: Atlantic Books, 2005)
- FLORIDA, RICHARD *How the Crash Will Reshape America* // Atlantic, March 2009.
- GADDIS, JOHN *Lewis Ending Tyranny* // American Interest, September 2008.
- KIRKPATRICK, JEANE *Dictatorships and Double Standards* // Commentary, November 1979.
- MAYER, JANE *The Hard Cases* // New Yorker, February 2009.
- ROBIN, COREY *Was he? Had he?* // London Review of Books, October 2006.

Ко всем разделам

- ACEMOGLU, DARON, AND ROBINSON, JAMES *Economic Origins of Dictatorship and Democracy* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006)
- COOPER, ROBERT *The Breaking of Nations* (London: Atlantic Books, 2007)
- DIAMOND, LARRY *The Spirit of Democracy: The Struggle to Build Free Societies Throughout the World* (London: Times Books, 2008)
- EMMOTT, BILL *Rivals* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2008)
- FERGUSON, NIALL *The Ascent of Money* (London: Allen Lane, 2008)
- FRIEDMAN, THOMAS *The World is Flat* (London: Penguin, 2006)
- FUKUYAMA, FRANCIS *Trust* (New York: Free Press, 1996)
- FUKUYAMA, FRANCIS *The End of History and the Last Man* (London: Penguin, 2003)
- GARTON ASH, TIMOTHY *Free World* (London: Penguin, 2005)
- GINSBORG, PAUL *Democracy, Crisis and Renewal* (London: Profile Books, 2008)
- GREENSPAN, ALAN *The Age of Turbulence* (London: Penguin, 2008)
- HARDT, MICHAEL, NEGRI, ANTONIO *Empire* (Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2000)
- HUNTINGTON, SAMUEL *The Clash of Civilizations* (London: Free Press, 2002)

- HURRELL, ANDREW *On Global Order* (Oxford: Oxford University Press, 2007)
- KAGAN, ROBERT *Paradise and Power* (London: Atlantic Books, 2003)
- KAGAN, ROBERT *The Return of History and the End of Dreams* (London: Atlantic Books, 2008)
- KEMPF, HERVÉ *How the Rich are Destroying the Earth* (Dartington: Green Books, 2008)
- KHANNA, TARUN *Billions of Entrepreneurs* (Boston: Harvard Business School Press, 2007)
- KLEIN, NAOMI *The Shock Doctrine* (London: Penguin, 2008)
- KRUGMAN, PAUL *The Return of Depression Economics* (London: Penguin, 2008)
- LO, BOBO *Axis of Convenience* (Baltimore: Brookings Institution Press, 2008)
- МАХБУБАНИ, KISHORE *Can Asians Think?* (Hanover, NH: Steerforth Press, 2002)
- МАХБУБАНИ, KISHORE *The New Asian Hemisphere* (New York, PublicAffairs, 2008)
- MONBIOT, GEORGE *The Age of Consent* (London: Harper Perennial, 2004)
- MOORE, BARRINGTON *Social Origins of Dictatorship and Democracy* (London: Penguin, 1969)
- MUNOZ, HERALDO *The Dictator's Shadow* (New York: Basic Books, 2008)
- NOVAK, MICHAEL *The Spirit of Democratic Capitalism* (London: IEA, 1991)
- PATTEN, CHRIS *What Next?* (London: Allen Lane, 2008)
- REICH, ROBERT *Supercapitalism* (Cambridge: Icon Books, 2008)
- SLAUGHTER, ANNE-MARIE *A New World Order* (Princeton: Princeton University Press, 2004)
- SPENGLER, OSWALD *The Decline of the West* (Oxford: Oxford University Press, 2007)
- ZAKARIA, FAREED *The Post-American World and the Rise of the Rest* (London: Allen Lane, 2008)
- CAROTHERS, THOMAS *How Democracies Emerge* // Journal of Democracy, January 2007.
- DIAMOND, LARRY *The Democratic Rollback* // Foreign Affairs, January 2008.

- DIAMOND, LARRY *How to Save Democracy* // Newsweek, January 2009.
- MCMANON, ROBERT *The Brave New World of Democracy Promotion* // Foreign Service Journal, January 2009.
- PUDDINGTON, ARCH *Freedom in the World 2009* // Freedom House, January 2009.
- WELZEL, CHRISTIAN, AND INGLEHART, RONALD *The Role of Ordinary People in Democratisation* // Journal of Democracy, January 2008.

Слова признательности

В ходе своего путешествия, длившегося более года, я получил бесценную поддержку от множества людей, помогавших мне в организации поездок, обсуждении различных тем, дававших мне интервью, снабжавших меня информацией и читавших черновые варианты книги. Заранее приношу свои извинения тем, кого случайно не упомянул.

Сингапур. Я благодарен всем своим знакомым из Национального университета, в особенности Кишору Мабубани, а также Вану Гунъю и Чуа Бэнхуа. Я бы хотел поблагодарить некоторых старых друзей, в том числе Гэ Миня, Патрика и Розу Даниэль, Челвума Раджу и Чинь Сэнтаня. Другие просили не называть их имена.

Что касается Китая, то я приношу благодарность Ричарду Спенсеру, Артуру Креберу, Рэнди Пиренбуму, Майклу Петтису, Даниэлю Беллу, Бенджамину Лиму, Луису Куйсу, Ху Чэнгэню, Кевину Ао, К. Т. Мао, Жан-Мари Гешер и особенно моему референту в Пекине Вэнь Цзин. В Шэньчжэне я имел удовольствие встретиться с Цуй Ланьцыэль, Ван Хэпином и Эдвардом Хоффманом. Остальным лучше остаться анонимными, но я очень благодарен им. В Гонконге я признателен

Дэвиду Цвейгу, Джозефу Чэну, Николасу Беклену, Джеффри Кротхоллу и Робину Манро, в Тайбэе — Деннису Энгбарту и Эндрю Яну.

В России я признателен друзьям и знакомым последних 20 лет — слишком многим, чтобы упомянуть их всех. Здесь я упомяну Артемия Троицкого, Ольгу Тимянскую, Петра Кочеврина, Сергея и Лену Жгун. Я рад также поблагодарить Лилию Шевцову, Андрея Солдатова и Елену Немировскую за понимание. Приношу благодарность РИА “Новости” за приглашение на несколько встреч Валдайского клуба.

В Дубае и Абу-Даби приношу благодарность Кэролайн Фарадж, Нику Маклину, Марку Ланну, Нику Лабусхагне, Ашрафу Маккару, Мартину Ньюленду, Айману Сафади, Хасану аль-Набуда, доктору Эккарту Верцу, Бобу Коуэну и Фрэнку Кейну.

В Индии меня вдохновили встречи с Таруном Тежпалом, Тистой Сеталвад, Баркхой Датт, Свапаном Дасгуптой, Шобхой Де, Шекхаром Капуром, Чики Саркар, Кальпаной Шарма, Диной Вакиль, М. Я. Акбаром, Т. Н. Нинаном, Уильямом Далримплом, Нарешем Фернандесом, Малой Сингх, Минакши Гангули, Миной Менон, Гаутамом Модии, Адольфом Д’Соуза, Хоземом Мерчантом, Рашми Рошан Лалл, Рамом Редди и Дилипом Черианом. Я благодарен Гаутаму Субраманьяму за помощь с логистикой.

В Италии я признателен Ферруччо де Бортоли, Паоло Флоресу Д’Арке, Эцио Мауро, Серджио Риццо, Герардо Коломбо и Микеле Поло. Алессандро Спесиале оказал большую организационную помощь.

Ряд моих живущих в Лондоне коллег и друзей обеспечили неоценимую помощь, в том числе информационную: Вивьен Ло, Тари Хиббит, Изабель Хилтон, Конор Джиэрти, Пол Мейсон, Чарльз Грант, Джеймс Киндж, Кен Макдональд,

Крис Паттен, Миша Гленни, Кристофер Грэнвилл, Родерик Лайн, Энтони Brenton, Башарат Пир, Салил Трипати, Камила Шамси, Кристофер Дэвидсон, Александра Прингл, Джулия Симпсон, Рози Голдсмит и Мукул Девичанд. В Оксфорде я приношу благодарность Полу Чайсти, Алексу Правда, Эндрю Харрелу, Лоренсу Уайтхеду, Ране Миттер и особенно Грэму Хатчингсу и его коллегам из исследовательского центра “Оксфорд Аналитика”. Я благодарен Ахмаду Абдалла, Филиппу Боббиту, Фариду Закария и Андерсу Ослунду за время, которое они уделили мне, когда мы встречались в Великобритании. Что касается Парижа, я выражаю признательность Валери Натаф, Фредерику Ньелю, Иву Шарпантье и Виолен де Вильмер; Франкфурта — Хью Пиллу.

Несколько поездок в США оказались более плодотворными благодаря помощи Эрика Фонера, Майкла Казина, Фрэнсиса Фукуямы, Джамиля Джаффера, Тома Карозерса, Арча Паддингтона, Кори Робина, Стивена Холмса и Катрины ванден Хувел.

Мне очень повезло иметь друзей и экспертов, которые не только помогали мне в поездках, но и взяли на себя труд прочитать рукопись или ее фрагменты в черновике. Это Джонатан Стил, Джон Арлидж, Ричард Спенсер, Панкадж Мишра, Эндрю Стивен, Бобо Ло, Джо Гланвилл, Джонатан Димблби, Нареш Фернандес, Дэвид Хо, Марко Д’Эрамо, Максвелл Кампфнер, Алан Филпс, Артемий Троицкий, Марк Истон и Джонатан Фенби. Два человека руководили мной в течение всего процесса, поддерживая и вдохновляя во всем: моя сестра, Джудит Кампфнер, и моя жена Люси Эш. Я перед ними в неоплатном долгу.

За выполнение превосходной технической работы и организацию многих поездок я весьма благодарен моему референту д-ру Милли Гетачью. Я восхищен первым опытом работы с моим агентом в Соединенных Штатах Эммой Суини, а также

с Ларой Хаймерт, моим редактором в издательстве “Бейсик букс” в Нью-Йорке. Было приятно снова работать с моим агентом Брюсом Хантером и с превосходной командой “Саймон энд Шустер” в Лондоне: директором-распорядителем Иэном Чапменом, директором по рекламе Ханной Корбетт, моим редактором и директором издательства по научно-популярной литературе Майком Джонсом.

Предметно-именной указатель

- “Абу-Грейб”, тюрьма 14, 320, 354, 359
- Абу-Даби
- Инвестиционный фонд Абу-Даби* 187
 - Колледж гуманитарных наук при Университете ОАЭ* 178
 - мечеть шейха Зайда* 189
 - Национальный музей им. шейха Зайда* 171
 - отель “Эмирейтс палас”* 180, 183
 - Саадият* 171–173
 - Центр культурного наследия и истории им. шейха Зайда* 178
 - Эль-Айн* 178, 193
 - Также см. *Объединенные Арабские Эмираты*
- Авен, Петр 155
- Австралия 28, 47, 183, 237
- авторитаризм 11, 16–17, 20, 23, 25, 26, 50–51, 59, 102, 187, 200, 231, 233, 235, 240, 250, 267, 295, 349, 367, 371
- “авторитарная модернизация” 348
- Агентство по борьбе с особо опасной организованной преступностью (Великобритания) 145
- Адвани, Лал Кришна 215, 232
- азиатский финансовый кризис (1997 г.) 56
- Акбар, Мувашар Явед 216, 383
- “Алиталия”, авиакомпания 239
- “Аль-Джазира”, телеканал 174
- “Аль-Каида” 192, 193, 196, 347, 350

аль-Набуда, Хасан 178, 180, 383
 Альо-Мари, Мишель 253
 Альфано, Анджелино 264
 Американско-израильский комитет по общественным связям,
 неправительственная организация 343
 Американский союз защиты гражданских свобод,
 неправительственная организация 344–345
 Андреотти, Джулио 245
 антиглобалисты 13
 Ао, Кевин 63, 98–101, 382
 апартеид 18, 262
 Ари, Васкар 346
 “Атлантик”, журнал 343
 Аун Сан Су Чжи 41
 Афганистан 131, 134, 192, 330, 335, 339
 “Аэрофлот” 239

Бабицкий, Андрей 124, 133
 Бабурова, Анастасия 152–153
 Баграм, авиабаза 359
 Балканы 321
 Бальбо, Итало 250
 Бангкок 65
 “Барнис”, магазин 187
 Бахрейн 169
 Бейкер, Дональд 178
 Беккер, Борис 180
 Беклен, Николас 95–96, 383
 Беларусь 165
 Белград 140
 Беллинджер, Джон 346
 Бенгам, Иеремия 9, 312
 Березовский, Борис 120, 122, 124–125, 144, 147
 Берлинская стена 10
 Берлускони, Сильвио 22–23, 132, 236–250, 253–265, 267–270
Также см. Италия
 Бернейс, Эдвард 85, 86
 Беслан 127–129, 159

- “Би энд Кью”, компания 117
Би-би-си 84, 90, 306, 332, 334
Билан, Дима 140
Бильбао 171
Бланкетт, Дэвид 288–289
Блэр, Тони 143, 145, 148, 184, 240, 251, 253, 273–275, 277, 281, 288, 292–296,
305, 310, 314, 318, 335, 344, 347
Также см. Великобритания
Боббио, Норберто 250
Болливуд 166, 209, 224, 233
Большая восьмерка 241, 253, 263
Большая двадцатка 76, 316, 362, 372
Бомбей
см. Мумбаи, *также см.* Индия
Бомбейская торгово-промышленная палата 220
Бонд, Кристофер 350
Бортоли, Феруччо де 241–243, 383
Босси, Умберто 246
Браун, Гордон 90–91, 148, 196–197, 253, 274, 288, 293–296, 307, 314, 317–318, 362
Также см. Великобритания
Брентон Энтони, сэр 146–148, 150, 384
Брилев, Сергей 158
Британская Ост-Индская компания 29
“Бритиш петролеум” (Би-Пи), корпорация 149
Брукхаймер, Джерри 333
Бруни-Саркози, Карла 254
Брэди, Анн-Мари 85, 86
Буш, Джордж Г. У. 362
Буш, Джордж У. 13, 14, 24, 110, 131, 151, 159, 160, 173, 188, 190, 196, 296, 240,
319, 320, 322–323, 325, 328, 331, 332, 335, 336, 338, 343, 347, 348, 349, 351, 353,
354, 355, 356, 358, 359, 360, 364, 367, 370
Также см. Соединенные Штаты Америки
Бхаратия джаната парти, политическая партия 202, 206, 214–215, 230, 232, 234

Великобритания

Агентство по борьбе с особо опасной организованной преступностью 145
база данных “Контакт пойнт” 287

- база данных ДНК 286–287, 311, 313
 выведение некоторых категорий дел из юрисдикции суда присяжных 276
 “говорящие” системы охранного телевидения 278–282, 310–311, 313, 315
 данные об уровне преступности 276
 “добыча информации” государственными органами 309
 Департамент по налоговым и таможенным сборам 310
 закон “О государственной тайне” 273, 298
 закон “О коронерах и уголовном судопроизводстве” 308
 закон “О полномочиях следственных органов” 283
 закон “О расовой и религиозной ненависти” 300
 законы о терроризме 275, 278
 и Герт Вилдерс 300–301
 и Гуантанамо 272
 и Европейская конвенция о правах человека 274
 и Олимпиада в Пекине (2008 г.) 92
 и российские олигархи 144–149, 193, 303
 и российские энергетические предприятия 148–149
 и Сингапур 183, 292, 302, 314
 идентификационные карты 282
 Институт исследований финансов 364
 интеллектуальная система наблюдения за пешеходами 282
 искусство, избегающее религиозных и расовых тем 301
 “Исследование проблем власти”, неправительственная организация 290
 как “государство надзора” 275
 как “контролируемая демократия” 370
 “Лондонград” 144, 151, 193
 “Лондонистан” 193
 как центр “клевветнического туризма” 303–304
 Консервативная партия 273–275, 289, 292, 307, 314, 320
 конфиденциальные данные, потерянные чиновниками 310
 легализация гомосексуальных браков 292
 Лейбористская партия 30, 277, 311–314
 лейбористы приходят к власти 273–274, 277
 “Майкродрон” 283
 МИ-5 273, 297
 МИ-6 285
 Министерство внутренних дел 294
 Министерство иностранных дел 150

- Министерство обороны* 282, 284, 310
Министерство юстиции 294, 326
мошенничество при расходовании средств парламентариями 317
мыслепреступление 300
Национальный совет по искусству 301
низкая явка избирателей на выборы 290, 318
органы, получившие разрешение на ведение слежки 309, 313
“Остановите войну”, коалиция 278
Палата лордов 289, 291, 300
Палата представителей 342, 350
передача Гонконга Китаю 102–103
предписания о надзоре 275–276
предписания о пресечении антиобщественного поведения 283
признание китайского суверенитета над Тибетом 89–92
“Программа модернизации перехвата” информации 285–286
саммит Большой двадцатки (2009 г.) 316, 362
самоцензура в СМИ 301
системы охранного телевидения 278–282, 310–311, 313, 315
судебная система 275–276, 299–300
террористические акты в Лондоне 7 июля 2005 года 296, 344
Уполномоченный по вопросам защиты информации 285
Уполномоченный по вопросам перехвата сообщений 283–284, 286
Центр правительственной связи 285
численность жертв террористов 297
Также см. *Блэр, Тони; Браун, Гордон*
Вольфганг, Уолтер 277–278
Великая хартия вольностей 290
Всемирный банк 58, 69, 327
Вильсон, Вудро 362
“Великий китайский файервол” 84
Вестервелле, Гидо 151
“Взятоград” 245, 267
Вэнь Цзябао 83
“Вашингтон пост”, газета 282, 343, 353
“война с терроризмом” 14, 24, 317, 324–326, 337–338, 341
“Война и мир”, телефильм 225
“Войны Блэра”, книга (Кампфнер) 335

- “Вперед, Италия”, политическая партия 246
 Ван Хэпин 74, 382
 Ван Гунъю 52, 382
 Владивосток 163
 Венгрия 197
 Всеобщая декларация прав человека 114, 321
 Вьетнам 48, 131, 339
 Варма, Паван 208
 Вельтрони, Вальтер 260, 268
 Вена 191

 “Газпром” 149, 151, 153, 239
 Галерея славы бейсбола 166
 “Галф ньюс”, газета 185
 Гана 19
 Гангули, Минакши 224, 230, 383
 Ганди, Индира 204, 231–232, 234
 Ганди, Махатма 204, 206, 215
 Ганди, Санджай 233
 Ганди, Соня 214
 “Гардиан”, газета 59–60, 312, 334, 350
 Гери, Фрэнк 171–172
 Германия 90, 138, 151, 239–240, 277–278
 Гибсон, Уильям 58
 глобализация 14, 18, 74, 169, 176, 182, 194, 205, 233–234, 327, 353, 365–366
 Гоббс, Томас 52
 Говорухин, Станислав 119
 “Голдман-Сакс”, банк 176
 Гонконг 16, 64, 66, 93, 102–105, 109, 112, 382
 Гонконгский университет 105
 “Горбатая гора”, кинофильм 56
 Горбачев, Михаил 101, 121, 136, 164, 204
 Гордон, Ури 51
 Городской университет Гонконга 103
 Гримсби 64
 Грин, Грэм 346
 Грин, Дамиан 307
 “Гринпис”, неправительственная организация 13

- Гринспен, Алан 356
Грузия 131, 155, 158, 160, 164–165, 348
“Грядущее восстание”, книга 251
Гуантанамо 14, 273, 339, 346, 354, 358–359
Гугенхайма музей 171
“Гугл” 309
Гуджарат 200–204, 225, 227
Гусев, Виктор 117
Гусинский, Владимир 121–122, 124–125
Гуха, Рамачандра 216
Гуццанти, Сабина 248
- Д**Алема, Массимо 257, 260
Д’Арке, Паоло Флорес 255–257, 383
Д’Оссонвиль, Жан 172–173
Д’Соуза, Адольф 210–211, 383
“Да здравствует Сапатеро!”, фильм (Гуццанти) 248
Дабуб, Хуан Хосе 58–59
Дагестан 129
Далай-лама 84, 90, 92
далиты, каста 214
Дарлинг, Алистер 144, 146
Дарфур 89
Дас, Гурчаран 205
Дасгупта, Свапан 232–233
“Дассо”, корпорация 254
Датт, Баркха 218–219, 383
Де, Шобха 221
“Дейли телеграф”, газета 174
Делей, Том 342
Демократическая партия (Италия) 268, 270
Демократическая партия (Сингапур) 36
Дерипаска, Олег 145
Джанелли, карикатурист 243
Джаффер, Джамиль 344, 384
Джабаль-Али 183, 191
Джеффрис, Алек, сэр 287

- Джеяретнам, Джошуа Бенджамин 37–38
 Джини коэффициент 364
 Джинна, Мухаммед Али 217
 Джиэрти, Конор 302, 313, 383
 “Джозеф Раунтри реформ траст”, неправительственная организация 310–311
 Джоуэлл, Теса 263
 Ди Пьетро, Антонио 268–269
 Дубай 21–22, 166–170, 172, 176, 182–183–193, 195–197, 304, 383
 Также см. Объединенные Арабские Эмираты
 “Дубай портс уорлд”, компания 188
 “Дух демократического капитализма”, книга (Новак) 11
 Дэвидсон, Кристофер 175, 384
 Дэн Сяопин 65, 205
- Е**вропейская конвенция о правах человека 274, 287
 Европейский валютный союз 246
 Европейский парламент 148
 Европейский суд по правам человека 152
 Европейский центральный банк 259
 Египет 177
 Елизавета II 240
 Ельцин, Борис 10, 20, 101, 118, 120, 122–123, 126, 128, 135–136, 139, 142,
 154–155, 163, 204, 239
- Ж**енестар, Алан 254
 “Журналь дю диманш”, газета 254
- З**айд ибн Султан аль-Нахайян 169, 170
 Зимбабве 134, 368
 Зонтаг, Сьюзан 326
- И**брагим, Анвар 49
 “Известия”, газета 127
 “Ивнинг стэндарт”, газета 239
 Израиль 18, 124, 301, 326, 342–343
 “Израильское лобби и внешняя политика США”, книга (Уолт
 и Миршеймер) 343
 Илларионов, Андрей 150

“Индекс / Досье на цензуру”, неправительственная организация 300

“Индепендент”, газета 226

“Индия тудэй”, газета 219

Индия

Бангалор 206, 220, 233

Бихар 217

Годра 201

Гуджарат 200–204, 225, 227

Дели 213, 215, 217–220, 224, 227, 235

Джамму и Кашимир 217

Индийский национальный конгресс 211, 214–215, 224

кампания “Правосудие для Джессики” 224

Колката (Калькутта) 226

“Медианет” 223

Министерство внутренних дел 222

наксалиты (движение) 229

“О национальной безопасности”, закон 229

“О предотвращении террористической и подрывной деятельности”, закон 229

“О специальных полномочиях Вооруженных сил”, закон 229

“Тата груп”, компания 203, 233

Уттар-Прадеш 214

Хайдарабад 206, 220

Центральные силы промышленной безопасности 200

Центральный совет по сертификации фильмов 225

Индонезия 40, 49

Иордания 177

Ирак

“Абу-Грейб”, тюрьма 14, 320, 354, 359

ошибки США во время оккупации 335, 354

и “ось зла” 331

Иракский национальный конгресс, партия 330

свержение Саддама Хусейна 24, 354

и оружие массового поражения 330, 354

и исламский экстремизм 192–193, 217, 300

Иран 191–193, 198, 331

Исландия 197

Испания 124, 261, 277

“Исследование проблем власти”, неправительственная организация 290

“Италия 1”, телеканал 244

Италия

Ассоциация розничных торговцев и владельцев магазинов 262

Ватикан 267–268

“Взяткоград” 245, 267

вилла “Чертоза” 236

“Вперед, Италия”, политическая партия 246

Генуя 13, 263, 327

Демократическая партия 268, 270

Иммиграция 260–261

“Италия ценностей”, политическая партия 268

“Красные бригады” 258

Рим 255, 260

“мусорный кризис” в Неаполе 260

“Народ свободы”, коалиция 269

“Национальный альянс”, политическая партия 269

Северная лига, политическая партия 246, 260–261

СМИ 241, 244, 247, 253–255, 270

Социалистическая партия 244, 252

Фоджа 262

христианские демократы 242, 244–245

чернорубашечники 250

“Чистые руки”, операция 245–246, 257, 268, 271

Также см. *Берлускони, Сильвио*

“Итоги”, телепередача 121

Йемен 134, 177

Кабаева, Алина 237–238

Казин, Майкл 319, 336, 384

Калашников, Михаил 121

Камбоджа 48–49

“Канале 5”, телеканал

капитализм

авторитарный 14, 25, 351

“олигархический” 120–123

взгляд Новака 11

- в новой России* 121, 126
в постмаоистском Китае 65
- Капур, Шекхар 209, 212, 383
Караганов, Сергей 162, 376
Карфанья, Мара 261
“Карфур”, компания 91
Каспаров, Гарри 161
“Каста: как итальянские политики стали неприкасаемыми”,
книга (Риццо) 265
Катар 169, 174, 187, 332
Катрина, ураган 82, 355
Кашмир 217, 223, 229
Кеннеди, сэр Пол 284
Кеннеди, Хелена 290
Кербель, Лев 10
Кинсли, Майкл 328
Киотский протокол об изменении климата 322
Кириенко, Сергей 156
Киселев, Евгений 121
Киссинджер, Генри 184
Китай
 “авторитарная модернизация” 348
 Академия общественных наук 71
 “век унижения” в китайской истории 20
 гражданская война 108
 гольф 53–54, 74
 Дэн Сяопин 65, 205
 “открытых дверей” политика 65
 “четыре модернизации”, программа 65
 “Одна семья — один ребенок”, политика 95
 и Барак Обама 75, 112–113
 и Хиллари Клинтон 360
 и западный подход к гражданским свободам 87, 90
 инвестиции в американскую экономику 79–80, 99
 и Гонконг 102–105, 112
 и Сингапур 73, 86–87, 101, 134
 и Тайвань 70, 107–112

- и Тибет 89–91
- “Свободный Тибет”, движение 94, 112
- исследование “Пью ресерч сентер” 92
- “совещательная демократия” 81
- Народный банк Китая 116
- компания “Блэкстон” 79
- накопленные валютные резервы
- Китайская национальная оффшорная нефтяная корпорация 79
- Китайский совет по перспективным политическим исследованиям 110
- права человека 76, 83, 87, 90–92, 95–96, 100, 104–105, 109, 111
- свобода слова 71, 109
- Тяньаньмэнь 17, 66, 84, 100, 102–105, 115, 204
- “Хартия-08” 114
- Министерство пропаганды 83
- Китайское бюро по делам Интернета 114
- умаодан 85
- цензура в Интернете 84, 91, 102
- цензура в СМИ 71, 83, 89, 96, 113–114
- Коммунистическая партия 68, 71, 77, 80–81, 104, 106, 114, 204, 214, 216
- коррупция 68, 71, 81, 96, 113
- массовые протесты 71, 89, 91, 103, 105, 114–115
- миллиардеры и миллионеры 72
- минимальная заработная плата 70
- “потогонные фабрики” 70
- определение благосостояния при помощи коэффициента Джини 364
- сельское население 70, 99, 101
- система прописки 70
- Народно-освободительная армия Китая 98
- Олимпийские игры 77, 82, 87–95, 100–101, 104, 166, 112–113, 213
- землетрясения 73, 82–83, 100, 104
- “Окно в мир”, тематический парк 65
- особые экономические зоны 64, 66, 87
- Пекин 64, 67, 78, 83, 87–88, 90, 92–94, 97, 108, 112–113, 166, 214, 360, 382
- смертная казнь 95
- Университет Цинхуа 78
- уровень удовлетворенности режимом 92–93
- Гуандун 66–67, 71
- Сычуань 73, 82, 100, 104

Чжуцзян, река 66

Шанхай 21, 64, 68, 78, 102, 182, 208, 363

Шэньчжэнь 63–64, 66–70, 74–75, 102, 382

Школа управления Гуанхуа при Пекинском университете 97

экологические проблемы 76, 372

Кларк, Чарльз 289

климата изменение 322

Климбье, Виктория 288

Клинтон, Билл 109, 184, 321–322

Клинтон, Хиллари 360

Коломбо, Герардо 257

Колтон, Тимоти 163

Колумбийский университет 93

Комитет по защите журналистов, неправительственная организация 84, 134

коммунизм 11, 48–49, 59, 111, 152, 163, 229, 321, 362, 369

Коммунистическая партия Китая 68, 71, 77, 80–81, 104, 106, 114, 204, 214, 216

Конвенция ООН о правах ребенка 322

консюмеризм 26, 80, 96, 195, 315

“Контакт пойнт”, база данных 287

“Коррере де ла сера”, газета 242–243

Корфу 145

Косово 131

Коул, Хуан 342–343

Кох, Эдвард 326

Коэн, Элиот 343

Кракси, Беттино 244–245, 256

“Красные бригады” 258

“красные кхмеры” 49

“Крисчен сайенс монитор”, газета 345

“Крушение Великобритании”, книга (Монен) 315

Крэйг, Грегори 359

“Кто хочет стать миллионером?”, телешоу 141

Куала-Лумпур 65

Куба 84, 131

“Куин Элизабет 2”, корабль 187

Кук, Робин 299, 311

“культурная революция” 98

- Кумари, Майавати 214–215
 Кэмпбелл, Алистер 305–306
 Кэмп-Дэвид 196
 “Кэмпьюнелизм комбэт”, журнал 199
- “Ла Република”, газета 248, 269
 Лабусхагне, Николас 194, 383
 “Лагардер”, корпорация 254
 Лагутенко, Илья 118
 Ладен, Усама ибн 132
 Лай, Джимми 103
 Лакстон, Роуэн 301
 Лалл, Джессика 224
 Лаос 48
 Ларио, Вероника 267
 Лас-Вегас 43, 187
 “Ле Монд”, газета 252, 255
 Ле Пен, Жан-Мари 251
 Лебедев, Александр 239
 Левада, Юрий 156
 “Леман бразерс”, банк 195
 Ленин, Владимир 10
 Лессинг, Дорис 346
 Ли Гуанъяо (Ли Куан Ю) 19, 27, 29, 35, 46, 56–57, 232, 249
 Ли Сяньлун 46–47
 “Либерасьон”, газета 173
 Ливан 191, 198
 Ливия 191, 193
 Лига наций 362
 Лим, Джерри 54–55
 Линкольн-центр 171
 Линч, Джессика 333–335
 Липман, Мария 137
 Липман, Уолтер 86
 Литвиненко, Александр 146–148
 Лондон 28, 89–90, 101, 103, 122, 124, 143, 146, 148, 150, 176, 182–183, 193, 208,
 274, 277, 279–282, 294, 296–297, 304–305, 316, 344, 362, 371, 383, 385
Также см. Великобритания; системы охранного телевидения

- “Лондон ревю оф букс”, газета 343
“Лондонград” 144, 151, 193
“Лондонистан” 193
Лондонская фондовая биржа 150, 187
Лондонская школа бизнеса 304
Лувр 171–172
Лужков, Юрий 123
Лула да Силва, Луис Инасиу 372
Лэй, Кеннет 355
- М**абубани, Кишор 27, 46–47, 49, 52, 382
“Майкродрон” 283
Макдональд, сэр Кен 297, 316, 383
Макиавелли, Никколо 51
Маккар, Ашраф 168–169, 174, 383
маккартизм 341
Макклеллан, Скотт 335
Маклин, Николас 185, 383
Макшейн, Деннис 304
Малайзия 41, 45, 49
Малайская Федерация 30
Мали 12
Мандела, Нельсон 37
Мандельсон, Питер 143, 145, 305
Маннингем-Буллер, Элиза 297
“Манчестер юнайтед”, футбольный клуб 139
“Манчестер-сити”, футбольный клуб 187
Мао Цзэдун 20, 49, 80, 107, 115
Маркелов, Станислав 152–153
Маркес, Габриель Гарсиа 346
Маркс, Карл 10
Мауро, Эцио 236, 248, 250–251, 383
Махфуз, Халид ибн 103
Медведев, Дмитрий 157, 159–160, 164–165
Международная ассоциация юристов 57
Международный валютный фонд 197, 260, 327
Международный музей шпионажа (Вашингтон) 337

- Международный уголовный суд 322
 Мейджор, Джон 274
 Меликова, Наталья 237–238
 “Мемориал”, неправительственная организация 152
 Меркель, Ангела 90, 240
 “Метрополитен-опера” 171
 МИ-5 273, 297
 МИ-6 285
 М. И. А., музыкант
 Милашина, Елена 153
 Милибэнд, Дэвид 92, 148, 272–273, 289
 Также см. Великобритания
 Милиос, Иоаннис 346
 Миллер, Джудит 330–331
 Миллс, Дэвид 263–264
 Милль, Джон Стюарт 9
 Миноуг, Кайли 167
 “Мир в огне: как экспорт рыночной демократии порождает межэтническую вражду и нестабильность в мире”, книга (Чуа, Эми) 352
 мировой финансовый кризис (2008 г.) 18, 22, 35, 46, 69, 99, 115, 138, 162, 175, 185, 269, 306, 315–316, 356, 362, 376
 Миршеймер, Джон 343
 Мишра, Панкадж 207, 212, 233–234, 384
 Моды, Нарендра 202–204, 214, 232
 Молотов, Вячеслав 158
 Молэм, Марджори 311
 Монен, Жак 315
 Моро, Альдо 245
 “Московские новости”, газета 156
 “Московский корреспондент”, газета 238
 Мохаммед, Беньям 273
 Мохаммед ибн Рашид аль-Мактум (“шейх Мо”) 183, 195
 “Мубадала девелопмент компани”, корпорация 169
 Мумбаи 21–22, 82, 182, 200, 207–210, 213, 217–218, 220–222, 229–230
 “Мумий Троль”, музыкальная группа 118
 Мур, Баррингтон 25
 Муссолини, Бенито 243, 250, 262, 267

- Мьянма 18, 40, 42, 48, 206, 368
Мэдофф, Бернард 355
“Мэррил-Линч”, корпорация 187
Мюнтеферинг, Франц 188
- “**Найтлайн**”, телепрограмма 336
Наполитано, Джорджо 268
Народный банк Китая 116
НАТО 130–132, 160, 241
Национальный совет по искусству (Великобритания) 301
Национальный совет по разведке (США) 360
Национальный фонд здоровья почек, неправительственная организация 44
“Независимая газета” 121, 237
Немцов, Борис 163
Неру, Джавахарлал 204–205, 217
Никонов, Вячеслав 158
Никсон, Ричард 108
Новак, Майкл 11
“Новая газета” 135, 142, 153
НТВ, телекомпания 121–122
Нувель, Жан 171
“Нью рипаблик”, журнал 327
“Нью стейтсмен”, газета 226, 278, 283, 298, 306
“Нью-Йорк ревю оф букс”, газета 330
“Нью-Йорк таймс”, газета 325–326, 330–331, 350
“Нью-Йоркер”, журнал 326, 330
Нью-Йоркская биржа 150
Нью-Йоркская публичная библиотека 171
Нью-Йоркский университет 171
Ньюленд, Мартин 174, 176, 383
Ньютон, Исаак 202
“Нэйшен”, журнал 174, 176–177, 330
Нэтан, Эндрю 87
- “**О** расовой и религиозной ненависти”, закон (Великобритания) 300
О’Нил, Брендан 272, 278–280
Обама, Барак 24, 75, 112, 113, 240, 351, 353, 357–360
“Общественное мнение”, книга (Липман, Уолтер) 86

Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)

алкоголь 188

бордели 194

нелегальные трудовые мигранты 186

строительные рабочие 185, 186, 189

Постоянный комитет по труду и иммиграции 185

образование 177, 178, 194

общенациональные выборы 173

и отмывание денег 193

и переговоры по Ближнему Востоку 191

и свобода СМИ 191

Национальный совет по делам СМИ 175

Федеральный национальный совет 173

Также см. *Абу-Даби; Дубай*

“Одна нация под Ли”, фильм 41

Олимпийские игры

в Пекине (2008 г.) 123

в Сочи (2014 г.) 158

“Окончательное решение”, документальный фильм (Шарма) 225

Оман 178, 179

Оманд, Дэвид 309, 310

Организация освобождения Палестины 346

Оруэлл, Джордж 38, 272, 279, 283

Осборн, Джордж 145

Островский, Аркадий 155

“ось зла” 331

Павлов, Валентин 121

Павловский, Глеб 152

Пакистан 169, 191–193, 216, 217, 219, 221, 229, 232

Паллави, Айяр 214

“Пари-Матч”, журнал 254

Партия народного действия (Сингапур) 30, 36, 47, 53

Паскилл, Дерек 298, 299, 307

Паттен, Крис 16, 103, 369, 384

Пауэлл, Колин 344

Пекорелли, Мино 245

Петтис, Майкл 97, 98

- “Пи энд Оу”, компания 188
Пиночет, Аугусто 108, 155
Питт, Жан-Робер 171
Политковская, Анна 133–135
Полсон, Генри 196
Польша 131
Портофино 63
Португалия 12, 43
Потанин, Владимир 123
“Правда и ложь о войне”, телефильм 332
Прибалтика 130
Примаков, Евгений 123
Принстонский проект, неправительственная организация 368
Проди, Романо 151, 259, 260
Пуавр Д’Арвор, Патрик 253
Путин, Владимир 21, 22, 119, 123–126, 128–139, 141, 142, 146, 150, 151–165, 204, 233, 236–239, 249, 255, 261, 270, 323
Путина, Людмила 237
“Путинская Россия”, книга (Шевцова) 156
“Пью глобал эттитьюдс”, проект 351, 352
“Пью ресерч сентер”, неправительственная организация 92
Пэй Миньсин 77
“Пэтриот”, ракеты 191
- Р**адио Свобода” 124, 133
Раффлз, Стэмфорд 29
“Раи Тре”, телеканал 247
Рамадан, Тарик 344, 345
Рао, Нарасимха 204, 205
Рамсфелд, Дональд 320
Рейган, Рональд 365
“Репортеры без границ”, неправительственная организация 133
“Ретекваттро”, телеканал 244
Райс, Кондолиза 343
Риццо, Серджио 264–267, 270, 283
Робин, Кори 340, 341, 384
Римская империя 159

Румыния 261

Рузвельт, Франклин Д. 9, 250, 341

Рой, Арундати 207

Россия

стареющее население 154

“авторитарная модернизация” 348

Беслан 127–129, 159

Съезд народных депутатов СССР 135

цензура 121

Государственная дума 135

и конкурс “Евровидение” 140, 142

путч (1991 г.) 20, 118, 121, 136

ФСБ 144, 147

и гомосексуализм 148

КГБ 123, 136, 146, 239

Кремль 125–127, 131, 134, 137, 140, 142, 145–147, 149–156, 159, 161–163, 365

и убийство Александра Литвиненко 147, 148

мафия 145, 233

“Наши”, движение 147

Новая Земля 121

олигархи 10, 120, 122, 123, 125, 126, 144, 145, 148, 149, 158, 162, 193, 303

пропаганда 145

инвестиционные “пирамиды” 120

Сочи 158

партия “Единая Россия” 237

Валдайский клуб 163, 383

“бархатная реприватизация” 126

Владивосток 163

и западный бизнес 17

и западная политика двойных стандартов 143

“Яблоко”, политическая партия 154

отъезд посла Энтони Брентона 150

Первый канал (ОРТ) 120, 141

Второй канал 128, 140

демонстративное потребление 118

“десятилетие хаоса” 119

энергетические ресурсы 126, 148

ДЖОН КАМПФНЕР СВОБОДА НА ПРОДАЖУ

экономический рост 16, 17

регулирование интернета 153

и расширение НАТО 130, 131, 160

оценка свободы СМИ “Репортерами без границ” 133–134

Также см. *Чечня; Советский Союз (СССР)*

Руанда 321

Российская экономическая школа 165

Саакашвили, Михаил 131

Саддам, Хусейн 24, 330, 354

Саммерс, Лоренс 47

самоцензура 39, 51, 103, 142, 226, 301, 328, 336, 367

Сангхви, Вир 231

Сапатеро, Хосе Луис Родригес 248, 261

Саркози, Николя 92, 251–255

Саркози, Сесиль 254

Саудовская Аравия 189, 303, 331

Сафади, Айман 166, 176, 177, 383

“Сахалин-2”, бизнес-проект 149

“Свободный Тибет”, движение 94

Се Тайбао 37

Северная Ирландия 273, 297

Северная Корея 18, 193, 331

“Северный поток”, бизнес-проект 151

“Сегодня”, газета 121, 122

“Секс в большом городе”, телесериал 55

Сен, Амартия 50

Сербия 140

Сеталвад, Тиста 199–203, 227, 383

Си Шуньюань 37

Синапан Самидорай 43

Сингапур

история основания города 29, 30

японское вторжение 29, 30

конец британского правления 29, 30

нарушения прав человека 39

смертная казнь 38

телесные наказания 38, 39

- азартные игры 34
 гомосексуализм 56
 иски о диффамации 37
 “уголок ораторов” 39
 Фонд развития аудитории 54
 Управление по развитию медиа 41, 55
 “Сингапур пресс холдингс” 35
 “Медиакорт” 35
 закон “О нежелательных публикациях” 38
 закон “Об общественных зрелищах и митингах” 38
 закон “О внутренней безопасности” 38
 Дабуб, предупреждение 59
 достижения этнической однородности, цель 31, 33
 здравоохранение 32
 Совет по жилищному строительству и развитию 33
 Национальный фонд здоровья почек 44
 ВНП на душу населения 28
 “Темасек”, инвестиционный фонд 59
 Джи-ай-си, инвестиционный фонд 59
 синдром “Разворота нет” 54
 Партия народного действия 36
 Рабочая партия 37, 38, 41
 Социал-демократическая партия 41
 “Тинк сентер”, неправительственная организация 43
 “Ласаль”, колледж искусств 54
 Потонг-Пасир 36
 Тоа-Пайох 34, 36, 56
 Сентоса, остров 38, 43
 Чанги, аэропорт 28, 61
 Чанги, военно-морская база 40
 Марина-Бэй 43
 заработная плата чиновников 44, 45
 “семейственность” 46
 Сингх, Манмохан 204, 211
 Сирия 177
 системы охранного телевидения 278–282, 310, 311, 313, 315
 “Ситигруп”, корпорация 187
 “Славная революция” 290

- Смит, Джеки 294
- Совет по правам человека ООН 164, 303
- Советский Союз (СССР) 9, 10, 12, 48, 118–120, 130, 135, 141, 152, 158–160, 244
- “Современная свобода”, конференция 308, 311, 313
- Соединенные Штаты Америки (США)
- Американский союз защиты гражданских свобод, неправительственная организация* 344
 - “Американцы за победу над терроризмом”, неправительственная организация* 326
 - письма со спорами сибирской язвы* 323
 - миллиардеры* 363
 - Кэмп-Дэвид* 196
 - коллапс жилищного строительства* 195
 - отказ от критики Израиля* 326, 342, 343
 - Министерство обороны* 191, 332, 335
 - Министерство внутренней безопасности* 345
 - Министерство юстиции* 326
 - “Довер-тест”* 336
 - незаконные вражеские комбатанты* 338
 - ФБР* 145, 325
 - Палата представителей Конгресса* 342, 350
 - Первая поправка к Конституции* 303, 341
 - закон “О свободе информации”* 274, 345
 - Фукуяма о свободе* 11, 348
 - Международный музей шпионажа* 337
 - Джамму и Кашмир* 217
 - крушение самолета “Америкэн эрлайнс” (2001 г.)* 323
 - законы о защите от иностранных исков о клевете* 303
 - Линкольн-центр* 171
 - история солдата Джессики Линч* 333–335
 - маккартизм* 341
 - “Метрополитен-опера”* 171
 - Национальный антитеррористический центр* 217
 - Национальный совет по разведке* 360
 - Фонд защиты права нации на труд, неправительственная организация* 342
 - Концепция национальной безопасности (2002 г.)* 331

- Неоконсерваторы 110, 131, 320, 321, 330, 339, 353, 369
 манифестации в Сиэтле 13, 327
 “Новый курс” Рузвельта 341
 Нью-Йоркская публичная библиотека 171
 Нью-Йоркский университет 171
 и компания “Пи энд Оу” 188
 теракты 11 сентября 2001 года 14, 24, 130, 158, 160, 192, 193, 225, 275, 283, 288,
 289, 296, 319, 323, 326–331, 337, 338, 344, 345, 351, 356, 357
 “Патриотический акт” 324, 337, 345, 346
 и нелегальные иммигранты 289, 329
 самоцензура в СМИ после 11 сентября 2001 года 328, 336
 Центральное командование Вооруженных сил 332
 Принстонский проект, неправительственная организация 368
 Государственный департамент 39, 343–345
 военные и политические интересы Америки в ОАЭ 173, 192
 “война с терроризмом” 24, 324, 341
 “Вашингтонский консенсус” 25, 162, 327, 352
 Также см. Буш, Джордж У.; Гуантанамо; Ирак; 11 сентября 2001 года,
 террористические акты; Обама, Барак; экстрадиция
 “Солидарность”, движение (Польша) 104, 163
 “Солидарность”, движение (Россия) 163
 Сомали 322
 Сомоса, Анастасио 108
 “Сообщество демократий” 12
 Сорбонна 171
 Сорокина, Светлана 121, 141
 Сорос, Джордж 150
 Сочи 158
 Союз журналистов России 134
 Спилберг, Стивен 89
 средства массовой информации 223, 231, 304–306, 308, 316, 320, 323, 326,
 334, 336, 342, 343, 350, 359, 360, 367
 Сталин, Иосиф 10, 152
 Стармер, Кейр 307
 Старовойтова, Галина 135
 Стелла, Джанантонио 265
 Стоун, Шэрон 83
 “Стрейтс таймс”, газета 42, 44, 60

Стро, Джек 278, 299
“Стэндрат чартеред бэнк” 187
“суверенная демократия” 147, 369
суверенные фонды национального благосостояния 79, 169
Судан 89
Сурков, Владислав 147
Сухарто, генерал 49
Сычуаньское землетрясение (2008 г.) 73, 82, 83, 100, 104

Таиланд 49

Тайбэй

Национальный мемориал демократии 108

Тайбэй-101 184

Тайвань

многопартийная система 107, 111

Демократическая прогрессивная партия 101, 107–110

Гоминьдан 107

и “теннисная дипломатия” 108

чартерные рейсы в Китай 112

уровень удовлетворенности режимом 93, 111

“Таймс нау”, телеканал 219

“Таймс оф Индия”, газета 206, 209, 219, 223

“Таймс”, газета 316

Тамим, Дахи Хальфан 179

Тан Шве 41

“Тата груп”, компания 203, 233

Теджпал, Тарун 199, 226, 227

Тельес, Дора Мария 346

Тео, Майкл 60

“Теско”, компания 68

“Техелка”, журнал и веб-сайт 226

Тибет 89–93, 206

“Тигры освобождения Тамил-Илама” 346

“Тинк сентер”, неправительственная организация 43

ТНК-ВР, корпорация 149

Тойнби, Полли 312

Томас, Ричард 285, 286

Томпсон, Марк 306
 “Три-ком”, компания 79
 Троицкий, Артемий 118, 140–142, 383, 384
 Трюдо, Пьер 346
 ТФ-1, телеканал 353
 Тэтчелл, Питер 148
 Тэтчер, Маргарет 11, 274, 277, 293, 298, 313, 365
 Тяньаньмэнь, площадь 84, 100, 102–105, 115, 204

Уилкерсон, Ларри 344
 Уитмен, Брайан 334
 Украина 131, 348, 160, 197
 “Уол-март”, компания 68, 70
 “Уолл-стрит джорнал”, газета 43, 80
 Уолт, Стивен 343
 “Уорнер бразерс”, компания 187
 Уттар-Прадеш 214
 Уэльс 274, 287, 299, 307

Файнэншл таймс”, газета 43
 Фалуньгун, движение 94, 103, 104, 111
 “Фамилия кристиана”, журнал 267
 “Фар-Истерн экономик ревью”, журнал 43
 Федеральная служба безопасности (Россия) 144, 147
 “Фейсбук”, веб-сайт 83, 220
 Фейт, Дуглас 339
 Филиппины 48, 93
 “Финансирование зла”, книга (Эренфельд) 303
 Фини, Жанфранко 243, 246, 269
 “Фининвест”, корпорация 244, 246
 “Фитна”, документальный фильм (Вилдерс) 301
 Флейшер, Ари 328
 “Фокс ньюс”, телеканал 219
 Фонер, Эрик 337, 384
 Форбс, Стив 364
 “Форбс”, журнал 203, 363
 “Форин эффэйрс”, журнал 205
 “Форчун”, журнал 203

Фостер, Норман 171

Франклин, Бенджамин 9

Франция

и Олимпиада в Пекине (2008 г.) 91, 92

“контролируемая демократия” 370

и “экспорт культуры” 171

база данных EDVIGE 252

ТФ-1, телеканал 253

и беспилотные самолеты 253

Тарнак 251

Также см. *Саркози, Николя*

Фридман, Милтон 80

“Фридом хаус”, неправительственная организация 357, 368

Фукуяма, Фрэнсис 11, 348, 384

Хабиб, Адам 345

Хадид, Заха 171

Хайдер, Йорг 251

Халифа ибн Зайд аль-Нахайян 170, 173, 175, 179, 187–189, 195, 196

ХАМАС, движение 345

Хан, Абдулкадир 193

“Хартия-08”, манифест 114

“Хартия-77”, манифест 114

“Хедлайнс ньюс”, телеканал 219

“Хинду”, газета 214

хиндутва 207

Ходорковский, Михаил 125, 126, 150

“Холлибертон”, компания 355

холодная война 92, 96, 109, 130, 158, 191, 244, 340, 341, 362

Хомски, Ноам 86, 326

Ху Чэнгэнь 98–101, 382

“Хужунь”, неправительственная организация, журнал 72, 73

“Хьюман райтс уотч”, неправительственная организация 95, 185, 224

Центр культурного наследия и истории им. шейха Зайда (ОАЭ) 178

Центр правительственной связи (Великобритания) 285

Церковь саентологии 277

“Цзефанцзюнь бао”, газета 98

Цзян Цзэминь 73
 Цуй Ланьцзыэль 64, 382

Чалаби, Ахмед 330
 Чан Кайши 107–109
 Чанги, аэропорт 28, 61
 Чанги, военно-морская база (Сингапур) 40
 Чейни, Дик 320, 347
 Чейни, Линн 326
 “Челси”, футбольный клуб 21, 139
 Чехословакия 114, 155
 Чечня 123, 124, 127–130, 132, 237
 Чешская Республика 12, 131
 Чжань Шичжун 36
 Чжоу Сяочуань 116
 Чили 12, 108
 Чинават, Таксин 249
 “Чистые руки”, операция 245, 246, 257, 268, 271
 “чрезвычайная выдача” 14, 275, 300, 339
 Чуа Бэнхуа 27, 52, 53, 320, 382
 Чуа, Эми 352
 Чэн, Джозеф 103–106, 383
 Чэнь Шуйбянь 107

Шакиров, Раф 127
 Шанхай 21, 64, 68, 102, 182, 208, 363
 Шарма, Кальпана 221, 383
 Шарма, Ману 224
 Шарма, Ракеш 225
 Швейцария 27, 191, 344
 Шеварднадзе, Эдуард 131
 Шевцова, Лилия 117, 155–157, 383
 “Шелл”, корпорация 149
 Шинн Фейн, политическая партия 273
 Школа государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди
 при Гарвардском университете 343
 Школа публичной политики им. Ли Гуанъяо при Национальном
 университете Сингапура 27

Шлейнов, Роман 134, 136
Шотландия 274, 284
Шпенглер, Освальд 25
Шредер, Герхард 90, 151
Шэ Чанне 42

Щекочихин, Юрий 135, 136

Эванс, Дональд 151

Эгана, Иньяки 346

“Эй-би-си ньюс”, телеканал 336

экстрадиция 14, 125, 275, 300, 339, 357

Эль-Айн 178, 193

“Эмнести интернэйшенал”, организация 38, 88

Эм-эс-эн, интернет-портал 89

Энгбарт, Деннис 109, 110, 383

Энгларио, Элуана 268

Эн-ди-ти-ви, телеканал 218, 219, 221, 224

“Эни”, компания 239

“Энрон”, корпорация 355

“Эпл дейли”, газета 103

Эренфельд, Рэйчел 303

Эрнст, Константин 141

“Эхо Москвы”, радиостанция 153

Эшкрофт, Джон 325, 328

Южная Африка 166, 194, 207, 262, 362

Южная Корея 12, 93

Южная Осетия 158

ЮКОС, компания 125, 149, 152

ЮНИСЕФ 207

“Ю-Тьюб”, интернет-портал 41

Ющенко, Виктор 131

Явлинский, Григорий 154, 155

Ян, Эндрю 110, 383

Янукович, Виктор 131

Япония 79, 93, 108, 138

EDVIGE, база данных 252

Politikverdrossenheit (разочарование в политике) 13

Realpolitik (реальная политика) 39, 200, 331

7 июля 2005 года, террористические акты 296, 344

11 сентября 2001 года, террористические акты 14, 24, 130, 158, 160, 193, 225,
275, 283, 288, 296, 319, 323, 326–330, 337, 338, 344, 351, 356, 357

“1984”, роман (Оруэлл) 283

CORPUS 180

ДЖОН КАМПФНЕР

СВОБОДА НА ПРОДАЖУ

КАК МЫ РАЗБОГАТЕЛИ —

И ЛИШИЛИСЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

Главный редактор ВАРВАРА ГОРНОСТАЕВА

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

Ведущий редактор ИЛЬЯ КРИГЕР

Ответственный за выпуск МАРИЯ КОСОВА

Технический редактор ТАТЬЯНА ТИМОШИНА

Корректор ИННА БЕЗРУКОВА

Верстка ВАЛЕРИЙ ХАРЛАМОВ

ООО “Издательство Астрель”

обладатель товарного знака “Издательство Corpus”

129085, г. Москва, пр-д Ольминского, 3а

Подписано в печать 27.07.2012. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Гарнитура “OriginalGaramondC”

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в в ЗАО “ИПК Парето-Принт”, г. Тверь, www.pareto-print.ru

Издание осуществляется при техническом содействии

ООО “Издательство Астрель”

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Тел.: (495) 615-01-01, 232-17-16